Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Кабардино-Балкарский государственный университет
им. Х.М. Бербекова

На правах рукописи

КАНОКОВА ФАТИМА ЮРЬЕВНА

ИСКУССТВО НОГАЙЦЕВ: ЭВОЛЮЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННО-ОБРАЗНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ

Специальность 17.00.04 – Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура

Научный консультант:
профессор, доктор искусствоведения
Б.Х. Мальбахов

Диссертация на соискание ученой степени
доктора искусствоведения

Москва – 2018
(Том 1)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение……4

Глава I. Основные предпосылки становления и развития традиционного искусства ногайцев……24

1.1. История и этногенез……..……24

1.2. Хозяйственно-бытовой уклад жизни этноса……..……36

1.3. Мифо-религиозные представления и обрядовая практика……...……49

Глава II. Традиционная архитектура ногайцев…….…..66

2.1.Формирование и развитие традиционных типов поселений ногайцев (кочевые, полуоседлые, оседлые)……..…….…66

2.2. Художественно-конструктивные особенности и композиционная система оформления внешнего и внутреннего убранства ногайской юрты сборно-разборного типа «терме»……..……..76

2.3. Художественно-конструктивные особенности и композиционная система оформления внешнего и внутреннего убранства ногайской юрты неразборного переносного типа «отав»…….……94

Глава III. Комплексы традиционного костюма ногайцев……112

3.1. Предпосылки формирования и развития компонентов мужского, женского и детского комплексов традиционного костюма ногайцев……...112

3.2. Комплекс традиционного мужского костюма ногайцев…….……119

3.3. Комплекс традиционного женского костюма ногайцев……..……152

3.4. Комплекс традиционного детского костюма ногайцев……..……..190

Глава IV. Традиционный ногайский орнамент…….……..199

4.1. Сакрально-культовые основы формирования ногайского орнамента……...…….199

4.2. Орнаментальное оформление изделий из твердых материалов……..205

4.3.Орнаментальное оформление изделий из мягких материалов……243

Глава V. Современное искусство ногайцев…….……271

5.1. Развитие современного искусства ногайцев в контексте многонациональных республик Северного Кавказа……..…271
5.2. Состояние художественных промыслов, декоративно-прикладного и народного искусства ногайцев…….……...…...286
5.3. Современное изобразительное искусство ногайцев…….……...……297
Заключение……...…….310
Список литературы……..320
Принятые сокращения……348

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. В современном мире обращение исследователей к изучению национальных культур и осмысление значения традиционного искусства народа в его исторической эволюции, является одним из условий сохранения памятников духовной и материальной культуры, выявления их генезиса и дальнейшего развития.

На сегодняшний день, недостаточной изученностью характеризуется традиционное искусство ногайцев [1], являющихся одним из звеньев в неразрывной цепи, которую составляют этносы, живущие на обширных территориях Поволжья, Крыма и Северного Кавказа.

К необходимости заполнения образовавшегося пробела приводит дисперсное проживание этноса, деление на этнографические группы, скудность фактического материала в фондах музеев, отсутствие искусствоведческих изданий и публикаций по теме исследования.

На протяжении многовековой истории ногайцы создавали самобытное искусство, выраженное в преимущественном развитии определенных видов ремесел и стилистическом характере народных памятников. Кочевой образ жизни этноса способствовал тому, что изделия народных мастеров были легкими и портативными, а их художественность и завершенность определялись, в первую очередь, благородством и цельностью форм, архаичным декором и красотой природного материала.

Изучение содержания искусства ногайцев становится особенно

[1] Ногайцы – самоназвание *«ногай»* - тюркоязычный народ России. Численность 103,7 тыс. человек (перепись 2010г.). Сформировались из древнетюркских, куманских, кипчакских и монгольских племен, составивших население Ногайской Орды. Говорят на ногайском языке тюркской группы алтайской семьи. Верующие ногайцы – мусульмане-сунниты. Традиционная культура типична для народов Северного Кавказа с рядом черт, характерных для народов приуральских и казахских степей. Традиционные занятия – кочевое (ныне отгонное) скотоводство и земледелие. Сегодня, ногайцы проживают на Северном Кавказе в Республике Дагестан (Ногайский, Тарумовский, Кизлярский и Бабаюртовский районы), Карачаево-Черкессии (Ногайский район), Чечне (север Шелковского района)), Ставропольском крае (Нефтекумский район), в Крыму (степной район), Поволжье (Астраханская область), в Турции и Румынии.

актуальным и при прогнозировании последующего формирования его национальных аспектов в условиях современной России, поскольку оно играет свою особую роль в межкультурном взаимодействии. В первую очередь, это связано с метаморфозами в общественном развитии и бурным ростом этнического самосознания народов бывшего СССР, их тяготением к выявлению самобытных ценностей и созданию условий для дальнейшего естественного и многогранного развития в новейшей действительности XXI века.

Еще одним аргументом, побудившим диссертанта обратиться к данной теме, стал объективный процесс поиска локальных особенностей автохтонных национальных культур, имеющий место в современном искусстве Северного Кавказа, Крыма и Поволжья.

Профессиональные художники и народные мастера вынуждены, буквально по крупицам, комплектовать материалы по художественной и материальной культуре ногайцев из научных публикаций археологов, этнографов и историков.

Не менее существенной представляется проблема выявления и установления логических и исторических ассоциаций между разновременными формациями национального искусства. Амплуа художественной традиции, осмысливаемой как единство эстетических концепций, уже осуществленных и тех, которые еще предстоит реализовать – в формировании и функционировании уже возникшего современного профессионального искусства.

Объект исследования – традиционное искусство ногайцев, особенности его развития на различных этапах и факторы интеграции в современное искусство.

Предмет исследования – различные виды традиционного искусства ногайцев, их содержательность и стилистика, связи с фольклором, обрядами, обычаями и религиозными представлениями.

Практика использования традиций искусства ногайцев в создании современных объектов изобразительного и декоративно-прикладного искусства.

Хронологические рамки исследования – период образования Ногайской Орды (XIV-XVII вв.), когда произошло окончательное формирование ногайцев и до настоящего времени.

Территориальные рамки исследования обозначены историческими территориями кочевания и регионами современного проживания ногайцев в Российской Федерации – Северный Кавказ (Республика Дагестан (Ногайский, Тарумовский, Кизлярский и Бабаюртовский районы), Карачаево-Черкессия (Ногайский район), Чечня (север Шелковского района)), Ставропольский край (Нефтекумский район), Крым (Степной район) и Поволжье (Астраханская область).

Целью исследования является всестороннее изучение и выявление единой специфики традиционного искусства ногайцев, путей его развития и функционирования системных компонентов на современном этапе.

Для успешной реализации поставленной цели необходимо решить следующие **задачи:**

-выявить обусловленность становления и развития художественно-образной системы искусства ногайцев в зависимости от природно-климатических и культурно-исторических условий, сформировавших определенный уклад жизни, мировоззрение, этические и эстетические доминанты;

-исследовать мифологические, религиозные представления и обрядовую практику ногайцев как основу смысловой сакрализации предметного мира;

-воссоздать структурную организацию пространства для последующего объединения отдельных компонентов в обособленные художественные комплексы (архитектурные, костюмные). Выявить знаково-смысловую

структуру комплексов как сакрального элемента предметно-пространственной среды ногайцев;

-исследовать художественные особенности произведений декоративно-прикладного искусства, рассмотреть выразительные средства в синтезе технологических и образных решений формы и стилевое единство в организационном соподчинении структуре комплекса;

-определить главные пути становления и развития основных видов и типов орнаментальных композиций в изделиях декоративно-прикладного искусства ногайцев;

-проследить основные механизмы и принципы трансформации устойчивых орнаментальных архетипов в художественной культуре ногайцев на современном этапе;

-выявить локальные отличия в компонентах художественных комплексов отдельных групп, выделить общие черты и самобытный стиль, характерный для традиционного искусства этноса в целом;

-рассмотреть искусство ногайцев и провести анализ его развития в аспекте проблемы «традиции и современность»;

-исследовать характер творческих поисков профессиональных художников и народных мастеров в композиционных структурных особенностях их произведений. Рассмотреть «феномен этничности» – признаки традиционного мышления – в развитии современного изобразительного и декоративно-прикладного искусства ногайцев, определить пути дальнейшего развития.

Источниковедческую базу настоящего исследования составили письменные, изобразительные и вещественные источники, дополненные материалами полевой этнографии, народными преданиями и фольклором. Привлечены и использованы каталоги периодических республиканских выставок. Проанализированы произведения скульпторов, живописцев,

графиков, народных мастеров, обращающихся в своем творчестве к культурному наследию ногайцев [Схема1 Приложения 1].

Изобразительные источники представлены рисунками и гравюрами Х. Гейслера, А. Олеария, Я. Потоцкого, Б. Огюста, Ж.-В. Адама, Г. Боплана, Д. Шлаттера, Х. Лекомте, братьев Г. и С. Эмблетон, Ф. Бертуха, А. Орловского, Г. Гагарина, Е. Корнеева, В. Тимма, Т. Горшельта, А. Шамшинова, Е. Лансерье, Н. Лакова, М. Тильке, В. Верещагина и др. – они помогают воссоздать общий облик ногайцев, хозяйственно-бытовой уклад их жизни. К сожалению, каждый автор передавал изображаемую действительность сквозь призму личного восприятия, добавляя в произведения большую или меньшую долю фантазии, что нельзя сказать о фотоснимках, достоверно фиксирующих реалии жизни. К таким снимкам относятся фото Ф. Ордэна, Д. Никитина, Д.Е. Ермакова и т.д., фотографии из личных архивов В. Уразакаева, К. Бальгишиева, Ю. Карасова, Р. Джуманова [Таблица 1 Приложения 2], [Рисунок 1-10 Приложения 3].

Вещественные источники представлены музейными коллекциями, а также изделиями, бережно хранящимся в семьях ногайцев. В исследовании использованы частные коллекции Р. Джуманова, А. Акбердиевой, С. Ярлыкаповой, Ю. Карасова, Ф. Каноковой, А. Койлакаевой, М. Керейтовой, А. Баисовой, М. Курганова, а также богатый материал, добытый диссертантом в процессе полевых изысканий (2007-2018 гг.) в ногайских аулах, расположенных в Ставропольском крае, Карачаево-Черкесии, Дагестане, Чечне и Астраханской области [Таблица 2 Приложения 2]. Параллельно, удалось собрать и восстановить фамилии и имена мастеров, секреты традиционного ремесла [Приложение 4]. Через старожилов восстановлены забытые названия многих вещей и явлений [Приложение 5]. Значительную роль при составлении фонда орнаментального искусства сыграли альбомы Ю. Карасова и С. Батырова.

Вопрос историографии и степень изученности проблемы. Истории и этнографии ногайцев посвящен значительный круг работ, при этом, вопросы,

касающиеся традиционного искусства, носят эпизодичные сведения, а исследуемая проблематика освещена в них весьма неравномерно [Таблица 3 Приложения 2]. На данный пробел указывает и доктор исторических наук, профессор, ногаевед Р.Х. Керейтов, в монографическом исследовании «Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры», при анализе источниковой базы он отмечает: «…используемые источники донесли до нас многие названия племен и родов у ногайцев, помогли составить характеристику хозяйственного уклада, общественных и семейных отношений. Если по материальной культуре и быту имеются достаточно богатые сведения, то по прикладному искусству народа они скудны…» [2].

Ранние сведения о жизни ногайцев встречаются у русских, западноевропейских и восточных авторов XIV-XVIII вв. Среди первых работ, относящихся к периоду XIV-XV вв., следует отметить записки немецкого дворянина И. Шильтбергера, который оставил немало сведений о народах и событиях на Северном Кавказе, Закавказье, Крыму, Астрахани и Сибири, в том числе и о ногайцах. Определенный интерес при изучении конструктивных особенностей повозок и юрт, качестве войлочных покрытий, представляют сведения венецианского дворянина и дипломата И. Барбаро, оставленные им во время поездок по местам расселения ногайцев.

В XVI в. сведения о ногайцах появились в работах М. Меховского, П. Иовия, С. Герберштейна. Английский мореплаватель А. Дженкинсон, путешествуя из Средней Азии в Персию, через Астрахань вдоль Кавказского побережья Каспия оставил описание религиозных предпочтений, семейного уклада, жилища, пищи и хозяйственной деятельности ногайцев.

В XVII в. неоценимые сведения о красоте войлочных покрытий ногайских кибиток, бытовых предметов и украшений оставили посол С. Какаш

[2]Керейтов, Р.Х. Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры: монография / Р.Х. Керейтов; науч. ред. Ю.Ю.Клычников; Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований. – Ставрополь: Сервисшкола, 2009. С.22.

и его секретарь Г. Тектандер, позже – католический монах Доминиканского ордена Э. Де Асколи, Д. Лукка, турецкий путешественник Э. Челеби.

Немецкий ученый А. Олеарий, помимо ценных записей, оставил великолепные гравюры, а известный французский инженер и географ Г. Боплан при описании крымских ногайцев зафиксировал устройство юрты и арбы не только в гравюрах, но и составил ценные чертежи.

В XVIII в. рисунками и гравюрами сопроводили записи о своих путешествиях ученый-натуралист С.Г. Гмелин и голландский писатель, этнограф и художник К. Бруин. В 1793-1794 гг. немецкий рисовальщик-гравер К. Гейслер, участвуя в экспедиции Палласа на Юг России, оставил бесценный иллюстративный материал [Рисунок 11,12 Приложения 3]. О развитии ряда ремесел, одежде, торговле, обычаях, религиозных предпочтениях и обрядах ногайцев писали К. Пейсонель, И. Георги, И. Гильденштедт, Я. Потоцкий.

В XIX в. значительный вклад в изучение истории, быта, промыслов, хозяйственно-экономической деятельности ногайцев внесли такие ученые как А.П. Павлов, А.П. Архипов, П.И. Небольсин, Г.И. Перетяткович, А.О. Рудановский, Г.В. Бентковский. Первым этнографом, разносторонне описавшим хозяйство, торговлю и ремесла караногайцев был А.П. Павлов.

В начале XIX в. академик исторической живописи Е.М. Корнеев, совершив путешествие по России, выполнил ряд зарисовок, среди которых была работа «Князь ногайских татар». Князь изображен на фоне войлочной юрты и повозки. Рисунки Корнеева, впоследствии, были изданы в виде гравюр в двухтомном альбоме «Les peuples de la Russie» [Рисунок 13 Приложения 3].

Сочинение Д. Шлаттера «Bruchstucke aus einigen Reisen nach dem Sudlichen Russland in den Jahren 1882 bis 1828» наполнено данными непосредственного наблюдения жизни ногайцев Северного Причерноморья и цветными иллюстрациями, что делает его особо ценным.

В середине XIX в. крупным исследователем ногайского народа

выступил А.П. Архипов. Им было опубликовано несколько статей, главным образом, этнографического характера. Особую ценность представляют сведения, сообщаемые автором о скотоводстве и ремеслах ногайцев.

Значительный вклад в изучение истории и быта ногайцев в 60-х годах XIX в. внес А.О. Рудановский, долгое время работавший приставом Караногай-едишкульского народа. Его работа «О Караногайской степи и кочующих на ней племенах» написана на основании собственных наблюдений и представляет большую ценность. Рудановский, подробно и обстоятельно говорит о наиболее интересных сторонах жизни караногайцев, их образе жизни и занятиях: скотоводстве, торговле, домашних промыслах, охоте. В томе «Народы России» опубликована статья «Ногайцы», где кратко изложены данные о хозяйстве кочующих ногайцев середины XIX в.

Неоценимый вклад в сбор и публикацию материалов о народах Северного Кавказа внесли археолог, историк, секретарь Кубанского Статистического комитета Е.Д. Фелицын и председатель Ставропольского Статистического комитета – краевед Г.В. Бентковский. Их работы посвящены истории кубанских и ставропольских ногайцев. Авторы широко используют документы Ставропольского губернского архива, в частности фонды ногайских приставов, литературные источники, но главным образом – личные наблюдения. Большим знатоком ногайского быта конца XIX в. выступил Г.Б. Ананьев, его работы отличаются большой наблюдательностью, подробным описанием образа жизни и хозяйство ногайцев Караногайского приставства.

С развитием капиталистических отношений и вовлечением Кавказа в общероссийский торговый рынок в конце XIX-начале XX вв. возникает интерес к кустарным промыслам национальных окраин. Обстоятельные исследования в этой области проводят О.В. Маргграф, Г.А. Вертепов. Они описывают войлочное, суконное и деревообрабатывающее производство. Однако, общая колониальная политика, находившая себе оправдание в концепции

«примитивности малых народов», накладывала определенный отпечаток на подбор материалов и фактов даже у этих исследователей народных ремесел.

В 1901 г. в «Кавказском календаре», А.С. Пиралов публикует «Краткий очерк кустарных промыслов», содержащий не только ценные сведения о развитии определенных ремесел, но и три карты, отображающие ореол распространения промыслов, связанных с обработкой шерсти и изготовлением изделий из металла. В 1913 г. Ю.К. Страуме издает альбом «Кавказские ковры: альбом исполнительных рисунков для кустарей», позволяющий ознакомиться с ковровыми орнаментами, характерными для многих народов Северного Кавказа конца XIX в.

По изучению малых народов Северного Кавказа, в том числе и ногайцев, успешно работает археолог Е.П. Алексеева. В томе «Народы Кавказа» опубликован небольшой очерк Л.Н. Кужелевой, где даны обобщенные сведения о быте и культуре ногайцев, очерк сопровождается десятью фотографиями. В 1958 г. вышел в свет фундаментальный труд С.А. Токарева «Этнография народов СССР», в котором дан краткий, но весьма содержательный общий историко-этнографический очерк о ногайцах.

Большую ценность в изучении социального строя, хозяйства, культуры и быта ногайцев представляет исследование кавказоведа М.О. Косвена «Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке».

Вторая половина XX в. - отправная точка в изучении и более пристальном внимании со стороны ученых в вопросе, касающемся изучения материальной культуры, а также промыслов и ремесел ногайцев. Первой работой такого плана стала статья Б.Б. Кочекаева «Домашние промыслы и ремесла ногайского народа в XIX-начале XX вв.», которая, впоследствии, была дополнена в монографическом издании автора «Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества». В 1975 г. Б.Б. Кочекаев публикует краткий, но весьма информативный материал о ногайской юрте и ее убранстве.

Наиболее глубоко материальная и духовная культура ногайцев рассматривается в работах ногаеведа Р.Х. Керейтова. В изучаемый временной период им опубликован ряд статей по оригинальным исследованиям, проведенным в местах компактного проживания ногайцев. Многие из них явились ценным материалом для настоящего исследования. Р.Х. Керейтов – первый ученый, обративший внимание на искусство ногайцев.

Параллельно с исследованиями Р.Х. Керейтова, выходит рецензируемое вышеуказанным автором монографической издание С.Ш. Гаджиевой «Материальная культура ногайцев в XIX-начале XX вв.», подробно освещающее процесс формирования культуры ногайцев, а также показывающее влияние русской культуры и культуры других народов на этот процесс. Исследуются поселения, жилища, одежда, украшения и пища ногайцев, подробно рассматриваются домашние промыслы, торгово-экономические связи и вопросы перехода ногайцев к оседлому образу жизни.

В 1988 г. выходит историко-этнографический очерк «Ногайцы» группы авторов – И.Х. Калмыкова, Р.Х. Керейтова, А.И.-М. Сикалиева. Они наиболее полно осветили вопросы процесса формирования и истории расселения ногайцев, дали развернутую характеристику материальной и духовной культуре, особое внимание уделили процессу развития ногайцев за годы Советской власти.

В этом же году одним из первых искусствоведческих исследований, в которых проанализированы вопросы орнаментального искусства ногайцев, стала статья «Современный войлочный орнамент ногайцев Дагестана», выпущенная П.М. Дебировым. К сожалению, в статье рассматриваются лишь войлочные изделия караногайцев.

В 1991 г. в с. Терекли-Мектеб (Ногайский район Республики Дагестан) состоялась Всесоюзная научно-практическая конференция, посвященная 600-летию Ногайского героического эпоса «Эдиге» и историко-географическим

аспектам Ногайской Орды. Исследования ученых, опубликованные в Материалах конференции, внесли значительный вклад в развитие ногаеведения, который с начала 90-х гг. стал возможным в силу отхода ученых от крайностей формационного подхода.

На рубеже XIX-XXI вв. истории, материальной и духовной культуре ногайцев посвящен ряд публикаций, диссертационных исследований и монографических изданий Российских ученых. Одним из фундаментальных трудов является монография В.В. Трепавлова «История Ногайской Орды», посвященная изучению политической истории ногайской державы, связей с Россией, соседними государствами (Татарским, Крымским и среднеазиатскими ханствами, с Турцией, Кавказом). Исследование основано на архивных материалах, впервые вводимых в научный оборот.

Вопросы духовной культуры ногайцев, культуры поведения, этикета в семейном и общественном быту XIX-нач. XX в. впервые, подробно рассмотрены в монографических исследованиях М.Б. Гимбатовой «Духовная культура ногайцев в XIX-нач. XX в.» (2005 г.) и «Культура поведения и этикет ногайцев в семейном и общественном быту (XIX-нач. XX в.)» (2007 г.).

Комплекс религиозных представлений и обрядов ногайцев, соответствующих нормам ислама освещен в монографии А.А. Ярлыкапова «Ислам у степных ногайцев».

Особенности этнического состава, хозяйственного уклада, материальной и духовной культуры ногайцев представлены в монографии Р.Х. Керейтова «Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры». Издание, которое без преувеличения может считаться энциклопедией ногайской этнографии.

Важным событием научной и культурной жизни ногайцев стало проведение Международной научно-практической конференции «Ногайцы: 21 век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему» (2014 г., 2016г.). В

двух сборниках конференции опубликованы результаты научных изысканий ученых-гуманитариев России, стран центрально-азиатского и восточно-европейского регионов. В разделе «Искусствоведение» размещен ряд статей, посвященных исследуемой проблеме, авторы которых (Т.П. Петенина, А.У. Акбердиева, З.З. Кузеева) указывают на пробел, образовавшийся в изучении традиционного и современного искусства ногайцев, подчеркивают необходимость сохранения и развития промыслов и ремесел.

Основополагающими, в осмыслении изучаемого материала, стали труды видных специалистов по декоративно-прикладному, орнаментальному и современному искусству А.В. Бакушинского, А.Б. Салтыкова, В.С. Воронова, В.М. Василенко, Г.К. Вагнера, М.А. Некрасовой, С.М. Темерина, В.М. Вишневской, А.С. Канцедикаса, Т.М. Разиной, В.Б. Кошаева, С.М. Червонной и др.

При проведении сравнительного анализа использовались публикации, диссертационные исследования и монографические издания по традиционному и современному искусству сопредельных народов, таких авторов, как С.Ш. Гаджиева, Е.П. Алексеева, А.Я. Кузнецова, Б.Х. Мальбахов, Т.К. Басенов, А.С. Башкиров, Ф.Х. Валеев, Т.А. Масленникова, Л.А. Асланова-Ханфенова и др.

Изучение костюмных комплексов ногайцев, принципов их классификации, выявление и вычленение этнотерриториальных особенностей и общих компонентов базировалось на исследованиях Е.Н. Студенецкой, Е.М. Шиллинг, С.С. Агашириновой, М.К. Мусаевой, А.Г. Булатовой, Л.И. Рославцевой, И.Н. Савельевой, А.М. Упине, М.К. Султановой, Р.Г. Гаджихановой, Т.М. Серовой и др.

Огромную роль в сохранении культурного наследия ногайцев сыграли музейные коллекции [Рисунок 14-17 Приложения 3]. Началом их формирования можно считать 1904 г., когда хранитель отдела этнографии народов Российской Империи и сопредельных стран Русского музея им.

Александра III К.А. Иностранцев, совершил поездку в Караногайский участок Кизлярского отдела Терской области с целью собирания вещей, характеризующих быт и культуру ногайцев. Привезенные предметы были зарегистрированы фондообразователем под коллекционным номером 333 и насчитывали 53 номера. Эта коллекция хранится сегодня в фонде Российского этнографического музея. Еще одна коллекция, собранная помощником заведующего отделом Кавказа и Передней Азии Центрального музея народоведения народов СССР Е.М. Шиллингом была передана в музей в 1948 г. Коллекция по культуре караногайцев под номером 333 пополнялась новыми экспонатами и на сегодняшний день насчитывает 114 музейных предмета. Среди этих изделий, для настоящего исследования представляет интерес свадебная арба и войлочные украшения для свадебной кибитки (занавес, которым отделяется в кибитке девичье помещение, войлочный флаг свадебной юрты, сумки для хранения продуктов), костюм девочки, ювелирные украшения.

Во второй половине XX в. в Астраханском музее этнографии сформирована обширная коллекция фотоматериалов и предметов прикладного искусства ногайцев Астраханской области конца XIX-начала XX вв., часть которой представлена сегодня в экспозиции «Культура и быт народов Астраханского края» в Астраханском государственном объединенном историко-архитектурном музее-заповеднике.

Этот период охарактеризован формированием коллекций изделий декоративно-прикладного искусства ногайцев и в ряде музеев республик Северного Кавказа. Инструменты и приспособления, необходимые для изготовления войлока, кошмы, а также детали юрты, сумки для хранения продуктов, чехлы для ламп, одежда и другие предметы материальной культуры караногайцев представлены в экспозициях и хранятся в фондах Дагестанского музея изобразительных искусств им. П.С. Гамзатовой, Музея-заповедника – этнографический комплекс «Дагестанский аул» и Ногайского краеведческого

музея с. Терекли-Мектеб.

В Карачаево-Черкесском историко-культурном и природном музее-заповеднике им. М.О. Байчоровой собрана коллекция, отражающая быт и культуру кубанских ногайцев, аналогичные изделия наряду с обширным фотоматериалом представлены в выставочном зале Музея истории и культуры ногайского народа Ногайского Муниципального района Карачаево-Черкесской республики.

Богато орнаментированные ковры, треугольный гребень для расчесывания шерсти, войлочные сумки, нагрудное украшение, войлочные детали детской люльки, предметы домашнего обихода, костюмы, головные уборы, являются частью этнографической экспозиции Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве.

Начиная с 2000 г. сотрудниками Нефтекумского районного историко-краеведческого музея ведется активная работа по сбору предметов прикладного искусства ногайцев. В экспозиции, помимо традиционных ногайских костюмов и украшений, изделий из дерева, кожи и металла, представлена коллекция войлоков, датируемых XIX-началом XX в., а также весь набор инструментов и приспособлений для их изготовления. За последнее десятилетие небольшие, но очень информативные коллекции стали формироваться в музеях районных клубов и при школах в местах компактного проживания ногайцев.

Методология исследования. Изучение народного искусства ногайцев проводилось на основе методологии, разработанной Российской искусствоведческой наукой в области изучения народного искусства, базирующейся на принципах учения о развитии культуры и классовой природе искусства. В работе использованы как общие, так и частные методы культурологического и искусствоведческого исследования [Схема 2 Приложения 1]. К общим методам отнесены:

-системный метод – позволяющий рассматривать культуру и искусство, как систему, элементы которой тесно взаимодействуют и находятся в единстве;

-компаративный метод – историческое изучение и сравнение культур в процессе их взаимодействия, а также установление закономерностей развития двух или нескольких культур. Раскрываются в основном внешние связи культуры и искусства, выявляются общие и особенные черты;

-типологический метод – сравнение культур с целью обобщения их характеристик. Данный метод предполагает изучение структуры культуры путем восхождения от абстрактного к конкретному, выявления на этой основе типологической близости и историко-культурного процесса.

К частным методам отнесены:

-исторический метод – анализ предпосылок, процесса возникновения, этапов развития изучаемого явления;

-семиотический метод – основан на учении о знаках, позволяет изучить знаковую структуру (систему) любого культурного объекта;

-герменевтический метод – связан с толкованием сложных многоязычных текстов, нацелен не только на знание, но и на понимание феномена культуры и искусства.

В связи с недостаточной изученностью исследуемой проблемы в обширной литературе и скудных музейных коллекций, в работе использован метод полевой этнографии. Исследования проведены в регионах компактного проживания ногайцев на территории Российской Федерации.

Научная новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении искусства ногайцев на разных уровнях и стадиях в аспекте проблемы «традиции и современность». В работе впервые:

-рассматриваются исторические стадии эволюции традиционного искусства ногайцев;

-выявляется целостная картина развития и формирования предметно-

пространственной среды этноса и полная художественно-образная реконструкция ее объектов в отдельных комплексных системах (архитектурный комплекс, костюмный комплекс);

-проводится классификация орнаментальных мотивов в оформлении изделий из мягких и твердых материалов на разных этапах его развития, восстанавливаются названия ногайских орнаментов, изображения мотивов систематизированы в табличной форме;

-исследуются локальные особенности искусства отдельных этнографических групп ногайцев, изучаются вопросы взаимопроникновение культур сопредельных народов и этнических предшественников;

-выявляется общий самобытный стиль ногайского традиционного искусства;

-представляются новые сведения о ведущих ногайских деятелях искусства в региональных центрах и провинциях;

-в научный оборот вводятся ранее неизвестные термины, фамилии художников, мастеров, произведения традиционного и современного искусства.

Основные положения, выносимые на защиту:

1.Проблема изучения культурного наследия ногайцев – это часть проблемы изучения их истории, этногенеза, условий национального развития, а также связей с другими народами.

2.Традиционное искусство ногайцев формировалось в контексте общих тенденций развития номадических культур. Под термином «традиционное», в данном разделе преамбулы необходимо понимать искусство, связанное с формированием предметно-пространственной среды этноса, его историей, обычаями, обрядами, религией, хозяйственной деятельностью, постройкой жилья, изготовлением одежды, утвари, орудий труда и ритуальных предметов. Это искусство, сформированное в глубинах народа, передаваемое из поколения в поколение.

3.Поселения ногайцев располагались на огромной территории Северного Кавказа, Предкавказья, Северного Причерноморья и в степях Поволжья. На протяжении многих веков сложились их основные типы.

4.С наибольшей полнотой и последовательностью мировоззрение и эстетические принципы ногайского народа раскрываются в традиционном жилище – юрте сборно-разборного типа *«терме»* и неразборного типа *«отав»*, которое воплощало модель и образ окружающего мира. Одной из важных особенностей юрты является рациональная и целесообразная организация внутреннего пространства, представляющего единое архитектурно-художественное целое, при четком разделении на функциональные зоны.

5.В результате исторической динамики, влияния внешних и внутренних факторов процесс становления и развития костюмных комплексов ногайцев состоял из определенных периодов. В мужском костюме выделено три этапа (XV-конец XVII вв., XVIII-середина XIX вв., середина XIX-первая половина XX вв.), в каждом из которых, в состав костюмного комплекса входили (или наоборот выходили из употребления) определенные составляющие нательного белья, нижней и верхней одежды, головных уборов, обуви и вооружения. В женском костюме в рассматриваемыйпериод выделены два этапа (XV- XIX вв., конец XIX-первая половина XX вв.). При этом, если мужской костюм – менялся комплексно, то женский – частично, в сторону упрощения его составляющих (распадение кафтанчика на отдельные рудименты, сокращение длины верхней плечевой одежды, уменьшение набора ювелирных украшений и т.д.).

6.Дисперсное проживание ногайцев привело к необходимости условной дифференциации костюмных комплексов на караногайский, кубанский, карагаш-ногайский, юртовский и крымский, выявлению их локальных особенностей и общих самобытных черт.

7.Костюм и его элементы воспринимаются как защитный пласт, оберегающий не только тело, но и дух, придающий и усиливающий функции

организма. В костюме отсутствуют лишние детали, он сдержан по цвету, декору, каждый орнаментальный мотив несет определенную информацию, все компоненты имеют строгую локализацию, взаимосвязаны и функционируют в общей системе.

8.Орнаментальное искусство ногайцев – явление достаточно самобытное. Орнаментальные мотивы имеют определенное название, отличаясь образным единством и жанрово-видовой структурой, являются живой летописью истории народа. Большинство форм ногайского орнамента восходят к глубоким эпохам прошлого, они насыщены космогонической и мифологической символикой. С развитием и становлением этноса, под влиянием исламских канонов, традиционный орнамент обогащается, появляются новые формы и вариации. Круг орнаментированных предметов довольно разнообразен, что является предпосылкой классификации мотивов не только по видам, но и по материалу (твердые и мягкие материалы). Каждый элемент, в зависимости от предмета, на который он наносится, имеет четкую локализацию.

9.Преемственность и претворение традиций – одна из существенных особенностей современного изобразительного и декоративно-прикладного искусства ногайцев. Мастерство и культура представителей профессионального изобразительного искусства, появление ряда произведений, отражающих новые черты жизни народа, духовная, колористическая общность, правильное усвоение многовековых традиций народного искусства и опыта реалистического искусства –выдвигает современное изобразительное искусство ногайцев на одно из ведущих мест в мировой художественной культуре.

Практическая ценность работы состоит в расширении круга анализируемых проблем, недостаточно освещенных в современном искусствоведении.

Отдельные положения могут быть использованы в образовательном процессе при составлении специальных курсов по истории декоративно-

прикладного искусства и разработке методических и учебных пособий в высших и средних учебных заведениях художественного профиля. Материалы диссертационной работы адаптированы диссертантом в формате лекций. Систематизированные и введенные в научный оборот данные могут быть использованы в новых изданиях по истории, этнографии и культуре народов России, трудах энциклопедического характера.

Настоящее исследование содержит не только теоретический, но и иллюстративный материал, который может являться источником вдохновения для широкого круга художников, дизайнеров, специалистов-реконструкторов и мастеров, обращающихся в своем творчестве к культурному наследию ногайского народа. Практическая ценность работы заключается и в популяризации самобытного ногайского искусства в виде реконструированных традиционных подворий и театрализованных представлений на этнических праздниках, проводимых в регионах компактного проживания ногайцев.

Апробация и внедрение результатов работы. Содержанием диссертации являются многолетние исследования традиционного и современного искусства ногайцев, основные положения которых прошли апробацию в монографиях, статьях и тезисах. Промежуточные результаты докладывались на научных конференциях и семинарах (Москва, Новосибирск, Астрахань, Ставрополь, Нальчик, Грозный, Черкесск, Карачаевск 2013-2018 гг.). Материалы диссертации использованы при составлении курса лекций по истории декоративно-прикладного и орнаментального искусства народов Северного Кавказа в Кабардино-Балкарском государственном университете им. Х.М. Бербекова.

Исследования по традиционной одежде и ювелирным украшениям ногайцев стали основополагающими при разработке коллекций «Сююмбике», «Половчанка», «Белое золото гор» и реконструкции мужских и женских костюмных комплексов пяти этнографических групп ногайцев, выполненных

соискателем. Коллекции получили высокую оценку авторитетного жюри международных конкурсов «KazanArtWeek», «ArtGeoinAsia», «RussianArtWeek», «Русский силуэт», «Минги Тау», «Алтынкьол», «ФЕРОДИЗ». По эскизам диссертанта изготовлены сценические костюмы для Союза ногайской молодежи, Ногайской общины, танцевальных ансамблей «Маьметекей», «Шаьбден», «Ушкын», акына ногайского народа А. Романова, эстрадных исполнителей Э. Беккишиева, М. Картакаевой, Р. Байтищева и др.

В мае 2018 года, в целях сохранения и популяризации культуры ногайцев диссертантом, совместно с Высшим национальным советом ФНКА ногайцев РФ и МОО «Союзом ногайской молодежи», в Государственном Российском доме народного творчества им. В.Д. Поленова был презентован проект «Ногай Эл» [Приложение 6].

Диссертантом, в течение пяти лет ведется активная работа по формированию частной коллекции традиционного и современного искусства ногайцев.

Личное участие автора. Автору принадлежит основная научная идея и логика структурного построения работы, обоснование выбора объекта исследования, разработка всех ключевых теоретических положений, обобщение полученных результатов. В абсолютном большинстве опубликованных работ диссертант является единственным автором.

Структура и объем исследования. Изучение искусства ногайцев, как комплексного цельного явления, потребовало монографического подхода и последовательного анализа всех его основных видов. Исследование состоит из введения, пяти глав, заключения, библиографии (300 наименований, включая публикации диссертанта) и списка принятых сокращений общим объемом 349 страницы. Работа дополнена Томом 2, содержание которого соответствует структуре основной части работы (Том 1) и включает 7 Приложений общим объемом 350 страниц.

ГЛАВА I. ОСНОВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ТРАДИЦИОННОГО ИСКУССТВА НОГАЙЦЕВ

1.1. История и этногенез

Опыт истории должен служить для правильного понимания явлений современной общественной жизни, для научного предвидения.

Ногайцы (самоназвание *«ногай»*) – один из тюркоязычных народов Северного Кавказа, Крыма и Нижнего Поволжья. Происхождение этнонима *«ногай»*, часть исследователей связывает с именем жившего в XIII в. темника – чингизида Ногая [3], в последнее время большинство их склонно возводить этот этноним к предполагаемому тотему мангитов [4].

Мангитский юрт выделился из Золотой Орды в конце XIV в., когда Орда стала приходить в упадок. Мангитским юртом до самой своей смерти правил темник Золотой Орды – Эдигей. «При нем и его преемниках Ногайская Орда занимала территорию, простиравшуюся между Эмбой и Яиком. Эта территория значительно расширилась при правлении младшего сына Эдигея – Нуратдина (1426-1440 гг.) за счет занятия близлежащих к Волге земель» [5]. Польский историк М. Меховский отмечал, что ногайцы являются «наиболее многочисленной и самой крупной Ордой» [6].

Задолго до возникновения этнонима *«ногай»*, ногайский этнос складывался из различных древних племен и народов. Согласно исследованиям Р.Х. Керейтова: «Первым этапом начала формирования ногайского народа был

---

[3]Алексеева, Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии / Е.П. Алексеева. – М. : Наука, 1971. С. 200.

[4] Сафаргалиев, М.Г. Распад Золотой Орды / М.Г. Сафаргалиев // Ученые записки Мордовского гос. ун-та. – Саранск, 1960. С. 226.

[5] Кидирниязов, Д.С. Очерки истории ногайцев XV-XVIII вв. / Д.С. Кидирниязов, З.К. Мусаурова – Махачкала: Издат. дом «Народы Дагестана», 2003. С.43.

[6]Меховский, М. Трактат о двух Сарматиях / М. Меховский. – М., 1935. С. 93.

период с IV в. до X в., когда древнетюркские племена мигрировали из одних регионов в другие. В эти века прослеживаются пути образования, распада, интеграции племен, позже влившихся в состав ногайского народа. Поэтому можно сказать, что этногенез ногайцев связан с тюркскими племенами (IV-VIII вв.), средневековыми компонентами являются племена Печенежского (IX-XI вв.), Кыпчакского (Половецкого XI-XIII вв.) союзов Золотой Орды (XIII-XV вв.) и самое главное – Ногайской Орды (XV-XVII вв.)» [7].

Период образования и распада Ногайской Орды, чрезвычайно важен для современных ногайцев, поскольку именно тогда сформировался ряд достаточно устойчивых этнообразующих признаков. Этот период можно назвать «узловой точкой» отсчета в истории этноса. Согласно данным, «имеющимся в «Ногайских делах» и других архивных и актовых материалах, в XVI в. в составе Ногайской Орды находились различные племена: мангиты, уйсуны, кипчаки, найманы, кунграт, китай (кътай), кият, тангучин, колгин, алчин, гублак, канглы, кереит, байгур, тайджут, боргамсы, туркмен, ас, кенегес, мажар, мынг и др.» [8]. Согласно данным эпоса «Эдиге», «в формировании ногайской народности приняли участие следующие племена: канглы, кенегес, конграт, сырын (ширин), кипчак, мангит, сунн (уйсун)» [9].

Определяя границы этнической территории ногайцев, известный историк В.Н. Татищев отмечал: «Ногай был величайший народ около Астрахани, наполнял всю степь меж гор Кавказских до Яика и по Волге до Суры» [10]. Ногайская Орда на западе граничила с Казанским ханством, где существовали т.н. «мангитские места», от которых «ногайские бии и мурзы

[7] Керейтов, Р.Х. Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры: монография / Р.Х. Керейтов; науч. ред. Ю.Ю.Клычников; Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований. – Ставрополь: Сервисшкола, 2009. С.35.

[8] Сафаргалиев, М.Г. Ногайская Орда во 2-й половине XVI в. / М.Г. Сафаргалиев // Сборник научных работ Мордовского госпединститута. – Саранск, 1949. С. 35.

[9] Эдиге // Сб. Сорок ногайских богатырей. / Сост. А. Сикалиев. Махачкала, 1991. С. 17-52.

[10] Татищев, М.Г. История Российская / М.Г. Татищев. М.: Л., 1962. Т. I. С. 293.

получали «мангитский доход»» [11]. Владения ногайцев доходили и до реки Камы. Башкиры и остяки, жившие у р. Уфы, также платили дань ногайцам. На северо-востоке Ногайская Орда граничила с Сибирским ханством, кочуя на юго-восточную сторону от Тюмени, в район, называвшийся «Ногайской степью» [12]. Ч.Ч. Валиханов отмечал, что «в XVI в. ногайцы имели города и кочевали в степях, известных позднее как киргиз-кайсацкие. Границей между Ногайской Ордой и Казахским ханством являлись Алтайские горы» [13]. По реке Бузану, впадавшей в Волгу, Ногайская Орда граничила с Астраханским ханством.

Во второй половине XVI в. ногайцы кочевали в низовьях Сыр-Дарьи, у берегов Аральского моря, близ Каракумов, Барсункумов и северо-восточных берегов Каспийского моря. Власть ногайских мурз распространялась и на некоторые «тюркменские улусы» [14]. На западе граница Ногайской Орды проходила по левобережью Волжской низменности, называвшейся «Ногайской стороною» [15]. В документах XV в. имеются сведения о проникновении ногайцев в предгорные районы Северного Кавказа. В «Песне об Эдиге» говорится о переселении части ногайцев из Крыма. Некоторые исследователи размещают ногайцев в XV в. в районе Маджар, а к 1490-м годам в Дагестане [16].

Столицей Ногайской Орды был Сарайчик. В.В. Бартольд писал: «… центром ногайцев тогда был город Сарайчик при устье реки Яика, место

---

[11] Кидирниязов, Д.С. Очерки истории ногайцев XV-XVIII вв. / Д.С. Кидирниязов, З.К. Мусаурова – Махачкала: Издат. дом «Народы Дагестана», 2003. С.44.

[12] Миллер, Г.Ф. История Сибири / Г.Ф. Миллер. М.: Л., 1937. Т. I. С. 191.

[13] Валиханов, Ч.Ч. Собр. Соч. – В5 т. / Ч.Ч. Валиханов. - Алма-Ата: Наука, 1985. Т.2. С. 47-48.

[14] Кидирниязов, Д.С. Очерки истории ногайцев XV-XVIII вв. / Д.С. Кидирниязов, З.К. Мусаурова – Махачкала: Издат. дом «Народы Дагестана», 2003. С.45.

[15] Калмыков, И.Х. Ногайцы/ И. Х. Калмыков, Р.Х. Керейтов, А.И-М.Сикалиев. – Черкесск, 1988. С. 23.

[16] Виноградов, В.Б. Дискуссионные проблемы ранней истории ногайцев // В кн.: Основные аспекты историко-географического развития Ногайской Орды / В.Б. Виноградов, Е.И. Нарожный. М.; - Т. – Мектеб, 1991. С.17.

погребения золотоордынских ханов» [17]. В.М. Жирмунский, уточняя расположение города, отмечал: «В низовьях Яика, около 50 км от устья, находится город Сарайчик, обычная зимняя резиденция ногайского князя… Город, расположенный между Яиком и его западным рукавом Сарачинкой, был защищен с севера и с юга крепостной стеной с башнями. Через Сарайчик проходила «старая ногайская дорога», главный торговый путь для караванов из Средней Азии в Восточную Европу, который здесь пересекал Яик» [18]. В первой половине XVI в., после сближения Ногайской Орды с Москвой, усилился товарообмен. Ногайцы поставляли лошадей, овец, продукты животноводства, взамен получали сукно, готовую одежду, ткани, железо, свинец, медь, олово, моржовую кость, писчую бумагу.

В середине XVI в. Ногайская Орда, вследствии внутренних и внешних причин, разделилась на Большие и Малые Ногаи. Большие Ногаи кочевали в Прикаспии от левобережья Нижней Волги до реки Урал [19], а Малые Ногаи – по правому берегу Кубани, на Азовском побережье, в Восточном Причерноморье и на юге Украины, меж Днепром и Доном [20]. Со временем в Прикаспийскую низменность откочевали отделившаяся во второй половине XVI в. от Большого Ногая часть ногайцев из кубов (подразделений) Кипчак и Найман под предводительством феодальных правителей Урака и Карасая. Иначе говоря, в XV-второй половине XVI в. ногайцы в Предкавказье кочевали на территории между Доном, Манычем и правобережьем нижней и средней Кубани, а отдельные их кочевья доходили до Терека [21].

---

[17]Бартольд, В.В. Сочинения / В.В. Бартольд. – М., 1963. – Т. II. – Ч. I. С. 143.

[18] Жирмунский, В.М. Тюркский героический эпос / В.М. Жирмунский. – Л. : Наука, 1974. С. 415-416.

[19] Алексеева, Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии / Е.П. Алексеева. – М. : Наука, 1971. С. 201.

[20] Кочекаев, Б.Б. Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества / Б.Б. Кочекаев. – Черкесск, 1973. С. 22.

[21] Книга Большому Чертежу / Изд. Н.Н. Сербиной. М.; Л., 1950. С. 88-92.

В первой половине XVII в. под давлением калмыцких тайш одна часть Большого Ногая (Едисанская, Буджакская, Аккерманская Орды) ушла с Волги на нижнее течение Дона, в Приазовье, к Малому Ногаю, другая часть (юртовцы и кундровцы) остались на Волге, вблизи г. Астрахани. Часть так называемых засулакских ногайцев в это время кочевала от южного рукава р. Терек до западного берега Астраханского залива по р. Сулак и Аксай.

В конце XVII в., после убийства князя Башик-Бас-Казбулатова, среди ногайских мурз началась борьба за власть. Четыре куба (Кыпчак, Найман, Терик, Ас-костамгалы), не желая признать власть ни одного из мурз, откочевали на левый берег Терека, в Моздокскую степь, за что их назвали *«еманчи»*, а затем *«караногайцами»*. Ногайцы, оставшиеся кочевать на землях эндиреевских и костековских владетелей, получили название *«костековские»* и *«эндиреевские»*, а кочевавшие вдоль реки Аксай назывались *«аксаевскими ногайцами»*. Ногайцы, кочевавшие во владениях тарковского шамхала, назывались *«тарковскими ногайцами»*. В конце XVII в. в Предкавказье и Северо-западном Кавказе кочевали ногайские улусы – буджакская, джембойлукская, едишкульская и едисанская. В начале XVIII в. на Северо-Западном Кавказе проживали терская и аксайско-сулакская группы [22]. Походы крымских и калмыцких ханов, нарушая кочевья ногайцев, вызывали их многочисленные передвижения.

В 1728 г. едисанцы, джембойлуки и кытай-кыпчаки переселяются в Крым за Перекоп, а затем за р. Днепр. В 1731 г. ногайцы бежали от притеснений крымского хана и поселились на территории кабардинцев. В марте 1732 г. М. Атажукин сообщает, что в Большой и Малой Кабарде проживают, кроме кабардинцев 7 тыс. ногайцев [23].

[22] Кидирниязов, Д.С. Очерки истории ногайцев XV-XVIII вв. / Д.С. Кидирниязов, З.К. Мусаурова – Махачкала: Издат. дом «Народы Дагестана», 2003. С. 77-78.

[23] Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. - М., 1957. Т. 2. С. 58.

В марте 1735 г. между Россией и Ираном был подписан Гянджийский договор. По этому договору русские войска перешли на левый берег Терека, а крепость Святого Креста была срыта, и все население этой крепости было переведено в Кизляр. Большую часть засулакских ногайцев, не пожелавших оставаться под властью шахского Ирана, в 1735 г. генерал Левашов перевел в Кизлярские степи. С того времени они получили название «кизлярских ногайцев» [24]. В 1740 г. ногайские мурзы Мансур и Арсланбек со 100 семьями уходят от Кизляра на Кубань. В этот период русский путешественник И.А. Гюльденштедт указывает, что «…на Кубани между устьями рек Зеленчука и Арса располагалось 8 тыс. семей. Прикаспийские ногайцы состояли из 44 аулов, из которых 8 находились во владениях аксаевских князей, 12 аулов во владениях эндиреевских князей и 24 – тарковского шамхала [25].

В период русско-турецкой войны 1768-1774 гг. ногайцы, находившиеся в Крыму, вышли из-под турецкого подданства. В 1771 г. – перешли на Дон и расположились по правую сторону р. Кубань, на берегах Еи, Есени, Кирпилей. Всех кубанских ногайцев насчитывалось до 80 тысяч. Из них буджакский улус кочевал возле ейского залива, едисанцы по левой стороне Кагальника, по Чубурю, по р. Калалы, джембойлуки между Челбасом и вершиною Еи, а едишкульцы – между Кирпилем и Аганлою, по Каракубани и возле Копыла [26].

В 1783 г. после присоединения Крыма к России царское правительство решило перевести ногайцев в Уральские степи, но эта попытка не удалась и ногайцы начали уходить в Турцию и в Закубанье. В марте 1784 г. 143 семьи ногайцев переселились из Ейского укрепления в степи Северо-Восточного Кавказа и были причислены к кизлярским ногайцам. Спустя год по просьбе

---

[24] Акты Кавказской археологической комиссии (АКАК). - Тифлис, 1869. Т. 2. С. 924.

[25] Гюльденштедт, И. Географическое оаписание Грузии и Кавказа. Путешествия через Россию и по Кавказским горам в 1770-1773 гг. / И. Гюльденштедт – СПб., 1809. С. 108-110.

[26] Щеглов, И.Л. Трухмены и ногайцы Ставропольской губернии / И.Л. Щеглов. – Ставрополь, 1910. – Т. 1. С. 80.

едисанцев, джембойлуков и едишкульцев, находившихся в Закубанье П.С. Потемкин разрешил им поселиться рядом с караногайцами. [27]

В 1787 г. 717 семей ногайцев были переведены в район Бештау из Закубанья. Каспулатовцы, кипчаки, едисанцы, наврузовцы были поселены в районе горы Бештау, по рекам Таплык, Джегете, по Малому и Большому Янкулаю, Калаусу и Карынак. В 1793 г. территория, населенная ногайцами на Северном Кавказе была разделена на приставства.

Первое – Караногайское приставство. Его граница на юго-востоке доходила до побережья Каспийского моря, на северо-западе – до реки Кумы и на юго-западе до Степан-Бугорского урочища.

Второе – Калаусо-Саблинское и Бештово-Кумское приставство было расположено по верховьям рек Калуса, по Большому и Малому Янкулям и нагорной стороне Калауса; сюда же входили едисанцы, едишкульцы, касаевцы.

Третье – Калаусо-Джембойлукское приставство было расположено в низовьях р. Калауса по рекам Кугульте, Барханчаку, Айгуру и Камбулату. В это приставство в основном входили джембойлуки.

Четвертое – Ачикулак-Джембойлукское приставство, куда входили караногайцы, едишкульцы, а также джембойлуки и едисанцы. Ногайцы этого приставства кочевали в Кизлярском и Моздокском уездах.

Образование приставств не внесло существенных изменений в общественно-политическое устройство ногайского населения Северного Кавказа, они существовали лишь формально. В 1803 г. кавказская администрация добилась у правительства учреждения самостоятельного приставства для ногайцев. Во главе его поставили князя Султан Менгли-Гирея. В 1813 г. состоялось крупное переселение ногайских родоплеменных

[27] Кидирниязов, Д.С. Очерки истории ногайцев XV-XVIII вв. / Д.С. Кидирниязов, З.К. Мусаурова – Махачкала: Издат. дом «Народы Дагестана», 2003. С. 81-82.

объединений с их мурзами в Закубанский край [28].

Начиная с 1820-х г. на Северном Кавказе был проведен ряд административных реформ. Кавказскую губернию преобразовали в область с центром в г. Ставрополе, а в 1847 г. Кавказскую область – в Ставропольскую губернию. При этом все ногайские приставства были включены в состав Ставропольской губернии, и только в 1888 г. Караногайское приставство с Кизлярским уездом передали Терской области. Таким образом, история восточных ногайцев с XIX в. была неразрывно связана с историей Ставропольской губернии.

В 1859 г. 10 тысяч ногайцев Калаусо-Джембойлуковского и Калаусо-Саблинского приставств переселились в Турцию, затем, прошения стали поступать от ногайцев Ачикулакского и Караногайского приставств. В течение двух лет из Ставропольской губернии в Турцию эмигрировало около 40 тысяч ногайцев. Таким образом, в конце 1860-х г. в Ставропольской губернии сохранились только Ачикулакское и Караногайское приставства.

На территории Ачикулакского приставства обитали джембойлуковцы, едисанцы и едишкульцы. Джембойлуковцы подразделялись на два куба: канглы-куб и карай-лун-куб. В составе этих кубов значились следующие родовые ветви: кара-курсак, барок, белеет-бюк, шамбай, аргун, сарайлы, костамгали и тагали.

Едисанцы состояли из трех кубов: кенегес-куб, бергут-куб и тулуга-куб. К кенегес-кубу принадлежали ветви бесоул, кагаш, шекли-кагаш, ток, алчин-хы, костекли и шурки; к бергут-кубу – канджыкалы, тобель-тай, кислак, ай-тамгалы-кислак, буркук, ябагы-бадай, бадай, арпа-кульдугем, эсабий, акбас, баканша, тубультай и шавкай; к тулуга-кубу – ак-мангит, новкус, аса-кожа, елли-яун, шуюн, джейрет, баканша, буюрдак, эмбура и сарат.

Едишкульцы состояли из двух кубов: сарай-куб и конгур – куб. к

[28]Щеглов, И.Л. Трухмены и ногайцы Ставропольской губернии / И.Л. Щеглов. – Ставрополь, 1910. – Т. 1. С. 96.

первому принадлежали ветви: алты-гожа-уйсун, эменек-уйсун, кара-тора-уйсун, куяслы, каншлы, уйгур, буйрабаш, яушул, чавжейли, казаяклы и тубей; ко второму – беке, казан-улы, ктай, байтеге, бодрак и баята [29].

В конце XIX-начале XX вв. ногайские группы в Ачикулакском приставстве занимали обособленные районы. В 1909 г. за оседлыми ногайцами числилось 72490 дес. земли. Оседлыми едисанцами и джембойлуковцами были основаны аулы Ильяс-Кишлау и Камыш-Бурун, которые накануне революции превратились в крупные населенные пункты.

Караногайское приставство было разделено между четырьмя древними кубами: найманским, терковским, кипчакским и минским. В 1888 г. без ведома ногайцев Караногайское приставство было передано царским правительством Терской области. В отличие от населения Ачикулакского приставства, караногайцы вплоть до Октябрьской революции отстаивали кочевой быт.

С XV до середины XIX вв. территория от устья Кубани до ее верховий была занята родо-племенными подразделениями кубанских ногайцев. По сведениям XVIII в., они кочевали вдоль Урупа, по Кубани и обоих Зеленчуков. «По Кубани около и между устьями Индишика и Арзы кочуют ногайские татары, называемые Касай-аул» [30], – отмечал Гюльденштедт. По словам М. Броневского, между Большим Зеленчуком и Урупом находились мансуровцы – одна из этнических групп Касаевского аула [31]. А по реке Лаба жили наурузовские ногайцы мурз Мамбета Таганова и Арсланбека Мансурова, которые в 1790 г. перешли в русское подданство.

В первой половине XIX в. кубанские ногайцы занимали левый берег Кубани от станицы Баталпашинской до устья р. Лабы и правую сторону Кубани

---

[29] Мутенин, И.Т. Ачикулакские ногайцы: рукопись / И.Т. Мутенин // Архив ИИЯЛИ Дагестанского НЦ РАН. – Ф. 5. – Оп. 1. – Л. 2. С. 2-3.

[30] Гюльденштедт, И. Географическое оаписание Грузии и Кавказа. Путешествия через Россию и по Кавказским горам в 1770-1773 гг. / И. Гюльденштедт – СПб., 1809. С. 108-110.

[31] Броневский, М. Описание Крыма (TartarialDescriptio) Мартина Броневского / М. Броневский // ЗИООИД. – Одесса, 1867. С. 222.

до Пятигорья. Правый берег Кубани между укреплениями Хумаринским и Джегутинским населяли тохтамышевские ногайцы, во главе которых стояли Карамурзины, Ахловы и Тугановы.

Севернее от них, по левобережью Кубани и по обоим берегам Малого Зеленчука, жили мансуровцы, на границе с ними по левобережью Кубани обитали карамурзинцы и кипчаковские ногайцы. Левый берег был населен наврузовцами, жившими между станицами Убежинской и Тифлисской.

Для управления горскими народами верховьев Кубани в начале XIX в. были образованы два округа и четыре приставства. Тохтамышевское и Карачаевское были подчинены начальнику Верхне-Кубанского округа, приставства Закубанских ногайцев и Нижне-Прикубанское – начальнику Лабинского округа. В результате образования приставств ногайцы оказались размещенными в трех административных делениях вместе с черкесами и абазинами в долинах обоих Зеленчуков и Кубани [32].

В 1861 г. приставства на Кубани были упразднены и вместо трех было создано одно – Нижне-Кубанское, в пределах которого представители «пяти фамилий» кубанских ногайцев осели на землю в аулах Балтинский, Тохтамышевский, Верхне-Мансуровский, Нижне-Мансуровский, Ураковский и Карамурзинский. В 1871 г. все приставства Кубанской области были преобразованы в уезды Баталпашинский, Псекупский, Екатеринодарский, Ейский, Темрюкский и введено гражданское управление [33].

В Нижнем Поволжье ногайцы, которые после распада Ногайской Орды осели вокруг Астрахани, получили название юртовских и кундровских ногайцев. По преданиям юртовских ногайцев их предки кочевали в бассейне Урала и лишь изредка навещали районы Эмбы. «Юртовские татары составляют

[32]Калмыков, И.Х. Ногайцы / И.Х. Калмыков, Р.Х. Керейтов, А.И-М.Сикалиев. – Черкесск, 1988. С. 51-53.

[33]Административное деление Кубанской и Терской областей с введением в них с 1 января 1871 г. гражданского управления. – ССК, т.1, 1871, С. 288.

особый отдел государственных крестьян, обитающих в низовой стороне. Сами себя они называют ногаями и считаются потомками золотоордынских ногаев, первых основателей Астрахани» [34] – писал о них П. Небольсин.

Кундровские татары называли себя *«карагаш-ногайцами»*. Последнее наименование сложилось у народа от названия местности, где их предки проживали на Северном Кавказе в районе нынешнего Пятигорска. Карагашская этническая группа когда-то являлась составной частью Малых Ногаев на Северном Кавказе. После переселения кундровским ногайцам (карагашам) отвели земли, расположенные слева от устья Волги, где они осели в основанных ими селениях Сеитовка и Хожетаевка. По свидетельству С.Г. Гмелина, в 1770-х годах ногайцы жили около Астрахани в шести деревнях [35]. Процесс оседания и образования поселений у них был идентичен остальным группам ногайцев, так, к примеру, у причерноморских и приазовских ногайцев, в конце XVIII-начале XIX в. начался переход населения к оседлости. «Ногайцы – писал Я.Я. де Мезон – окончательно вышли из кочевого состояния и освоились с порядками и занятиями оседлого общежития» [36].

Победа Великой Октябрьской социалистической революции навсегда ликвидировала экономические и политические основы социального и национального гнета ногайского народа, создала необходимые предпосылки для всестороннего развития экономики и культуры. Больших успехов ногайский народ добился в 1930-е г., после завершения коллективизации сельского хозяйства и его механизации.

В послевоенные годы ногайцы вместе со всеми другими народами Советского Союза взялись за восстановление и дальнейшее развитие хозяйства и уже в 1949 г. ими были превзойдены довоенные масштабы. К 1980 г.

---

[34] Небольсин, П.И. Очерки Волжского низовья / И.П. Небольсин. – Спб., 1852. С. 52.

[35] Гмелин, С.Г. Путешествие по России / С.Г. Гмелин. – Спб., 1777. – Т. II. С. 173.

[36] Сергеев, А.А. Ногайцы на Молочных водах / А.А. Сергеев. – Симферополь, 1912. С. 178.

ногайцы Карачаево-Черкесской республики и Ногайского района Дагестана создали крупные механизированные хозяйства. Рабочие промышленных предприятий и труженики колхозно-совхозных полей, интеллигенция, воодушевленные решениями XXVII съезда КПСС, настойчиво добивались новых трудовых успехов в коммунистическом строительстве [37].

Процессы, происходящие в истории ногайцев в период с XV-XX вв. привели к тому, что сегодня, под этническим наименованием «ногайцы» понимается один из тюркоязычных народов Российской Федерации, проживающий в основном на Северном Кавказе и в Южном Поволжье. В Дагестане ногайцы проживают в Ногайском, Тарумовском, Кизлярском и Бабаюртовском районах. В Ставропольском крае – в Нефтекумскиом районе. В Карачаево-Черкесии – в Ногайском районе. В Чечне – на севере Шелковского района. В Поволжье ногайцы проживают в Астраханской области.

Район компактного расселения ногайцев на территории Дагестана, Ставропольского края и Чеченской республики называется Ногайская степь. В Каспийском районе Калмыцкой Республики живут «ногайцы-утары». Некоторые потомки ногайцев под именем «нагайбаки» оказались на территории современной Челябинской области в Нагайбакском районе. Потомки ногайцев растворились среди многих народов: казахов, узбеков, киргизов, каракалпаков, башкир, татар и проникли в состав почти всех окрестных этносов. Существенным оказалось влияние ногайцев на их материальную и духовную культуру.

В XVI в. жители Ногайской Орды стали для многих народов своеобразным эталоном степных кочевников, скотоводов и воинов [38].

Современные ногайцы подразделяются на этнические группы и

[37]Калмыков, И.Х. Ногайцы / И.Х. Калмыков, Р.Х. Керейтов, А.И-М.Сикалиев. – Черкесск, 1988. С. 59-60.

[38]Ногайцы: XXI век: История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему // Материалы Второй Международной научно-практической конференции. – Черкесск, 2016. С. 103.

называются по издревле сложившейся традиции:

-кубанские ногайцы – *«кобан ногайлар»* (ногайцы, живущие на р. Кубань);

-кумские или бештовские ногайцы – *«куьми ногайлар»* или *«бестав ногайлар»* (ногайцы, живущие на р. Куме или в районе Пятигорья);

-ембойлуковцы – *«ембойлыклар»*, етишкульцы – *«етишкуьллер»*, етисанцы – *«етисанлар»*;

-караногайцы – *«караногайлар»* (этнические группы, живущие на просторах Ногайской степи на северо-западе Прикаспия);

-крымские ногайцы – *«крым ногайлар»* (ногайцы, живущие в степной зоне Крыма);

-астраханские ногайцы – *«астрахан ногайлар»* – или волжские – *«эдил ногайлар»* (ногайцы, живущие главным образом в Астраханской области).

За последние десятилетия крупные ногайские общины образовались в Москве, Санкт-Петербурге, Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономном округе.

В Турции и Румынии проживают потомки ногайцев, которые, в основном, восприняли этническую идентичность окружающего тюркского населения – соответственно, турок и румынских татар, но помнят о своем ногайском происхождении.

1.2. Хозяйственно-бытовой уклад жизни этноса

Многочисленные источники свидетельствуют о богатой и разносторонней культуре ногайского народа. Их предки, населяя широкие просторы Южной Сибири, Средней Азии, Казахстана, Нижнего Поволжья, Дона, Северного Кавказа, Северного Причерноморья и Приазовья, вобрали различные традиции хозяйственной жизни. В ней сочетались скотоводство и земледелие, ибо известно, что «ни один хозяйственный тип, в том числе и

кочевничество, никогда не существовал в чистом виде» [39].

Ногайцы были свободны как ветер, гуляющий по степи, потому что только в движении была их жизнь. «Этот народ пастушеский, – отмечал в 1557 г. английский мореплаватель, путешественник А. Дженкинсон – владеющий множеством скота, составляющим все его богатство» [40]. Ногайские родо-племенные союзы в широких масштабах освоили три основных типа скотоводства «кочевое, полукочевое и оседлое» [41]. В XV-XVII вв. у ногайцев преобладало кочевое скотоводство – это своеобразное отгонное скотоводство, когда сезонный перегон скота происходит не из горной зоны в равнинную и наоборот, а из южных частей степи в северные и наоборот.

Прилегающие к теплым морям степи Прикаспия, Предкавказья и Причерноморья имели сравнительно тонкий снеговой покров, позволявший скоту пастись зимой, что избавляло скотоводов от необходимости заготовки кормов. Летом же эти степи выгорали и приходилось перегонять скот на зеленые пастбища более северных лесостепных районов. Традиционные пути перегона проходили вблизи долины великих рек Восточно-Европейской равнины, т.е. в меридиальном направлении и были очень устойчивыми. Зимой ногайцы кочевали в низовьях Волги, Яика, Дона, а летом стада достигали Среднего Поволжья (до Прикамья), Среднего и Верхнего Яика и его притоков. 9 месяцев в году ногайцы проводили в перекочевках, оставшиеся 3 месяца располагались на зимних пастбищах-зимовьях.

Выбор местностей для зимовий, характер растительности на них, обязательное наличие находящихся поблизости пойменных лугов с обильными и сочными кормами, сосредоточение в этих местностях большого количества скотоводческих коллективов, а также сооружение в местах зимовий некоторых

[39] Марков, Г.Е. Кочевники Азии / Г.Е. Марков. – М. : Изд-во Московского ун-та, 1976. С. 9.

[40] Известия англичан о России в XVI в. СПб., 1887. С. 38.

[41] Калмыков, И.Х. Ногайцы / И.Х. Калмыков, Р.Х. Керейтов, А.И-М.Сикалиев. – Черкесск, 1988. С. 61.

хозяйственных построек – все это дает основание предположить, что «зимовья ведут свое происхождение еще со времен оседлого скотоводства, когда подобные им местности могли прокормить определенное количество скота в течение всего хозяйственного года» [42].

Ногайцы разводили верблюдов, крупный рогатый скот, лошадей, овец, и коз. Птицеводство, пчеловодство, рыболовство и охота были их подсобными занятиями.

Основным домашним животным, столь необходимым ногайцам при дальних перекочевках был верблюд [Рисунок 18 Приложения 3]. Средневековые источники свидетельствуют о многочисленных караванах верблюдов у ногайцев. Так, А. Дженкинсон сообщал: «Я видел на Переволоке ногайцев с повозками, куда было впряжено до 1000 верблюдов» [43]. Знаменитый турецкий путешественник Эвлия Челеби писал: «Ногайцы держали так называемого астраханского двугорбого верблюда, обладавшего особой мощностью и выносливостью» [44].

Двугорбый верблюд мог нести тяжесть вьюком 500 кг и более, перевозить на повозках груз в несколько тонн. Верблюды не требовали никакого ухода, поэтому пастухи только время от времени проверяли их общее число. Кроме того, высоко ценилась и верблюжья шерсть из-за ее нежности и эластичности, которую ногайцы собирали в значительном количестве [45].

Особое внимание ногайцы уделяли и выращиванию выносливых коней, способных переносить длительные переходы [Рисунок 19 Приложения 3]. Лошадь являлась основным средством передвижения при военных набегах,

---

[42] Кидирниязов, Д.С. Очерки истории ногайцев XV-XVIII вв. / Д.С. Кидирниязов, З.К. Мусаурова – Махачкала: Издат. дом «Народы Дагестана», 2003. С.47–48.

[43]Ногайцы в известиях русских, западно-европейских и восточных авторов XV-XVIII вв. / Сост. Д.С. Кидирниязов. – Махачкала, 1999. С. 171.

[44] Челеби, Э. Книга путешествия/ Эвлия Челеби. – М., 1961. – Вып. 1; М., 1979. – Вып.2. С. 53.

[45] Павлов, А. О ногайцах, кочующих по Кизлярской степи / А.Павлов. – СПб., 1842. С. 19

тягловой силой во время перекочевок и постоянным спутником пастуха-кочевника. По словам Олеария, ногайские лошади были «сильны и выносливы» [46]. Лошадей кочевники выращивали табунным способом. Круглый год их содержали на подножном корму, сено им давали редко. Ногайские коневоды вывели несколько пород лошадей.

Важное место занимало разведение крупного рогатого скота. У ногайцев Северного Кавказа и Нижнего Поволжья он отличался хорошими мясо-молочными показателями. Основной породой, которую разводили ногайцы, была ногайская порода или «красная астраханская» отличавшаяся выносливостью и неприхотливостью к пище [47]. О многочисленности скота у ногайцев Северного Причерноморья в начале XVII в. писал итальянец Жан де Люк: «Скота у них очень много. Когда я был в Балюткое меня позвал в дом Демир (начальник крепости). У него я спросил, сколько голов скота в его стаде пасется вокруг его кибитки? Из ответа оказалось, что более 400000 голов скота. Вот почему они никогда не остаются на одном месте, а беспрестанно переходят, обыскивая новые пастбища» [48]. Эвлия Челеби заметил, что ни у одного татарского народа нет столько скота, сколько у ногайцев [49].

Знатоки животноводства на Северном Кавказе отмечали: «Ногайский скот стал распространяться у населения дагестанского предгорья, например, у кумыков; он приобретается как крупный и сильный скот» [50]. О том, что крупный рогатый скот был одним из главных средств к существованию,

---

[46] Олеарий, А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно/ А. Олеарий. – СПб., 1906. С. 405.

[47] Щеглов, И.Л. Трухмены и ногайцы Ставропольской губернии / И.Л. Щеглов. – Ставрополь, 1910. – Т. 1. С. 484.

[48] Жан де Люк. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин. 1625 г./ Жан де Люк// ЗИООИД. – 1879. – Т. XI. С. 490.

[49] Челеби, Э. Книга путешествия/ Эвлия Челеби. – М., 1961. – Вып. 1; М., 1979. – Вып.2. С. 54.

[50] Калантар, А. Крупный рогатый скот на Кавказе / А. Калантар // VIII съезд русских естествоиспытателей и врачей в Санкт-Петербурге от 28.12.1889 до 7.1.1890 г. – Спб., 1892. – Т. II. С. 5.

сообщает Б.А. Калоев: «Промысел ногайский состоит по большой части в разведении рогатого скота, коим они очень богаты. Получают от оного масла более 200 тыс. пудов, меняют его армянам, у них торгующим, на необходимые для них вещи, как-то: холст, сукно, хлопчатую бумагу…вывозят и сами масло и другие съестные припасы в города».

Ведущее место в скотоводческом хозяйстве ногайцев занимало овцеводство, доступное, как богатым, так и бедным слоям населения из-за неприхотливости овцы, которая давала мясо, шкуру, шерсть. Пожалуй, не было в быту ногайцев ни одного предмета домашнего обихода и национального блюда, в которых не присутствовала бы продукция овцеводства. Овца долгое время оставалась основной меновой единицей и, своего рода, эквивалентом в торговле.

Ногайцы разводили главным образом грубошерстных курдючных овец мясной породы, кубанские ногайцы – еще и мериносовых, тонкорунных [Рисунок 20 Приложения 3]. Каждая овца ежегодно давала хороший приплод, в большинстве случаев по два ягненка, вкуснейшее мясо, около 4 кг шерсти и красивые курпеи [51]. «Ради этих курпеев, первоклассного сорта, – писал Ф. Капельгородский, – ежегодно весной приезжали в Караногай сотни дагестанцев, кумыков и чеченцев. Они закупали несколько десятков тысяч маленьких ягнят, резали их здесь же, солили и вялили мясо и вывозили его в готовом виде в горы и в Закавказье. Отсюда же шли курпеи на шапки» [52]. Большим спросом на рынке пользовалась и шерсть ногайской овцы, в Караногае ее даже не вывозили на рынок, а продавали прямо на месте приезжим скупщикам [53]. О том, что «…овцеводство было их главнейшим

[51] Калмыков, И.Х. Ногайцы / И.Х. Калмыков, Р.Х. Керейтов, А.И-М.Сикалиев. – Черкесск, 1988. С. 67.

[52] Капельгородский, Ф.И. Караногай / Ф.И. Капельгородский// ЗТОЛКС. – Владикавказ. – 1914. – №10. С. 200.

[53] Очерки истории Карачаево-Черкессии. – Черкесск, 1967. – Т. 1. С. 440.

преимущественным занятием, откуда они добывали себе все средства для жизни, и пищу и одежду и даже жилище, так как их кибитки были сделаны из кожи и войлоков, сотканных или свалянных из той же овечьей шерсти» писал и М. Смирнов [54].

Некоторую роль в хозяйственной жизни ногайцев играла охота на диких зверей, птиц. Охотой занимались круглый год. Особенно практиковалась соколиная охота на пернатую дичь в тростниковых зарослях и на лесистых островах в дельте Волги. Охотились также на зайцев, медведей, лосей и кабанов.

Ногайское хозяйство было комплексным, т.е. скотоводство сочеталось с земледелием и охотой. При этом хозяйственная ориентация у разных групп ногайцев была не одинаковой, ибо они жили в разных географических средах, где плоские равнины соседствовали с горами, песчаные пустыни с каменистыми мелкопесчаными возвышенностями, аллювиальными долинами и предгорьями.

Земледельческая культура ногайцев связана с территорией расселения их древних предков, т.е. племен и родов, чьи представители вошли в их состав [55]. О существовании земледелия у ногайцев в XV-XVI вв. свидетельствует фольклор, сообщения средневековых путешественников. По свидетельству Барбаро, ногайцы еще в XV в. занимались земледелием [56]. В одной грамоте XVI в. ногайского князя Исмаила говорится: «А пашню Сарайчукскую вода взяла… и ты бы нам прислал на семена судно хлеба…» [57]. Г. Перетяткович отмечает,

[54] Смирнов, М. Очерк хозяйственной деятельности Ставропольской губернии к концу XIXв./ М. Смирнов. – Ставрополь, 1913. С. 69.

[55] Керейтов, Р.Х. Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры: монография / Р.Х. Керейтов; науч. ред. Ю.Ю.Клычников; Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований. – Ставрополь: Сервисшкола, 2009. С. 176.

[56] Барбаро и Контарини о России. К истории татаро-русских связей в XV в. / пер. Е.Ч. Скржинской. –Л., 1971. С. 105.

[57] Карамзин, Н.М. История государства Российского. М., 1989. Кн. 3. Т. 9. Прим. 78.

что жители Сарайчика занимались, главным образом, земледелием, почему считались у своих соплеменников «людьми не воинскими» [58].

Д.С. Кидирниязов омечает: «Земля, где жили ногайцы, отличалась резко континентальным климатом, являясь регионом рискованного земледелия: прохладной малоснежной зимой и жарким знойным летом. Осадков выпадало мало. При таком засушливом климате на солончаковых песчаных землях, особенно при вмешательстве человека, опустынивание просто неизбежно. Обрабатывать эти почвы можно было при соблюдении определенных норм и условий. Иначе это могло привести к деградации и опустыниванию земель, эрозии почвы. Поэтому ногайцы пахали, сеяли в определенных размерах, чтобы не разрушать хрупкого плодородного слоя земли» [59].

По свидетельству Герберштейна, часть ногайцев жила оседло в городах и селениях [60]. Оседлые ногайцы, несомненно, занимались земледелием и поэтому в какой-то мере обеспечивали потребности в хлебе.

В XVII-XVIII вв. происходит постепенный переход от скотоводства к земледелию. Процесс этот был непосредственно связан с «оседанием» на землю отдельных групп ногайцев. Например, у кубанских и, частично, терско-сулакских ногайцев он завершился раньше, у ачикулакских и караногайцев – позже. Определенную роль здесь играла близость русских поселенцев и соседних народов к кубанским и терско-сулакским ногайцам. Этому способствовало и то обстоятельство, что кубанские и терско-сулакские ногайцы проживали на более плодородных землях, расположенных по берегам рек Кубани, Терека и Сулака [61].

---

[58] Перетяткович, Г. Поволжье в XV и XVI веках/ Г. Перетяткович. – М., 1877. С. 175.

[59] Кидирниязов, Д.С. Очерки истории ногайцев XV-XVIII вв. / Д.С. Кидирниязов, З.К. Мусаурова – Махачкала: Издат. дом «Народы Дагестана», 2003. С.51–52.

[60]Герберштейн, С. Записки о Московитских делах/ С. Герберштейн. – СПб., 1908. С. 105.

[61] Кидирниязов, Д.С. Очерки истории ногайцев XV-XVIII вв. / Д.С. Кидирниязов, З.К. Мусаурова – Махачкала: Издат. дом «Народы Дагестана», 2003. С.85.

Во второй половине XVII в. аксаевские и костековские ногайцы вели полуоседлый образ жизни и, как пишет С.Ш. Гаджиева: «Завели свои «пахотные сабаны» и покосы, захватили «промыслы», а начиная со второй половины XVIII в. отдельные их группы стали частично переходить на постоянную оседлость» [62].

Ногайцы, поселившиеся в Прикубанье и Кабарде, также стали переходить к оседлому образу жизни и приобщаться к земледельческой культуре. Когда наступало время посева хлебов и появлялась трава для пастьбы, аулы покидали зимние стоянки и шли кочевать, отыскивая места для посевов.

Ногайцы, живущие в Бештаугорье, с успехом занимались земледелием, сеяли пшеницу, ячмень, овес. Обработкой земли занималась и некоторая часть ногайцев, обитавшая в районе верхней Кубани и Зеленчуков. В одном из архивных источников о них сказано: «Они не имеют обыкновения жить в ногайских кибитках, а строят черкесские сакли». Это свидетельствует о том, что они перешли к оседлому образу жизни [63].

«В ногайских странах – писал Ферран, – нет гор, но есть большие равнины, орошаемые несколькими речками, берега коих отчасти обрабатываются ногайцами и засеиваются пшеном. Ногайцы не долго живут на одном месте. Несколько долее остаются они только там, где засеяли поля, но по окончании жатвы всегда перекочевывают в другие места» [64].

Имеющиеся сведения позволяют судить о том, что в XVII-XVIII вв. земледелие постепенно становится одним из основных занятий ногайцев. Дальнейшее распространение земледелия у ногайцев получает в XIX в. в

[62] Гаджиева, С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX вв. / С.Ш. Гаджиева. – М. : Наука, 1976. С. 18.

[63] Кидирниязов, Д.С. Очерки истории ногайцев XV-XVIII вв. / Д.С. Кидирниязов, З.К. Мусаурова – Махачкала: Издат. дом «Народы Дагестана», 2003. С.86.

[64] Ферран, Путешествие из Крыма в Черкессию через земли ногайских татар в 1709 г. / Ферран // Русский вестник. – 1842. – Т.6. – Кн. 2. – Отд. 2. С. 45.

местах их расселения: в Северном Причерноморье и Приазовье, на Кубани, Нижнем Поволжье и на Куме. В 1844 г. Российскому императору доносили, что в Таврической губернии «с большим усердием занимаются земледелием и сеют пшеницу в большом количестве» и «они сделались не только хлеборобами, но и стали записываться в купцы и мещане. В 1846г. в Ногайске было 10 купцов, 3 гильдии и 4 мещанина из ногайцев» [65]. Огородные культуры больше были распространены в Нижнем Поволжье, Северном Причерноморье и Приазовье.

У кубанских ногайцев к концу XIX в. землепользование было надельным и распределялось по числу душ мужского пола в семье. В этот же период к земледелию переходили ногайцы Ногайской степи, жившие в удобных для хлебопашества землях.

Ногайцы Северо-Западного Прикаспия полностью перешли к земледельческой оседлости уже к 1930-м г. в связи с организацией колхозов и совхозов. Разумеется, как и раньше, переход кочевников к оседлости происходил вынужденно и поэтому имел прогрессивное значение и знаменовал переход к более высоким формам хозяйственной деятельности ногайцев [66].

Немаловажное место в хозяйственной деятельности ногайцев XV-XVIII вв. занимали домашние промыслы и ремесла, сырьем для которых служила продукция животноводства. Ремесла, связанные с переработкой шерсти (суконное и войлочное производство) в народном быту ногайцев, в условиях натурального скотоводческого хозяйства, получили устойчивую базу развития. Из овечьей и верблюжьей шерсти, кожи и козьего пуха изготавливали одежду, обувь, предметы домашнего обихода, принадлежности конской сбруи, войлочные ковры. До перехода к оседлости почти каждая ногайка умела обрабатывать шерсть и изготавливать войлоки.

---

[65] Сергеев, А.А. Ногайцы на Молочных водах / А.А. Сергеев. – Симферополь. 1912. С. 187, 193.

[66] Керейтов, Р.Х. Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры: монография / Р.Х. Керейтов; науч. ред. Ю.Ю.Клычников; Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований. – Ставрополь: Сервисшкола, 2009. С. 179.

Сукноделие было занятием преимущественно женским. Домашними промыслами у ногайцев занимались в основном женщины, как-то: «деланием войлоков из овечьей шерсти для жилых кибиток и подстилок, также шитьем для мужчин носильного платья и часто тканьем сукна». Знаток ногайского быта А.О. Рудановский указывал на тот факт, что «…домашние занятия лежат на обязанности женщин. Они шьют мужьям носильные платья, ткут простое азиатское сукно, делают полсти, шерстяные чулки, выделывают овчины» [67]. С войлочным производством было связано изготовление циновок из чакана и камыша. Циновки использовались при валянии кошм, бедняки же укрывали ими кибитки, застилали земляные полы внутри своих жилищ. Циновки плели на деревянном станке, который изготавливали местные мастера.

Из верблюжьей и овечьей шерсти, а также из конских волос ногайцы изготавливали веревки, ими обшивали края кошемных покрытий кибиток, толстые веревки служили для придавливания кибиток к земле во время сильных ветров. Из веревок изготавливали конские путы, налычаги для волов, ошейники для телят и т.п. Самыми прочными считались веревки, свитые из конских волос.

Большое значение имели и шкуры животных. Из шкур крупного рогатого скота выделывали кожи для ремней; из бараньих – тулупы, шапки, теплые шаровары; из козьих – сумки, мешки для перевозки зерна или муки и бурдюки, в которых хранили молоко, воду и т.д.

Из металлообрабатывающих ремесел в ногайских аулах наиболее распространенными было слесарное и кузнечное дело. С помощью простых инструментов, ногайские кузнецы изготавливали предметы для домашнего обихода (столовые ножи, крючки, шумовки, ножницы и т.д.) и сельскохозяйственных работ (серпы, лопаты, обручи к телегам и т.д.).

---

[67] Кочекаев, Б.Б. Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества / Б.Б. Кочекаев. – Черкесск, 1973. С. 99.

Деревообделочное и столярно-плотничье производство в обозначенный период является одним из развивающихся в ногайском обществе, ведущем, в основном, оседлый образ жизни. Ногайские мастера в большом количестве начинают изготавливать мебель (шкафы, сундуки, люльки, столы, стулья, кровати, диваны и т.д.), наличники окон и дверей сами окна и двери. Развитие сельского хозяйства приводит к увеличению спроса на орудия труда (молотильные доски, борона, соха, вилы, лопаты, маслобойки и т.д.).

Ногайцы занимались и шорным ремеслом. Главными предметами шорного производства были принадлежности седла: обшивка, подпруга, уздечка, пояса, подушки и т.д. Ногайские седла отличались от широко известных на Северном Кавказе кабардинских, своей простотой и удобством.

Многовековой опыт ведения хозяйства у ногайцев позволили возникнуть различным знаниям по народной ветеринарии, зоотехнии, метеорологии, народному календарю, метрологии.

Работы земледельческого и скотоводческого цикла, вплоть до XX в. выполняли по двенадцатилетнему циклу календаря *«муьшел»*, известного у тюрков уже в VII-VIII вв. [68]. Ведя счет годам по названию определенного животного, народ верил приметам данного года. Но, исходя из названия, к одним годам относились положительно, к другим – отрицательно.

Цикл начинался с года мыши *«шышкан йылы»*, затем следуют: год коровы *«сыйыр йылы»*, год барса *«барс йылы»*, год зайца *«коян йылы»*, год рыбы *«балык йылы»*, год змеи *«йылан йылы»*, год лошади *«ат йылы»*, год овцы *«кой йылы»*, год обезьяны или божьей коровки *«мешин йылы»*, год курицы *«тавык йылы»*, год собаки *«ийт йылы»*, год свиньи *«донъыз йылы»*.

Многовековые наблюдения позволили народу дать названия отрезкам времени года в соответствии с их свойствами. Зима делилась на четыре отрезка:

[68] Захарова, И.В. Двенадцатилетний цикл у народов Центральной Азии / И.В. Захарова // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. – Алма-Ата, 1960. С. 32.

«казык батпас кара кыс» (зима такая, что в землю кол не забьешь) – со второй половины декабря до восьмого января, *«кыстынъ шиллеси»* (зимний шилле, т.е. сорокадневный отрезок) – с 8 января до 18 февраля, время ветров, сильных морозов; *«увыт»* – с 18 февраля до 11 марта, *«бердази»* – с 14 марта по 21 марта, время холодного шквального ветра [69].

Говоря о двенадцатилетнем животном цикле, а также о делении зимы на четыре отрезка, следует отметить, что у ногайцев бытовало несколько календарных систем. Самым распространенным календарем был восстановленный фольклористом А.И. Сикалиевым народный календарь. Началом года в нем считался март *«Навруз»* – месяц нового года, затем шли апрель *«коькек»* – месяц удода, май *«куралай»* – месяц расцветания, июнь *«тамыз»*, июль *«шилле»*, август *«сары-тамыз»*, сентябрь *«кырккийик»* – месяц диких зверей, октябрь *«акырып»* – месяц котла, ноябрь *«караша ай»*, декабрь *«карагыс»* – большая зима, январь *«каньытар»* – заставит попрошайничать, февраль *«увыт»*, который следует считать хозяйственным.

С включением ногайцев в состав Российской империи среди них распространился также юлианский календарь. Ногайцы, каждое название его месяцев переделывали и осмысливали по-своему: январь – *«яны бар»* (дух есть), февраль – *«бери бар»* (есть здесь), март – *«мырат»* (мечта), апрель – *«этер эл»* (народ сделает), май – *«май»* (масло), июнь – *«уыйин»* (собирай и складывай), июль – *«ийин»* (нагибайся), август – *«авыс»* (меняйся), сентябрь – *«сенде бар»* (у тебя есть), октябрь – *«окта бар»* (есть на стреле), ноябрь – *«ная бар»* (ная есть), декабрь – *«теке бар»* (козел есть) [70].

Дни летнего и зимнего равноденствия ногайцы называли *«куынделим»*, год делили на четыре части. Отрезок времени с 13 июля по 22 августа называли

---

[69]Калмыков, И.Х. Ногайцы / И.Х. Калмыков, Р.Х. Керейтов, А.И-М.Сикалиев. – Черкесск, 1988. С. 197.

[70]Сикалиев А. Йыл токсанын ятлап бил. – Шоьллик маягы, 1974, № 78; Этимология непереведенных названий месяцев неясна.

«яз шилле». Это было время сильной жары, когда выгорала в степи трава и не хватало воды.

Ногайцы не могли не иметь начатков астрономических знаний. «Небо их время, по небу они определяют точное время» [71], – писал Д. Шлаттер. Ночью время определяли по положению луны и звезд, а днем по солнцу. Знание звезд и их положения на небосводе позволяло определять стороны света. «О регулярных наблюдениях за звездным небом свидетельствует наличие у ногайцев названий звезд и планет. Так, «Шолпан юлдыз» (Утренняя звезда) называли Венеру, с ее появлением на небе чабаны с отарами возвращались домой; «Етеген юлдыз» (Семь звезд) – Большую Медведицу; «Уьлкер юлдыз» - непереводимое название Плеяд; «Мойса юлдыз» - («3 звезды Ярмо») – Орион; «Темирказык» (Железный кол) – Полярную звезду; «Кишкей Шолпан» (Малая Венера) называли Меркурий; «Кызыл юлдыз» (Красная звезда) – Марс; «Ярык юлдыз» (Яркая звезда) – Сириус; «Эшек кырган» (Истребитель ослов) – называли Юпитер»[72] – отмечает М.Б. Гимбатова.

Народная метрология ногайцев имела много сходного с метрологией других народов. Большие расстояния измеряли мерой *«шакырым»* (1 км – от слова *«шакыр*», т.е. позови, расстояние, на котором можно услышать человеческий крик). В основе большинства мер длины лежали размеры частей человеческого тела. Небольшие участки земли измерялись шагами *«ыбыт».* Длину бома, бревен и т.д. измеряли размахом рук *«кулаш»*.

В плотничьем и портняжном деле часто употребляли меру *«ярым кулаш»* – пол кулаша. Со временем эти меры были заменены саженью, аршином и метром, но и в настоящее время в портняжном деле пользуются такими старыми мерами, как *«карыс»* – расстояние от конца большого пальца

[71]Schlatter, D. Bruchstucke aus einigen Reisen nach dem Sudlichen Russland in den Jahren 1822 bis 1828. – Gallen und Ber, 1836.P. 133.

[72] Гимбатова, М.Б. Духовная культура ногайцев в XIX – начале XX вв. / М.Б. Гимбатова. – Махачкала, 2005. С. 103.

до конца мизинца, *«суьем»* – пядь, *«эли»* – толщина пальца и *«доьрт эли»* – толщина четырех пальцев [73].

Таким образом, можно отметить, сосуществование в ногайском хозяйственно-бытовом укладе самых разнообразных аспектов, свидетельствующих о различных этапах исторического развития народа и разнообразных этнокультурных влияниях [Схема 3 Приложения 1].

1.3. Мифо-религиозные представления и обрядовая практика

Ногайцы – мусульмане-сунниты ханафитского толка. Ислам стал проникать на территорию проживания предков ногайцев еще с X-XI вв. Массовая их исламизация началась в 1312 году с официальным введением мусульманства ханом Узбеком в Золотой Орде, в недрах которой шло формирование ногайской народности и становление ногайской государственности.

Ислам был официально признанной религией как при правлении династии чингизидов, так и правлении Едигеева дома – первых ногайских правителей. Едигей понял значение религии и использовал ее в качестве рычага для поддержания порядка в созданном им государстве, сделал ее не только официальной, но и обязательной для всего населения, проживающего в Мангытском юрте, который впоследствии стал ядром Ногайской Орды [74]. Ибн Арабшах сообщает: «… постился Едигей и по ночам вставал на молитву, держался за полы шариата, сделав Коран и сунну да изречение мудрецов посредником между собою и Аллахом всевышним» [75].

---

[73]Калмыков, И.Х. Ногайцы/ И.Х. Калмыков, Р.Х. Керейтов, А.И-М.Сикалиев. – Черкесск, 1988. С. 197-198.

[74] Ногайцы: XXI век: История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему // Материалы Второй Международной научно-практической конференции. – Черкесск, 2016. С. 146.

[75] Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды / В.Г. Тизенгаузен. - СПб., 1884. – Т.1. С. 474.

Польский путешественник Матвей Меховский еще в начале XVI в. отмечал: «Ногайцы, последователи и поклонники Магомета, повинуются Пятикнижию Моисееву, совершают обрезание, соблюдают свой закон, колоколов не имеют, считают себя измаэлитами, а христиан называют динсиз, т.е. язычниками и гяур, неверными и лишенными религии» [76].

Ногайцы соблюдали все предписания ислама, ежегодно отмечали религиозные праздники: Ураза-байрам, Курбан, день рождение пророка Мухаммеда, устраивали мавлиды.

Ислам внедрялся в быт и сознание ногайцев постепенно, иногда даже вплетая в собственные обряды и обычаи многие домусульманские верования. Такую преемственность в религии заметил Ф. Энгельс, он отмечал: «…религия всегда сохраняет известный запас представлений, унаследованный от прежних времен…» [77]. Об этом можно судить и по тому факту, что даже в настоящее время у ногайцев сохранились три термина, обозначающие верховное божество: *«Алла», «Кудай», «Таьнъри»*. Ислам органично сочетался с мифологией, ногайцы сохранили анимистические и тотемистические представления, культ предков.

Верования и обряды ногайцев имеют много аналогий с народными верованиями татар, башкир, казахов. Большое влияние на верования ногайцев оказали народы Дагестана и Северного Кавказа, что объясняется проживанием на сопредельных территориях и тесным культурным взаимодействием. В космогонических представлениях ногайцев сосуществуют две мифосистемы – древнекавказская и древнетюркская.

Мифология ногайцев, как одна из древнейших форм познания окружающего мира имела свои особенности, порядок сотворения вселенной в ней соответствовал древней схеме: «хаос – небо и земля – солнце, месяц, звезды

[76] Меховский, М. Трактат о двух Сарматиях / М. Меховский. – М. 1935. С. 58-59.

[77] Маркс, К. Сочинения / К. Маркс и Ф. Энгельс. – Т. 21. С. 315.

– время – растения – животные – человек – дом – утварь» [78]. В целом, творение мира понималось как начало времени и пространства и трактовалось как бесконечная череда начала, а конца, как такового – нет.

По представлениям ногайцев система вселенной состоит из трех частей, т.е. трех миров – верхнего (небесного), среднего (земного) и нижнего (подземного).

У вселенной был свой создатель – творец *«Кудай»*. «Он сотворил небо, солнце, луну, землю. Первичным материалом для создания мира явились вода и огонь. *«Кудай»* вскипятил с помощью огня воду, и пена, образовавшаяся в результате кипения, была использована им для сотворения земли: вздутия ее образовали горы с предгорьями, ущельями и долинами» - пишет М.Н. Олейников [79]. М.Б. Гимбатова, описывая значение огня в поверьях ногайцев отмечает: «Из огня Творец создал свет и все небесные светила. Солнце и луна – не что иное, как огненные шары. Солнце предназначено для освещения и согревания земли днем, луна – для освещения земли ночью». Далее автор описывает поверья о сотворении человека: «После сотворения мира Творец создал из глины человека, вдохнув в него свой дух. Эта связь человека с землей неразрывна. Сделанный из земли, умирая, он уходит в землю. Об умершем человеке говорят *«Топырак болды»* («Превратился в землю»). Таким образом, душа человека возвращается к богу, а тело – к земле, из которой он был создан». Интересно и следующее поверье, которое сводится к тому, что «…кроме людей, обитающих на земле, существуют люди, которые живут над землей и под землей. Поэтому люди, живущие на земле и находящиеся как бы посередине, носят пояса на талии. Таким образом, ногайцы твердо были убеждены в существовании других мифов» [80].

---

[78] Мифы народов мира: в 2 т. М., 1982. Т. 2. 720 с. С.7.

[79] Алейников, М.Н. Поверья ногайцев Мансуровского селения Баталпашинского отдела Кубанской области / М.Н. Алейников //СМОМПК. – Тифлис, 1893. – Вып. XVII. С. 2.

[80] Гимбатова, М.Б. Духовная культура ногайцев в XIX – начале XX вв. / М.Б. Гимбатова. – Махачкала, 2005. С. 160-161.

Уместно отметить, что предки ногайцев «верили солнцу, луне, огню, а также воде и земле, посвящая им начатки и преимущественно утром, раньше, чем станут есть и пить» [81]. Наиболее древними божествами у ногайцев были солнце *«куьн»* и луна *«ай»*. Ногайцы верили, что солнце – это мать всего живого, а луна – отец, поэтому затмение луны – это к суровой зиме, а затмение солнца – к хорошему урожаю.

Ногайцы могли дать клятву именем Солнца или Луны, не имели права показывать пальцем на них, а если вдруг, ненароком, показывали пальцем на луну, обязаны, опомнившись, прикусить палец [82].

У отдельных групп ногайцев солнечный диск называли *«куьннинъ коьзи»* – глаз дня или *«куьн коьзи»* – дневной глаз. Этнографические и фольклорные материалы убедительно доказывают существование у тюркоязычных народов Северного Кавказа, в том числе и у ногайцев, культа Солнца.

Изучая культуру и быт кочевников, С.А. Плетнева выделила целый ряд языческих амулетов, отражающих культ Солнца. Автор отмечает, что «одним из распространенных видов являлся круг с четырьмя прямыми лучами, представляющий собой один из вариантов очень распространенной в древности символической фигуры огня-солнца – креста в круге» [83]. Этот древний символ довольно часто встречается на войлочных коврах-кийизах и ювелирных украшениях ногайцев.

У ногайцев сохранилось больше верований, связанных с луной, чем с солнцем, что, вероятно, объясняется их кочевым бытом. Считалось, что луна – это солнце мертвых и что у нее есть хозяин, повелитель – *«Ай иеси»* [84]. В честь

---

[81] Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. – М., 1957. С. 121.

[82] Керейтов, Р.Х. Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры: монография / Р.Х. Керейтов; науч. ред. Ю.Ю.Клычников; Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований. – Ставрополь: Сервисшкола, 2009. С. 384.

[83] Плетнева, С.А. От кочевий к городам/ С. А. Плетнева// МИА. – М., 1967. - № 142. С. 174-175.

[84] Капаев И.С. Ногайские мифы, легенды и поверья: опыт мифологического словаря / И.С. Капаев. – М.: Голос-Пресс, 2012. С. 15.

появления нового месяца ногайцы делали жертвоприношение: резали овцу, ее вареную голову преподносили первому, кто увидел на небе новый месяц [85].

Определенные верования были связаны с пятнами на лике луны и затмениями светил. Ногайцы считали, что есть сверхбожественное существо *«Елмауз»* который может проглотить луну. «Ему также приписывают способность вызывать затмение луны» [86]. Чтобы отогнать *«Елмауз»*, люди на земле создают шум: бьют в пустые ведра, барабаны, громко плачут.

Сестрами луны считались звезды и созвездия, у многих были свои названия: *«Уьлкер»* (созвездие Плеяды), *«Ак-Айгыр»* (Сириус), *«Темирказык»* (Полярная звезда), *«Етеген»* (Большая Медведица), *«Шолпан»* (Венера) [87].

Ногайцы верили и в языческие божества, связанные со стихиями. С водной стихией были связаны *«Сув анасы»* (мать воды), *«Сув иеси»* (хозяин воды) и дракон *«Аздаа»*. Ногайцы очень бережно относились к воде. Нельзя было загрязнять водоем, сквернословить, держа в руках чашу с водой. Ногайцы верили, что ночью, на какое-то время вода «засыпает», чтобы отдохнуть.

Вода рассматривалась как первоначало, исходное состояние всего сущего, эквивалент первобытного хаоса. С другой стороны, к божеству воды относились с большим уважением, так как от него зависела жизнь, плодородие и урожайность земли.

Много примет у ногайцев было связано с громом и молнией. Гром происходит от звука, который издают копыта небесных лошадей, а молния происходит от удара небесной камчи. При громе и молнии нельзя приближаться к воде и арбузам – «они притягивают молнию». Существовало поверье, что белый цвет притягивает молнию, поэтому нельзя было в белом

---

[85] Керейтов, Р.Х. Народный календарь и календарная обрядность ногайцев/ Р.Х. Керейтов// Календарь и календарная обрядность народов Карачаево-Черкессии. – Черкесск, 1989. С. 121.

[86] Гимбатова, М.Б. Духовная культура ногайцев в XIX – начале XX вв. / М.Б. Гимбатова. – Махачкала, 2005. С. 168.

[87] Керейтов, Р.Х. Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры: монография / Р.Х. Керейтов; науч. ред. Ю.Ю.Клычников; Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований. – Ставрополь: Сервисшкола, 2009. С. 195.

доить корову (белое молоко также притягивает молнию). Человека, пораженного молнией, для излечения от разряда, закапывали в песок.

Олицетворением божества дождя у ногайцев была деревянная кукла, которая, как и обряд вызывания дождя, называлась *«Андыр-Шопай»*. «В обряде вызывания дождя сохранились отголоски почитания бога-громовика «*Андыр-Шопай»*, олицетворяющего собой мужское начало»[88] - пишет А.А. Ярлыкапов.

Предвестником хорошей погоды была радуга, ее называли *«Куртка шаш»* или *«Курткашык»* (букв. Старуха-волосы). Она мыслилась в женском облике. Ногайцы верили, что если радуга появится в небе в момент рождения ребенка, то его жизнь будет счастливой, а если радуга появилась в момент смерти человека – то его душа попадет в рай.

Со стихией ветра в ногайской мифологии была связана *«Обыр куртка»* (старуха, обладающая волшебной силой). «Живет «Обыр-куртка» на востоке, она, очищает ветром воздух от вредных испарений, но бывает и так, что, разозлившись, дует подолгу, нанося человечеству вред, заметая песчаными бурями и пастбища и посевы» [89] – отмечает М.Б. Гимбатова.

Божеством плодородия ногайцы считали *«Емире»*, его появление связывали с таянием снега и появлением теплого ветра и рассматривали как знак для начала земледельческих работ.

В урожайные годы ногайцы славили *«Ер Анасы»* - ее считали матерью земли и представляли в образе высокой некрасивой женщины с большой грудью, огромными руками и ногами.

Ногайцы верили и в богиню домашнего очага *«Тамыз»* – Искра. Ее они, наоборот, представляли в виде женщины невысокого роста, в красном *«каптале»,* танцующей в искрах огня. «В счастливых семьях *«Тамыз»* была

[88] Ярлыкапов, А.А. Обряд вызывания дождя у ногайцев / А.А. Ярлыкапов // Ислам и народная культура. – М., 1998. – С.172-182.

[89] Гимбатова, М.Б. Духовная культура ногайцев в XIX – начале XX вв. / М.Б. Гимбатова. – Махачкала, 2005. С. 161-162.

молодой, красивой и веселой. В семьях, где был разлад, она выглядела старой, танец ее угасал, как домашний очаг.

Домашний очаг являлся основой благополучия семьи. Огонь нельзя было гасить, брызгать на него воду. Считалось, что человека, который погасил огонь с помощью воды, ожидало наказание всевышнего. Если возникала необходимость погасить огонь, то сверху его прикрывали специальной металлической крышкой, чтобы огонь погас сам.

Огонь очага использовался ногайцами и как магический инструмент очищения. Так, для очищения от болезни и грехов ходячих больных, а также людей невезучих и подозреваемых в грехах заставляли прыгать через разведенный костер. Человека, испытавшего страх, подводили к огню, считали, что огонь должен унести с собой страх.

Очищение огнем проводили и во время свадьбы. Невесту подводили к семейному очагу жениха и водили вокруг него, затем останавливали и предлагали посмотреть на огонь. Пожилая, уважаемая женщина грела ладони над огнем и гладила ими лицо невесты, как бы приобщая ее к семейному очагу. Данный обряд носил у ногайцев название *«бет йылыткан той»* («согревание лица»)» [90].

К домусульманским верованиям относятся данные и о пандемониуме у ногайцев. В него включались различные духи: *«йин», «шайтан», «Сарыгыз». «деюв», «Албаслы», «Аздаа», «Пари»*. Эти персонажи занимали основное место и в демонологических представлениях многих народов Средней Азии, Казахстана, Поволжья и Кавказа [91].

Ногайцы особо относились и к некоторым животным. У народа

[90] Гимбатова, М.Б. Духовная культура ногайцев в XIX – начале XX вв. / М.Б. Гимбатова. – Махачкала, 2005. С. 163-164.

[91] Керейтов, Р.Х. Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры: монография/ Р.Х. Керейтов; науч. ред. Ю.Ю.Клычников; Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований. – Ставрополь: Сервисшкола, 2009. С. 397.

существовал домашний дух – покровитель в виде змеи *«уьй йылан»*. Змею, которую встречали в доме или во дворе не убивали – это считалось большим грехом.

В верованиях ногайцев большое место отводилось волку. Его зуб носили как амулет от сглаза, от действия различных злых духов. Большое внимание уделялось черепу волка.

В идеологических воззрениях ногайцев устойчиво сохранилась вера в святых, этот культ не предусмотрен исламом. Наиболее популярным у ногайцев был *«Кыдырлыяс»* – старик с белой бородой и в белой одежде с посохом и сумой. Его считали посланником Аллаха: во время мусульманского праздника Ураза-Байрам он будто бы приходит в дома избранных, благочестивых и богобоязненных людей, подходит к накрытому праздничному столу и пробует выставленные на нем блюда, что было знаком наделения благодати и изобилия этой семье.

При рассмотрении мифо-религиозных представлений ногайцев, можно отметить, что их былой пантеон состоял из персонифицируемых небесных светил и атмосферных явлений, верховных божеств и исламизированных святых. Наряду с божествами ногайцы верили в бытование демонических персонажей.

Обряды ногайцев, живших в окружении различной этнической среды, несомненно, как и другие институты жизни ногайцев, имели множество элементов, характерных для древнего общественного и социально-экономического положения. Обряды отражали кочевой и земледельческий быт народа, они не были свободны и от элементов магии. Особо значимыми в жизни ногайцев были обряды детского и свадебного циклов. Обычаи и обряды детского цикла имели много общего с традициями, как соседних оседлых

народов, так и кочевых предков ногайцев [92]. В родовом акте переплетались обычаи и обряды, на которые возлагались все надежды для благополучного исхода. По этому поводу в доме открывались окна, двери, замки, развязывались узлы.

С момента появления младенца выполнялись различные магические действия. Например, чтобы «обмануть» злых духов, новорожденного могли тут же вынести в дверь и занести через окно. Первые дни после родов мать и ребенка не оставляли одних, в течение 40 дней роженица не выходила на улицу. Первый раз ребенка кормила грудью (причем, только правой) соседская женщина у которой было хорошее потомство и счастливая судьба.

Большое значение придавалось выбору имени, которое ребенку давал самый старший и уважаемый мужчина в роду. Нареченного давали в руки мулле, который клал его голову на правую руку и вслух произносил имя ребенка.

После того как заживала пуповина новорожденного, совершали обряд укладывания ребенка в колыбель, ногайцы устраивали в честь этого события праздник *«бесиктой»*. «Укладывание» сопровождалось различными магическими действами – во время пеленания под подушку в колыбель клали металлический предмет – девочкам ножницы, а мальчикам подкову. На грудь спелененного ребенка сажали кошку. Смысл этого действа состоял в том, чтобы здоровье ребенка было крепкое как железо, а сам ребенок выносливым как кошка, а в детском возрасте – сонливым.

Когда ребенку исполнялось сорок дней, с него снимали так называемую *«собачью рубашку» – «ийт коьйлек»* и надевали другую *«сорок рубашек» – «кырк коьйлек»*, сшитую из сорока лоскутков, подаренных соседями.

Первый раз брили голову ребенку, когда ему исполнялся год. Этот обряд

[92]Керейтов, Р.Х. Нормы, условия и формы заключения брака у ногайцев в прошлом / Р.Х. Керейтов// Проблемы археологии и исторической этнографии Карачаево-Черкессии. – Черкесск, 1979. С.111-121.

совершал брат матери ребенка, который потом дарил племяннику жеребенка.

Серьезным испытанием для мальчиков было обрезание *«бабалатув»*. Для ногайцев, как и для всех мусульман, оно являлось обязательным актом. Обрезание проводили в возрасте от двух до восьми лет.

«Последним обрядом детского цикла, проводимым родителями, являлся обряд празднования совершеннолетия ребенка. Этот обряд ознаменовал собой переход ребенка в следующую возрастную группу – молодежную, которая являлась своеобразным прпуском во взрослую жизнь» – пишет М.Б. Гимбатова, далее, описывая процедуру проведения обряда автор отмечает: «Гости дарили юноше конское снаряжение и оружие…дед вручал внуку камчу, которая была изготовлена по случаю его рождения. С этого дня парню разрешалось присутствовать на мероприятиях, проводимых мужчинами, ходить в мечеть, на похороны, кладбище». [93]

При рассмотрении свадебных обрядов ногайцев всех этногрупп, несмотря на определенные различия, можно заметить общую структуру, большое значение в них играют изделия из войлока, ювелирные украшения, ткань, одежда, которые изготавливали и декорировали в соответствии с культурными традициями и религиозным мировоззрением этноса. В обрядовых действах и архаичных знаках, нанесенных на свадебные атрибуты, чувствуется внутреннее стремление умилостивить злых духов, уберечь от сглаза или придать себе силу.

Обряды свадебного цикла подробно описаны у Р.Х. Керейтова, он указывает: «Свадебный цикл сохранял свою стройность и состоял из сватовства – *«кыз айттырув»*; бракосочетания – *«неке кыюв»*; привода невесты в дом жениха – *«кыз йыйган той»* (у кубанских ногайцев), *«кыз узатар той»* (у

[93] Гимбатова, М.Б. Культура поведения и этикет ногайцев в семейном и общественном быту (XIX начало XX века) / М.Б. Гимбатова. – Махачкала, 2007. С. 165.

степных ногайцев); обряда открытия лица невесты – *«бет ашар той»* [94].

К выбору невесты подходили очень строго. Она должна была соответствовать социальному и материальному положению семьи жениха. Если с этой стороны все было в порядке, вступали в силу другие критерии: красота, поведение, умение шить, вышивать, изготавливать бурки, башлыки и т.д.

Ключевое значение в определении социального и материального положения невесты и ряда предъявляемых требований, имела свадебная юрта *«ак отав»*, которая являлась частью приданого. В этнографическом очерке «Ногайцы» указывается: «Ковры, кошмы и другие предметы интерьера изготовляла сама невеста» [95]. Есть сведения о том, что юрта переходила по наследству и была подарком отца невесты.

Помимо юрты *«ак отав»* сторона невесты готовила и *«куьйме»* – свадебную арбу с кибиткою. «В арбе *«куьйме»* перевозили невесту в дом жениха, чтобы никто не мог видеть», – пишет С. Фарфоровский [96]. *«Куьйме»* изготавливали из досок и прикрепляли к арбе дощечками, окрашенными в разные цвета. Верхнюю часть повозки покрывали самым красивым войлоком, декор которого состоял в основном из мотивов-оберегов. П.Б. Засодимский при описании *«куьйме»* ногайцев Ставропольской губернии отметил: «… если же невеста — вдова, то арба ее остается незакрытой во время брачного поезда». При описании свадебного обряда он сделал записи и относительно свадебной арбы и юрты *«отав»*: «… невесту усаживают в приготовленную для нее арбу, иногда великолепно раскрашенную в щегольские туземные узоры и в различные цвета. На эту же арбу (или на другую, если невеста из богатой

[94] Керейтов, Р.Х. Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры: монография / Р.Х. Керейтов; науч. ред. Ю.Ю.Клычников; Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований. – Ставрополь: Сервисшкола, 2009. С. 305.

[95] Керейтов, Р.Х. Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры: монография / Р.Х. Керейтов; науч. ред. Ю.Ю.Клычников; Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований. – Ставрополь: Сервисшкола, 2009. С. 115.

[96] Фарфоровский, С.В. Ногайцы Ставропольской губернии: историко-этнографический очерк / С.В. Фарфоровский// Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества. – Кн. XXVI. – Вып. 7. – Тифлис, 1909. С. 34.

семьи) укладывается все ее имущество и сверх того устанавливается ее брачная кибитка, называемая *«отáуй»*. У этой кибитки верх делается круглый и вся она состоит из цельной решетки. Кибитка становится на арбу только в таком случае, если у арбы нет закрытого верха. Нередко также брачную кибитку переносят на руках в дом новобрачного» [97].

Маркирующими признаками, указывающими на принадлежность конкретной юрты к свадебному действу, являлись следующие элементы:

-свадебный флаг *«туьнлик»* – кусок войлока трапециевидной формы, размером 62х97 см, привязанный к длинному шесту, выходившему через дымовое отверстие юрты. Флаг крепился к юрте узорными шерстяными лентами. Такими же лентами, только с бахромой, опоясывали верхнюю и нижнюю часть юрты;

-*«ак отав»* имел роскошно украшенный войлочный дверной занавес *«келиншек эсик кийиз»*. Женщины, помогавшие изготавливать *«келиншек эсик кийиз»*, в процессе валяния желали девушке счастья в семейной жизни, хорошего супруга, доброй свекрови, здоровых детей, долгих лет жизни, богатства. Нашивая орнаменты разных цветов, мастерицы желали невесте следующее: голубой цвет (символ неба) – всегда чистого неба над головой, желтый (символ разума) – покладистого характера, белый (символ истины, радости, счастья, чистоты) – целомудрия, черный (символ земли) – богатства, зеленый (символ весны, плодородия) – здоровых детей, красный (символ молодости, огня, солнца) – красоты;

-по обе стороны от входа развешивали четыре полосы войлока прямоугольной формы – *«иныг»*. Две полосы имели размер 95х33 см, а две другие – 95х28 см. Следующий ряд составляла полоса, вытянутая повертикали, состоящая из 4-х войлоков, вырезанных в форме ромба – *«бияла»*. Очень

[97]Засодимский, П.Б. Татары-ногаи Ставропольской губернии / П.Б.Засодимский // Живописная Россия. – СПб., 1899. – Т. VII. – Ч.II. С. 71.

важным являлось то, каким цветам отдавали предпочтения: так, например, белые, красные, голубые тона говорили о статусе семьи и ее материальном состоянии;

-почти на все изделия, используемые в свадебной обрядности, наносили узор *«дува»* – амулет, встречающийся на широком поясе *«отава»*, на свадебном флаге, по краям войлочных ковров, на мужской и женской одежде. В свадебной повозке узор *«дува»* в прошлом имел магическое, охранное и апотропейное значение и своими корнями уходил вглубь веков. Можно также предполагать, что элементы *«дува»* защищали своей магической силой жилище ногайцев, в том числе и жилище новобрачных от злых духов, неприятностей, сглаза, капризов злонамеренных сил;

-самым нарядным и архаичным элементом украшения ногайской юрты был свадебный занавес *«шымылдык»*. Этот яркий, самобытный атрибут свадебного обряда может многое рассказать не только об обычаях и верованиях ногайцев, но и поведать о сакрально-культовых и эстетических представлениях народа. До сегодняшнего дня он являлся объектом исследования историков, этнографов и культурологов, в связи с чем, отсутствует ряд сведений, о его семантико-герменевтических качествах и технологических особенностях выполнения декора, что входит в компетенцию искусствоведов [98].

В приданое невесты кроме юрты *«отав»* и войлочных ковров входили самые разнообразные одеяла и матрацы из верблюжьей и овечьей шерсти. Из войлока ногайцы изготавливали прекрасные подушки – круглые, квадратные, прямоугольные, цилиндрические, состоящие из нескольких слоев войлока, для их изготовления использовали шерсть лучшего качества, обычно верблюжью. Валяли войлок для подушек очень аккуратно и медленно. Каждый его кусок прошивали волнистыми линиями вдоль и поперек. Подушки украшали шерстяными нитками разных цветов, чаще всего, растительным и

[98]Канокова, Ф.Ю. Художественные особенности оформления экстерьера и интерьера ногайской юрты / Ф.Ю. Канокова // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 1-3 (55). С. 16-19.

космогоническим орнаментом.

Частью приданого невесты был настенный войлочный ковер *«келин кийиз»*, вышитый руками невесты. Этот ковер валяли из белой шерсти самого высокого качества. Для помощи приглашали только самых близких родственниц, имеющих здоровое потомство.

Поле ковра покрывали в основном растительным и космогоническим орнаментом, реже зооморфным, в более ранних образцах встречался и антропоморфный орнамент. В декоре ковра должен был обязательно присутствовать солярный знак *«тоьгерек»* или *«куьн»* – круг, солнце.

Декор наносили узорной вышивкой из окрашенных натуральными красителями ниток. Для вышивки *«келин кийиза»* также использовали символические цвета. Каждый орнамент наносился с благочестивыми пожеланиями счастливой семейной жизни.

В одной ногайской легенде, рассказанной мастерицей Аджиньязовой Апуьв, объясняется, почему в художественном оформлении ковра невесты *«келин кийиз»* стали использовать лишь белую шерсть и нитки красного, синего и зеленого цвета «В столице Ногайской Орды, в городе Сарайчик, жил известный ногайский бай Осман и была у него дочь Салият, которая росла послушной и трудолюбивой девочкой. Когда пришла 18-я весна, Салият влюбилась в своего друга Аскера. К сожалению, этот юноша был из бедной семьи и не мог дать за Салият большой калым, как требовал того ногайский обычай. Тогда молодые решили сбежать.

Перед разлукой Салият захотела проститься с отцом. Ночью, войдя в комнату отца, дочь прошептала прощальные слова. Осман, притворившись спящим, услышал это и, когда Салият вышла из его покоев, приказал слугам схватить ее и запереть в высокой башне. Отец хотел отдать дочь за большой калым старому другу Умару, у которого был гарем и Салият должна была стать его двенадцатой женой. Аскер, не дождавшись Салият, покинул город, так как

по закону его должны были убить.

Бедная Салият в ожидании своей участи, попросила отца принести ей шерсть белой и черной овцы, чтобы соткать ему на память ковер. За неделю Салият соткала отцу белый, как снег, ковер и на нем черными нитками написала послание. Затем она покончила собой.

По ногайским обычаям тело покойника принято заворачивать в ковер. Салият завернули в ее же ковер. После погребального обряда ковер развернули и тогда все жители Сарайчика прочитали послание девушки. На нем было написано: «Отец, я тебя никогда не прощу». После этого, девушки, которые должны были выйти замуж, ткали белые ковры, а орнаментом стали растительные узоры только красных, синих и зеленых цветов» [99].

Определенное место в циклах свадебного обряда ногайцев имели разнообразные войлочные сумки. Из войлока, с большим старанием и искусством, ногайские мастерицы изготавливали сумку *«капшык»*. По сообщению Р.Х. Керейтова:- «…в эту сумку складывали *«кудагый суыйин»* (букв. на радость кумовьям), состоящий из *«казбалы»* (атласный платок), *«коыйлек»* (рубашка) – для отца, *«шыбалык»* (отрез на платье) – для матери жениха [100]. Также для угощения родителей жениха в *«капшык»* складывали вареную баранью грудинку – *«тоьс»*.

После двух-трех посещений молодой женщиной родительского дома ее отец приглашал домой зятя, ему дарили *«киеу куржын»* (сумку зятя), в нее складывали подарки для родителей зятя в виде отрезов на платье, рубахи. По возвращении домой зять вручал сумку своей жене. После данного обряда зять мог беспрепятственно ходить в дом родителей жены.

---

[99] Канокова, Ф.Ю. Декоративно-прикладное искусство ногайцев. Художественный войлок / Ф.Ю. Канокова – Ставрополь: Логос, 2017. С. 34-35.

[100] Керейтов, Р.Х. Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры: монография / Р.Х. Керейтов; науч. ред. Ю.Ю.Клычников; Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований. – Ставрополь: Сервисшкола, 2009. С. 314.

Довольно часто при проведении различных свадебных церемоний используются деревянные чаши. В день сватовства в самые красивые чаши наливали хмельной напиток *«боза»* и ставили на стол перед сватами. *«Бузу»* в большом количестве приготовляли для свадеб. Существовал обычай коллективного питья бузы *«кезбе боза».* Для питья бузы служили особые деревянные чаши с ручкой *«саплы аяк»*.

В день проведения мусульманского обряда бракосочетания *«неке кыюв»* в богато декорированную чашу, известную у ногайцев всех этнических групп под названием *«керполат аяк»* (основная чаша), наливали сладкую воду с медом *«сербетсув»*. По завершении обряда эфенди брал в руки чашу с *«сербет сув»*, выпивал из нее немного и передавал другим. Как только все выпьют *«сербетсув»*, чашу заворачивали в атласный платок и отдавали дяде невесты. Чашу, наполненную ритуальной бузой, преподносили тамаде из числа родственников невесты в момент их приезда в дом жениха, это была особая чаша, тонкая, с красивыми резными ручками со стилизованными изображениями бараньих или турьих рогов.

Когда зять первый раз посещал дом супруги, тесть брал в руки полную деревянную чашу с кумысом или бузой, провозглашал тост, после чего, пригубив чуть-чуть, отдавал чашу всем по очереди. Последним пил зять. Затем его приглашали в среду женщин. В отличие от мужчин, здесь ему давали в деревянной чаше *«сербетсув»* и говорили: «Пусть будут молодые друг другу сладки как эта вода». Зять должен был пригубить, а затем возвратить чашу [101].

Отдельный комплекс, наделенный магическими оберегами и архаичными знаками, составлял свадебный наряд. Невеста навсегда расставалась со своей девичьей шапочкой и платком красного цвета. Вместо них готовили белое свадебное покрывало *«тастар»*. Лик невесты сокрывали

[101] Керейтов, Р.Х. Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры: монография / Р.Х. Керейтов; науч. ред. Ю.Ю.Клычников; Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований. – Ставрополь: Сервисшкола, 2009. С. 318.

специальным покрывалом *«буьркеншик»*.

Свадебное платье шили из дорогих тканей красного цвета, его обшивали золотыми тесемочками, галунами. На рукавах и углах пол платья и кафтанчика располагали вышитые орнаменты-обереги. Поверх платья надевали комплекс украшений, в основном их изготавливали из серебра и инкрустировали сердоликом, кораллами и бирюзой. К украшениям привешивали монетки и маленькие полые шарики-бубенчики. Которые во время движения невесты издавали звон, тем самым, по представлениям ногайцев, отгоняя злых духов.

Отдельный комплекс представлял и костюм жениха. Его шили из дорогого сукна белого цвета, украшали лучшими атрибутами (ременной пояс, газыри, оружие). Газырницы обшивали галунами, рубаху украшали четырехугольными пуговицами *«капшык-туьйме»*, на спину нашивали *«тумар»*. Отличительным знаком для жениха служил головной убор – тюбетейка *«арахчин»*.

Изделия, использующиеся в обрядах свадебного цикла у ногайцев, стали их неотъемлемым компонентом, являясь маркирующими признаками социального статуса семьи, ее материального благосостояния, а также мастерства невесты. Через их декор и украшение выражались особенности художественной культуры народа, его эстетические идеалы и представления.

Изложенный материал дает основание предполагать, что бытующие и в наши дни календарные, семейно-бытовые и общественные праздники, обычаи и обряды часто облечены в оболочку ислама. Однако они являются реликтами прежних идеологических представлений ногайцев. Особенно живучи они в традиционных религиозных верованиях, мифах, фольклоре, культе могил непредусмотренных исламом святых праведников. Все эти примеры позволяют говорить о местной форме «традиционного ислама» у ногайцев, несколько отличающегося от его канонического прототипа [Схема 3 Приложения 1].

ГЛАВА II. ТРАДИЦИОННАЯ АРХИТЕКТУРА НОГАЙЦЕВ

2.1. Формирование и развитие традиционных типов поселений ногайцев (кочевые, полуоседлые, оседлые)

Без рассмотрения вопроса о формировании и развитии различных типов поселений ногайцев, не представляется возможным определение художественных особенностей организации предметно-пространственной среды их традиционных жилищ.

Поселения ногайцев, располагались на огромной территории Северного Кавказа, Предкавказья, Северного Причерноморья и в степях Поволжья. На протяжении многих веков сложились их основные типы – кочевые, полуоседлые и оседлые [Схема 4 Приложения 1].

На рубеже XV-XVI вв. столицей Ногайской Орды был город Сарайчик. «Сарайчик был одним из важнейших городов, построенных на узловом в стратегическом отношении участке стыка Европы и Азии, он обеспечивал безопасность отрезка трансконтинентального караванного пути из стран Европы и столицы Золотой Орды на Волге в города Хорезма, Ирана, Индии и Китая. В силу этого в Сарайчике строились дворцы, караван-сараи, бани, мечети, медресе и другие здания. Город имел хорошо разработанную планировку с прямыми широкими улицами и площадями. Важную роль в развитии города сыграл тот факт, что Сарайчик был идеологическим центром, местом распространения ислама» – отмечают в своем исслеовании археологи Казахстана И. Тасмагамбетов и З. Самшев [102]. Являясь политическим центром Ногайской Орды Сарайчик был местом проживания ногайских государственных деятелей, представителей мусульманского духовенства.

В столице находился постоянный орган управления при бие – *«карадуван»*. Следует особо отметить факт постоянного местонахождения

[102]Ногайцы: XXI век: История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему // Материалы Второй Международной научно-практической конференции. – Черкесск, 2016. С. 178.

этого органа управления, необычного в условиях кочевого общества. Кроме него часто при бие созывался совет, куда входили все высшие должностные лица Ногайской Орды. Для разрешения важных вопросов внутренней и внешней политики и для приема иностранных послов, который осуществлялся в Сарайчике, созывался большой совет – *«корныш»*. Его заседание проводилось в торжественной обстановке в соответствии с правилами кочевого патриархального этикета.

В обозначенный период в городе происходило изменение топографии. Жилые участки, расположенные вдоль реки, пустели, и население начинало концентрироваться в южном районе города, вдоль ныне сухого русла у его северо-западной окраины.

Археологические данные свидетельствуют о том, что «Сарайчик ногайского периода был городом-крепостью, со всех сторон защищенный стенами. Остатки укреплений сохранялись до середины XIX в. Дома, возведенные в этот период, были многокомнатными, с традиционными лежанками-суфами, обогреваемыми внутренними каннами от топок с тандыром. Но, наряду с этой традиционной системой отопления, встречаются топки, характерные для присардарьинских городов. Они не имели топочного отверстия; кизяк, камыш или дрова закладывались в них сверху. Полы в комнатах выложены обожженным кирпичом, также имелись умывальники – тошнау» [103].

Оставленные жителями кварталы города, впоследствии, были превращены в некрополь и приобрели значение святого места. Тысячи погребений покрыли заброшенные районы города. Среди них выделяются захоронения, совершенные в особых склепах – курханах (небольших полуквадратных в плане мавзолеях с почти плоским, вальмовым

[103] Ногайцы: XXI век: История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему // Материалы Второй Международной научно-практической конференции. – Черкесск, 2016. С. 179.

(четырехскатным) сводом). Возводились они из обожженного кирпича и служили семейными усыпальницами в течение длительного времени. Такой тип усыпальниц постордынской эпохи встречается и на территории Нижнего Поволжья, в частности, на Селитренном городище в Харбалинском районе Астраханской области, и, по мнению исследователей, напрямую связан с ногайцами.

В период распада Ногайской Орды Сарайчик пришел в упадок, разрушились крепости. В результате междоусобиц князей и мурз население часто подвергалось нападениям. Под властью ханов и мурз находились большие улусы – это были кочевые поселения. Оседлых земледельческих поселений в период распада Ногайской Орды не было. Они начали, видимо, появляться в XVI в. у причерноморских и в XVII в. у кубанских ногайцев, а затем у других групп, которые в результате раздробления Большой и Малой ногайских орд разделились на причерноморских и приазовских, нижнеповолжских, прикаспийских, кубанских, кумских ногайцев. Оседлые поселения возникали на местах временных зимних поселений, где имелись хозяйственные постройки.

Поселения причерноморских и приазовских ногайцев. Первые сведения о зимних поселениях причерноморских ногайцев относятся к середине XVI в. О наличии постоянных жилищ в первой половине XVII в. свидетельствуют Э. Де Асколи и Дж. де Лукка, котрый указывает на то, что буджакские ногайцы «живут в окресностях владения Басарбы или Белгорода. Они расположились на границах Валахии, между реками Днестром и Дунаем и берегами Черного моря. Главный город у них Белгород, иначе Аккерман» [104]. В середине XVIII в. Де Тотт зафиксировал у буджакских ногайцев села [105]. Это были уже типичные

[104] Жан де Люк. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин. 1625 г. / Жан де Люк // ЗИООИД. – 1879. – Т. XI. С. 488.

[105]Tottde.Memoires sur les Tartares.Amsterdam, 1784.P. 56.

поселения с саманными домами, хозяйственными постройками, огороженными усадебными участками. В конце XVIII-начале XIX в. здесь начался переход населения к оседлости. Управляющий ногайцами граф Я.Я. Мезон в 1819 г. отмечал: «Местные ногайцы окончательно вышли из кочевого состояния и… освоились с порядками и занятиями оседлого общежития» [106]. В Таврической губернии указом от 1821 г. был образован город Ногайск, где имелись училище и школа.

Поселения Астраханских ногайцев. В Нижнем Поволжье, ногайцы, после распада Ногайской Орды группировались и оседали в большинстве вокруг Астрахани. Процесс оседания и образования постоянных поселений у них был идентичен остальным группам ногайцев. Здесь также зимние поселения постепенно превратились в постоянные. Ранние сведения по поводу поселений юртовских ногайцев, сообщает С.Г. Гмелин: «Все в сих деревнях находящиеся домы, снаружи худы, деревянные, без кровель, построены беспорядочно, и как дворы, так и скотские хлевы обнесены камышом. Татары живут в них только зимой, а летом переходят в свои кибитки» [107]. По сообщению П. Небольсина, в Красноярском уезде Астраханской губернии кундровские ногайцы (карагаши) имели «зимовки в двух обширных селениях: Сеитовке и Хожетаевке». В начале XIX в. в Сеитовке уже имелось 3 мечети и 84 деревянных дома, а в Хожетаевке – 4 мечети и 90 домов.

Поселения ногайцев северо-западного Прикаспия. Процесс образования поселений в степях северо-западного Прикаспия весьма интересен. Здесь жили караногайцы, затем мигрировали едишкульцы, джембойлуковцы и едисанцы. В Хасавюртовском округе жили костековские и аксаевские ногайцы. Характерным типом поселения ногайцев этого района были аулы. Как правило, они располагались рядом с реками или колодцами. Юрты в кочевом летнем

[106] Сергеев, А.А. Ногайцы на Молочных водах / А.А. Сергеев. – Симферополь. 1912. С. 178.

[107] Гмелин, С.Г. Путешествие по России / С.Г. Гмелин. – СПб., 1777. – Т.II. С. 174.

ауле устанавливали на расстоянии 6-12 м друг от друга. Двери юрт выходили на юг. В центре аула стояла юрта *«авылбая»*. Большие патриархальные семьи располагались в ауле обособленно. При этом в центре юрт родственников стояла юрта главы патриархальной семьи [108]. В октябре-ноябре кочевые аулы собирались к зимним поселениям *«кыслав»*. «Ногайцы раскладывают свои юрты, образовывая деревню, с очень узкими восточными входами, с камышовой изгородью, с оградкой из камыша для скота и навесом *«какыра»*… Такое аккуратное расположение юрт и скотного двора производит очень приятное впечатление» [109]– писал Р. Эркерт. Зимние поселения для каждого аула были постоянными. В 1808 г. старшина Кутан аула Магомет Отепов писал: «Предки мои и верителей моих того же аула старшин Агама Алиевича и Юсупа Картмамбетова с товарищами в трехстах казанах состоящими, имели с давних времен зимнее кочевье в Кизлярском уезде по урочищу Таразе…Предки наши завели там для зимовки хутора» [110]. На зимних поселениях были хозяйственные постройки. Для крупного рогатого скота строили навес из плетней – *«аран»*. С южной стороны он был открыт, с других сторон огораживался плетнем, а крыша делалась из камыша. Для овец строили *«котан»* – сарай-навес в ценре база. Базы огораживали утрамбованными перекати-полем, крышу засыпали землей. Сооружали загоны для скота из камыша и бурьяна. Сено хранили на зимниках в стогах.

Постепенно зимники превращались в крупные для своего времени оседлые поселения. Аулы сначала были малодворными, но довольно быстро росли, в них не было четкой планировки, застройка домов шла стихийно. Выходцы из одной фамилии селились отдельными кварталами. Нехватка воды

[108] Калмыков, И.Х. Ногайцы / И.Х. Калмыков, Р.Х. Керейтов, А.И-М.Сикалиев. – Черкесск, 1988. С. 103.

[109] Erckert R. Von Der Kaukasus und seine Volker / R. Erckert – Leipzig, 1887. P. 40.

[110] ЦГА ДАССР, ф. 350. оп.д. 44, л. 29.

не позволяла иметь приусадебные огороды и сады. В целом, процесс перехода к оседлому образу жизни у ногайцев северо-западного Прикаспия завершился только в годы Советской власти. Вместе с новым бытом возник новый тип оседлого поселения.

Поселения кубанских ногайцев. Первые оседлые поселения, как свидетельствуют источники, появляются у кубанских ногайцев на рубеже XVII-XVIII вв. Большой интерес представляют сведения И.Г. Георги, сообщаемые им о Наврузовском улусе кубанских ногайцев в конце XVIII в. Он пишет: «они живут по левой же стороне Кубани при реке Лабе в построенных на левую руку деревнях… жилища состоят из плетня, кольев и сплетенных из камыша рогож, которые они обкидывают глиною» [111].

Установлено, что кубанские ногайцы, составлявшие часть Большого и Малого Ногая (наурусовцы, казыевцы или Касаев улус, отдельные группы едисанцев, едишкульцев, джембойлуковцев и др.), в конце XVIII-начале XIX вв. полностью перешли на оседлость. Аулы кубанских ногайцев располагались вдоль одного из берегов рек Кубани и Малого Зеленчука. Улицы в них были сквозные с севера на юг. Здесь также сохранился фамильно-родовой принцип образования кварталов. В центре аулов располагались административные здания, рядом с ними – дома чиновников. На краю аула находилось кладбище, где каждому роду выделялся свой участок. Местное духовенство придавало большое значение наличию мечетей. Они имелись в каждом ауле. Усадьбы в ауле огораживали плетнями и каменными заборами. Дома строили в глубине двора. Помещения для скота, баз для овец и коров, птичник строили за домом.

Поселения кумских ногайцев. По сведениям XVII-XVIII вв., население, получившее у ногайцев название *«куьми ногайлар»* и впоследствии образовавшее современный аул Канглы, «кочевало по рекам Калаусу, Янкулям,

[111] Георги, И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, украшений, забав / И.Г. Георги. – СПб., 1799. – Ч.II. С. 39.

Куме, Сабле и около гор Бештау» [112]. Аулы кумских ногайцев располагались в большинстве по родовому признаку. В 1881 г. в ауле Канглы было 492 двора с 547 жилыми строениями. В ауле находились волостное правление, мечеть, три лавки, четыре водяных мельницы, шесть кузниц. Колоссальные изменения произошли в аулах кумских ногайцев в первые десятилетия Советской власти.

Таким образом, рассмотрев типы поселений ногайцев различных этногрупп, можно отметить, что они, в своем развитии, прошли ряд этапов, для каждого из которых характерны определенные формы (кочевая, полукочевая, оседлая), несущие на себе отпечаток природных условий, особенностей развития и истории народа, расселенного на огромной территории, что явилось причиной слабости экономических связей отдельных географических районов.

Первоначальным типом поселений ногайцев, как и других кочевников, являлись временные стоянки-кочевья. У ногайцев известны два вида кочевания: более или менее большими группами и в одиночку, изолированно. В более отдаленном прошлом ногайцы совершали дальние перекочевки. Так, по сообщению М. Броневского, ногайцы, кочевавшие в XVI в. в северокрымских степях, весной отправлялись в Перекоп, иногда и «за Перекоп в самую Таврику, иногда против Перекопа в город Оссов или Азов…, лежащий при устье Танаиса, или Дона…Далее они переходят к Истму на обширные равнины и наиболее на те, которые лежат между Борисфеном, Меотийским озером и Черным морем, подвигаясь все далее и далее, для отыскания лучших пастбищ. Но в октябре, когда свирепствуют там холодные ветры, идут беспрерывные дожди, они опять возвращаются к своим кибиткам» [113]. Английский путешественник А. Дженкинсон, проезжавший в середине XVI в. по нижневолжским и астраханским степям, где кочевали ногайцы, отмечал:

[112] Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе / Н.Ф. Дубровин. – Спб., 1871. – Т.1. С. 261.

[113] Броневский, М. Описание Крыма (TartarialDescriptio) Мартина Броневского / М. Броневский // ЗИООИД. – Одесса, 1867. С. 337-338.

«…они передвигаются с домами, подобными палаткам, устроенными на повозках и перевозными с места на место верблюдами. В них они перевозят жен, детей и все свое добро» [114].

В XVII в. для ногайцев было характерно кочевание большими группами – улусами, во главе с мурзами, которые, в зависимости от обстоятельств (междоусобная борьба, политическая ориентация, экономические выгоды и т.д.) часто меняли районы своих кочевок и расположение улусов на кочевьях. В этот период для ногайцев было характерно кочевание с неразборными тележными юртами. Становища улусов ногайских мурз называли «тележными городками». «Иногда телеги, – писал итальянский путешественник Э. Де Асколи, – съезжаются в таком количестве, что представляют вид очень большого города» [115]. При описании ногайцев, кочующих по астраханской степи А. Олеарий пишет: «…они ставят свои избы на высокие телеги… и перекочевывают» [116]. Изображение кибитки на телеге он зафиксировал на гравюрах [Рисунок 21 Приложения 3].

В XVIII-XIX вв. ногайцы-кочевники уже не совершали таких дальних и продолжительных переходов. «Маршруты ногайцев не превышали 10-25 км в небольшом радиусе. Пастбища их были связаны с колодцами, реками Сулак, Терек, Зеленчук, Кубань, Кума, берегами Каспийского моря и т.д. Поэтому кочевали они замкнутыми цикличными кругами, главным образом вблизи источников, где были наиболее обширные пойменные и луговые места для выпаса скота летом и зимой. Перекочевка происходила на арбах, запряженными быками, на лошадях и верблюдах, на них складывали разборную и

[114]Дженкинсон, А. Путешествие в Среднюю Азию в 1558-1560 гг./ А.Дженкинсон// Английские путешественники в Московском государстве. – Л., 1937. С. 169.

[115] Асколи, Э. Описание Черного моря и Татарии, составленное доминиканцем Эмиддио Дортелли де Асколи, префектом Каффы, Татарии и пр. в 1634г./ Э. Асколи // ЗИООИД. – 1902. – Т. XXIV. С. 130-131.

[116] Олеарий, А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно/ А. Олеарий. – СПб., 1906. С. 403.

неразборную юрту и весь домашний скарб» [117]. Места для летних и зимних стоянок выбирались с соответствием с сезонными условиями кочевого скотоводства (наличие кормовой базы, источников воды и учет климатических факторов). Трудности с водой вынуждали ногайцев кочевать небольшими группами – аулами. Зимние поселения располагались более компактно, летние – разбросанно. По словам С.В. Фарфоровского: «Зимние аулы обносили бурьяновыми изгородями. Кибитки отгораживались со всех сторон стенами из бурьяна для защиты от холодов. Такие стены делали и для загона скота во время буранов и метелей» [118]. Подобные описания сделал и Р. Эркерт: «Они устанавливают свои жилища, состоящие из войлочных шатров, на манер деревни, с очень узкими, восточного типа проходами, протянувшимися между плетнями из тростника и жередей или оградами, внутри которых частично под камышовыми укрытиями содержится скот» [119].

В зимнем ауле кибитки общинников устанавливались в ряд, полукругом, в виде кольца и очень редко – хаотично. При установлении кибиток в ряд и при хаотичном их расположении, ногайцы придерживались определенных принципов. Жилища располагали на определенном расстоянии друг от друга (5-10м) с ориентацией на юг. Это делалось для оптимального использования солнечного тепла и для ориентации во время моления в сторону юга. Самое удобное место занимал *«авылбай»* (в лощине, у реки или колодца), рядом с ним ставили свои кибитки его сыновья и другие родственники, соблюдая степень родства и старшинства [120].

---

[117] Гаджиева, С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX вв. / С.Ш. Гаджиева. – М. : Наука, 1976. С. 40.

[118] Фарфоровский, С.В. Ногайцы Ставропольской губернии: историко-этнографический очерк / С.В. Фарфоровский// Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества. – Кн. XXVI. – Вып. 7. – Тифлис, 1909. С. 198.

[119] ErckertR. VonDerKaukasusundseineVolker / R. Erckert – Leipzig, 1887. P. 40.

[120] Гаджиева, С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX вв./ С. Ш. Гаджиева. – М. : Наука, 1976. С. 40.

Если аул был расположен полукругом, за кибитками располагали скот. Форма кочевого поселения в виде кольца была господствующей традицией, характерной для эпохи родо-племенных отношений, особенно, для периодов межплеменных столкновений. В вышеуказанном типе поселений, *«авылбай»* или старейшина обычно устраивались в центре. Построение кочевого лагеря кольцом С.А. Плетнева связывает с «культом солнца, древнейшим символом которого был круг с точкой в центре» [121]. В начале XIX в. наблюдался четырехугольный принцип планировки аула, возникавший при какой-нибудь опасности извне. «Сей народ, – писал И. Дебу о ногайцах, – неустрашим, способен переносить невероятные трудности и нужды. Ведет жизнь подвижную, уклаываясь и переносясь с одного места на другое с невероятной проворностью. При малейшей же тревоге в пути с величайшей скоростью из телег своих четвероугольное укрепление, внутри которого помещает свое имущество, жен и детей, и обороняется отчаянно» [122].

Общераспространенным типом жилища ногайцев в период их кочевого быта была юрта *«терме»*, которая, не будучи капитальным строением, по своему функциональному назначению полностью соответствовала образу жизни и способу ведения хозяйственной деятельности. Она легко разбиралась, перевозилась на вьючных животных и снова собиралась, по художественному оформлению и декору ей не было равных. Ногайцы сохранили и другой тип жилища, который перевозился цельным на повозках – это неразборная юрта *«отав»* и повозка для перевозки невесты *«куьйме»* [Рисунок 22 Приложения 3].

Те и другие производили на основе деревянного каркаса, покрытого кошмой, которая обеспечивала абсолютную водонепроницаемость, а плотность шерсти в войлоке сохраняла необходимую температуру внутри. Летом в юрте

[121] Плетнева, С.А. От кочевий к городам / С.А. Плетнева// МИА. – М., 1967. - № 142. С. 69.

[122] Дебу, И. О кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске / И. Дебу. – Спб., 1829. С. 136.

царила прохлада, а зимой, наоборот, сохранялось тепло. Но гениальность юрты заключается в том, что структура юрты без особых проблем выдерживает сильнейшие ветры. Ориентация входа юрты на юг сохраняется у ногайцев при постройке домов и по настоящее время.

Возвращаясь с летних кочевок, ногайцы устанавливали свои юрты, как правило, там, где они были раньше и где остались загоны для скота, топливо, зерно, сено и другие заготовки, сделанные семьей. На этих зимних кочевьях и стали, впоследствии, возникать постоянные жилые помещения, а затем и постоянные аулы. Изначально они были малодворными и имели от 2-х до 29 домов. С начала XX в. количество дворов и построек в них увеличивается, а ряд аулов превращается в довольно крупные населенные пункты. Нередко рядом с саманной постройкой стояла кибитка. В местах оседлости в числе первых возникали сооружения культового назначения – мечети. Аулы ногайцев постоянного поселения имели однокамерные жилища из саманного кирпича с примитивными хозяйственными постройками.

С 20-х годов XX в., с установлением Советской власти, начинается массовый переход ногайцев к прочной оседлости, отмеченный коренными социально-экономическими преобразованиями села.

2.2. Художественно-конструктивные особенности и композиционная система оформления внешнего и внутреннего убранства ногайской юрты сборно-разборного типа «терме»

Традиционная архитектура ногайцев, в противовес понятиям монументальности и капитальности постройки, являет собой подвижность и двойственность, обусловленную спецификой кочевого и скотоводческого хозяйства.

Изначальный пространственный тип народной архитектуры и декоративно-прикладного искусства ногайцев, неиссякаемый источник

визуальной информации, закодированной в конструкции, архаичных знаках и цветовых формулах – это юрта. Будучи великим символом кочевничества, сегодня, она вызывает вполне определенный образ жилища ногайцев.

Довольно интересно происхождение самого термина *«юрта»*. Считается, что он заимствован из тюркского языка. В научной литературе и в бытовом обиходе *«юртой»* называют традиционные жилища кочевников. У ногайцев же, термином *«юрт»* обозначали владение с находящимся на его территории жилищем, пастбищными угодьями и населением. Названия современных населенных пунктов ногайцев (например, аулы Эркен-Юрт, Кызыл-Юрт) более всего соответствуют такой изначальной трактовке этого слова.

Большинство ученых сходятся в том, что юрта, в ее традиционном виде, появилась в VI в. у тюркских кочевников евразийских степей. Ее предшественниками были конический чум, имеющий дымовой отверстие, яранга с двуярусным каркасом, где шесты свода опираются не на землю, как у чума, а на треноги нижнего яруса и шалаш хуннуского типа с плетеными разборными стенами. Оставив позади опыт «негативного зодчества», предки ногайцев не только совершенствовали свои повозки, но и обратились к другому способу первичного пространственного формообразования, создав исходную форму, с которой собственно и начинается эволюция их архитектуры к синтетическому искусству зодчества.

Юрта возникла в результате тонкой отладки целого с оптимальным использованием каждой ее части. На протяжении тысячелетий форма каждой детали переносного жилища определялась не одной, а многими причинами: юрту можно было собрать и разобрать, сравнительно легко перевезти вьюком. Формирующим моментом нового сооружения стало пространство, а масса переживалась как абстрактная граница. Подвижная оболочка с портативной формой отграничивала и защищала объем внутреннего пространства и часть

земной поверхности, необходимой для жизнедеятельности кочевника, что сделало ее, с одной стороны – типовой и биологической, с другой – духовной и абсолютной [123].

Таким образом, для понимания содержания, которое вкладывалось в образы традиционного жилища ногайцев, необходимо рассмотреть пространственные представления этноса и связанные с ними принципы формообразования – понятия оси, центра, невидимой сферы, ритма, подобия, «своей» земли и проницаемости границ – медиальности. На основе этих образных ассоциаций, синтеза антропоморфных, космогонических и социальных значений, реально осваивалась только одна плоскость, остальные – условные, недосягаемые для архитектурных преобразований, принимались как окружающая это сооружение данность. К ним относится все то, что зрительно включается в поселение – небосклон, фрагменты степного пейзажа и т.д.

В представлениях ногайцев юрта – это модель Вселенной. Сборка и разборка юрты при перекочевках символизировали наступление Хаоса и возрождение Гармонии. Сфера юрты являлась маленькой копией сферы небосвода над степью. Остов ограничивал земной круг. Длинный шест, который держал дымовое отверстие – это мотив столба, подпирающего небосвод, железный кол от земли до неба, который начало берет от центра земли, а вершиной упирается в Полярную звезду. Деревянные купольные жерди *«увык»* – куполообразный небосвод. Их бесконечный ряд по окружности создавал иллюзию кругового движения звездного неба вокруг неподвижного центра – Полярной звезды, символически находящейся в «неподвижном» центре *«шагарака»*. *«Шагарак»* – вершина – верхний мир – символическое небо.

Размеры юрты соответствовали масштабу человека, внутренняя

[123] Турганбаева, Л.Р. Архитектурно-пространственная организация системы традиционного казахского поселеня // Дис. …доктора архитектуры /Л.Р. Турганбаева. – Казахстан, 2009. С. 65, 78.

планировка учитывала интересы и вкусы ее обитателей, обеспечивая хозяйственно-бытовую деятельность. Чтобы сняться с места стоянки (разобрать юрту, уложить имущество, навьючить животных) требовалось всего 2-3 часа. Сама юрта весила около 350 кг и поэтому ее легко перенести на вьючных животных. «Когда же приходит время кочевать, – пишет Н.Л. Жуковская, – в период с конца весны до середины осени, иногда по нескольку раз в месяц, что определяется погодой и состоянием пастбищ, – два человека за два часа способны разобрать юрту, компактно сложить друг на друга решетчатые стены, скатать в один рулон все войлочные покрытия и разместить все это на двух верблюдах, а всю мебель – на одной двухколесной повозке, в которую запрягают быка» [124].

Перекочевка на летние пастбища воспринималась как праздничное событие, предварялась различными очистительными обрядами и производилась в соответствии со строгими ритуальными правилами. В монографическом очерке «Ногайцы» встречаем: «Перед началом весенней перекочевки в каждой юрте приготовляли праздничное кушанье, готовили кумыс, резали скот и уже за день до перекочевки устраивали праздненство. Собирали лучших скакунов, наездник и соревновались в джигитовке. Состязались борцы и силачи, певцы и музыканты» [125].

Конструкция и убранство юрты описаны в разное время, первое упоминание встречается в XIII в. у фламандского путешественника Гильомо де Рубрука [126], позднее у А. Олеария[127], Жана де Люка [128], Э. де Асколи [129], в XIX

[124] Жуковская, Н.Л. Пространство и время в мировоззрении монголов / Н.Л. Жуковская // Mongolica. – М., 1986. С. 122.

[125]Калмыков, И.Х. Ногайцы / И.Х. Калмыков, Р.Х. Керейтов, А.И-М.Сикалиев. – Черкесск, 1988. С. 103.

[126] Рубрук, Г. Путешествие в Восточные страны / пер. А.И. Малеина. – СПб., 1911. С. 260-265.

[127] Олеарий, А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / А. Олеарий. – СПб., 1906. С. 403.

[128] Жан де Люк. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин. 1625 г./ Жан де Люк// ЗИООИД. – 1879. – Т. XI. С. 473 - 493.

в. у А.П. Архипова [130], Г.Ф. Малявкина [131], Г.Б. Ананьева [132], из современных исследований можно выделить историко-этнографический очерк «Ногайцы» [133], монографические работы С.Ш. Гаджиевой [134] и Р.Х.Керейтова [135]. «Они живут в избах (кибитках), которые круглы, с диаметром обыкновенно в 10 фут, сплетены из тростника или камыша и похожи на корзины… сверху они покрыты войлоком, в середине которого оставлено отверстие для дыма; впрочем, близ этого отверстия прикрепляется еще кусок войлока, который может вертеться по ветру. Когда зажженный ими из сухого кустарника и сушеного коровьего помета костер выгорит, а также уйдет и дым, то они опускают верхний кусок войлока» – писал А. Олеарий [136].

Согласно сообщению Г.Ф. Малявкина, ногайцы «выбрав участок для устройства жилья, клали на землю, предназначенную для центра свода кибитки деталь – шагарак, напоминающую колесо, принимали ее за центр и устанавливали вокруг нее раздвижные решетки [137]. Исследователь ногайского быта О.В. Маргграф писал: «Терме имела основание свое на складных клетях, утвержденных на ремне с обеих сторон петлями. Она делалась из шерстяных войлоков, решеток из разных видов дерева, досок и веревок. Для терме нужно было лесу тростей ореховых трех с половиною саженных – 300, на дверцы карагачевых брусков – 4, односаженных толщиною и шириною в пять вершков,

[129] Эмидио Дортелли де Асколи. Описание Черного моря и Татарии / Эмидио Дортелли де Асколи // ЗИООИД. – Одесса, 1902. – Т. 24. С. 89-180.

[130]Архипов, А.П. Три отрывка из сочинения о ногайцах и туркменах / А.П. Архипов// Кавказ. - 1855. С. 347-355.

[131] Малявкин, Г.Ф. Караногайцы / Г.Ф. Малявкин // Терский сборник. – Владикавказ, 1893. – Вып. 3. С. 133-173.

[132] Ананьев, Г.Б. Караногайцы, их быт и образ жизни / Г.Б. Ананьев// Сборник сведений о Северном Кавказе. 1908. – Вып. 2. 1-22.

[133] Калмыков, И.Х. Ногайцы / И.Х. Калмыков, Р.Х. Керейтов, А.И-М.Сикалиев. – Черкесск, 1988. С. 112 - 120.

[134] Гаджиева, С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX вв. / С.Ш. Гаджиева. – М. : Наука, 1976. С. 57-59.

[135] Керейтов, Р.Х. Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры: монография / Р.Х. Керейтов; науч. ред. Ю.Ю.Клычников; Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований. – Ставрополь: Сервисшкола, 2009. С. 203-210.

[136]Олеарий, А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно/ А. Олеарий. – СПб., 1906. С. 403.

[137]Малявкин, Г.Ф. Караногайцы / Г.Ф. Малявкин// Терский сборник. – Владикавказ, 1893. – Вып. 3. С. 148.

две доски, длиною в сажень, шириною в шесть вершков, толщиною в один вершок» [138].

При изучении сборно-разбоных юрт караногайцев, исследователь ногайской материальной культуры С.Ш. Гаджиева пишет: «Каркас сборно-разборной юрты состоял из решетчатых звеньев *«шетен»*, которые соединялись в блоке *«табан»*. От числа звеньев зависела величина жилища [139]. По сведениям А.П. Архипова, ногайская юрта могла «состоять из пяти, шести, восьми, десяти и двенадцати отдельных решеток, связанных обыкновенно одна с другою шерстяной веревкой». Далее автор уточняет, что «двенадцатирешетчатая кибитка – самая большая, и у ногайцев встречается весьма редко, да и то лишь у людей очень богатых» [140].

Расположение предметов в юрте было строго фиксированным. Убранство интерьера ногайской юрты доступно описал Г.Б. Ананьев: «Переступив порог кибитки, на северной стороне ее можно увидеть зеркало с какой-нибудь пестрой рамкой, набитые разным платьем сумки, которые с наружной стороны обтягиваются шкурою жеребенка или козы, с вышитыми на них разными узорами пестрых материй. По правой стороне находится кровать с наклонными сторонами, раскрашенная разными яркими красками; на кровати бывает несколько подушек с пестрыми ситцевыми наволочками, тюфяк и одеяло, над кроватью обыкновенно бывает привязана веревка с навешанными на ней разными мужскими и женскими костюмами. Около кровати, ближе к дверям, есть полка, на который ставятся глиняные и деревянные чашки, ложки и ковши, сплетенный веревочкой тонкий камыш – сито» [141]. «Рядом с кроватью

[138]Маргграф, О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа / О.В. Маргграф. – М., 1882. Ч. 134.

[139] Гаджиева, С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX вв. / С.Ш. Гаджиева. – М. : Наука, 1976. С. 45.

[140]Архипов, А.П. Домашняя ногайская утварь / А.П. Архипов// Географические известия. – 1850. – Вып.1. С. 73.

[141] Ананьев, Г.Б. Караногайцы, их быт и образ жизни / Г.Б. Ананьев // Сборник сведений о Северном Кавказе. 1908. – Вып. 2. С. 4.

всегда стоял вместительный сундук. На него укладывали постельные принадлежности. Кровать укрывали занавеской» [142].

В вышеперечисленных источниках юрта рассматривается как часть этнической истории и бытовой культуры этноса, при этом отсутствует художественная характеристика и искусствоведческий анализ ее основных элементов, несущих визуальную информацию, закодированную в форме конструктивных элементов, цветовых формулах, архаичных знаках, нанесенных на войлочные изделия, посуду, утварь, мебель.

Большая ногайская юрта – *«терме»* – имела круглую в плане форму и была очень сходна по устройству с юртой других кочевых народов Азии [143], особенно с калмыцкой [144]. Юрта имела в диаметре около 7-8 м, а высота ее стен составляла около 2 м. Встречались юрты большей величины, а также меньших размеров – около 4-5 м и с низкими стенами. Такие юрты преобладали у бедноты [Рисунок 23,24 Приложения 3], [Таблица 4 Приложения 2].

Решетка собиралась из деревянных жердей, которые в местах их пересечений скрепляли кожаными кольцами. Вследствии такого шарнирного соединения решетчатое звено при разборке и перевозке юрты могло складываться в мешок. Растянутые решетчатые звенья устанавливали в круг и скрепляли друг с другом широкой тесьмой. Установленные таким образом, они образовывали жесткий каркас стен, который состоял из трех типов конструкций – стен, свода и светодымового отверстия. Трем типам конструкции соответствуют части кошменного покрова – для стен *«тувырлык»,* для покрытия свода в форме трапеции *«узик»* и кошма для закрывания светодымового отверстия *«серпик», «оьрке».*

---

[142] Гаджиева, С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XXв. / С.Ш. Гаджиева. – М. : Наука, 1976. С. 57.

[143] Токарев, С.А. Этнография народов СССР / С.А. Токарев. – М.: Изд-во МГУ, 1958. С.45.

[144]Бентковский, И. Жилище и пища калмыков Большедербентского улуса / И. Бентковский //Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. – Ставрополь, 1868. – Вып. I. С. 83.

Основой сборно-разборных стен юрты служили раздвижные секции *«эргенек», «канат», «кереге»,* состоящие из отдельных звеньев, связываемых в единую поверхность, включающую в себя и конструкцию двери, состоящую из двери *«капы»*, коробки *«энеге»* и порога *«босага»*. При возведении стен юрты вначале ставился дверной косяк и навешивалась дверная рама, символизирующая границу между двумя мирами – человеческим и «диким», неосвоенным. У входа в юрту вешали обереги, отпугивающие злые силы, а створки двери расписывали охранными знаками. К дверной раме привязывали *«канаты»* из выгнутых, соединенных сыромятными ремешками палок, которые при натягивании образовывали круговую стену юрты. Плоскость *«каната»* получалась путем соединения положенных друг на друга разнонаправленных реек. Сыромятный гвоздик *«кок»*, соединяющий рейки, позволяет конструкции *«каната»* раздвигаться в плоскость и вновь сдвигаться, но уже в пластину. Такие трансформации формы являются основным принципом кочевого жилища. После рождения детей в семье жилую площадь расширяют, добавляя секции.

Второй конструктивный слой – свод состоит из отдельных шестов – *«увык»*, которые привязываают к конструкции стены – в развилку двух реек – *«бас канат»*. Затем кто-то из мужчин поднимает на шесте венчающее юрту светодымовое отверстие – *«шагарак»,* вторые концы *«увыка»* вставляют в его обод *«туьнлик»*.

Все слои соединяются и обтягиваются камышовыми циновками *«шипта»* и войлоками *«кийиз»*. Для поднятия светодымового отверстия и кошменных покрытий используется шест.

Двери делали одно и двухстворчатыми, деревянными, они вращались на шарнирах, имея вверху и внизу выступы, которые вставлялись в гнезда, сделанные в раме. Двери украшали ярким рисунком, чаще геометрическим. Порог делали высоким. Окон в юрте не было. Крыша имела коническую форму.

Каркас крыши собирали из жердей, нижний конец которых имел кожаную петлю, а верхний был заостренным. Петли надевались на рогатки (крестовины), которые получались при установке решеток стен (верхние развилки решеток) и заостренные концы вставлялись в гнезда на деревянном ободе верхней детали крыши, имевшей вид колеса со спицами диаметром около 1 м. Решетки стен, жерди крыши, нередко и деревянный обод, увенчивающий крышу, были окрашены в красный цвет.

Собранный остов юрты снаружи покрывался циновками *«шипта»*. Техника плетения циновок была простой. На дворе вбивали два бревна высотой 1,5 метра и на них клали перекладину *«аркалык»*. Через перекладину перевешивали в трех местах шерстяную пряжу, на концы которой наматывали грузики. Для плетения циновок брали камыш и клали на перекладину, а концы висящей пряжи перекидывали через перекладину на правую и левую сторону. Затем брали другую камышину, как и первую, клали ее на перекладину и концы пряжи перебрасывали в противоположные стороны и т.д. По мере образования циновки, сплетенная часть спускалась в одну сторону, а с другой ее уравновешивали камнем или другой тяжестью. После того, как циновка достигала нужной длины, концы пряжи (шнурков) туго завязывали узлами, а края камыша или чакана обрезали ножницами [145].

Циновки накрывали войлоками. Богатые люди обтягивали каркас юрты двумя-тремя слоями длинных войлочных полос *«тувырлык»*. Бедные же ограничивались одним слоем кошмы. Войлоки на нижней части стен юрты крепили при помощи натянутых поверх них волосяных веревок или широких (в ряде случаев узорчатых) шерстяных лент *«оьзоькбасар», «белдевлик», «итебан»* с бахромой, которые прижимали войлоки к каркасу. В ряде случаев каркас стен для прочности стягивали лентой или арканом не только поверх войлоков, но и под ними. Все это делалось, однако, с таким расчетом, чтобы

[145] Кочекаев, Б.Б. Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества / Б.Б. Кочекаев. – Черкесск, 1973.С.101.

можно было приподнимать и опускать полосы войлоков в нижней части стен, образуя отверстия для проветривания помещения в жаркое время года.

Войлок крыши состоял из двух кусков трапециевидной формы, крепившихся нижним краем при помощи оттяжек к кольцевой веревке или ленте, опоясывавшей юрту, а наверху – шерстяным жгутом к ободу верхнего кольца. Кроме того, каждый кусок войлока крыши притягивался с помощью двух длинных веревок, привязанных к его верхним углам; эти веревки охватывали наперекрест конус крыши и привязывались к кольцевой веревке. Днем в ясную погоду угол одного из полотнищ крыши (с подветренной стороны) откидывали, за счет чего образовывался дополнительный проем для освещения, проветривания и выхода дыма. Основной же проем находился на вершине крыши, им служил *«шагарак»*. При ненастной или холодной погоде этот проем закрывали квадратным куском войлока *«оьрке»*, который крепили к кольцевой веревке при помощи четырех оттяжек.

Как отмечалось выше, юрта ногайцев обычно имела деревянные двери. Однако, в зимнее время на дверь с наружной стороны еще навешивали дверной войлок *«тоьсага», «эсик кийиз»*, чтобы в юрту не проникал холодный воздух и не разносил дым внутри помещения. В большинстве случаев дверной войлок обшивали с лицевой стороны плотной, чаще светлой, тканью и украшали разноцветными аппликациями. Летом этот занавес снимали или, свернув трубкой, поднимали и укрепляли над дверью.

Войлоки нижней цилиндрической части юрты *«этеклер»* обычно были черными и имели белый фриз, а верхняя конусообразная часть юрты *«увык»* была белой и завершалась черным кольцевым жгутом. Применялись и другие расцветки. «У богачей, – писал А.П. Архипов, – кибитки обтягиваются белою щегольскою полстью, с красными лентами и тесьмами, а у бедняков серыми…

и всегда весьма непрочными, приготовляемыми наскоро и кое-как» [146].

Для противостояния порывистым ветрам юрту прикрепляли при помощи веревок к колышкам, вбитым в землю [Рисунок 25 Приложения 3].

Каждая часть юрты имела символическое значение. К примеру, светодымовое отверстие *«шагарак»* называли «дверь в небо», оно символизировало солнце, лучи которого *«увык»* опирались на стены. Считалось, что через *«шагарак»* в юрту заглядывало небесное божество, благославляя людей. Определенное семантическое значение придавали порогу юрты *«босага»*. Через порог нельзя разговаривать друг с другом, нельзя стоять на пороге и держаться за оба косяка двери, плохой приметой служило, если человек споткнулся о порог при выходе. С входом, по-видимому, и с порогом связан другой интересный обычай у ногайцев – вывешивания над входом черепа лошади. Аналогичный обычай зафиксирован у многих народов. Считалось, что череп лошади предохраняет жилище и его жителей от сглаза и влияния различных злых духов [147].

Вокруг жилой юрты на пространстве радиусом 5-6 м размещается то, что не может находиться внутри, но без чего хозяева никак не могут обойтись [Рисунок 26 Приложения 3]:

-к северо-востоку от юрты – загон для скота, куда на ночь загоняют овец и молодняк всех видов;

-на востоке – маленькая юрта *«отав»* (довольно часто рядом располагалось несколько юрт разного назначения) – это либо хозяйственная юрта, используемая в качестве хозяйственного склада, либо юрта, в которой жили незамужние дочери хозяина, его жены или молодые семьи сыновей. У

[146]Архипов, А.П. Домашняя ногайская утварь / А.П. Архипов// Географические известия. – 1850. – Вып.1. С. 73-74.

[147]Керейтов, Р.Х. Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры: монография / Р.Х. Керейтов; науч. ред. Ю.Ю.Клычников; Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований. – Ставрополь: Сервисшкола, 2009. С. 407.

богатых ногайцев такие юрты использовались и в качестве столовой;

-на юго-востоке – коновязь (два столба, соединенные веревкой) – символ «дома» коня. Коновязь была обязательным атрибутом – стойбищем. Символика коновязи уходит в представления о мировом древе, а его установка – с желанием размножения (разветвляясь, подобно дереву). Этнографы отмечают, что утилитарная функция столба-коновязи – это более позднее напластование на архаическое сакральное значение. «Кочевники, лишенные возможности длительное время жить на одном месте и пользоваться одним и тем же растущим священным деревом, были вынуждены его срубить и, очистив от ветвей и сучьев, возить с собой. Приехав на новой место, они устанавливали столб – копию небесного древа – своего временного жилища» [148]. Материалом для ее изготовления служили прочные породы деревьев, такие как лиственница, кедр, сосна. Это было связано не только с тем, что это наиболее устойчивые породы деревьев, но и с тем, что это были деревья вечнозеленые, что тоже наполняло изготовление и установку коновязи определенным символическим значением. Особыми требованиями были размеры коновязи, ее толщина, глубина ямы, в которую ее устаналивали. Как правило, коновязь устанавливали перед женитьбой сына. От нее начиналось формироваться культурное пространство нового дома, новой молодой семьи. Если коновязь ломали, это означало окончательное разрушение микромира человека. Известны случаи установки коновязи в случае замужества дочери. Коновязь регламентировала присутствие посторонних на территории, прилегающей к жилищу. Она была границей пространства для кочевников. По количеству навоза возле коновязи судили о благополучии и благосостоянии рода и семьи;

-на юге, напротив входа в большую юрту пространство оставалось открытым;

-на юго-западе обычно ставили деревянную двухколесную повозку, ее

[148] Дугаров, Д.С. Исторические корни белого шаманства на материале обрядового фольклора бурят / Д.С. Дугаров. – М., 1991. С. 130.

изготавливали без единого гвоздя, настолько в течение тысячелетий все детали были идеально подогнаны друг к другу;

-на западной стороне лежал сложенный в кучу кизяк (сухой навоз крупного рогатого скота), который используют для топки очага. Изготовляли его следующим способом. Навоз на базу круглый год не убирали, вследствие чего он прессовался. Весной, после обильных дождей, прессованный навоз разрезали лопатой на кирпичи, сушили и складывали в суслон. Чтобы сюда не проникала вода, верх суслона обмазывали жидким помётом. Летом свежий помёт сушили, а сухой – собирали для повседневного использования.

Устойчивость традиции наблюдалось в планировке и во внутреннем убранстве юрты. Одной из важных особенностей является рациональная и целесообразная организация внутреннего пространства [Рисунок 27 Приложения 3], [Таблица 5 Приложения 2]. Несмотря на то, что планировка интерьера представляет единое архитектурно-художественное целое, юрта разделена на четкие функциональные зоны. Семантически она делится на пять частей:

-*центр* – место расположения главного сакрального объекта юрты – очага. Огнище *«ожак»* – площадка размерами 1,5 х 1,5 м, где разводили огонь. Здесь стоял металлический треножник, на который ставили котел для приготовления пищи. Здесь же в горячей золе пекли хлеб. Центральное размещение очага являлось древней устойчивой традицией кочевнического жилища. Ногайцы эту традицию сохранили вплоть до перехода к оседлой жизни. Очаг являлся важной частью жилища, с ним были связаны важнейшие стороны жизни ногайца. Недаром многие авторы отмечали, что «у очага сгруппировано все; около него происходит вся жизнь караногайца. Здесь он родится и умирает» [149]. Кроме практического значения, домашний очаг, как

[149] Малявкин, Г.Ф. Караногайцы / Г.Ф. Малявкин // Терский сборник. – Владикавказ, 1893. – Вып. 3. С. 141.

отмечает С.А. Плетнева, издревле «у всех языческих народов мира был объектом поклонения, духом-покровителем» [150].

Ногайцы считали, что очаг наделен многими магическими свойствами. Вокруг очага проходила жизнь ногайца, с ним он связывал радости и горести судьбы. Самое проклятие для ногайца *«Тандырынъ соьнсин»* – «Пусть потухнет твой очаг» и самое лучшее благопожелание *«Тандырынъ соьнмесин»* – «Да не потухнет твой очаг». До настоящего времени живы эти слова. В доме на очаг нельзя выливать воду. У ногайцев вообще нельзя на огонь мочиться, считают, что такого человека постигает кара или у него краснеют глаза. С очагом и оистительной силой огня у ногайцев связаны и другие приметы. Например, при варке бузы ее первые капли должны были плеснуть на огонь. Сажу могли использовать в качестве различного лекарства. До сих пор сажей мажут лицо ребенка, предохраняя его от «злого глаза» [151];

-*северная сторона* – почетная часть юрты, где сидел глава семьи или почетный гость. Эта древняя традиция кочевников была зафиксирована Г. де Рубруком уже в XIII в.: «Помещают постель господина на северную сторону. Место женщины всегда с восточной стороны, то есть налево от хозяина дома, когда он сидит на своей постели, повернув лицо к югу. Место же мужчин с западной стороны, то есть направо. Мужчины, входя в дом, никоим образом не могут повесить своего колчана на женской стороне» [152]. Шесть столетий спустя, в XIX в., Г. Ананьев отметил, что у ногайцев «почётным местом в кибитке считается северная сторона, приходящаяся прямо против дверей, и это место более других обставлено подушками. Хозяйка или старшая жена всегда сидит в кибитке по правую сторону её (т.е. слева от мужа), где котлы, съестные

[150] Плетнева, С.А. От кочевий к городам / С.А. Плетнева// МИА. – М., 1967. - № 142. С.58.

[151] Керейтов, Р.Х. Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры: монография / Р.Х. Керейтов; науч. ред. Ю.Ю. Клычников; Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований. – Ставрополь: Сервисшкола, 2009. С. 406-407.

[152] Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. – М., 1957.

припасы и всё добро, а остальные жёны большей частью ей прислуживают» [153]. Почётное место главы семьи называлось «*тоьр»*. На это место никто не имел права сесть даже в отсутствие главы семьи. *«Тоьр»* покрывали самыми лучшими белыми и коричневыми постилочными войлоками. По правую сторону рассаживали гостей по старшинству, затем – мужскую половину семьи. Если среди гостей находился человек старше главы семьи, то почётное место занимал он. По левую сторону от почётного места садились жёны по старшинству, ближе к дверям рассаживались невестки. Между жёнами и невестками садились дочери главы семьи;

-*западная, правая сторона* – гостевая или мужская. Прежде всего, эта сторона примечательна тем, что здесь принимали и угощали гостей. В гости ходили в основном мужчины, так как они были менее заняты, чем женщины. На правой стороне хранились конская сбруя, охотничий инвентарь – то есть предметы, имеющие отношение к специфике мужского труда. Здесь же вдоль стены, стояли друг за другом одна две деревянные кровати. В богатых домах кровати были сделаны из древесины кедра. Иногда устанавливали просто лежанки – широкие плахи на круглых чурках, где спали члены большой семьи;

-*восточная, левая сторона* – хозяйственная или женская. На этой стороне (правая при входе) размещались предметы, относящиеся к кухне, а так как домашним хозяйством занимается женщина, эта часть считается женской. Несмотря на разделение зон, женщины могли заходить на правую сторону. Этот запрет относился только к невестке, но не касался дочерей. Именно с невесткой была связанна левая сторона, как символ чужеродности. Согласно традиционным представлениям, «левое» значило, в частности, потусторонний мир; подать кому-либо чашку чая левой рукой считалось верхом оскорбления, воспринималось как пожелание смерти человеку;

---

[153] Ананьев, Г.Б. Караногайцы, их быт и образ жизни / Г.Б. Ананьев // Сборник сведений о Северном Кавказе. 1908. – Вып. 2. 1-22.

-*южная сторона.* Если северная часть считалась почётной, то южное пространство, примыкающая к двери, самая «низшая» часть жилища. При приёме гостей строго соблюдались сословные и возрастные особенности человека: почтенные по возрасту и рангу люди рассаживались выше на почётной стороне, молодежь и люди победнее, оказывались «ниже» – ближе к двери.

Также пространство было ориентировано по солнцу и связано с четырьмя сторонами света. Предки ногайцев поклонялись солнцу на восходе и ставили юрту входом на юг. Став лицом к югу, когда солнце в зените, определяли правую и левую стороны в ней. Ориентация на юг – эта сторона, откуда, по мнению предков ногайцев, всегда веет тепло. Эта особенность установки юрты, позволяла им определять время суток. По движению солнечного луча, падающего сквозь дымовое отверстие и перемещающегося по внутренним конструкциям юрты, ногайцы определяли время, которое, в свою очередь, определяло всю их трудовую, календарную, обрядовую и семейная жизнь.

Юрта неразрывно была связана и с народным календарем 12-летнего животного цикла *«муьшел»*, который, изначально, относился к солнечному календарю. Его персонажи прочно ассоциируются с определенной частью юрты [Рисунок 28 Приложения 3]. Внутреннее пространство юрты, подобно циферблату, символически разделено на 12 частей, а перемещение солнечного луча от одной части к другой занимает два обычных часа. Животное, этим часам отвечающее, определяло хозяйственное значение соответствующего места в юрте:

-*мышь* – с нее начинается 12-летний цикл, она знак богатства и его накопления. В северной части юрты под знаком мыши хранили сундуки с ценным имуществом и сажали самых почетных гостей;

-*корова* – символ достатка, пищи, под ее знаком – шкаф с готовыми

продуктами;

-*тигр* – символ силы и мужества, под его покровительством находится кровать супругов – хозяев;

-*заяц* – символ слабости, пугливости. Этот символ указывает местонахождения детей в изножье кровати родителей;

-*дракон и змея* – символы воды и водной стихии, на женской (восточной) половине юрты хранились сосуды с водой;

-*собака* – страж юрты, символ охоты, в северо-западной части юрты хранилось оружие;

-*лошадь* – символ подвижности, главная ценность кочевника – охранял вход в юрту и благополучие хозяина;

-*овца* – под ее знаком в холодное время года держали новорожденных ягнят;

-*обезьяна* – часто ассоциируется и совмещается с созвездием Плеяды – под этим знаком место для конского снаряжения;

-*курица* – символ плодородия и молодости, под ее знаком место для гостей, молодых мужчин;

-*кабан (свинья)* – сытость и достаток, под его знаком, находится сундуки с продуктами. В далеком прошлом дикий кабан почитался как один из тотемных животных.

Стены и пол юрты украшали кошмами и коврами *«кийизами»* [Рисунок 29-33 Приложения 3]. Настенные войлочные ковры *«там кийиз»* вешали по бокам юрты с внутренней стороны, они в свою очередь делились на держащий ковер *«тутув кийиз»* и поясной ковер *«белдемей»*. *«Тутув кийиз»* служил украшением верхней половины боковых стен юрты, его изготовляли больших размеров и декорировали крупным строгим орнаментом. Войлочный ковер *«белдемей»* вешали ниже *«тутув кийиза»* по всей окружности юрты. Пол застилали постилочными войлоками *«тоьсев кийиз»* разных размеров и

расцветок. Они всегда были толще настенных, узоры на них наносились методом вваливания и узорного простегивания, они, как и настенные ковры, были нескольких видов. *«Куба кийиз»* – ковер из шерсти коричневого цвета. Поле такого ковра оставляли без орнамента, узором украшали только его края. Для декора применяли орнамент *«булша»* – пуговица, *«канатлы булша»* – крылатая пуговица, *«кус бурын»* – клюв птицы и т.д. Существовал и другой вид ковра *«куба кийиз»*, который использовали для покрытия и выделения почетного места в юрте, его украшали крупными орнаментальными элементами зооморфного орнамента, симметрично повторяющимися по всему полю войлока [154].

Имущество каждой семьи составляли самые необходимые вещи, приспособленные к частым перевозкам [Рисунок 34-38 Приложения 3]. Мебель располагалась по кругу у решетчатых стен в определенном порядке. Направо от входа помещались деревянные полки или шкаф для кухонной посуды. Здесь же стояли сосуды для заквашивания молока. Далее следовала деревянная кровать хозяина. Между этими предметами имелось небольшое пространство. За ним по кругу стоял баран (скарб) из одного или двух – трех низких нешироких шкафов на высоких ножках. На них рядами складывали орнаментированные войлочные ковры, кожаные мешки с зимними вещами. Наверху этой пирамиды ставили небольшие сундуки, их количество зависело от достатка семьи. Далее следовала кровать дочери. Рядом располагали низенький стол. Меблировка юрты завершалась деревянной вешалкой, на которую вешали узды, арканы, седло и т.п. Кочевая жизнь не располагает к умножению вещей и разнообразию. В условиях частого передвижения эти предметы и каждый член семьи имели свое постоянное место. Убранство юрты, одежда, предметы быта несли единый стиль, выработанный и отшлифованный столетиями кочевой жизни, которая

[154] Канокова, Ф.Ю. Войлочные ковры «кийизы» у ногайцев – традиционные особенности изготовления и орнаментального оформления / Ф.Ю. Канркова // Гуманитарные науки: коллект. науч. монография; [под ред. Н.Р. Красовской]. – М.: Изд. Интернаука, 2016. Т. 1. С. 97-114.

определяло минимальное количество вещей, необходимых при кочевках. Все предметы убранства юрты были по форме узкие и не длинные, так как при перекочевках они помещались с боков животных, чтобы не мешать его движениям.

Во внутреннем убранстве жилища проявлялась социальная неоднородность. У аулбаев и других состоятельных людей юрты имели лучшую обстановку, включающую ковры, кошмы из высококачественной шерсти с богатой отделкой, шелковые занавеси, вышитые вещевые сумки, сундуки, богатую постель.

Рассмотрев ногайску юрту *«терме»*, можно сделать вывод о том, что в ней, как в традиционном виде жилища этноса, воплотившем в себе модель и образ окружающего мира, с наибольшей полнотой и последовательностью раскрываются мировоззрение и эстетические принципы ногайского народа. По описанию внешнего и внутреннего убранства юрты видно, что это своего рода музей народного искусства, где сосредоточены в таком маленьком уютном помещении все виды декоративно-приклдного искусства ногайцев. Таким образом, ногайцы, организовав и обустроив предметное наполнение в пространстве, получили среду для существования. Народные мастера произвели необходимые предметы и окружающую среду, которая стала не только условием и средством, но и самоценным результатом их деятельности.

2.3. Художественно-конструктивные особенности и композиционная система оформления внешнего и внутреннего убранства ногайской юрты неразборного переносного типа «отав»

Традиционным типом жилища ногайцев была переносная юрта неразборного типа *«отав»*, которую ставили на телеги и перевозили при перекочевках [Рисунок 39 Приложения 3], [Таблица 6 Приложения 2]. Согласно утверждениям отдельных исследователей – «некоторые юрты такого типа

вообще с телеги не снимались и были прикреплены к ней наглухо»[155].

Юрты *«отав»* изображены и на гравюрах XVIII-XIX вв., они имели широкий ареал распространения у родственных тюркских народов [Рисунок 40,41 Приложения 3].

Неразборную юрту изготавливали из орешника. Занимались этим мастера-мужчины. Кумские ногайцы (таргу-ногай, аксай-ногай и костек-ногай) часто покупали готовые юрты у караногайцев и ачикулакских ногайцев, которые славились как лучшие мастера по изготовлению юрт [156].

Исследователь ногайского быта О.В. Маргграф отмечал: «на изготовление «*отав»* шло лесу 4 бруска карагачевых, 3 саженные высотою, 2,5 вершка шириною; на столбики брусков карагачевых односаженных – 30, толщиною в 1, а шириною – в 1,5 вершка; на поперечные – тростей ореховых или чинаровых односаженных – 30; на средние круги брусков тополевых – 3-х саженных, толщиною и шириною в два вершка – 6; на верхний круг карагачевый брусок – 1,3-х саженной толщиною и шириною в 3,5 вершка; на дверцы – 4 бруска карагачевых односаженных, толщиною и шириною в пять вершков; досок карагачевых односаженных толщиною в один вершок, и шириною в шесть вершков – 2; тростей, чинаровых или ореховых двухсаженных – 50»[157].

Устройство юрты *«отав»* в деталях напоминало устройство юрты «*терме*». А.П. Архипов, при изучении переносных типов жилищ ногайцев писал: «Кибитка «*отав»* состоит из среднего и нижнего обручей «*эргэ»*, верхнего – «*яшгарак»*, меньших – «*шектал»*, находящихся между верхним и средним, продольных прутьев – «*тобетал»*, нижних продольных столбиков –

[155] Шенников, А.А. Жилые дома ногайцев Северного Причерноморья / А.А. Шенников // Славяно-русская этнография. – Л., 1973. С. 54.

[156] Гаджиева, С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX вв. / С.Ш. Гаджиева. – М. : Наука, 1976. С. 53.

[157] Маргграф, О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа / О.В. Маргграф. – М., 1882. Ч. 135.

«*джялкан»*, перекрёстных прутьев – «*ашямай»*, двух дверных половинок, порога и перекладины – «*босага»*, и шеста – «*крок»*, на котором утверждается верхняя стёганая закрыша – «*тунулук»*. К двери привязывается занавеска – «*эсик*»» [158].

В своем «Путешествии в Персию через Московию» Какаш и Тектандер, характеризуя кочевой быт астраханских ногайцев, писали, что ногайские татары «Свои жилища, очень красиво сделанные из войлока и хлопчатобумажной ткани разных цветов и похожие на небольшие палатки (только что верхушки их совершенно круглы), возят за собою на повозках о двух колесах, куда впрягаются верблюды» [159].

В 1625 г. Жан де Люк, касаясь севернопричерноморских ногайцев, также отмечает, что «у этих татар нет городов, а есть много домов и кибиток, которые они ставят на повозки» [160].

Несколько позже Э. Де Асколи сообщает: – «ногайцы живут в степи, на повозках, на коих устраивают как бы комнаты, прикрепляя к повозкам крыши из тонких прутьев, формой напоминающие церковные купола, покрытые войлоком… Таких помещений они устраивают, сколько им понадобится, и на этих повозках, запряженных волами, переезжают с места на место»[161]. Заслуживают внимания и свидетельства таких авторов XVII в., как А. Олеария и Я. Стрейса, которые указывают на наличие у ногайцев переносных неразборных юрт, устанавливаемых «на высокие телеги» или «высокие

[158]Архипов, А.П. Домашняя ногайская утварь / А.П. Архипов // Географические известия. – 1850. – Вып.1. С. 74.

[159]Какаш и Тектандер. Путешествие в Персию через Московию 1602-1603 гг. // ЧОИДР – М., 1896. – Кн. 2. С. 26.

[160] Жан де Люк. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин. 1625 г./ Жан де Люк// ЗИООИД. – 1879. – Т. XI. С. 485.

[161]Эмидио Дортелли де Асколи. Описание Черного моря и Татарии / Эмидио Дортелли де Асколи // ЗИООИД. – Одесса, 1902. – Т. 24. С. 130.

повозки» [162].

Француз Ж.Б. Тавернье, совершивший путешествие по Московскому государству и Кавказу в середине XVII в. оставил следующие сообщения об образе жизни ногайцев, через поселения которых он проезжал: «…они проживают в палатках или повозках. Палатки для стариков, малолетних детей… у каждой молодой женщины есть своя повозка, хорошо закрытая: им разрешается по вечерам проводить некоторое время в палатках» [163].

Сходные сведения встречаются и у авторов XVII в. Так И.Г. Георги, писал о так называемых западных ногайцах, кочевавших по Бессарабии, что их жилища «состоят в небольших юртах, сделанных из плетня. Юрты их крупные, шириною не более полторы сажени. Стены высотою около четырех футов… Разбирать их весьма трудно; почему при перекочеванье ставят они их на высокие татарские двухколесные телеги, и таким образом перевозят. У многих находятся для спанья, варения пищи, для жен и детей особливые юрты. Знатные и богатые люди живут в больших юртах, обитых шелковыми обоями, украшенных софами, диванами, серебряною посудою. Далее он замечает, что «кубанские или восточные орды имеют такие же точно простые и богатые юрты, в которых они кочуют летом». Интересные сведения приводит Георги, касаясь и так называемых кундровских ногайцев: «Юрты их похожи на кубанские: при переноске не могут ни разбираться, ни раскрываться. И на арбах или телегах лежат они некоторым образом на подпорках или на перевесе; так что одна пара волов может очень легко перевесть целую юрту со всею семьею. Поелику юрты их с телег не снимаются, то и в летнее время спят они под оными» [164].

---

[162]Олеарий, А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / А. Олеарий. – СПб., 1906. С. 403; Стрейс, Я.Я. Три путешествия / Я.Я. Стрейс. – М., 1935. С. 196.

[163]Tavernier, J.B. Voyages enTurque, enPerse, et aux Indes / J. B. Tavernier., vol. 2. Paris, 1810.P. 68-69.

[164]Георги, И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, украшений, забав / И.Г. Георги. – СПб., 1799. – Ч.II. С. 41-44.

Описывая жилище полуоседлых ногайцев, расселенных в районе Астрахани и известных под названием юртовских, действительный член Российской Академии наук С.Г. Гмелин отмечает, что кибитки, с которыми они летом кочуют «совсем другого рода, нежели калмыцкие, и гораздо калмыцких меньше, так что самая большая татарская кибитка в самую меньшую калмыцкую величиною не будет, да и решетки составляющая деревянная постройка так плотно делается, что невозможно такую кибитку разобрать и опять поставить. Если она один раз собрана будет, то уже должно ей так оставаться… И так если кибитку с одного места на другое переносить должно, то… перевозят… на повозках особливого рода». Автор указывает на легкость этой повозки-арбы и кибитки, говорит, что ее «один человек с грузом кибитки подвинуть может» [165].

Архивные документы начала XIX в., относящиеся к ногайцам Таврической губернии, отмечают, что «ногайские кибитки не складываются, как калмыцкие, но перевозят оные татары на возах, или арбах» [166].

Малая юрта ногайцев *«отав»* в диаметре доходила до 4м, она была на решетчатой основе и имела в основном такую же форму, как и *«терме»*. Ее каркас при перекочевках снимали и перевозили целиком на арбе. Остов малой юрты изготовливали из дранки, прикреплявшейся к трем большим деревянным обручам, которые служили основой каркаса понизу, поверху и посередине стены. Планки каркаса крыши образовывали куполообразное покрытие. Кроме того, в отличие от *«терме»*, по всей поверхности стен и крыши *«отава»*, за исключением двери и небольшого отверстия наверху, войлок наглухо прибивали гвоздями. Деревянной двери в отаве обычно не было. Ее заменял полог, который днем отворачивался кверху и в таком виде закреплялся над

---

[165] Гмелин, С.Г. Путешествие по России / С.Г. Гмелин. – СПб., 1777. – Т.II. С. 174-175.

[166] ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19069, л. 9.

дверью.

«Утав, – писал Г.А. Малявкин о ногайской неразборной кибитке, – очень легок и упруг; его свободно можно перекатывать по земле, не разбирая по частям, он большею частью встречается у небогатых караногайцев с большими семействами. Обыкновенно молодую чету родители отделяют в отав, так как дать новую кибитку дорого. Спустя некоторое время, когда у молодых появятся дети, они стараются завести себе калмыцкую кибитку» [167].

А.П. Архипов считает отав собственно ногайской юртой. Этого взгляда придерживается и Г.А. Бонч-Осмоловский, который полагает, что «древнейшей формой жилища ногайцев был *«отав»* – небольшая неразборная кибитка. Широко бытовавшая у них в XVI-XVII в., и только в XVIII в. они стали пользоваться разборными юртами, которые заимствовали у калмыков» [168]. Автор считает, что сохранившаяся позднее свадебная кибитка ногайцев, караногайцев, туркмен и киргизов является обрядовым переживанием некогда господствовавшего у них типа жилища.

Интерьер *«отава»* был проще [Рисунок 42 Приложения 3], [Таблица 7 Приложения 2]. В нем не было множества утвари и других хозяйственных предметов, как в сборно-разборной большой юрте *«терме»*. Убранство его состояло из постели, сундука, кошм, тех же нарядно вышитых мешков, которые висели на решетках и на крючках.

Богатые ногайцы использовали неразборные юрты в качестве столовой для многочисленных членов семьи, интерьер такой юрты дополнялся полками, на которой ставятся деревянные чашки «*агаш аяк*», ложки «агаш *касык*» и ковши, сплетённый верёвочкой тонкий камыш – сито.

Со второй половины XIX в. юрта *«отав»* стала использоваться у

[167] Малявкин, Г.Ф. Караногайцы / Г.Ф. Малявкин // Терский сборник. – Владикавказ, 1893. – Вып. 3. С. 149.

[168] Бонч-Осмоловский, Г.А. Свадебные жилища турецких народностей/ Г.А. Бонч-Осмоловский// Материалы по этнографии. – Л., 1926. Т. III. – Вып.1. С. 107-108.

ногайцев только в качестве свадебной юрты молодожёнов. Она украшалась специально изготовленным войлоком. Такая юрта ставилась рядом с *«терме»* или с домом [Рисунок 43 Приложения 3]. Неразборная юрта *«ак отав»* являлась неотъемлемой частью приданного, ее передавали по наследству в качестве подарка отца невесты [Рисунок 44 Приложения 3], [Таблица 8 Приложения 2]. «Всякая девица, выходящая замуж, должна принести с собой … кибитку – *«отауй»*, – писал А.П. Архипов, – в ней она скрывается от света определенное время при выходе в замужество» [169]. Аналогичные сведения встречаются и у Ф. Фиельструпа, рассматривая вопрос о свадебных жилищах тюркских народов, он отмечал: *«Отав»* – это юрта, которую молодые получают от отца жены в приданное вместе с другим имуществом и в которой они живут в течение первого периода своей жизни после свадьбы» [170].

Помимо юрты *«отав»* сторона невесты готовила и *«куьйме»* – свадебную арбу с кибиткою [Рисунок 45 Приложения 3]. «В арбе *«куьйме»* перевозили невесту в дом жениха, чтобы никто не мог видеть», – пишет С. Фарфоровский [171]. *«Куьйме»* изготавливали из досок и прикрепляли к арбе дощечками, окрашенными в разные цвета. Верхнюю часть повозки покрывали самым красивым войлоком, декор которого состоял в основном из мотивов-оберегов.

П.Б. Засодимский при описании *«куьйме»* ногайцев Ставропольской губернии отмечал: «…если же невеста — вдова, то арба ее остается незакрытой во время брачного поезда». При описании свадебного обряда он сделал записи и относительно свадебной юрты *«отав»*: «… невесту усаживают в

[169]Архипов, А.П. Три отрывка из сочинения о ногайцах и туркменах / А.П. Архипов// Кавказ. - 1855. С. 74.

[170]Гаджиева, С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XXв. / С.Ш. Гаджиева. – М. : Наука, 1976. С. 54.

[171]Фарфоровский, С.В. Ногайцы Ставропольской губернии: историко-этнографический очерк / С.В. Фарфоровский// Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества. – Кн. XXVI. – Вып. 7. – Тифлис, 1909. С. 34.

приготовленную для нее арбу, иногда великолепно раскрашенную в щегольские туземные узоры и в различные цвета. На эту же арбу (или на другую, если невеста из богатой семьи) укладывается все ее имущество и сверх того устанавливается ее брачная кибитка, называемая *«отáуй»*. У этой кибитки верх делается круглый и вся она состоит из цельной решетки. Кибитка становится на арбу только в таком случае, если у арбы нет закрытого верха, которого, впрочем, не бывает у большинства арб бедного ногайского люда. Нередко также брачную кибитку переносят на руках в дом новобрачного» [172].

При рассмотрении свадебных юрт *«отав»*, можно выделить следующие компоненты, являющиеся общими для художественного оформления их внешнего и внутреннего убранства [Рисунок 46 Приложения 3], [Таблица 9 Приложения 2].

-первым компонентом, является *конструкция юрты* – это неразборный тип переносного жилища, перевозимый на двухколесной арбе;

-следующими компонентами являются *художественное оформление* и *композиция внешнего убранства* свадебной юрты, которая строилась в соответствии с законами симметрии, получая развитие, как по вертикали, так и по горизонтали. Подчиняясь диалектическому принципу, композиция имела равное соотношение фона и декора, благодаря чему орнаментальные мотивы, группируясь, объединялись в замкнутые и ленточные композиции по законам орнаментального контрапункта. Трехкомпонентность создавалась за счет использования трех фаз мотивов геометрического, зооморфного и антропоморфного орнамента.

Маркирующими признаками, указывающими на принадлежность конкретной юрты к свадебному действу, являются следующие элементы войлочного убранства ее экстерьера:

---

[172]Засодимский, П.Б. Татары-ногаи Ставропольской губернии / П.Б. Засодимский // Живописная Россия. – СПб., 1899. – Т. VII. – Ч.II. С. 71.

-*свадебный флаг «туьнлик»* – кусок войлока трапециевидной формы, размером 62х97 см, привязанный к длинному шесту, выходившему через дымовое отверстие юрты. Художественное оформление флага строилось по следующему принципу – центральную часть составляла композиция, состоящая из крупного ромба (в верхней части) с вписанной в него розеткой – солярным знаком, завершающимся на лучах завитками в виде бараньих рогов. Внутренний край ромба обрамлял бордюр из треугольников-оберегов, обращенных вершинами в центр композиции, две верхние грани внешнего края ромба окаймляли бордюр из четырех крупных меандров, нижние грани – два симметричных изображения бараньих рогов. Нижняя вершина ромба пересекалась с верхней вершиной маленького ромба, а нижняя вершина последнего, в свою очередь, – с вертикальной полосой, расположенной по центру композиции. С двух сторон центральной полосы имелись по две полосы такого же размера, различались они лишь по цвету.

Вся композиция обрамлена бордюром. Внутренний край бордюра состоял из ленты, декорированной S-образными мотивами. Верхняя и нижняя части внешнего края бордюра состояли из ленты, декорированной треугольниками-оберегами, боковые части – из лент, декорированных косыми полосами.

Флаг крепился к юрте узорными шерстяными лентами. Такими же лентами, только с бахромой, опоясывали верхнюю и нижнюю часть юрты. Композиция лент разбивалась на ярусы, каждый из которых имел отдельные элементы ритма – это параллельный перенос, зеркальная симметрия с вертикальной и горизонтальной осью и поворотная (центральная) симметрия. В основе построения орнаментальной композиции лежали такие элементы, как точка, полоса, треугольник, роговидные завитки, S- образный мотив, меандр, последние два могли трактоваться как символы молнии и воды, охранители влаги, вестники дождя, так необходимого для безводной степи. S-образные фигуры могли также быть и изображениями змей, считающихся с древнейших

времен покровителями дома и посредниками между небом и землей [173];

-*«отав»* имел роскошно украшенный *войлочный дверной занавес «келиншек эсик кийиз»*, его размер был стандартным –142х88 см. Женщины, помогавшие изготавливать *«келиншек эсик кийиз»*, в процессе валяния желали девушке счастья в семейной жизни, хорошего супруга, доброй свекрови, здоровых детей, долгих лет жизни, богатства. Дверной занавес выполняли в технике аппликации. Излюбленными мотивами являлись геометрические и зооморфные орнаменты. Выкроенные из ткани голубого, зеленого, красного, желтого, черного цветов они имели символическое значение.

Нашивая орнаменты разных цветов, мастерицы желали невесте следующее: голубой цвет (символ неба) – всегда чистого неба над головой, желтый (символ разума) – покладистого характера, белый (символ истины, радости, счастья, чистоты) – целомудрия, черный (символ земли) – богатства, зеленый (символ весны, плодородия) – здоровых детей, красный (символ молодости, огня, солнца) – красоты [174].

Сложные орнаментальные схемы войлочных узоров дверного полога свадебной юрты строились из ограниченного числа исходных фигур. Так, каймовый лентовидный орнамент складывался S-образными фигурами, кружками, меандрами и полосками, составленными из треугольников.

Основной мотив орнамента – это два ромба с вписаной в них так называемой «тюркской пальметтой» или «крестовидной розеткой» с парами рогообразных завитков на концах. Использование в орнаменте мотива рогов традиционно для скотоводов степи. Это согласуется с древним культом «космического барана», но также, по представлениям ногайцев, дарует богатство: «чем больше завитков рога, тем больше отар желает мастерица узора

[173]Рыбаков, Б. А. Язычество древних славян / Б.А. Рыбаков – М.: Наука, 1981. С. 428.

[174]Канокова, Ф.Ю. Декоративно-прикладное искусство ногайцев. Художественный войлок / Ф.Ю. Канокова – Ставрополь: Логос, 2017. С. 34-35.

хозяину» [175].

Окантовочный орнамент фиксировали по всему полю занавеса, бордюр же огибал только боковые и нижнюю части – это было обусловлено тем, что верхнюю часть войлока крепили к двери.

Орнаментальный декор бордюра строился по следующему принципу – верхний угол боковых полос заполняли S-образным элементом, под которым располагали ленточный орнамент, семантически напоминающий греческий меандр. Вышеуказанный мотив встречался только на дверных занавесях. Внутренний край боковых бордюров окаймляли соединенными между собой треугольниками. Второй ряд нижнего бордюра декорировали зооморфными роговидными завитками в сочетании с треугольниками. Полоса, разделяющая два яруса бордюра, состояла из соединенных между собой ромбов, она, в свою очередь, соединялась на концах с внутренней каймой боковых бордюров. Верхние элементы всех бордюрных орнаментальных мотивов обращены к центру ковра-занавеса. Центральное поле представлено в виде двух крупных ромбов, окаймленных мелкой полосой. Ромбы разбиты на четыре плоскости крестовидным орнаментом. При смыкании двух ромбов между собой и с бордюрами образовывались треугольники, декорированные антропоморфным орнаментом в виде стилизованной женской фигуры с упертыми в бока руками (богиня-покровительница домашнего очага), этот же орнамент располагался над входом в юрту на куске войлока, вырезанного в форме треугольника. Эта войлочная деталь получила название *«манглашай»*;

-по свидетельству С.В. Фарфоровского, «с входом невесты в *«отав»* над ним укреплялась *треугольная полсть*, вышитая из разных пестрых кусков

[175]Кузнецова, А.Я. Народное искусство карачаевцев и балкарцев/ А.Я. Кузнецова. – Нальчик. Изд-во Эльбрус, 1982. С. 77.

материи. Такая полсть была знаком, что в данном отаве живут молодожены» [176]. С.Ш. Гаджиева отметила, что эта полсть, «вырезанная в виде треугольника, пожалуй, даже напоминает человеческую фигуру, а если взять отдельно верхнюю часть, то баранью голову с рогами» [177].

Данное изображение можно возвести к богине-родоначальнице, скорее всего, восходящей к древнетюркской прародительнице – *«Умай»*. Богиня представлялась красивой женщиной, которая на золотых крыльях спускалась с Верхнего мира для того, чтобы помогать людям. Она покровительствовала детям и их матерям, была богиней плодородия. *«Умай»* олицетворяла конечное земное существование, состоящее из рождения, вступления в брак и ухода из жизни. Символом богини *«Умай»* был треугольник [178]. Также можно предположить, что антропоморфное изображение – это символ ногайской хранительницы домашнего очага, богини *«Тамыз»*.

Фигура, имеющая антропоморфный образ близка по форме и орнаментальному мотиву *«адам сурат»* (образ человека), исполняемым балкарцами на настенных войлочных коврах *«джыйгыч кийиз»*. Отличие в рисунке ногайского и балкарского вариантов – во введении напоминающего юбку треугольного основания в нижней части фигуры ногайского *«аьдем суьврети»*. В целом же изображение довольно условно: «голова» имеет форму ромба, а опущенные к «бокам руки» – форму рогообразных завитков (на *«джыйгыч кийизах»* – ромбовидная или пятиугольная «голова» с распростертыми, поднятыми или опущенными к «бокам» рогообразными «руками», у отдельно стоящих фигурок изображаются ноги). Эти образы имеют сходство и с рисунками на аланских бронзовых бляхах IV–IX вв. н.э., найденных на территории современной Карачаево-Черкесии, что позволило Е.

[176] Фарфоровский, С.В. Ногайцы Ставропольской губернии: историко-этнографический очерк / С.В. Фарфоровский// Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества. – Кн. XXVI. – Вып. 7. – Тифлис, 1909. С. 29.

[177] Гаджиева, С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XXвв. / С.Ш. Гаджиева. – М. : Наука, 1976. С. 57.

[178]Бисембаев, А.К. Мифы древних тюрков/ А.К. Бисембаев. – Алматы, 2007.

Н. Студенецкой предположить, что в прошлом фигуры «адам сурат» играли роль духов-охранителей. Фигурки такого же типа, заключенные в треугольники (форма которых сама по себе является оберегом), многократно повторялись в орнаменте, опоясывающем по периметру верх юрты [179].

Сказанному не противоречит другая интерпретация орнаментальной символики, согласно которой эта крупная фигура воплощала архетип богини-роженицы. Образ фертильной женщины мы находим на петроглифах Монголии, Сибири, Алтая, Байкала, Франции – широко расставленные и изогнутые в коленях ноги, а между ними символически показан будущий ребенок [180]. Аналогичные изображения прослеживаются и в убранстве юрты. С обеих сторон изображались солярные знаки солнца и луны, которые входили в обязательную свадебную символику. Нередко роженицы изображались с тотемным предком копытным животным [181]. Образ человека-зверя, зверя-женщины и мифологический сюжет, когда женщина становилась супругой животного и имела от него потомство – один из древнейших и в первобытном искусстве.

Возможно, орнаментальная войлочная фигура *«аьдем суьвети»* или фертильная богини с рогообразными завитками отображает мифологему связи человека с родоначальником рода – козлом, образ которого со временем слился с образом барана. Учитывая, что Земля выступала в образе женского начала, а образ козла, потом барана воспринимался как носитель представлений о небесном мире, космосе, можно предположить, что круглая в плане юрта символизирует землю, а «рогатое животное» – небо. Поэтому магические знаки, изображенные в войлочных орнаментах юрты, не только должны были

[179]Студенецкая, Е.Н. Узорные войлоки карачаевцев и балкарцев / Е.Н. Студенецкая. – М., 1976. С. 214.

[180]Новгородова, Э.А. Древняя Монголия / Э.А. Новгородова – М., 1989. С. 96.

[181]Дэвлет, Е.Г. Мифы в камне: Мир наскального искусства России / Е.Г. Дэвлет, М.А. Дэвлет. – М. : Алетейа, 2005. С. 119.

охранять молодоженов от всякого зла, но и могли использоваться для имитационной магии: священный союз неба и земли находит свое воплощение в союзе женщины и мужчины на земле;

-по обе стороны от входа развешивали *четыре полосы войлока прямоугольной формы – «иныг»*. Две полосы имели размер 95х33 см, а две другие– 95х28см. Следующий ряд составляла полоса, вытянутая по вертикали, состоящая из 4-х войлоков, вырезанных в форме ромба – *«бияла»*.

Очень важным являлось то, каким цветам отдавали предпочтения: так, например, белые, красные, голубые тона говорили о статусе семьи и ее материальном состоянии. Почти на все войлочные изделия, используемые в свадебной обрядности, наносили узор *«дува»* – амулет, встречающийся на широком поясе *«ак отава»*, на свадебном флаге, по краям войлочных ковров, на мужской и женской одежде. В свадебной повозке узор *«дува»* в прошлом имел магическое, охранное и апотропейное значение и своими корнями уходил вглубь веков. Можно также предполагать, что элементы *«дува»* защищали своей магической силой жилище ногайцев, в том числе и жилище новобрачных от злых духов, неприятностей, сглаза, капризов злонамеренных сил.

Глубоким сакральным смыслом была наделена предметная среда внутреннего убранства свадебной юрты *«ак отав»* [Рисунок 47 Приложения 3], [Таблица 10 Приложения 2]. Стены и пол юрты были украшены богато декорированными войлочными коврами. Показателем мастерства и вкуса невесты был настенный войлочный ковер *«келин кийиз»* [Рисунок 48 Приложения 3]. Сваляный из белой шерсти самого высокого качества он был покрыт растительным и космогоническим орнаментом. В декоре ковра обязательно присутствовал солярный знак *«тоьгерек» или «куьн»* – круг, солнце.

Декор наносили узорной вышивкой из окрашенных натуральными красителями ниток. Для вышивки *«келин кийиза»* также использовали

символические цвета. Каждый орнамент наносился с благочестивыми пожеланиями счастливой семейной жизни.

На стены вешали разнообразные *войлочные сумки «дорба»*, в которых хранили продукты, различную утварь и вещи [Рисунок 49 Приложения 3]. На войлочные сумки наносили антропоморфные орнаментальные мотивы, напоминающие по семантике мужскую и женскую фигуры с четко выделенными детородными орнганами.

Невесты из состоятельных семей имели в приданом *деревянную мебель – сундуки и кровати*. Сундуки были разных размеров, их декорировали геометрическими орнаментами. В основном это были ромбы и квадраты, пересеченные по диагоналям. Сундуки окрашивали в красный цвет, а в колористическом решении орнаментальных мотивов использовалиголубой, белый и зеленый.

На сундуки стопками укладывали *приданое невесты*, состоящее из войлочных ковров, самых разнообразных одеял и матрацев из верблюжьей и овечьей шерсти. Деревянные кровати украшали подушки – круглые, квадратные, прямоугольные, цилиндрические, состоящие из нескольких слоев войлока, для их изготовления использовали шерсть лучшего качества, обычно верблюжью. Валяли войлок для подушек очень аккуратно и медленно. Каждый его кусок прошивали волнистыми линиями вдоль и поперек. Подушки обшивали шерстяными нитками разных цветов, чаще всего, растительным и космогоническим орнаментом.

Самым нарядным и архаичным элементом украшения ногайской юрты был *свадебный занавес «шымылдык»* [Рисунок 50 Приложения 3]. Этот яркий, самобытный атрибут свадебного обряда может многое рассказать не только об обычаях и верованиях ногайцев, но и поведать о сакрально-культовых и эстетических представлениях народа. До сегодняшнего дня он являлся объектом исследования историков, этнографов и культурологов, в связи с чем,

отсутствует ряд сведений о его семантико-герменевтических качествах и технологических особенностях выполнения декора, что входит в компетенцию искусствоведов. Занавес использовался у ногайцев всех этнографических групп вплоть до XX в.

Сегодня, необходимость использования подобного рода занавесей отпала, их можно встретить лишь в фондах Российского этнографического музея, Астраханского государственного объединенного историко-архитектурного музея-заповедника, Нефтекумского районного историко-краеведческого музея, Ногайского краеведческого музея с. Терекли-Мектеб Ногайского района республики Дагестан, в частных коллекциях. Свадебный занавес изображен на рисунке М. Тильке «Караногайка» и на живописных полотнах известных ногайских художников С. Батырова, Ю. Карасова. Описание свадебного занавеса довольно часто встречается в этнографической литературе при освещении вопроса о свадебных обрядах ногайцев.

Основной функциональной принадлежностью ритуального занавеса являлось сокрытие лика невесты от посторонних взоров, *«шымылдык»* вешали в специальной комнате невесты *«келиншек боьлме»*. «В комнате помимо *«шымылдык»* были матрац, два-три стула» – пишет Р.Х. Керейтов, также онуказывает на тот факт, что «…занавеску готовила мать невесты, у кубанских ногайцев занавеску готовили в доме жениха» [182].

Проанализировав все доступные источники, можно выявить как общие черты, так и локальные особенности в используемых материалах, технологии изготовления, орнаментальном оформлении свадебных занавесей. К общим чертам можно отнести то, что размер *«шымылдык»* был един у всех этнографических групп ногайцев – 207х60 см, все занавеси изготовлены из ткани или сукна красного цвета (на подкладе) в сочетании с лоскутами тканей

[182]Керейтов, Р.Х. Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры: монография / Р.Х. Керейтов; науч. ред. Ю.Ю.Клычников; Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований. – Ставрополь: Сервисшкола, 2009. С. 321.

различных расцветок (зеленых, голубых, белых, серебряных, золотых). Выбор цветовой гаммы не случаен, по древним верованиям ногайцев красный цвет – символ божества Огня. Также красный цвет был цветом молодости, праздника, красоты, он обладал способностью отгонять злых духов. Зеленый цвет – священный цвет растений. Если текла кровь или увядала зелень, то живые существа умирали. Поэтому сочетание *красный – зеленый* благоприятное и одно из главенствующих.

Верхняя часть занавеса разделялась на три бордюра. Верхний и нижний (от 20 до 30см) состоял из геометрических орнаментов – пересекающихся ромбов и треугольников. «Известный по материалам археологии ромб исследователи относят к эпохе охоты. Изображение его, отчетливо читается на срезе бивня мамонта и имеет размеры сторон примерно 2 мм. Полагают, что ромб приобрел магическое содержание, в связи с идеей благополучной охоты, блага для племени, и, позднее, в эпоху земледелия, трансформировался в знак плодородия: поле (засеянное поле)» – отмечает В.Б. Кошаев [183].

Средний бордюр (от 40 до 55см) содержал вышитые антропоморфные, зооморфные, орнитоморфные, геометричекие и растительные орнаменты (у карагаш-ногайев), зооморфные, орнитоморфные и растительные орнаменты (у кубанских ногайцев), антропоморфные, зооморфные, орнитоморфные, растительные и геометрические (у караногайцев). Антропоморфное и орнитоморфное изображение, как правило, является доминирующим композиционным и смысловым центром декора всех свадебных занавесей. «Развитие образа женщины в народном искусстве связано с переходом его из понятий всеобщего плодоносящего начала к метафоризации, в которой исследователи видели связь образа птицы с женщиной» – пишет В.Б. Кошаев, приводя в качестве примера сцену с охотой на птицу – ««добывание невесты» –

[183]Кошаев В. Б. Декоративно-прикладное искусство. Основные понятия этапы развития / В.Б. Кошаев. — ВЛАДОС Москва, 2014. С. 8.

прямого изображения «сватовства»» [184].

Обязательным элементом декора являлась бахрома, обрамляющая нижние края бордюров. Локальные особенности свадебного занавеса у разных групп ногайцев проявлялись в использовании материалов для декора. Так занавеси астраханских ногайцев обшивали галунами, причем довольно широкими, а вышивку выполняли золотыми нитями в технике двухстороннего шитья без предварительного настила на бархатной основе. У караногайцев, на занавеси нашивали вертикальные полосы, состоящие из трех-семи ромбов и треугольников, лоскутов хлопчатобумажных тканей разных расцветок, завершающихся на концах кисточками. Орнаментальные элементы «простегивали» вручную. У кубанских ногайцев, вышивку выполняли шелковыми нитями в технике «гладь», использовали и крученый шнур [185].

Сегодня, свадебная юрта и отдельные предметы ее убранства сохранились лишь в качестве музейных экспонатов, а изображения юрты можно встретить на гравюрах и фотоснимках. Наиболее ценными для современников представляются войлочные украшения свадебной кибитки и свадебная арба в натуральную величину из коллекции Российского этнографического музея. Изображение кибитки было включено в иллюстративный фонд музея.

Переход к оседлости и связанная с ним смена типа жилища привела к тому, что сегодня, традиционные ногайские юрты разборного типа *«терме»* и неразборного типа *«отав»* полностью утратили свое функциональное назначение. С конца XVIII в. их перестали использовать юртовские ногайцы, с середины XIX в. кубанские, а в начале XX в. караногайцы, ачикулакские, кумские и карагаш-ногайцы [Схема 4 Приложения 1].

---

[184]Кошаев В. Б. Декоративно-прикладное искусство. Основные понятия этапы развития / В.Б. Кошаев. — ВЛАДОС Москва, 2014. С. 10.

[185] Канокова, Ф.Ю. Свадебный занавес «шымылдык» у ногайцев – функциональное назначение, технологические особенности изготовления и орнаментального оформления / Ф.Ю. Канокова // Проблемы современной науки: сборник научных трудов. Выпуск – 21. Ставрополь: Издательство Логос, 2016. С. 47-56.

ГЛАВА III. КОМПЛЕКСЫ ТРАДИЦИОННОГО КОСТЮМА НОГАЙЦЕВ

3.1. Предпосылки формирования и развития компонентов мужского, женского и детского комплексов традиционного костюма ногайцев

Традиционный костюм ногайцев формировался на протяжении многих столетий. Претерпевая изменения, в зависимости от уровня производительных сил и социального устройства этноса, творчески перерабатываясь и приспосабливаясь к его внутренним потребностям, сегодня, он является важным источником сведений о происхождении, культурных связях и эстетических идеалах ногайцев.

Прослеживая процесс становления костюмных компонентов, необходимо отметить присутствие элементов одежды племен, вошедших в этногенез ногайцев. В первую очередь – тюркоязычных кочевников. Влияние тюркской моды не только на костюм ногайцев, но и на костюм северокавказского населения в целом, произошло в XI-XIII вв. Несмотря на то, что обозначенный период не входит в хронологические рамки, установленные в настоящем исследовании, его необходимо определить, как «предшествующий», ведь именно в этот период значительные изменения претерпевает силуэт этнографической мужской и женской верхней плечевой одежды (кафтан и платье приобретают общий крой, их шьют распашными, приталенными и расклешенными, конструктивно подкрепляя поясом). В нательной одежде сохраняется туникообразный крой рубахи и «широкий шаг» в штанах [Рисунок 51 Приложения 3], [Таблица 11 Приложения 2].

Следующий этап – начало XIV-конец XIX вв. [Рисунок 52,53 Приложения 3], [Таблица 12,13 Приложения 2]. В этот период процесс становления комплексов традиционного мужского и женского ногайского

костюма развивается в двух направлениях. В линии развития мужского костюма выделено три отрезка XV-конец XVII вв. (развитие), XVIII-середина XIX вв. (формирование) и середина XIX-первая половина XX вв. (становление), в каждом из которых, в состав костюмного комплекса входили (или наоборот выходили из употребления) определенные составляющие нательного белья, нижней и верхней одежды, головных уборов, обуви и вооружения.

В XV-конце XVII вв. (период образования Ногайской Орды), весь комплекс развивался в соответствии с линией развития костюма воина-всадника, повседневный костюм состоял из нательного белья (рубаха туникообразного покроя, штаны «с широким шагом»), верхней одежды (бешмет, кафтан, шуба), головных уборов (из меха, войлока, сукна), обуви (войлочные чулки, сапоги на мягкой кожаной подошве), костюм воина состоял из нательного белья и вооружения (оборонительное и наступательное).

В XVIII-середине XIX вв. (период распада Ногайской Орды) – костюм претерпевает изменения, связанные с появлением огнестрельного оружия и заменой тяжеловесного и многослойного костюма воина на более облегченный тип вооружения. Состав повседневного костюма не меняется, трансформируются его отдельные компоненты. Прорезные откидные рукава кафтана, приспособленные к стрельбе из лука (во время боя их заворачивали или перекидывали через плечо на спину) заменяются на прямые (без прорези), меняется набор предметов привешиваемых к поясу, он обрастает второстепенным видом оружия. Газыри еще располагаются у пояса (встречается расположение газырей в сафьяновых газырницах, нашитых на грудь кафтана (по 5 штук – всего 10).

Начиная с середины XIX в. и до первой половины XX в. происходит становление традиционного мужского костюма. В комплексе нательного белья, нижней, верхней одежды, головных уборов, обуви и вооружения происходят значительные изменения. Нательная рубаха кроится со кошенными плечами и

вшивными рукавами, штаны *«с широким шагом»* выходят из употребления, их заменяют *«порты»*. Появляется *«кавказская рубаха»* - «гибрид» нательной рубахи и бешмета. Кафтан становится приталенным, низ расклешается за счет вставных клиньев, на грудь нашивают газырницы (кармашки для хранения газырниц по 6-8 ячеек с каждой стороны, вместе 12-16) из той же ткани, что и кафтан. Термин *«кафтан»* заменяется на термин *«кафтан с газырями»* - *«аьзирли шепкен»* - *«черкеска»*. Формы головных уборов из меха становятся разнообразнее, меняется способ соединения тульи и околыша. Мужчины начинают носить обувь на твердой подошве – с каблуком или с загнутым носом. Из обихода выходит комплекс вооружения XV-конца XVII вв., на пояс привешивают кинжал, нож, по прежнему используют усовершенствованное огнестрельное и второстепенное оружие.

В женском костюме выделены два отрезка XV- XIX вв. (формирование из предшествующего) и конец XIX-первая половина XX вв.(становление). При этом, если мужской костюм менялся комплексно, то женский – частично, в сторону упрощения его составляющих. В комплекс женского костюма первого периода вошли нательное белье (корсет, рубаха туникообразного покроя, штаны «с широким шагом»), нижняя одежда (кафтанчик с рукавами, безрукавки), верхняя одежда (бешмет, верхнее платье, шуба), головные уборы (шапки из ткани, меха, покрывала), обувь (из войлока, кожи и дерева) и украшения (комплексы, сменяющие друг друга с переходом женщины в определенные жизненные этапы). Второй период охарактеризован изменением покроя нательного белья (платье-рубаха со скошеными плечами, вшивными рукавами, прямая (в отдельных случаях на кокетке и с манжетами), нижней одежды (кафтанчик распадается на отдельные рудименты), верхней одежды (укорачивается длина бешмета), обуви (начинает преобладать кожаная обувь на твердой подошве и на каблуке), украшениях (меняется состав комплексов – в сторону уменьшения количества украшений).

Еще одним отличием становления мужской и женской одежды ногайцев является ее условная дифференциация на этнотерриториальные комплексы, связанная с дисперсным проживанием этноса. В исследовании выделены караногайский, кубанский, карагаш-ногайский, юртовский и крымский костюмы, обозначены общие черты их развития и локальные особенности.

Эстетические качества одежды зависели от материалов из которых они были изготовлены и способов декоративной отделки [Таблица 14 Приложения 2].

Ногайки изготавливали одежду из домотканых материалов, «…они – пишет И. Бентковский – занимались домашними работами и сообразными их полу рукоделиями: ткали ткани для собственного потребления и для продажи сукна, серебряные галуны, всякого рода одежду и обувь» [186]. Широко использовалась одежда, сшитая из грубой шерстяной ткани домашнего производства, из войлока, шкур и кожи домашних и диких животных.

Из овечьей шерсти ткали сукно *«шуга»* белого, черного, серого, светло-коричневого цветов. Из верблюжьей *«туье шуга»* – бежевого цвета, которое шло на пошив нарядных черкесок. Больше всего ценилось белое сукно, которое ногайцы изготавливали прочным и толстым, за что, по сообщению Маргграфа, его приобретали в больших количествах крестьяне Ставропольской губернии и казаки Терской области [187].

Высокого мастерства достигли народные мастерицы в войлочном производстве. Валяные сапоги, бурки, кафтаны, шляпы – удовлетворяли не только потребности семьи, но и шли на сбыт. В зависимости от назначения изделий использовали шерсть разного качества. На бурки шла обычная шерсть, шляпы и носки изготавливали из высококачественной, главным образом, белой

[186] Бентковский, И.В. Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ногайцы / И.В. Бентковский.– Ставрополь, 1883. – Ч. 1. С. 85.

[187] Маргграф, О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа / О.В. Маргграф. – М., 1882. С. 97.

шерсти, в которую нередко добавляли и козий пух. Тонкий войлок шел на изготовление курток и мужских кафтанов. Шерсть валяли и на обувь типа длинных чулок – *«уюк»*.

Каждая ногайская семья занималась выделкой овчины, из которой шили зимние головные уборы и верхнюю одежду. Они считались лучшими среди местных овчин и находили широкий спрос на ярмарках Терской области и Ставропольской губернии.

Для изготовления зимней одежды широко использовали и шкуры животных. Жан де Люк в 1625 г. отмечал: «Ногайцы Северного Причерноморья много бьют диких лошадей, волков, медведей, лисиц, оленей, кошек. Богатые носят суконные, шапки меховые, барашковые или лисьи, а мурзы носят из куньяго меха, которые доставляют им из страны черкесов» [188].

Большое место в изготовлении обуви занимала выделка сыромятной кожи из шкур крупного рогатого скота и лошадей *«коьн»*. Часто горские евреи привозили ногайцам готовые кожи – *«качалай»* и сафьян – *«сактыян»*, их меняли на необработанные шкуры.

Значение материалов домашних промыслов для одежды, вплоть до первой половины XIX в. хорошо видно из сообщения А. Павлова: «Все вообще мужчины, – писал он о караногайцах, – носят одежду горского и собственного изделия, т.е. шерстяные валяные зипуны и бешметы, подбитые ватою. Бритая их голова всегда покрыта папахой. Нижнее платье у них из валяной верблюжьей шерсти, на ноги надевают легкие чарички, иногда и сапоги. На ременном поясе висячий в ножнах азиатский нож служит им для всех работ и вместо столового, черкесская бурка и башлык от дождя» [189]. То же самое

[188] Жан де Люк. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин. 1625 г. / Жан де Люк // ЗИООИД. – 1879. – Т. XI. С. 487.

[189] Павлов, А.О ногайцах, кочующих по Кизлярской степи / А. Павлов. – СПб., 1842. С. 46.

отмечал А.П. Архипов, он писал, что здесь «бедный класс довольствуется грубою одеждой, приготовляемою дома» [190].

Помимо домотканых материалов ногайцы шили одежду из дорогих привозных тканей. Через существовавший в Бухаре караван-сарай поступали китайский, индийский шелка и другие ткани. Эта торговля, в ту эпоху «носившая оживленный характер, была по преимуществу меновой» [191].

Торговые связи ногайцев с разными странами отразил Рубрук: «Об одеяниях и платье их знайте, что из Китайи и других восточных стран, а также из Персии и других Южных стран им доставляют шелковые и золотые материи, а также ткани из хлопчатой бумаги, в которые они одеваются летом. Из Руссии, из Мокселя, из великой Булгарии и Паскатира, из Венгрии, из Керкиса и из многих других стран с северной стороны, которые им повинуются, им привозят дорогие меха разного рода…, в которые они одеваются зимою» [192]. Предки ногайцев участвовали и в торговле, которую вели народы Северного Кавказа с генэуэзцами и венецианцами – они поставляли хлопчатобумажные ткани, дорогие итальянские сукна, муслин [193].

В XV-XVI в. к ногайцам, через существовавший в Бухаре ногайский караван-сарай поступали китайские, индийские шелка и другие ткани.

В XVI в. ногайцы ежегодно поставляли на рынки Москвы и Казани десятки тысяч лошадей и овец. Здесь, они, на вырученные деньги приобретали дорогие ткани, кожу, лучшей выделки и другие товары [194].

---

[190] Архипов, А.П. Этнографиччесий очерк ногайцев и туркмен. Кавказский календарь на 1859г. / А.П. Архипов. – Тифлис, 1858. – С. 353.

[191] Сафаргалиев М.Н. Ногайская Орда во второй половине XVI в. / М.Н. Сафаргалиев // Сборник научных трудов. – Саранск, 1949. С.38.

[192] Рубрук, Г. Путешествие в Восточные страны / пер. А.И. Малеина. – СПб., 1911. С.92.

[193] Зевакин, Н.А. Очерки по истории генуэзских колоний. «Исторические записки» / Н.А. Зевакин. – М., 1938. – Т. 3. С. 96.

[194] Алексеева, Е.П. Очерки по экономике и культуре народов Черкессии в XVI – XVII вв. / Е.П. Алексеева. – Черкесск, 1957. С. 76-79.

В XVIII в. определенную роль в торговле ногайцев играли персидские ситцы всех цветов, турецкие ткани – шали, парча, ввозимые ими через Крым [195]. Они шли на удовлетворение потребностей верхушки ногайского общества. Французский консул в Крыму в 50-х годах XVIII в. М. Пейсонель приводит большой перечень товаров, шедших через Крымское ханство. «Среди них находились не только ткани, но и сафьян, кожа разных цветов, женские шапочки, мужские сапоги, шелковые и парчовые нитки для шитья и вышивания, басонные изделия (галуны, тесьмы и т.д.) и многое другое» [196].

Восточные ткани и готовая одежда поступали в Ногайскую степь, особенно в улусы, расположенные в низовьях Волги, через Астрахань, на территории которой располагались большие рынки, гостиные дворы ряда стран Европы и Азии [Рисунок 54 Приложения 3]. Астраханские ногайцы покупали там хлопчатобумажные, шелковые ткани, дорогие меха, халаты, платки, кавказское сукно. Кушаки, кутни, шитые кафтаны и многое другое. В XIX в. к ногайцам все больше начали проникать фабричные ткани, одежда, обувь из России. Первые швейные машинки появились на рубеже XIX-XX вв. у богатых ногайцев.

Значительная часть населения вплоть до установления Советской власти и победы колхозного строя не могла полностью обеспечить себя одеждой из фабричных тканей, а также готовой обувью и другими изделиями фабрично-заводской промышленности.

Со второй половины XX в. Общий процесс, связанный с развитием российского общества приводит к всеобщей урбанизации форм одежды, что дает основание обозначить этот период «периодом распада» традиционного ногайского костюма.

---

[195] Якобий А.И. Тюрки степей Северного Кавказа / А.И. Якобий. Спб., 1901, С.34.

[196] Пейсонель, М. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750-1752 гг. в изложении Е.Д. Фелицына/ М.Пейсонель. – Краснодар, 1972. С. 16.

3.2. Комплекс традиционного мужского костюма ногайцев.

Климат ногайских степей, не позволяющий носить один слой одежды, предполагал ее многослойность, наличие нательного белья, нижней и верхней одежды, а также богатое разнообразие головных уборов, обуви и вооружения [Таблица 15 Приложения 2].

Нательное белье

Нательное белье состояло из рубахи *«ишки коьйлек»* и штанов *«ишки ыстан»*. Нередко, они выполняли функцию нижней одежды – в них ногаец мог выйти летом на улицу, сходить в дом односельчанина, пойти в поле [Рисунок 55 Приложения 3]. Особенно это касалось поясной одежды, поэтому ее старались шить из плотной ткани – домотканного сукна, бязи, холста. «Нижнее платье у них из валяной верблюжьей шерсти» – писал А.М. Павлов о ногайцах-кочевниках Кизлярской степи [197]. Заметки о нательной одежде ногайцев карагашей, известных под именем кундровских татар, кочевавших по реке Ахтюбе близ Астрахани оставил П.И. Небольсин «Мужчины носят штаны непременно или нанковые или китайчатые, поддерживаемые веревочкой; сверх них рубаха длинная, ниже колен, белая бумажная из бязи с отложными гладкими воротничками» [198].

Состоятельные ногайцы предпочитали шить рубахи и штаны из привозных тканей – сатина, ластика, шелка. Для повседневного нательного белья выбирали однотонные цвета – серый, коричневый, бежевый, синий, а для праздничного – белый, желтый и ткани в полоску. «Ногайцы носят белые

[197] Павлов, А. М. О ногайцах, кочующих по Кизлярской степи: соч. путешествовавшего по России с 1824-го по 1835 г. Андрея Павлова. – СПб: Тип. Деп. внеш. торговли, 1842. – С. 46.

[198] Небольсин, П.И. Инородцы Астраханской губернии. Заметки о кундровских татарах / П.И. Небольсин// ВИРГО. – СПб., 1851. – Ч. II. Отд. V. – С. 16.

холстяные рубашки, которые сшиты так, что нигде никаких складок нет» – писал с удивлением Д. Шлаттер [199].

Рубаха. Вплоть до конца XIX века ногайцы отдавали предпочтение туникообразному покрою рубахи. Народные мастерицы шили ее в различных вариациях:

-рубаха с перекидным плечом, прямая (70-85см) и широкая (80-120см), со свободными длинными рукавами, вертикальным разрезом посредине груди (25-35 см) и воротником-стойкой *«тутпа яга»* (3-5 см), застегивающимся у основания на одну пуговицу *«тамак туьйме».* Боковые швы обычно до конца не зашивали, для удобства во время ходьбы и верховой езды оставляли продольные разрезы *«йырмаш»* (20-25 см) [Рисунок 56 I-а Приложения 3];

-рубаха с вшивными клиньями по бокам (6-8 см в верхней части, 18-20 см – в нижней) и ромбовидными ластовицами *«хистек»* [Рисунок 56 I-б Приложения 3];

-рубаха с вшивным скошенным клином [Рисунок 56 I-в Приложения 3]. Способ изготовления подобного варианта рубахи описан в исследовании С.Ш. Гаджиевой. «Полотнище складывали по длине вдвое, затем с одной его стороны вырезалась лента в виде косого клина, которую пришивали к другой стороне, широкой частью вниз» [200].

Рубахи украшали сутажем, тесьмой, узорной стежкой. Из тесьмы изготавливали пуговицы и петли.

Со второй половины XIX в. в обиход входят рубахи со скошенными плечами, круглыми проймами и отложным воротником *«яйма яга»* [Рисунок 56 II Приложения 3]. К концу XIX в. у крымских ногайцев распространяется

---

[199] SchlatterDaniel. Bruchstucke aus einigen Reisen nach dem sudlichen Russland, in den Jahren 1822 bis 1828: mit besonderer Rücksicht auf die Nogayen-Tataren am Asowschen Meere. – St. Gallen: Huber, 1830. – 496 s. P. 43.

[200] Гаджиева, С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XXвв. / С.Ш. Гаджиева. – М.: Наука, 1976. С. 99.

вариант русской косоворотки [Рисунок 56 III Приложения 3]. Согласно исследованиям Л.И. Рославцевой «такие косоворотки назывались «каптан» или «зубун». С начала XX в. косоворотка под тем же местным названием употребляется и как верхняя рубаха, шившаяся здесь обычно из однотонных фабричных шерстяных тканей, чаще темных тонов» [201].

Штаны. В письменных источниках мало внимания уделяется такой вещи, как штаны. Однако, по выглядывающим из-под верхней одежды частям штанов, изображенных на гравюрах и фотоснимках, можно определить предпочтительную окраску штанов и выделить два вида штанов – «с широким шагом» «*кенъ балак ыстан»* и порты *«шалбыр»*.

Штаны «с широким шагом» представляют собой широко известную поясную одежду, характерную для многих тюркоязычных народов. Такие штаны очень удобны, не стесняют шага и хороши для езды верхом на лошади. Шили такие штаны из легких тканей – холста, бязи, сатина, обычно использовали однотонные покупные ткани или материю в полоску (на штаны шло примерно 2,5-3 м ткани), без боковых швов, в верхней части широкими (150-200 см), собранными на вздержке [Рисунок 57 I]. «Штаны же шьются широчайшие и даже внизу они достигают в диаметре от 10 до 12 верш.» – писал о таких широких штанах Г. Ананьев [202].

Описание штанов «с широким шагом» дается и в книге С.Ш. Гаджиевой «Штаны делались с прямыми штанинами *«балак»*, с широкой вставкой четырехугольной формы (36х40 см) между ними; кроме того, от большой вставки по обе стороны почти до нижнего края штанины шла еще узкая вставка треугольной формы – пишет автор, отмечая далее – штаны делали на вздержке из самодельной тесьмы *«ышкыр», «ыстанбав»* из шерстяных ниток, шириной в 4 – 5см, стягивались штаны на бедрах. Тесьма имела на концах кисточки.

[201] Рославцева, Л.И. Одежда крымских татар конца XVIII - начала XX в. Историко-этнографическое исследование / Л.И. Рославцева. – М. : Наука, 2000. С. 104.

[202] Ананьев, Г. Караногайцы, их быт и образ жизни. СМОМПК, вып. XX / Г. Ананьев. – Тифлис, 1894. С. 46.

Иногда использовали толстый шнур или веревку. Обычно штаны доходили до щиколоток. В нижней их части, как правило, имелись штрипки (длина 23-25 см). Позднее они делались и без штрипок, особенно для молодежи [203].

Отмечая особенности одежды крымских ногайцев Бонч-Осмоловский писал, что в начале XX в. их нательные штаны повторяли вариант ранних горно-прибрежных – «с широкими штанинами, стянутыми у щиколотки и низкой мотней» [204]

- *порты* представляют собой узкие и короткие (примерно до середины икр) штаны, скроенные из двух полос ткани шириной до 45 см, сложенных пополам по долевой нити, длина и ширина которой определялась ростом и объемом бедер [Рисунок 57 II Приложения 3]. Повседневные порты шили из домотканого холста, пестряди, сукна, льна (реже из конопляного волокна) серо-синего, серого и бежевого цвета. Порты, надеваемые под праздничную одежду – из плотных тканей фабричного производства – полушерсти, сукна, дамаста и др. белого цвета или в полоску.

Нижняя одежда

«Кавказская» рубаха. С конца XIX в. ногайцы отдают предпочтение «кавказской рубахе» *«коьйлек»* [Рисунок 58 Приложения 3]. По назначению и форме она представляет собой «гибрид» бешмета и рубахи. От бешмета ей достался высокий воротник-стойка и центральный разрез в верхней части груди (застежка, состоящая из 8 самодельных или серебряных пуговиц и петелек из плетеной тесьмы). В отличие от бешмета рубаха была короче и не имела сужения в талии, ее носили навыпуск, подпоясывая узким ремешком. На груди рубахи нашивали вытянутые в горизонтальном направлении карманы.

Шили кавказские рубахи из сатина, шелкового полотна и даже крепдешина. Цветовая гамма отличалась сдержанностью и не выбивалась из

[203] Гаджиева, С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XXвв. / С.Ш. Гаджиева. – М. : Наука, 1976. С. 99, 100.

[204] Бонч-Осмоловский, Г.А. Крымские татары: Этнографический очерк // Путеводитель по Крыму/ Г.А. Бонч-Осмоловский. – М., Л., 1925. С.52.

традиционных цветовых предпочтений, сложившихся ранее – серый, коричневый, синий, черный. Для праздничных рубах – белый, бежевый, светло-желтый и светло-серый.

Для прочности рубахи на спине, по плечам и грудному разрезу нашивали с изнанки прямоугольный кусок ткани. Нередко эта подкладка на плечах доходила до проймы рукава. Низ рубахи и боковые разрезы подворачивали и подшивали. Многие мастерицы шили рукава рубахи и на манжете, а в конце грудного разреза нашивали узкую поперечную планочку (примерно 10-12 см длины и 2-3 см ширины). Особым образом подогнув ее концы. Носили рубаху навыпуск и обычно подпоясывали кожаным ремнем. Многие, особенно пожилые люди, носили ее и без пояса. На рубаху шло 2,5 – 3 м ткани [205].

Безрукавка. Летом, поверх рубахи ногайцы надевали короткую безрукавку *«кыспа»,* ее шили из легких материалов, без подкладки и воротника. Зимой носили безрукавную куртку *«куьрте тон»* - она была длиннее летней, спереди застегивалась по всей длине на серебряные или самодельные плетеные пуговицы. Зимние безрукавки шили из плотного сукна, на подкладке, довольно часто их лицевую и изнаночную стороны простегивали на вате [Рисунок 59 Приложения 3].

Верхняя одежда

Бешмет. Одним из основных элементов верхней одежды ногайца, который носили поверх рубахи осенью, зимой и весной считался бешмет *«каптал»* [Рисунок 60-62 Приложения 3]. В нем ногаец мог находиться дома и на улице. С той лишь разницей, что вне дома бешмет носили наглухо застегнутым и подпоясанным. «Верхняя одежда состоит из бешмета или коротенького полукафтанья» – писал П.И. Небольсин о карагаш-ногайцах, отмечая далее: «на него надевают курте, тот же почти бешмет, только по

[205] Гаджиева, С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XXвв. / С.Ш. Гаджиева. – М. : Наука, 1976. С. 99.

длиннее первого» [206] Бешмет, имеет описание и в книге «Ногайцы» – «Богатые у степных ногайцев носили бешмет *«каптал»*, сшитый из хорошего сукна и служивший летом верхней одеждой. Он шился в талию, а ниже пояса расширялся за счет шести клиньев *«алты шабув»*. По бокам делали разрез *«йырмаш»* длиной 12 –14 см. *«Каптал»* имел стоячий воротник и застегивался пуговицами из тесьмы – *«туйме»*. Мужчины, независимо от возраста, носили длинные бешметы» [207].

Шили бешметы из сукна домашнего изготовления или (чаще) из покупных тканей – ластика, сатина, шерсти, атласа, шелка, бедные – главным образом из бязи, выкрашенной в черный и серый цвет. Бешметы имели матерчатую подкладку. Зимние бешметы *«сырувлы каптал»* простегивали, утепляя тонким слоем шерсти или ваты.

В отличие от бешметов горцев Северного Кавказа, длина ногайского бешмета была ниже колен, иногда доходила и до середины икр. Также бешмет имел декорированный узорной стежкой воротник-стойку на подкладке. До талии застегивался встык на серебряные или самодельные плетеные пуговицы, тесемочки. По бокам имел внутренние карманы, с двух сторон на груди нашивали накладные карманы. По краю воротника, борту, подолу, рукавам и карманам обшивали декоративным шнуром, который ногайские мастерицы плели из серебряных или шерстяных нитей.

А.П. Архипов отмечает, что «…в более ранний период спина бешметов имела четырехугольную нашивку величиной в 2 – 3 квадратных дюйма» [208]. Встречаются бешметы и с треугольной нашивкой из красной ткани, внутри которой были спрятаны молитвы из священного Корана.

---

[206] Небольсин, П.И. Инородцы Астраханской губернии. Заметки о кундровских татарах / П.И. Небольсин// ВИРГО. – СПб., 1851. – Ч. II. Отд. V. – С. 16.

[207] Калмыков, И.Х. Ногайцы / И. Х. Калмыков, Р.Х. Керейтов, А.И-М.Сикалиев. – Черкесск, 1988. С. 124.

[208] Архипов, А.П. Три отрывка из сочинения о ногайцах и туркменах / А.П. Архипов // Кавказ. - 1855. – С. 29 – 31.

Кафтан. Вплоть до конца XIX в. поверх бешмета надевали кафтан *«шепкен»*, который считался удобной одеждой для верховой езды [Рисунок 63 Приложения 3]. Его шили из дорогого сукна или бархата. По основным линиям кроя и способу запахивания правой полы на левую, ногайский кафтан подобен скифским кафтанам с древних изображений. С.Г. Гмелин, отмечая особенности кафтана астраханских ногайцев писал: «Рукава сделаны при сгибе локтя прорезями» [209].

На гравюрах XVIII в. имеются изображения ногайцев в подобных кафтанах. Они выглядят свободными, можно сказать, даже немного мешковатыми, длиной до колен или до середины икр. Длинные рукава заужены книзу и имеют треугольный выступ, прикрывающий тыльную часть руки. Встречаются изображения кафтанов с откидными рукавами. Грудь описываемых кафтанов не была сильно открытой, иногда, от шеи до талии имелась застежка. В ряде случаев кафтаны изображены с воротником в виде невысокой стойки со скошенными спереди углами [Рисунок 64-66 Приложения 3].

С.Ш. Гаджиева указывает, на то, что ногайский шепкен и бешмет в более ранний период не имели застежек, а запахивались. В качестве пояса нередко повязывали поверх бешмета платок, сложив его по диагонали.

Описание праздничного кафтана можно провести по гравюре Е.Н. Корнеева «Князь ногайских татар», где на князе, поверх нарядного бешмета надет кафтан из красного бархата. Его длина доходит до середины бедра, откидные рукава, суженные книзу, имеют треугольное завершение и прикрывают тыльную часть кисти руки. Грудь не сильно открыта, воротник-стойка имеет скошенные углы. По борту, прорезям рукавов и по низу кафтана нашит галун золотого цвета. Кафтан подпоясан кожаным ремнем, на который

[209] Гмелин, С.Г. Путешествие по России / С.Г. Гмелин. – СПб., 1777. – Т.II. С. 178.

привешена шашка, в нарядных ножнах, декорированных галунами [Рисунок 67 Приложения 3].

Повседневный кафтан носили нараспашку поверх бешмета и холодного оружия, а праздничный стягивали поясом, на котором висела галунная шашка.

В XIX в. кафтан не только у ногайцев, но и у других северокавказских народов претерпевает значительные изменения. В связи с широким распространением огнестрельного оружия появляется такой атрибут, как газырницы *«аьзирлик».* Как сообщает исследователь одежды народов Северного Кавказа Е.Н. Студенецкая: «…первоначально газыри носили в кожаных сумках, укрепленных на ремне через плечо или на поясе. Но на поясе и без того крепилось немало разных предметов, через плечо на ремнях носили шашку, ружье. Видимо, поэтому газырницы стали нашивать по обеим сторонам груди». Сначала, на кафтаны нашивали газырницы из кожи, затем из той же ткани, что и кафтан. Число гнезд тоже увеличилось с 4-5 до 18 с каждой стороны.

Черкеска. В конце XIX в. силуэт кафтана становится более приталенным, низ расклешается от линии талии за счет вставных клиньев. Боковые швы у подола остаются не зашитыми на 10-14 см. Шили кафтаны без воротника, грудь была открыта, на талии она застегивалась встык на пуговицы, плетенные из тесьмы черного цвета. Петли делали из той же тесьмы. Изменился и крой рукава, он становится уже и длиннее, исчезают разрезы. Длина же самого кафтана становится чуть ниже колен [Рисунок 68 Приложения 3]. Далее термин кафтан будет заменен на общепринятый термин «черкеска*» «аьзирли шепкен»* - кафтан с газырями.

Наиболее яркой особенностью отличаются газырницы. Их шили из той же ткани, что и черкеску, обшивали по краю сутажем (повседневная) и галуном (праздничная). Газырницы пришивали на 10-12 см ниже плеча, количество гнезд в них варьировалось от 8 до 12 с каждой стороны. В гнезда клали газыри

«аьзир» деревянные полые трубочки, в которые засыпали определенную мерку пороха, а также закладывали свинцовые пули. Отверстие затыкали шерстяной тряпочкой, которая при зарядке ружья играла роль пыжа. На фотоснимках конца XIX-первой половины XX вв. зафиксированы ногайцы в традиционных черкесках, газыри которых имели навершие в виде серебряных крышечек, декорированных гравировкой.

Черкески были повседневными и праздничными, последние, шили из дорогого покупного фабричного сукна красного или белого цвета. Рукава праздничных черкесок были прямыми и широкими, спускались ниже кисти и носились с отворотом наружу. Отвороты обшивали дорогой тканью. С.Ш. Гаджиева при описании рукавов праздничной черкески у ногайцев указывает, на то, что «… в нарядных черкесках рукава шили на подкладке из ярких тканей, пришиваемых ниже локтя. Для удобства и красоты рукава черкески слегка отворачивали. На время танцев концы рукавов ногаец, точно также как и горец, захватывал изнутри. Иногда, также для красоты и удобства, нижняя часть рукава имела разрез (6-10см), который застегивался на специально пришитые петли и узелковые пуговицы из самодельной черной тесьмы. На подкладке шили и лиф. На нагрудную часть черкески, особенно нарядной, нашивали газырницы. Полы имели разрезы *«йырмаш»* длиной 20-25 см, которые скреплялись плетенкой, не позволяющей расходиться им при ходьбе» [210]. Е.Н. Студенецкая отмечает: «Особым щегольством считалось, если черкеска была хорошо сшита и сидела, как влитая. Лучшие мастерицы кроили черкеску «с одного взгляда» и с безошибочной точностью» [211][Рисунок 69-73 Приложения 3].

Халат. Одним из главных предметов одежды был просторный длинный халат, его шили из разнообразных тканей, легких и плотных, различных

[210] Гаджиева, С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XXвв. / С.Ш. Гаджиева. – М. : Наука, 1976.С.104.

[211] Студенецкая, Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа XIX-XX вв. / Е.Н. Студенецкая. – М., 1989. С. 87.

расцветок, но преимущественно однотонных или более темных. Внутри его утепляли слоем шерсти или ваты. Парадный халат шили из бархата, украшали аппликацией, кистями, а также галунами. Такой халат был частью гардероба богатых ногайцев [Рисунок 74 Приложения 3]. П.И. Небольсин, при описании карагаш-ногайцев отмечал: «За бешметом следует архалук или род узкого и коротенького халата с завязками и длинными отложными воротничками, а сверх его обыкновенно хивинский полушелковый халат, летом на легкой подкладке, зимой на овчинном, а больше на лисьем меху, или по крайней мере с лисьей опушкой по краям рукавов и подола» [212].

Шуба. Поверх бешмета или черкески ногайцы надевали самые разнообразные шубы *«тон»* [Рисунок 75,76 Приложения 3]. Из овчины шили *«тери тон»*, из шкур молодых барашков и недоношенных ягнят *«коьрпе тон»* или *«элтир тон»*. В конце XIX – начале XX вв. наиболее распространенными по покрою были два типа шуб – *«ногъай тон»* и *«бурушма тон»* Шуба *«ногай тон»* была цельнокроеной, чуть прилегающей в талии, от которой расходились нижние клинья. Рукав не широкий, прямой, длиной доходящий до кисти, отороченный мехом. Шуба была длиннее черкески.

Ногайские мастерицы умели выкраивать три вида мехового воротника – шалевый, отложной и воротник-стойку. Шубы носили нараспашку, а в холодное время ее запахивали справа налево и подпоясывали ремнем.

Шуба *«бурушма тон»* была двубортной, застегивалась на металлические крючки и петли от воротника до талии. От линии талии она имела густую сборку из пяти клиньев, расширяющихся книзу. Воротник в подобных шубах делали отложным, с острыми углами. По борту и нижнему краю шубы нашивали меховую полоску. Отличительной особенностью шуб *«бурушма тон»* были боковые прорезные карманы с листочками, отделанные мехом. Этот вид шуб шили нагольными и крытыми.

---

[212] Небольсин, П.И. Инородцы Астраханской губернии. Заметки о кундровских татарах / П.И. Небольсин// ВИРГО. – СПб., 1851. – Ч. II. С. 9.

Знаток ногайского быта А. Павлов писал: «Из овчин выделывают они для зимнего времени довольно хорошие и теплые тулупы, а преимущественно из черных мерлушек (шкур ягнячьих), но самую малую часть из серых. Лучший овчинный тулуп, во весь рост человека, стоит не более 8 рублей меди, а мерлушчиный 15 и не выше 16. Ногайцы шили также кафтаны из шкуры лошади «без лишней выделки» [213].

Обычным предметом одежды в зимнее время был нагольный тулуп. Шили его из дубленых овчин шерстью внутрь, зажиточные карагаши, например, из шкур четырех-пятимесячных ягнят. На тулуп уходило от пяти до шести шкур взрослой овцы.

Характеризуя типы меховых шуб у астраханских ногайцев, С.Г. Гмелин отмечал, что один тип «подобен верхним кафтанам, с тем только различием, что рукава у них цельные и длиннее, а другой российским тулупам» [214].

Богатые скотоводы и аулбаи носили шубы, крытые дорогой тканью, нередко они приобретали на шубы русские меха и азиатский каракуль.

У кубанских и кумских ногайцев с конца XIX в. бытует *«орус тон»* – русская шуба. Изначально, этот тип шуб начал проникать в готовом виде. В последующем, ногайские мастерицы шили такие шубы сами.

Бурка. Для ногайцев и других народов Северного Кавказа в обозначенный период верхней безрукавной плечевой одеждой была бурка *«ябыншы», «ямыши»* – войлочный плащ с подкроенными и сшитыми плечами и вырезом для шеи [Рисунок 77 Приложения 3]. Защищая ногайца от дождя, снега и ветра, она, по праву, считалась необходимой принадлежностью костюма кочевника. Во время привала бурка служила подстилкой и одеялом, а наброшенная на воткнутое в землю копье, играла роль заслона или палатки. В дождливую погоду бурка накрывала оружие, спасая его от сырости. О ней

[213] Павлов, А. О ногайцах, кочующих по Кизлярской степи / А.Павлов. – СПб., 1842. С. 12-13.
[214] Гмелин, С.Г. Путешествие по России / С.Г. Гмелин. – СПб., 1777. – Т.II. С. 179.

сообщают многие авторы, довольно часто ее можно встретить на иллюстрациях.

У ногайцев бытовало два типа бурок – маленькие колоколообразные и большие, черные, с начесом [Рисунок 78-80 Приложения 3]. Колоколообразная бурка носила название *«черкес ямыши»*, она была короткой, с покатыми и узкими плечами, значительно выше колен, что делало ее удобной и для всадника и для пешего. Она имела колоколообразную, расширяющуюся книзу форму, ее носили на левом плече, чтобы удобно передвигаться, а при сильном ветре покрывали оба плеча и руки. Для изготовления подобной бурки шерсть на циновке выкладывали в форме полукруга.

К концу XIX в. бурка удлиняется, а в XX в. складывается второй тип бурки – с прямыми, очень широкими (до метра) плечами и почти не расширяющимся книзу силуэтом. Кроились они с двумя швами по бокам, образующими жесткие выступы на плечах (нередко с деревянной подложкой).

Для удержания бурки на плечах спереди у ворота пришивали накладные кожаные петли фигурной формы, в которые продевался ремешок для завязывания. Как пишет Е.Н. Студенецкая «…иногда лицевую сторону петли сплошь покрывали золотом или серебряным шитьем. Такие петли, заготовленные заранее, служили подарком невесты молодым родственникам мужа. Ворот и верхнюю часть бортов иногда обшивали галуном. В некоторых случаях изнутри на углах у подола делали вышивку из золотых ниток. Ее характер – раскрытая ладонь, звезда и полумесяц, кувшин для омовения – указывает на то, что она имела не столько эстетическое, сколько охранно-магическое значение» [215].

На Северном Кавказе особенно ценились легкие и плотные адыгские бурки. Карачаевские были теплее, но тяжелее. Красивые и высококачественные

[215] Студенецкая, Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа XIX-XX вв. / Е.Н. Студенецкая. – М., 1989. С. 89.

бурки изготавливали в Аварии (здесь шили и так называемые дамские бурки из белой шерсти).

Головные уборы

Прежде чем приступить к описанию головных уборов, необходимо отметить особенности причесок ногайских мужчин.

Прически. Мужчины-ногайцы, не зависимо от принадлежности к конкретной этнографической группе брили голову. Молодые люди дополнительно сбривали усы и бороду, только во время траура (в течение 40 дней) они отпускали бороду и не снимали головных уборов при входе в помещение.

Мужчин среднего и старшего возраста отличали коротко подстриженные усы и борода. «Их бороды имели вид узкого клина. Растительность на верхней части подбородка и вокруг узкой полосы волос на щеках и висках, а также вокруг рта тщательно убирали либо ножом, либо выщипывали щипцами» - отмечает С.Ш. Гаджиева [216]. Длинные бороды отпускали только старики и представители духовенства.

Головные уборы. Возрастные и социальные отличия наиболее ярко прослеживаются в головных уборах, где, помимо практичности, большую роль играет момент престижности. На их изготовление ногайцы не жалели ни времени ни средств, были они разнообразны как по назначению так и по декоративному оформлению – парадные и повседневные шапки, шляпы пастуха, ритуальные головные уборы, сшитые из меха, кожи, сукна, войлока, ткани и бархата.

Анализ изобразительных источников, дает основание предполагать, что подавляющее большинство головных уборов, вплоть до конца XIX века шили из сегментов. Сегментовидные головные уборы, в свою очередь, имели 2 типа и 4 подтипа [Рисунок 81 Приложения 3]:

---

[216] Гаджиева, С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XXвв. / С.Ш. Гаджиева. – М. : Наука, 1976.С.115.

Первый тип – шапка-татарка в виде тыквы *«мырза боьрк»* или *«татар боьрк»*, ее шили из цветного сукна или бархата из отдельных долек, швы между которыми обкладывали галунами или шнурками, узкий околыш был меховым или также обшивался галуном. Описания этой шапки в источниках очень лаконичны. К примеру: «Татарка синего сукна обложена красным позументом» [217]. Известный историк черноморского казачества называет эти шапки «крымскими» (нам в документах встречалось лишь «татарка») и дает следующее описание: «Шапка … легкая крымская, с узким мерлушчатым околышем и круглым суконным, кверху расширенным, в виде груши верхом, украшенным по продольным швам шнурком или узким галуном, а в центре маковки шелковой кистью» [218]

Иконографические источники позволяют выделить четыре подтипа шапки-татарки: грушевидной с уплощенным верхом, более вытянутой куполообразной формы (напоминающей митру епископа), почти шаровидной и «приплюснутой» тыквообразной [Рисунок 82 Приложения 3].

Шапки-татарки также бытовали у адыгов и ингушей. По мнению Е.Н. Студенецкой шапки подобного рода входили в состав праздничного костюма лиц из знатных горских фамилий [219].

Второй тип – шапки с меховой опушкой. Они отличаются от предыдущего типа наличием меха, который оторачивает шапки по нижнему срезу. Иногда в налобной части шапки меховая опушка отогнута вверх отворотом надо лбом.

По используемому материалу мужские головные уборы можно разделить на три группы:

---

[217] Попко, И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту / И.Д. Попко. – СПб, 1858. С. 56.

[218] Фролов, Б.Е. Головные уборы черноморских казаков конца XVIII – первой трети XIX века / Б.Е. Фролов // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1995 год.п. Джубга, 1996. С. 65.

[219] Студенецкая, Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа XIX – XX вв. / Е.Н. Студенецкая. – М., 1989. С. 89.

-*первая группа* - *головные уборы из ткани*, которые, в свою очередь разделялись на нижние и верхние [Рисунок 83 Приложения 3]. Нижние – тюбетейки *«тобытай»* и *«арахчин»*, круглые, облегающие голову шапочки на подкладке. Тюбетейка, от слова *«тоьбе»,* что означает крыша. В совокупности то, что похоже на крышу дома, но меньшее по размеру. Тюбетейка служит как каска, оборонительный шлем от искушений сатаны. Согласно религиозным истинам сатана искушает, но человека в головном уборе не может искушать. Это обычная четырехклинная мужская тюбетейка имела полусферическую форму. Для сохранности формы и из гигиенических соображений (способ вентиляции) ее простегивали, закладывая между строчками скрученный конский волос или шнур. Использование при пошиве разнообразных тканей и приемов орнаментации (в основном геометрический и растительный орнамент) давало возможность ремесленникам создавать бесконечное множество их вариаций. Яркие вышитые золотошвейной гладью тюбетейки предназначались для молодежи, а более скромные – старикам.

«Тобытай» и *«арахчин»* имели почти одинаковый покрой. Та и другая состояли из неширокой тульи и пришитого к ней плоской или полусферической формы донышка и шились обычно из однотонных тканей: для пожилых людей – темных, для молодежи – ярких тонов. Тюбетейки надевали под меховую шапку, они так же являлись у молодежи легким летним головным убором.

Часть национальной интеллигенции в конце XIX-начале XX вв, следуя моде и подражая турецким традициям, начали надевать фески. Среди мусульманского духовенства было распространено ношение чалмы. Чалма философией отличается от своего «собрата» тюрбана. Материал для чалмы не должен быть меньше кафана (минимальный материал, которым обматывают умершего человека). Таким образом, каждому, кто наматывает свою голову чалмой, эта чалма напоминает о последнем его вздохе, то есть о его смерти. В

то же время он этим действием заявляет о своей готовности вернуться к Аллаху.

-вторая группат - головные уборы из ткани и меха [Рисунок 84 Приложения 3]. Самым распространенным верхним головным убором у мужчин всех возрастов была меховая шапка *«боьрк»*. Зимой она предохраняла от холода, а летом от жары. Шили ее обычно из овчины, шкур молодых барашков, а также из каракуля. Меховые шапки, являясь старинным ногайским головным убором, в процессе взаимовлияния культур сопредельных народов претерпели значительные изменения.

Меховые шапки ногайцев были громоздкими, о чем свидетельствуют письменные и иллюстративные источники. Описывая головные уборы караногайцев Г. Ананьев писал: «Шапка (папах) караногайца очень велика и тяжела и напоминает киргизские шапки, но с плоским верхом» [220]. С.Ш. Гаджиева отмечает, что ногайские шапки «…шили с широкой меховой тульей и суконным верхом полусферической формы» [221], аналогичные шапки описывает и А. Архипов, отмечая, что «ногайцы носят баранью шапку «боьрк» с круглою верхушкою, крытою сукном» [222].

К концу XIX в. шапки с высоким донышком заменяют плоскодонные меховые шапки *«ногай боьрк»* – невысокая меховая шапка трапециевидной формы с плоским донышком и *«кумук боьрк»* – высокая меховая шапка, цилиндрической формы. Шапки *«ногай боьрк»* шили из шкурок барашков местной породы, а *«кумук боьрк»* из среднеазиатского каракуля или мелкой смушки ягнят местной породы. В XIX в. были распространены высокие шапки – папахи, несколько суженные кверху.

---

[220] Ананьев, Г.Б. Караногайцы, их быт и образ жизни / Г.Б. Ананьев // Сборник сведений о Северном Кавказе. 1908. – Вып. 2. С. 46.

[221] Гаджиева, С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XXвв. / С.Ш. Гаджиева. – М. : Наука, 1976. С.116.

[222] Архипов, А.П. Три отрывка из сочинения о ногайцах и туркменах // Кавказ. - 1855. – С. 29 – 31.

В XX в. высота донышка и тульи начинает меняться, в моду входят более низкие шапки, имеющие форму цилиндра, расширенного кверху. Менялись и способы пришивания донышка к тулье. Изменения, происходящие в крое меховых шапок отмечены С.Ш. Гаджиевой, она отмечает: «Если в старину донышко пришивалось по верхнему краю тульи. То в начале XX в., напротив, – по нижнему его краю, и высота его становится ниже верхнего края самой шапки. Шапка состояла, таким образом, из двух самостоятельных частей, едва соединенных между собой: маленькой круглой стеганой шапочки, покрытой сукном (донышко), и пришитой к ней по нижнему ее краю широкой полосы каракуля, составляющей тулью» [223]

Караногайцы и ногайцы Терско-Сулакского междуречья носили папахи, формы которых схожи с папахами дагестанцев, кубанские ногайцы – с папахами черкесов *«черкес боьрк»*. У астраханских ногайцев вплоть до середины XIX в. сохранился традиционный головной убор *«малакай»,* характерный для многих кочевых тюркоязычных народов. Такую шапку описал П. Небольсин: «Зимняя шапка малахай несколько напоминающий своею формою зимние шапки петербургских финнов: перед, т.е. налобник, и уши у него поднимаются и подвязываются к суконной покрышке малахая. В ветер и холода малахай распускается, в тепло – принимает другую форму» [224]

Богатые ногайцы носили шапку *«бухар боьрк»*, сшитую из среднеазиатского каракуля. В 20-30 е годы XX в. она широко вошла в быт ногайцев, ее носили почти все мужчины среднего возраста.

Ногайцы носили и шапки мехом внутрь – *«ятакай боьрк»* или *«капаш»***.** При их изготовлении к круглому донышку пришивалась тулья, несколько расширяющаяся к нижнему краю. На тулью нашивали мех. Этот вид головного убора одевали в качестве «траурной» шапки.

---

[223] Гаджиева, С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX в. – М. : Наука, 1976. С.118.

[224] Небольсин, П.И. Инородцы Астраханской губернии. Заметки о кундровских татарах / П.И. Небольсин // ВИРГО. – СПб., 1851. – Ч. II. С. 96.

-третья группа - головные уборы из сукна и войлока [Рисунок 85 Приложения 3]. Из сукна ногайки шили башлык – *«баслык»* – капюшон с длинными закругленными на концах лопастями. Его шили из сложенного вдвое куска материи. Шов проходил сзади. Передние концы опускались в виде широких и длинных лопастей. При надевании башлыка даже на высокую шапку эти лопасти могли быть замотаны вокруг шеи.

На Северном Кавказе башлык носили и на плечах, скрестив лопасти на груди, в холодную ясную погоду обвязывали талию. При хорошей погоде или в торжественных случаях башлык вешали сзади на плечах. Порой только по способу ношения башлыка можно было определить национальность горца. К примеру, по свидетельству Н.Ф. Дубровина, «абазины, в отличие от черкес, обвивали башлык около шапки в виде чалмы, спуская концы по плечам» [225].

Повседневные башлыки шили из узкого домашнего сукна. Праздничные изготавливались из белого, черного, серого или окрашенного в красный цвет привозного сукна тонкой работы. Особенно ценилось мягкое, теплое и красивое по цвету сукно из верблюжьей шерсти. В первой трети XIX в. встречаются и «холщевые» башлыки.

Основным декором праздничных башлыков были галуны, шелковая или шерстяная тесьма, басонные пуговицы, золотная вышивка и декоративные кисточки.

Интересно свидетельство Д.Е. Скобцова о функции и «этикете» в ношении башлыка. Башлык в кавказской одежде кубанцев имеет назначение, как капюшон в европейской, для укрытия от дождя, от холода. Поэтому при входе в закрытое помещение он снимается вместе с другой верхней одеждой и оставляется в передней, в комнаты, в зал и т.п. кубанцы не входят с башлыком за плечами.

---

[225] Дубровин, Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе / Н.Ф. Дубровин. – СПб., 1871. Т. 1. С. 267.

Для войлочных шапок караногайцев и карагаш-ногайцев особенно характерной была шапка с четырьмя, пришитыми к тулье лопастями, которые закрывали лоб, уши, шею и часть спины, а также войлочные шляпы с более или менее высокой тульей и отогнутыми вверх полями.

Из шерсти белого цвета ногайцы изготавливали войлочные шляпы *«кийиз боьрк», «картуз»,* которые они носили весной и летом. Их делали с широкими, несколько опущенными полями и невысокой головкой полусферической формы. По краям и вокруг тульи шляпы обшивали шнуром или тесьмой.

По утверждению С.Ш. Гаджиевой «Ногайский тип войлочной шляпы имеет аналогии у других народов Северного Кавказа – кумыков, кабардинцев, осетин, а также терских, кубанских казаков и сравнительно далек от войлочных шляп многих родственных ногайцам тюркоязычных народов, в частности народов Средней Азии, где они шились из четырех долек войлока треугольной формы и поля их спереди и сзади или по бокам имели разрезы» [226]. Видимо, ногайцы, пронеся этот элемент сквозь века, на новом месте – в степном Предкавказье – подвергли его изменениям, приблизив к той форме, которая существовала у соседних горцев Северного Кавказа и казаков – терских и кубанских. У ногайцев не сохранилось и старое, тюркское название этой шляпы – «*калпак»*, оно заменено термином *«кийиз боьрк», «картуз».* Последнее, несомненно, заимствовано у соседей – казаков.

Обувь

Большим разнообразием отличалась мужская обувь [Рисунок 86 Приложения 3]. По материалу изготовления ее можно разделить на две группы – обувь из шерсти и кожи.

Обувь из шерсти. На босую ногу ногайцы надевали чулки *«уюк»* (суконные и вязаные из шерстяных ниток), они представляют собой наиболее оригинальную, древнюю и, в то же время, широко распространенную

[226] Гаджиева, С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX вв. / С.Ш. Гаджиева. – М. : Наука, 1976. С.124-125.

разновидность чулок. Их изготавливали из самодельного сукна белого, черного или серого цвета и носили в комплексе с кожаной обувью.

Весьма оригинальный вид нижней обуви представляют собой наголенники. Их использовали для обертывания голени и носили с суконными чулками.

Обувь из кожи. Самой распространённой обувью в широких слоях населения были чувяки из сыромятной кожи *«ыдырык», «коьн шарык»*. Чувяки на твёрдой подошве *«бапиш»*, украшенные серебряной или золотой тесьмой носили с ноговицами или сапогами *«мес»* из жёлтого или красного сафьяна.

Распространённым видом обуви у ногайцев были кожаные сапоги *«этик»*. Кроились они чаще всего из четырёх основных деталей – передней части голенища, задней части, иногда усиленной задником-пяточкой, носка и подошвы. Подошвы набираются из нескольких слоёв кожи, сшитых между собой *«коьн ултан».* Иногда на голенищах сохраняются следы вышивки. Известны сапоги с отделкой из шёлковой ткани по верху голенищ. Носки сапог иногда бывают украшены тиснением. Носили также сапоги из верблюжьей, воловьей или коровьей кожи с загнутым носком.

Цвет сапог тёмный, часто красный или тёмно коричневый. В описании путешествия испанского посла Руи Гонсалеса де Клавихо упоминается о сапогах зелёной булгарской кожи [227]. Возможно, в булгарских землях, имеющих давнюю историю выделки кожи, могли получать зелёный краситель. Кроме сапог, отмечается большое разнообразие видов короткой обуви типа башмаков. Сшитые из одного куска и сложно раскроенные или с пришивной подошвой и скроенные «заедино».

[227] Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403 - 1406) / Руи Гонсалес де Клавихо / Пер. со староиспанского, предисл. и коммент. И.С. Мироковой; Отв. редакторы Г.Г. Бередзе, К.К. Куция. Институт востоковедения АН СССР.— Шаблон: Указание места в библиоссылке: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1990. С. 204.

Традиционная мужская обувь юртовских ногайцев различалась лишь некоторыми нюансами (особенностями декоративного оформления, размерами голенищ, высотой каблука).

Кожаная обувь широко бытовала в городе у зажиточной части сельчан и духовенства. У бедных ногайцев бытовали кожаные лапти, в виде куска шкуры, стянутого ремешком.

В сенокос надевали поршни – брали кусок кожи, делали вокруг дырочки, пропускали через них кожаные ремешки и стягивали, затем обматывали ремешки вокруг щиколотки. Такая обувь была легкой, и ноги не потели.

Вооружение

В первой половине XVI в. Ногайская Орда была одним из могущественных и влиятельных политических образований в Восточной Европе. Она имела мощную армию и, в случае вражеского нападения, могла выставить более 300 тыс. хорошо вооружённых и обученных воинов. Дж. Флетчер, английский посол в Москве в 1588—1589 гг., отмечал: «Ногаи почитаются лучшими воинами из всех татар, но ещё более других дики и свирепы» [228]. «Другого занятия, кроме войны, ногайцы не знают», — писал Жан де Люк [229].

К военной службе мальчиков готовили с детства. С самых ранних лет их приучали переносить трудности, обучали боевому искусству: стрелять из лука, метать копьё, владеть мечом, ездить верхом и т.д. Русский офицер Н.Ф. Дубровин о ногайских наездниках писал: «Многие из них отличные наездники, стройны, довольно привлекательной наружности, превосходные стрелки…» [230].

---

[228]О государстве Русском: Сочинения Флетчера. СПб., 1905. С. 83.

[229]Ногайцы в известиях русских, западно-европейских и восточных авторов XV-XVIII вв. / Сост. Д.С. Кидирниязов. – Махачкала, 1999. С. 214.

[230]Дубровин, Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе / Н.Ф. Дубровин. – СПб., 1871. Т. 1. С. 267.

Самым серьёзным испытанием для мужчин были военные сражения. Ногайские воины были неплохо вооружены. В их боевом арсенале имелись мечи, сабли, копья и луки. Жан де Люк отмечал, что «их вооружение состоит из лука и сабли, они употребляют кольчуги, сделанные из колечек, которые у ногайцев очень ценятся» [231].

В хронологических рамках, обозначенных в настоящем исследовании, в развитии вооружения ногайского воина выделены периоды, которые не только соответствуют этапам развития традиционного мужского костюма, но и являются основополагающими. К примеру, в вышепроведенном исследовании (раздел «Верхняя одежда») на примере трансформации кафтана в кафтан с газырями «черкеску», видно влияние огнестрельного оружия, после появления и широкого использования которого, сновным маркирующим признаком черкески являются газырницы (у ногайцев термин «кафтан» *(шепкен)* заменяется на термин «кафтан с газырями» (черкеска) *(аьзирли шепкен))*. Таким образом, по аналогии с периодизацией формирования компонентов комплекса мужского костюма в формировании вооруения выделены три этапа [Таблица 16 Приложения 2]:

-XV-конец XVII вв. [Рисунок 87 Приложения 3];

-XVIII-середина XIX вв. [Рисунок 88 Приложения 3];

-середина XIX-первая половина XX вв. [Рисунок 89 Приложения 3].

Вооружение XV-конца XVII вв. Боевое снаряжение состояло из оборонительного и наступательного вооружения.

Оборонительное вооружение. Основной категорией оборонительного вооружения являлось средство нательной защиты, т.е. предохранительное вооружение, надеваемое на тело воина, оно состояло из доспехов *«савыт»*, щита *«калкан»*, боевого наголовья *«басынга киетаган темир боьрк»*,

[231] Ногайцы в известиях русских, западно-европейских и восточных авторов XV-XVIII вв. / Сост. Д.С. Кидирниязов. – Махачкала, 1999. С. 215.

дополнительных средств защиты груди *«таклык»*, рук *«колшак»* и ног *«бутырлык»*.

Род боевой одежды для защиты корпуса воина от оружия противника – доспех *«савыт»*, существовал в следующих видах:

«Куьбе савыт» – чешуйчатый доспех. К доспеху *«куьбе»* ногайцы относили все разновидности доспехов, где основу защиты создают металлические пластины, все они изготовлены по принципу четыре кольца в одно. *«Куьбе»* подразделялись на *«кыска енъсиз куьбе»* – короткий доспех без рукавов и *«узын енъли ягалы куьбе»* – длинный доспех с воротником и рукавами.

«Юшман савыт» – это кольчато-пластинчатый доспех, вид боевого доспеха ногайцев, в кольчужную ткань которого вплетались стальные пластины крупных размеров, прикрывавшие живот, спину и бока воина. Доспех в виде куртки с воротом и с короткими рукавами, сплошным разрезом спереди, застегивающимся ремнями и пряжками на пластинах.

«Бектер савыт» – пластинчато-кольчатый доспех, набранный из небольших стальных пластин, скрепленных между собой по краям кольчужными или панцирными кольцами. Доспех имел форму куртки без ворота и рукавов, с застежками на плечах и правом или левом боку.

«Куйак савыт» – дощатый доспех. Вид нательной защиты из крупных стальных досок (щитков), нашитых рядами встык на мягкую основу. Доспех в форме жилета, без рукавов, с разрезами по бокам и застежками-ремешками.

«Калынтыр савыт» – многослойный доспех сшитый из нескольких слоев ткани и стеганный на вате (доспех из мягких материалов), имел форму халата с длинным подолом, длинными рукавами и стоячим воротником.

Как дополнительное защитное снаряжение для защиты поясничной части тела применялся также и боевой защитный пояс *«бельдемше»*. Этот пояс набирался из узких стальных пластин, закрепленных на трех ремешках,

частично прикрывая друг друга.

В ходе интенсивного конного боя, значительная часть ударов приходится на голову и плечи воина, поэтому шлемы с бармицами были достаточно широко распространены среди конных латников, принимавших участие в рукопашной схватке. При описании снаряжения *«батыра»* достаточно часто дается описание боевых наголовий: «Надел блестящий булатный шлем, свой громадный, ратный шлем. Четыре обода он имел, чеканные украшения на них, искусные изображения на них. Наушники были на шлеме том – были из меди яркой они, горели, как солнце, жарко они – каждый величиной с кумган» [232].

Шлемы имели сфероконическую форму купола, цельнокованую тулью, обручи и металлические науши *«кулак кап»*. По способу изготовления купола и наличию дополнительных защитных деталей среди шлемов можно выделить несколько вариантов:

«Капелин шишек» – шлем с цельнокованым куполом, козырьком *«калакай»*, наносником *«бурын кап»*, наушами *«кулак кап»* и назатыльником *«шуйдекап»*.

«Капелин» – шлем с цельнокованым куполом, наносником и наушами. К нижней части купола приклепляли узкий ободок с «гнездами» для драгоценных камней (яхонтов, винисков и бирюзы). Шлем имел подвижный наносник, по бокам подвешивались науши сложной формы, украшенные ободками и рельефными «гнездами» с драгоценными камнями.

«Куьмбез тоьбелли» – шлем с цельнокованым куполом и надбровными вырезами. К нижней части тульи был приклепан широкий обруч с редкими отверстиями для крепления бармицы.

«Пердели тувылга» – шлем с цельнокованым куполом, налобными пластинами (личинами – забралами), применяемыми как булатная защита для

[232]Манас. Кн. 1. М., 1984.С.107.

лица с характерным «клювообразным» носом, широким обручем и бармицей.

«Калпак» – шлем, клепанный из 4-9 и более сегментов, стянутых обручем.

«Шишек» – клепаный шлем с невысоким навершием, козырьком и наушами.

Под железный шлем всегда надевался подшлемник, амортизирующий удар по боевому наголовью. Знать применяла для этого специальные шапочки из войлока, закрывавшие почти всю голову, простые воины использовали обыкновенные стеганые шапки с низкой тульей.

В ходе клинкового боя особой опасности подвергались руки воина от кисти до локтя, поэтому не удивительно, что наручи *«колшак»* были одним из самых популярных элементов защитного вооружения конных латников. Для защиты ладоней применялись специальные рукавицы из кольчуги *«колган»*. Плечи и предплечья защищались наплечниками – *«куьревке»* и *«карыпша»*. Основным видом защиты бедра были железные створчатые набедренники *«бутырлык»*, соединявшиеся с помощью кожаных ремней или шарниров. Поверхность пластин, составлявших набедренник, обычно была гладкой. Наколенники *«тизекап»*, напротив, часто покрывались гравировкой, дополнительными ребрами или металлическими накладками. Очень часто наколенники имели «шишечку» или острие венчавшие накладные пластины.

В бою широко использовались щиты *«калкан»*. Основные формы щитов круглые и плоские, обтянутые кожей деревянные щиты диаметром до 70 см, круглые выпуклые плетеные из лозы диаметром 50 – 70 см и щиты из твердой кожи диаметром 40 – 70 см, прутяные щиты, небольшие щиты из толстой кожи. Большие обтянутые кожей деревянные щиты использовались конными латниками. В отличие от прутяных и кожаных аналогов (которые свободно удерживали ладонью за лямку без дополнительной фиксации и прижимания к корпусу, что облегчало фехтование ими в ходе рукопашной схватки),

деревянные щиты часто имели двойные петли для кисти и для предплечья.

Кожаные и деревянные щиты покрывали красной и черной краской, поверх которой наносили изображения небесных светил, геометрических фигур. Как правило, черная поверхность покрывалась желтыми и белыми узорами, красная, соответственно – черными. Иногда по краям щит имел декоративные украшения в виде конского волоса и цветных лент.

Наступательное вооружение. Ногайские воины использовали в бою 5 основных видов оружия:

Лук *«яй»*, по функциональному назначению относится к стрелковому оружию, являлся одним из древнейших видов оружия, по устройству подразделялся на простой и сложный. Простой лук представлял собой прочную деревянную дугу, концы которой стягивали тетивой из кожаных шнуров. Сложный лук изготавливали из пластин различных пород дерева, склеенных между собой, в других случаях – на внешнюю сторону деревянной основы наклеивали сухожилия, на внутреннюю - роговые пластины, середина и концы рукоятки снабжали костяными накладками. Сложный лук имел преимущества в прочности и дальности полета стрел. Стрелы *«окь»* были с двух, трех, четырех, шестигранными наконечниками *«сокым масак»*, *«ясыш масак»* и т.д. – это обеспечивало устойчивость и стабильность полета. Оперение теперь не требовалось. Такие стрелы в колчанах всегда хранили острием вверх – в этом положении их входило больше. Да и воину было легче найти необходимый тип острия. Некоторые стрелы снабжались костяными шариками с отверстиями, издававшими в полете резкий свист. Массовое распространение трехлопастных наконечников – свидетельство высокого мастерства местных кузнецов. Для борьбы с панцирной конницей ковали небольшие массивные наконечники с граненым острием *«масак»*. Древки с бронебойными наконечниками тоже обходились, по большей части, без оперения. Стрелам с плоскими наконечниками оперение *«айкъышак»* полагалось всегда, и хранились они в

колчанах наконечниками вниз. Древки стрел *«улын»* для прочности оклеивались ниже наконечника колечками *«юзик»* или *«бори»* из бересты. А с противоположной стороны, около ушка *«киз»* для тетивы, они расписывались черными и красными поясками. В одних случаях, это были знаки собственности, в других — указатели типа наконечника. Колчан был двух видов: для лука – *«яй кабы»* и для стрел – *«окь кабы»*. Внешняя поверхность колчанов украшалась прорезным орнаментом, нашивными бляшками и декоративными костяными накладками. На колчаны обычно наносили тамгу.

Копье *«кайза»* относят к колющему виду оружия. Копье у ногайцев имело широкий листовидный наконечник *«масак»*, шест *«курык»,* декорировалось прядью из конских волос *«буншук»* - знак власти и петлей для накидывания на руку *«буьлдирги»*. Копья имели длину 1,5 – 2 м, дротики *«суьлше»* – 1,5 м, пики *«суьнъги»* и *«сапалдаз»* – 3 - 3,5 м, они предназначалась для пробивания доспехов, имели длинные узкие граненые наконечники *«суьнъги масагы»*.

Сабля (меч, шашка) *«кылыш»* по своему функциональному назначению относится к режущему виду оружия, ее использовали в ближнем бою. Чтобы повысить колющий эффект, острие клинка *«юзи»* однолезвийного оружия делалось обоюдоострым *«алдаспан»*. Перекрестия *«каш»* сабель были, как правило, прямыми их склепывали из двух пластин *«тутка»*, помещенных с обеих сторон оружия. Иногда, в целях лучшей защиты от вражеского клинка, концы перекрестия приподнимались к лезвию. Для этого же, в других случаях, передняя часть перекрестия загибалась вниз, к рукояти, закрывая указательный и средний пальцы. Навершия *«балдак»* были довольно разнообразны: в форме кольца, металлического грибообразного колпачка, или утолщения на конце рукояти.

У ногайцев имелись разнообразные по форме и функциональному назначению ножи («*кынжал», «кама», «бебут» и «кынърак»*). Ножны *«кын»*

для клинкового оружия выдалбливались из двух деревянных половинок. Их шлифовали, а потом красили. Нередко ножны обтягивали выделанной тонированной кожей, что придавало им более нарядный вид. Устье и само тулово ножен стягивали металлическими оковками. Между ними помещали две фигурные скобы, от которых шли ремешки или небольшие витые цепочки – с их помощью оружие крепилось к поясу.

Боевой топор *«балта»* или секира *«айбалта»*, рубящий вид оружия, часто использовавшийся в бою. Боевые топоры были разных видов. Они отличались длиной древка и разными видами наконечников *«туьйте»* и острия *«тулга»*. Наконечники имели разные формы – односторонние и двухсторонние, украшались острием или декоративными накладками имеющими форму оленьих рогов *«марал муьйиз»*.

Палица *«шокпар»* ударный вид оружия, широко применявшийся в бою. Они различались в зависимости от используемого материала и формы головок (головка в виде головы быка *«токымак»* или молотка *«токпак»*. В военных целях использовали тяжелую палицу с металлической граненой головкой, а также деревянную дубинку *«сойыл»* и палку *«тоьпеш»*.

Все вышерассмотренные виды и разновидности военного снаряжения ногайцев, их конструктивные элементы имеют схожие формы и названия в других тюркских языках, различия встречаются лишь в наименованиях более поздних типов доспехов. Это является свидетельством того, что система классификации, сформировавшаяся у ногайцев уже в тюркскую эпоху, вместе с появлением основных видов кочевнического защитного снаряжения, была единой для всех кочевых народов.

Вооружение начала XVIII-середины XIX вв. Этот период можно назвать «переходным». В начале XVIII в. вооружение ногайцев претерпевает значительные изменения, в первую очередь, это свяно с распространением огнестрельного оружия, вытесневшего уже к середине XVIII в. лук, стрелы и

обронительные доспехи. Со второй половины XVIII в. комплект вооружения состоял из ружья, пистолета, шашки (или сабли) и кинжала.

Огнестрельное оружие рассматриваемого периода принадлежит к кремневой системе, которая оставалась неизменной почти до конца XIX в. Ружья первой четверти XVIII в. имеют переходный характер, они сочетают в себе черты турецкого ружья этого периода и специфически кавказского типа ружья более позднего времени – конца XVIII – начала XIX в. Э.Г. Аствацатурян, анализируя ружья второй половины XVIII в. отмечает, что они «являются оригинальным оружием, обладающим характерными чертами, позволяющими дать им определение «кавказский тип ружья». Ему свойственны следующие черты: длинные, круглые или граненые, главным образом нарезные, стволы, украшенные у казны и дула золотой, реже серебряной насечкой. Замки принадлежат к средиземноморскому типу кремневого замка» [233].

Пистолеты имели такие же, как у ружья кремневые замки, только меньшего размера.

По свидетельству Э.Челеби, во время столкновений с калмыками, кабардинцы и их союзники ногайцы, располагавшие всего 10 тыс. джигитов, заманили калмыков в горы. Ногайские стрелки, засевшие в засаде, из ружей ударили по противнику залпами свинца, а затем прибегли к холодному оружию. В результате 20 тыс. калмыков пало, а еще 20 тыс. было захвачено в плен. Когда сын убитого вождя калмыков вновь привел войско в Кабарду, кабардинцы и ногайцы применили другую хитрость: укрывшись в ущелье, они ударили из ружей и перебили почти все калмыцкое войско [234].

Газыри. Огнестрельное оружие требовало специального снаряжения. В деревянных трубочках – газырях *«аьзир»* хранили отмеренные дозы пороха.

---

[233] Аствацатурян, Э.Г. Оружие народов Кавказа / Аствацатурян Э.Г. – Нальчик: Хоббикнига Эль-Фа, 1995. С.8.

[234] Челеби, Э. Книга путешествия / Эвлия Челеби. – М., 1961. – Вып. 1; М., 1979. – Вып.2. С.87-88.

Пороховница. Относилась к второстепенному виду оружия. У ногайцев встречались пороховницы из бычьего рога, с железной цепочкой, имелись пулейки для двух пуль, а для забивки в патрон существовали пистонницы.

Важным атрибутом верхней мужской одежды ногайцев являлся поясной ремень *«белбау».* Он был узким, с металлической пряжкой и ременными подвесками с пластинками, гравированными чернью и золотом. Боковые поясные подвески, как отмечают многие исследователи, могли произойти от подвешивавшихся к поясу необходимых предметов практического или магического значения. Тут могли быть огниво и трут для добывания огня, оселок, пороховница и т. д. Примерно такие предметы обозначаются на половецких каменных изваяниях. Они были известны и другим народам на определенном этапе общественного развития. Со временем привешиваемые к поясу предметы превратились в декоративные серебряные украшения, сохранив прежнее расположение в самом наборе.

Третий этап - середина XIX-первая половина XX вв. В этот период полный комплекс вооружения состоял из огнестрельного оружия, газырей, которые носили уже в нашитых на грудь черкески или куртки газырницах (8-12 с каждой стороны, итого 16-24), пороховницы (в форме закрученного рога, хранившаяся в одном из двух нагрудных карманчиков располагавшихся ниже газырниц), натруски (маленькая пороховница в форме рожка для хранения высококачественного затравочного пороха).

При заряжении газырь вынимали из газырницы, пулю обернутую в тряпочку, вытаскивали зубами, верхний конец газыря приставляли к стволу ружья и переворачивали, при этом из него высыпался порох, затем доставали шомпол, вставляли в отверстие на дне газыря и загоняли в ствол пыж из него, затем в ствол заганялась пуля обернутая в тряпочку. В два дальних отделения газырницы клали газыри, в которые вместо пороха насыпали перетертое

сушеное мясо, соль, приправы, целебные травы, их засыпали в котел с кипящей водой, получая, своего рода, полезный белковый напиток.

На поясе носили нож, кинжал, мешочек с кресалом и трутом, пульницу, коробочку с жиром для смазывания оружия и другие мелочи. Пояс считался обязательной принадлежностью мужского костюма, без него могли ходить только дома. На улице не подпоясанными ходили только дети и старики.

Обрядовый комплекс

Свадебный костюм. Мужской свадебный костюм по составу был идентичен повседневному, с той лишь разницей, что на пошив одежды жениха приобретали самые лучшие ткани, а к скромному декору бешметов, черкесок и головных уборов добавлялась золотная вышивка, басонные изделия и галуны ручного плетения [Рисунок 90-92 Приложения 3], [Таблица 17 Приложения 2].

Вот как описывает свадебную одежду С.Ш. Гаджиева: «Для свадьбы всегда использовалась одежда лучшего качества. Костюм жениха отличался от обычного костюма качеством ткани и своей новизной. Он состоял из белой рубашки, черных или в полоску штанов из плотной ткани, бешмета из гладкого шелка, шерсти или сатина, суконной черкески «*аьзирли шепкен»*, мягких красных сафьяновых сапог, меховой шапки… Черкеску подпоясывали узким кавказским ременным поясом с подвесками, украшенным набором металлических пластин и блях; на пояс прикреплялся большой нож в черных или красных сафьяновых ножнах, а в ряде случаев кинжал» [235].

Полный комплекс свадебного костюма состоял из нательного белья, верхней одежды, головных уборов и обуви.

Нательное белье

Рубаха. На свадьбу жених надевал нарядную рубаху белого цвета, сшитую из привозного шелка или бязи. Воротник и рукава рубах отделывали

[235] Гаджиева, С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX вв. / С.Ш. Гаджиева. – М. : Наука, 1976. С.185.

узорной стежкой, края обрабатывали сутажем или тесьмой. Басонные пуговки на свадебных рубахах заменяли серебряными, выполненными на заказ.

Штаны. Нижние штаны в свадебном костюме выполняли функцию верхних. Они имели традиционный покрой по типу штанов с «широким шагом». Их шили из плотных тканей темно-синего, коричневого, черного цвета или в полоску.

Верхняя одежда

Бешмет. Свадебный бешмет по покрою не отличался от повседневного, он были на 10-15 см длиннее. Шили его из шелка, сатина, тонкого сукна белого (кубанские ногайцы), коричневого, темно-серого, синего или черного цветов. Все открытые срезы обрабатывали галунами, на груди располагали вышивку. У караногайцев бешмет сплошь покрывали узорной стежкой.

Черкески. Свадебные черкески имели традиционный покрой. Они были на 10-15 см длиннее повседневных. Ногайские мастерицы выбирали для их пошива самое лучшее сукно белого, коричневого, бежевого, черного, синего цветов. Все открытые срезы и верхнюю часть газырниц обрабатывали галунами. Басонные пуговицы заменяли серебряными.

Шубы. Если свадьба проходила зимой, жених, вместо черкески надевал шубу. Женихи из состоятельных семей могли позволить себе шубу из дорогого каракуля, а из бедных – лучших шкурок барашков местных пород.

Головные уборы

В комплекс свадебных головных уборов ногайцев входили три вида головных уборов:

-*головные уборы из ткани.* Начиная с 9-10 лет ногаек обучали золотной вышивке. К 12 годам каждая девочка могла вышить свадебную мужскую тюбетейку *«арахчин»* - головной убор для будущего супруга, который она

должна была передать ему во время сватовства. Эту заветную шапочку женихи носили до самой свадьбы [Рисунок 93 Приложения 3].

Тюбетейки шили из дорогого бархата, сукна и шелка, на ситцевой или бязевой подкладке. Вышивка располагалась на донышке (для свадебных тюбетеек характерна плоская форма) – в центре круг или ромб от которого отходили лучи, имеющие различные варианты завершения (рога, середечки, треугольники и т.д.) по околышу располагали ритмичную композицию, состоящую из сочетаний 3-4-х ромбов, треугольников кругов, полос и сердечек.

-*головные уборы из меха.* В день свадьбы, поверх тюбетейки жених надевал шапку, сшитую из меха самой лучшей выделки (из среднеазиатского каракуля или смушки местных пород).

-*головные уборы из сукна*. Комплекс свадебных головных уборов завершал белый или красный суконный башлык. Края башлыка обшивали серебряным или золотым сутажем, завязки и кисточку изготавливали из золотых нитей, дополняя плетеными шариками и многолепестковыми узорными розетками.

Обувь

В качестве свадебной обуви женихи носили красные сафьяновые сапоги, поверх которых обували кожаные калоши. В XX веке отдавали предпочтение хромовым сапогам.

Траурная одежда ногайцев *«кир кийим»* мало отличалась от повседневной. В течение 40 дней мужчины не брили голову и бороду, не снимали головной убор при входе в помещение.

Погребальная одежда. Для умершего шили рубаху и штаны традиционного покроя, затем, тело заворачивали в три-семь слоев белой ткани *«кебин»*, завязав в виде мешка у ног и у головы.

Детали одежды (перчатку, обувь (калоши, сапоги), башлык), вооружение (огнестрельное оружие (ружье или пистолет), холодное оружие (шашка,

кинжал, нож), газыри и патроны) и личные принадлежности (бритву, четки, посох, часы или компас) изображали на намогильных стелах. Также можно было встретить изображение орудий труда - кузнечные щипцы, плеть, крюк для подвешивания котла.

3.3. Комплекс традиционного женского костюма ногайцев

Полный комплекс традиционного женского костюма окончательно сформировался к середине XIX в., в его состав вошли нательное белье, нижняя и верхняя одежда, головные уборы, обувь и ювелирные украшения [Таблица 18 Приложения 2].

Нательное белье

Нательное белье считалось обязательной частью женского костюма, оно состояло из корсета *«коьк шыба»*, рубахи *«ишки коьйлек»* и штанов *«ишки ыстан»*.

Корсет являлся отличительной особенностью нательного белья кубанских ногаек, его носили под рубахой или платьем-рубахой [Рисунок 94 Приложения 3]. Традиция ношения корсета была связана с представлениями о красоте – стройности, плоской груди и тонкой талии.

Корсет изготавливали из сафьяна. Он туго стягивал грудную клетку и талию (начинался почти с уровня плеч и доходил до бёдер). Спереди в него были вшиты тонкие дощечки, которые препятствовали формированию груди. Сзади, вдоль позвоночника, так же была вшита дощечка, формирующая прямую осанку, спереди корсет туго затягивался на шнур. Корсет начинали носить в период формирования фигуры (10–12лет), постоянно, даже во время сна. Снимать его разрешалось только во время купания. К концу XIX в. сафьяновые корсеты заменяют на тканевые. Аналогичные изменения в корсетах сопредельных народов отмечены Е.Н. Студенецкой «…кожаные корсеты стали заменять на сшитые из нескольких слоёв плотных материалов, наружная часть

которых обшивалась шёлком или бархатом, деревянные вставки заменили серебряные или роговые» [236].

Рубаха выполняла одновременно две функции – белья и нижней одежды. На пошив одной рубахи уходило от пяти до семи метров ткани, обычно это был ситец, шелк, тонкая шерсть, холст. Цвет материала и качество декоративной отделки зависели от возраста и социального статуса владелицы – девушки носили яркие или пестрые рубахи, на праздники надевали желтые или красные. Замужние женщины отдавали предпочтение однотонным тканям. Богатые ногайки шили рубахи из дорогих привозных тканей, а бедные – из домотканых. В летнее время женщины среднего и старшего возраста, в домашней обстановке, носили рубаху, подпоясывая ее платком, сложенным по диагонали. Выходить на улицу в одной рубахе не разрешалось.

Женская рубаха, вплоть до конца XIX в. имела туникообразный покрой и два варианта исполнения:

-рубаха с перекидным плечом, прямая (длина до пят) и широкая (200-240 см), со свободными длинными рукавами, вертикальным разрезом посредине груди (25-35 см), без воротника или с невысоким воротником-стойкой *«тутпа яга»* (2-3 см), застегивающимся у основания на одну пуговицу или завязывающийся на тесемочку. Боковые швы до конца не зашивали, для удобства оставляли продольные разрезы *«йырмаш»* (20-25 см) [Рисунок 95 I-а Приложения 3]. О рубахе подобного типа писал Г. Малявкин: «У ногайской женщины длинная рубаха просторного покроя, с широкими рукавами, большею частью красная, обыкновенно из кумача» [237];

-рубаха с цельными или состоящими из двух частей вшивными клиньями *«шабув»* по бокам и ромбовидными ластовицами *«хистек»*. Рукава закрывали кисти рук, а в ряде случаев свисали и ниже. Рубаха имела вертикальный разрез

[236] Студенецкая, Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа XIX-XX вв. / Е.Н. Студенецкая. – М., 1989. С. 99.

[237] Малявкин, Г.Ф. Караногайцы / Г.Ф. Малявкин // Терский сборник. – Владикавказ, 1893. – Вып. 3. С. 151.

посередине груди (30-35 см). Летние рубахи шили без воротника, а зимние с небольшим воротником-стойкой [Рисунок 95 I-б Приложения 3].

Для прочности верхнюю часть рубахи (до пояса) делали на подкладке. По горловине, грудному срезу, краям рукава и низу рубах нашивали кант *«эдип»* из сутажа или плетеной тесьмы, из которых изготавливали петли и пуговички. Рукава праздничных рубах украшали галунами и монетами.

В конце XIX в. появляется следующий тип рубахи – с выкроенными проймами и сшитым плечом, она была уже в плечах, на рукавах делали манжеты или собирали на тесемочку [Рисунок 95 II – а Приложения 3]. На груди рубахи делали прямой разрез, застегивающийся у горла на одну ли несколько пуговиц. На гравюре Д. Шлаттера изображена Приазовская ногайка в нижней рубахе [Рисунок 95 II –бПриложения 3]. Такого типа рубахи бытовали среди молодых девушек, женщины же пожилого возраста все еще носили туникообразные рубахи.

В начале XX в. ногайки начали носить платье-рубаху на кокетке, с оборками из-под нее. Оборками, рюшами, сутажем, тесьмой с монетками, галунами украшали низ рукавов и подол платьев-рубах [Рисунок 95 III – а, б Приложения 3].

Штаны. Неотъемлемой частью костюма вне зависимости от сословной и возрастной принадлежности женщины являлись штаны. Их шили, как правило, из тонких однотонных тканей (ситец, бязь) светлых оттенков или в полоску. (на штаны шло примерно 2,5-3 м ткани). Женские штаны по названию и покрою не отличались от мужских. В XIX в. праздничные, особенно свадебные, штаны шили из шелка или из той же ткани, что и рубаху. Существовала традиция изготовления штанов из двух разных по качеству кусков ткани – верхнюю часть из простых, а нижнюю – из более дорогих, нарядных. Как отмечает С.Ш. Гаджиева: «В обычной же обстановке подавляющее большинство ногайских женщин пользовалось ситцевыми штанами, либо полосатыми или узорчатыми

ситцевыми шароварами» [238]. Схожие сведения встречаются у П.И. Небольсина «Женщины носят не слишком широкие, но пестрые штаны из ситца» [239].

Ногайки, вплоть до середины XX века носили штаны двух типов:

-*штаны с «широким шагом»*. Подобного типа штаны были очень широкими и удобными при верховой езде. Верхняя часть штанов (шириной 150-200 см) имела обшивку (верхний срез отгибался наружу и подшивался), куда продергивали сплетенный шнур или тесемочку [Рисунок 96-I Приложения 3].

Штаны с «широким шагом» сужались книзу, их длина доходила до щиколоток. Между штанинами вставляли очень большой ромбовидный клин – верхние углы клина доходили до обшивки у пояса, а два других почти до низа штанин. При растягивании по низу получалась почти прямая линия;

-*штаны с «узким шагом»*. Подобного типа штаны имели книзу слегка сужающиеся выкроенные штанины, между которыми вшивался короткий трапециевидный клин.

Нижний край штанин либо заправляли в обувь, либо собирали на сплетенный шнур или резинку (характерно для штанов начала XX в.), продетый в обшлажок [Рисунок 96 II Приложения 3]. Согласно сообщению Г. Малявкина: «У караногайских женщин штаны снизу собирались в сборки. У них штаны из ситца, восточного покроя, стягивающиеся шнурком» [240].

С.Ш. Гаджиева, предполагает, что некоторые женщины из ногайской феодальной верхушки или вышедшие замуж за местных ногайцев крымские татарки и туркменки носили штаны на турецкий манер. Такие штаны виднеются из-под нижнего платья девушек, зафиксированных на гравюрах Д. Шлаттера [Рисунок 96 III Приложения 3].

---

[238] Гаджиева, С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX-начале XX в. / С.Ш. Гаджиева. – М.: Наука, 1976. С. 130.

[239] Небольсин, П.И. Инородцы Астраханской губернии. Заметки о кундровских татарах / П.И. Небольсин// ВИРГО. – СПб., 1851. – Ч. II. Отд. V. – С. 17.

[240] Малявкин, Г.Ф. Караногайцы / Г.Ф. Малявкин // Терский сборник. – Владикавказ, 1893. – Вып. 3. С. 151.

Нижняя одежда

Платье-рубаха. Ногайки Кумыкской равнины под верхним платьем *«полша»* носили нижнее платье-рубаху *«коьйлек-каптал»*. Его шили из легких тканей темных тонов.

Платье шили отрезным по линии талии, с лифом полуприлегающего силуэта. Круглый вырез горловины и прямой грудной разрез декорировали сутажем или тесьмой. Платье застегивали справа налево на плетеные пуговицы. По линии талии нашивали полосу ткани в виде пояса. Низ состоял из трех-четырех прямых полотнищ. Вшивные рукава завершались манжетами, застегивающимися на 2-3 плетеные или серебряные пуговички.

Безрукавка. На платье-рубаху ногайки надевали безрукавки *«енъсиз»* или *«кыспа»*. Их шили из плотных однотонных и цветных тканей, зимние – дополнительно простегивали на вате. Женские безрукавки по покрою мало отличались от мужских. Шили их в талию, плотно облегающими фигуру, с боковыми разрезами, накладными или прорезными карманами спереди, ниже талии, в ряде случаев с хлястиком сзади. Длина их подола доходила до бедер [Рисунок 97 Приложения 3]. Безрукавки, в основном, носили женщины преклонного возраста и девочки.

Кафтанчик. Под платье надевали коротенький кафтанчик *«зыбын»*, его украшали галуном, а полы и рукава золотной вышивкой или аппликацией [Рисунок 98 I-а Приложения 3]. В конце XIX-начале XX вв. кафтанчики стали шить безрукавными с отдельными нарукавниками *«енъсе»*, прикрепляемыми к платью двумя способами: в первом – нарукавники зашивали вдоль, как рукава, в другом – их пришивали к рукаву верхнего платья [Рисунок 98 I-б Приложения 3]. Кафтанчик выполнял функцию, близкую корсету, система его застежек была предназначена для того, чтобы туго схватывать и стягивать фигуру от плечей до талии. Декоративное убранство состояло из нагрудных застежек, золотной вышивки и басонных плетений. Кафтанчик надевали под распашное платье.

Таким образом, он был виден лишь частями: грудь с металлическими застежками, передние полы (в разрез платья) и нижняя часть рукавов, в тех случаях, когда платье имело короткие или разрезные рукава.

Шили кафтанчики из разнообразных материалов – из бархата, плотного шелка, атласа, тонкого сукна, сатина, ластика темно-красного, зеленого, синего, коричневого или черного цвета. Возрастные и социальные различия присутствовали и в декоративном оформлении. Описание женского костюма, в том числе и кафтанчика, встречается в письменных источниках с конца XIX в. Член Русского географического общества А.П. Архипов отмечает: «Ногайки носят красную или желтую рубаху, туфли, полосатые шальвар, а на голове белое покрывало, всегда откинутое назад. Сверх рубахи надевают также цветной женский бешмет – зеленый или красный, другие – кафтан из красного сукна, принадлежащего к числу лучших нарядов. Богатые женщины носят такого же цвета и покроя одежду, но чаще из канауса и других шелковых материй» [241].

В историко-этнографическом очерке «Ногайцы» указано: «На платье рубаху надевали короткий шелковый кафтан *(зыбын)*. Его шили в талию, и он плотно облегал фигуру. Чтобы было удобней работать, кафтан часто шили без рукавов. Такой кафтан назывался *«кыспа»* или *«еленъ»*. Ниже бедер полы кафтана делали вразлет. Воротник был стоячий, простроченный *(сырылып тигилген)*. Застегивался кафтан на петли *(кавыстырма эзуьв)*, у богатых с золотной вышивкой и галуном. На рукава нашивали нарукавники *(енъсе)*»[242], аналогичные сведения встречаются в монографических изданиях этнографов С. Ш. Гаджиевой и Р. Х. Керейтова.

В XIX в. изображениями ногайцев значительно пополняется Российская фототека. В 1896 г. в «Каталог фотографических видов и типов Кавказа,

[241] Архипов, А.П. Этнографический очерк ногайцев и туркмен. Кавказский календарь на 1859год / А.П. Архипов. – Тифлис, 1858. С. 354.

[242] Калмыков, И.Х. Ногайцы / И.Х. Калмыков, Р.Х. Керейтов, А.И-М. Сикалиев. – Черкесск, 1988. С. 127.

Персии, Европейской и Азиатской Турции» Д.И. Ермаков включил 8 фотографий ногайцев Кубанской области, снятых им в Мансуровском ауле. Среди фотографий – «Группа девочек. Ногайцы». На ней зафиксированы кубанские ногайки в традиционных костюмах, на девушке, расположенной у правого края снимка, отчетливо видны фрагменты кафтанчика [Рисунок 99 Приложения 3].

В фондовой коллекции Карачаево-Черкесского историко-культурного и природного музея-заповедника им. М. О. Байчоровой хранятся следующие кафтанчики и их рудименты:

-девичий кафтанчик без нагрудных застежек. Кубанские ногайцы. Конец XIX в. Инв. № 6346. Материал: бархат, галун ручного плетения. Техники декора: золотная вышивка в технике «вприкреп» по настилу. Передан в фонд музея жительницей а. Эркин-Юрт Ногайского муниципального района Карачаево-Черкесской республики Кумуковой А. К. [Рисунок 100 Приложения 3];

-жилет. Кубанские ногайцы. Начало XX в. Инв. № 6347. Материал: бархат. Передан в фонд музея жительницей а. Икон-Халк Ногайского муниципального района Карачаево-Черкесской республики Агайгельдиевой Р. И. [Рисунок 101 Приложения 3];

-нагрудник с верхней застежкой и застежками *«черкес туьйме»*. Кубанские ногайцы. Начало XX в. Инв. № 6282. Материал: сукно, серебро. Техники декора: литье, выпиловка, глубокая гравировка, наложение и обжиг черни, зернь. Передан в фонд музея жительницей а. Икон-Халк Ногайского муниципального района Карачаево-Черкесской республики Агайгельдиевой Р. И. [Рисунок 102 Приложения 3];

-нагрудник с застежками *«черкес туьйме»*. Кубанские ногайцы. Середина XXв. Инв. № 6283. Материал: бархат, серебро. Техники декора: литье, зернь. Передан в фонд музея жительницей а. Икон-Халк Ногайского муниципального

района Карачаево-Черкесской республики, Кумуковой А. А. [Рисунок 103 Приложения 3].

Проведя анализ перечисленных изделий можно отметить, что кафтанчик входил в традиционный женский костюмный комплекс кубанских ногайцев. Композиционным центром кафтанчиков девушек и женщин из состоятельных семей являлись нашитые спереди на груди застежки *«черкес туйме»*, плотно посаженные друг к другу, они спускались от ворота к поясу. Застёгивались на своеобразную литую серебряную петлю и зафиксировать их возможно было только при натягивании. Количество нагрудных застежек доходило до 18 пластин. Функцию застежек в кафтанчиках пожилых женщин играли басонные или серебряные пуговички.

Застежки женского кафтанчика находились в прямой связи с золотной вышивкой. Орнаментальные мотивы, исполненные в технике «вприкреп» или «гладь» имели места четкой локализации. Мотивы вышивки располагали на воротнике, передних полочках и нижней части рукавов. Ворот, борта, подол, а иногда и швы на кафтанчике обшивали галуном.

Знаковой функцией обладала вышивка, расположенная в углу пол кафтанчика – довольно крупный равнобедренный треугольник, обращенный вершиной к углу. От основания треугольника отходили рогообразные ответвления, растительные побеги и стилизованные изображения птичек. Аналогичный декор встречался и у других народов Северного Кавказа. Е. Н. Студенецкая, отмечая особенность декора женских кафтанчиков, пишет: «На кафтанчике этот треугольник имел в свое время особое значение либо магического порядка, либо какого-то знака. Если мы вспомним, что кафтанчик начинали носить при наступлении половой зрелости, готовности к замужеству, то это, может быть, и послужит объяснением традиционности и обязательности

на кафтанчике вышивки именно этого типа» [243]. Мотив треугольника представлен А.Д. Столяром, как женский знак, обозначающий «чрево», т.е. «место таинственного зарождения новых жизней единоутробного в историческом смысле коллектива». Л. А. Асланова-Ханфенова отмечает, что «женские знаки применялись не для конкретного обозначения чрева, а для обобщения образа женщины-матери, прародительницы коллектива».

Начиная со второй половины XIX в. кафтанчик претерпевает изменения. Если в начале столетия его шьют из одной ткани, то со второй – спинка, верхняя часть рукавов, а затем и нижняя часть спинки шьется из более тонкой ткани. В конце XIX в. рукав кафтанчика заменяет богато вышитый нарукавник.

В начале XX в. передние полочки кафтанчика отделяются и, наподобие фартука, завязываются на талии. Нарукавники приобретают трапециевидную форму и также завязываются или застегиваются при помощи пуговичек у локтя и кисти. Традиционные застёжки начинают заменяться застёжками «на ножке», появляются нагрудники, украшенные филигранью, полудрагоценными камнями или цветным стеклом. Сложный певучий силуэт застежек на фоне темного бархата становится особенно торжественным, а их тонкая филигранная разделка в сочетании с позолотой и вставками из цветных камней придает женской одежде особую нарядность [Рисунок 104 Приложения 3].

Верхняя одежда

Бешмет. Основным видом верхней распашной одежды являлся бешмет – *«каптал»* [Рисунок 105 Приложения 3]. Его носили женщины всех этнографических групп как дома (особенно в прохладное время), так и на улице. Бешмет шили из плотных тканей – атласа, канауса, сукна. Пожилые женщины отдавали предпочтение тканям темных тонов, а молодые девушки – ярким расцветкам. Бешметы украшали вышивкой растительного и геометрического орнамента, сохраняя архаические мотивы и символы. Бешмет

[243] Студенецкая, Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа XIX-XX вв. / Е.Н. Студенецкая. – М., 1989. С. 138.

имел различную длину – вплоть до XVIII в. ниже колен, к началу XX в. до колен, а к середине – прикрывал бедра. Рукава бешмета прямые, вшивные, переходящие ниже локтя в разрезную лопасть, закругленную по нижнему краю. Длина рукава рассчитывалась так, чтобы она могла закрывать кисть руки. В повседневных бешметах, женщины, выполняя домашнюю работу, откидывали лопасть наверх, в связи с чем, изнаночную сторону изготавливали на подкладке. В праздничных бешметах лопасти делали длиннее, для подкладки использовали яркие однотонные или пестрые ткани. Край лопасти окантовывали сутажем, тесьмой, галунами, монетками и звенящими привесочками.

Бешметы простегивали ручной, а позже (после появления швейных машин) машинной декоративной стежкой. Для женщин старшего возраста бешметы простегивали весьма скромно.

Описание различных типов верхней плечевой одежды караногаек, подробно дается у С.Ш. Гаджиевой, она пишет: «Шили бешмет прилегающим в талии, с прямым вертикальным разрезом спереди; как и мужской бешмет его делали в основном цельнокроеным (спинка и передние полы), со швом и без шва на плече (туникообразным), с отрезными вставными бочками, ниже талии расклешенным за счет расширяющихся книзу клиньев, идущих от линии талии. Из десяти полос и клиньев, которые обычно имел бешмет, четыре были вшивными, прямоугольной формы, три – скроенными вместе с верхней частью, а два небольших клина треугольной формы пришивались спереди к нижней части полы, образуя «косой запах» [244].

Нарядные бешметы изобиловали украшениями [Рисунок 106, 107 Приложения 3]. На грудь, по обеим сторонам, нашивали две вертикальные полоски из бархата, сукна или кожи, на которых были пришиты нагрудные украшения – показатели материального благополучия семьи девушки или

[244] Гаджиева, С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX-начале XX в. / С.Ш. Гаджиева. – М.: Наука, 1976. С. 130.

женщины. На полосу нашивали от одного до трех рядов различных видов украшений. Наиболее распространенной вариацией считалось расположение по центру серебряных пластин *«такта туьйме»* [Рисунок 108 Приложения 3]. Пластинки, по верхнему и нижнему краю соединялись между собой кольцами. На пластинках, расположенных справа, к краю на кольцах прикрепляли полые шарики, которые вдевали в петли из цепочек, закрепленных на пластине с противоположной стороны. Таким образом, шарики выполняли роль пуговиц, а цепочки – роль петель.

К колечкам на левой стороне пластинок прикрепляли ряд нагрудных пластин *«тоьс туьйме», «козыбас туьйме»* или *«кус куйрык»* (только в том случае, если украшения крепили в два ряда). Пластинки *«тоьс туьйме»* могли крепиться и отдельно, составляя по аналогии с *«такта туьйме»* центральный ряд [Рисунок 109 Приложения 3].

Еще одним самобытным видом украшения нагрудной части бешмета можно считать *«ийинлик»* – подвески антропоморфной формы, пришиваемые по краям нагрудника с двух сторон [Рисунок 110 Приложения 3].

К подвесным нагрудным украшениям из серебра относилось сложное девичье украшение *«гамайлык»*. Сегодня, оно не представлено в музейных коллекциях, его описание встречается у С.Ш. Гаджиевой: «Гъамайлыкъ – это в основе своей медальон, соединенный посредством колечка с фигурной пластинкой с подвесками, к концу которых прикреплены шарики с монетами. С двух сторон медальона располагались треугольные пластинки, от каждой пластинки отходила цепочка, прикреплявшаяся к такому же треугольнику. От медальона вверх шла каплевидная пластинка с острым загнутым в виде крючка концом для закрепления украшения на одежде. Каплевидная пластинка, медальон и большая фигурная пластинка располагались на одной вертикальной оси. Украшение делалось с простыми и полудрагоценными камнями. Центральный медальон имел большой сердолик, а вокруг него располагались

мелкие зерна бирюзы. Пластинки орнаментировались черненым растительным узором. Гъамайлыкъ прикреплялся на груди нарядного платья девушки, а концы его пришивались к плечам» [245].

На верхнюю часть рукава и спинки также нашивали серебряные подвески *«дува»* – амулеты. Считалось, что они «защищали» человека со спины и «усиливали» его руки.

Необходимым элементом как праздничного, так и повседневного женского костюма был пояс *«кусак»*. [Рисунок 111 Приложения 3]. Ногайки, в основном, носили пояса из ткани, кожи и металла. Пояса из ткани *«белбав»* завязывали поверх рубахи. Обычно это была шерстяная домотканая полоса с декоративной окантовкой и кисточками на концах. В длину пояса были примерно 2 м, а в ширину не больше женской ладони. Декор состоял из аппликативных нашивок разноцветных треугольных кусков ткани.

Пояс-платок *«явлык»* представлял собой небольшой квадратный платок, которым туго подпоясывали рубаху, сложив его по диагонали. В XIX- начале XX в. им иногда пользовались женщины среднего и старшего возраста при переноске тяжестей, далеких переходах и т.д., считая, что это облегчает несение груза. Также он был обязательным атрибутом беременной женщины, его она не снимала в течение 40 дней после родов.

Металлические пояса *«кусак»* у ногайских женщин бытовали в разных вариациях – это и широкие металлические пряжки, закрепленные на ленте, изготовленной из галуна, ткани, кожи и пояса, состоящие из серебряных пластин, которые при помощи широких петель с обратной стороны нанизаны на узкий ремень.

Верхняя плечевая одежда у карагаш-ногаек имела свои локальные особенности. Повседневные бешметы карагаш-ногаек были сшиты из легкой ткани, бордового, красного, желтого, голубого и зеленого цвета. Свободные

[245] Гаджиева, С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX-начале XX в. / С.Ш. Гаджиева. – М.: Наука, 1976. С. 179.

рукава доходили длиной до кисти руки, в отдельных случаях, собираясь у ее основания на тоненький манжет. Пожилые женщины могли носить бешметы без пояса, а молодые девушки надевали поверх нагрудник, пояс и всевозможные амулеты. Из-под верхнего платья выглядывали нижняя рубаха и штаны, которые шили из ярких узорчатых тканей.

Праздничные бешметы карагаш-ногаек, значительно отличались от повседневных [Рисунок 112 Приложения 3]. Их шили из дорогого бархата красного, бордового или фиолетового цвета. Будучи выкроены по типу бешмета, они имели широкие, прорезанные от подмышки рукава, закрывающие кисть. По вороту, краям рукавов, бортам и подолу нашивали кант из шелковой ткани и галуны, ширина и рисунок разделок которых имели различные вариации, что указывало на высокий уровень мастерства карагаш-ногаек. В нижней части пол бешмета обычно располагался геометрический орнамент – своего рода астральный оберег и основной показатель половозрастной принадлежности [Рисунок 113 Приложения 3].

Несмотря на территориальное единство карагаш-ногайцев и юртовцев, в их костюмах просматриваются локальные отличия. Женский костюм представительниц юртовских ногайцев, значительно отличается от наряда других этнографических групп – их одежду не украшали вышивкой, так как на изготовление платьев шла дорогая ткань яркой расцветки с крупным контрастным рисунком (обычно использовались растительные мотивы) или однотонная ткань (в основном бархат) в сочетании с дорогим кружевом. На шею надевали специально сшитый из плотной ткани нагрудник. Он мог иметь как овальную, так и прямоугольную форму. Отличительной особенностью костюма были узкие нарукавники высотой по локоть, к низу чуть расширяющиеся к запястью до кисти и зауживающиеся до остроконечного угла к среднему пальцу, из плотной ткани с однотонной вышивкой. Причем,

нагрудник и нарукавники в праздничном костюме шили из одной ткани, например, из бархата или парчи и украшали в едином орнаментальном стиле.

Платье. Ногайки Кумыкской равнины в качестве верхней одежды носили распашное платье *«полша»* - длинное (до пят), отрезное в талии, прилегающего силуэта, с широкой юбкой, состоящей из 5-6 полотнищ, прямыми, суженными книзу рукавами. В отличие от платья-рубахи они не имели манжет, срез обрабатывали плетеной тесьмой или галуном [Рисунок 114 Приложения 3].

Передняя часть лифа имела треугольный разрез, заканчивающийся у линии талии, который фиксировали встык на 2-3 пуговицы или застежки. Полы платья не запахивались, из-под них виднелась юбка платья-рубахи.

Кубанские ногайки носили длинное распашное платье *«шыба»,* которое было общекавказским типом женской верхней одежды. Его выкраивали по аналогии с мужской черкеской [Рисунок 115 Приложения 3].

Повседневные платья шили из домотканого сукна, бархата, летние – из более легких тканей, а зимние – простегивали на вате. При выборе цветовой гаммы предпочитали темные тона. Длина низа изделия доходила до середины щиколоток. Рукав шили длиной до кисти или до локтевого сгиба. Декор состоял из тесьмы, окаймляющей края изделия, которая не только предотвращала платье от изнашивания, но и «оберегала» владелицу от злонамеренных сил.

Праздничные платья шили длинными (до пяток), с облегающим лифом и прямыми рукавами. На рукава праздничных платьев, начиная с XIX в. пришивали подвески. Нарядные платья украшали золотной вышивкой, галуном. В ряде случаев на полах платья вышивали растительные или геометрические орнаментальные мотивы. Вышитое старинным швом – «гладью» и «вприкреп» по настилу накрученного шелка, обогащающем фактуру, оно смотрелось монументально и декоративно.

Во второй половине XIX в. увеличился ввоз фабричных тканей, которые были более легкими и широкими, что позволяло внести изменения в крой. При сохранении открытого лифа, платья шили отрезными по линии талии, расширяя подол за счет сборок и складок. Несмотря на изменения в покрое платьев, линии традиционного кроя имели прежнюю локализацию, в праздничных платьях «ложные» швы закрывали галунами.

В конце XIX-начале XX вв. кубанские ногайки начали отдавать предпочтение отрезным платьям с закрытым лифом. Закрытая юбка имела ближе к левому боку вверху небольшой разрез для застежки, которую прикрывал пояс. Длина рукава платья в большинстве случаев доходила до локтя, край украшали вышивкой или широким галуном, так же шили платья с узкими длинными или широкими рукавами, доходившими до кистей рук. В таких случаях платье носили без нарукавных подвесок [Рисунок 116, 117 Приложения 3]. Эволюция рукава женского горского костюма наглядно представлена в таблице, в книге Е.Н. Студенецкой «Одежда народов Северного Кавказа XIX-XX вв.». Она совпадает с линией развития рукава в верхнем платье кубанских ногаек [Рисунок 118 Приложения 3].

Шуба. Показателем достатка у вех этнографических групп ногайцев были шубы, которые мастерицы изготавливали с большой любовью и аккуратностью [Рисунок 119 Приложения 3]. Длинные шубы называли *«тон»,* короткие – *«куьрте тон»*, из подстриженных овчин – *«тери тон»,* из мерлушек – *«коьрпе тон»*. На шубу среднего размера шло 5-6 овчин и 30 шкурок маленьких ягнят. Шили шубы мехом внутрь.

С.Ш. Гаджиева отмечает «Фасон шуб был един и напоминал бешмет. Делались они отрезными по линии талии, длиной чуть ниже колен, приталенными, с неширокими длинными до кисти рукавами и невысоким воротником-стойкой. Рукава, полы, подол, воротник часто оторачивали мехом

хорошего качества. Делали шубки и крытыми, и нагольными. Молодые покрывали их красным сукном, постарше – синим, коричневым материалом.

Добротной зимней одеждой пользовались при этом далеко не все ногайские женщины. Шубы, особенно из шкурок ягнят, для всех этнографических групп ногайцев, по крайней мере в конце XIX - начале XX в., были показателем большого достатка. Женщины из бедных семей зимой поверх бешметов надевали старые бешметы, черкески своих мужей, споров предварительно с них газырницы и нагрудные карманы» [246].

На гравюрах и фотоснимках зафиксированы ногайки в шубах, полы и рукава которых оторочены мехом [Рисунок 120 Приложения 3]. Шубы покрыты зеленой, коричневой, красной и цветной тканью. У крымских ногаек шубы украшены тесьмой, серебряными привесками, имеют треугольную нашивку на предплечье.

Головные уборы

Если по костюму и набору ювелирных украшений можно было определить совершеннолетие девушки, то замужем она или нет говорил только головной убор, служивший завершением многопредметного ансамбля. По сообщению Е.Н. Студенецкой «…шапки носили лишь девушки и молодые замужние женщины до рождения первого ребенка»[247].

Прически. Ряд различий имели прически – женщины прятали волосы под головной убор, а девушкам разрешалось носить локоны и челку. Девушки и женщины причесывали волосы гладко, на прямой пробор. В концы кос вплетали длинные и широкие полосы материи – *«шашбав»*. На фотоснимках конца XIX в., хранящихся в Астраханском краеведческом музее зафиксированы карагаш-ногайки, чьи косы украшены лентами с нашитыми серебряными монетами и колокольчиками «пул шашбав». Описание подобных накосных

[246] Гаджиева, С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX-начале XX в. / С.Ш. Гаджиева. – М.: Наука, 1976. С. 139, 140.

[247] Студенецкая, Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа XIX-XX вв. / Е.Н. Студенецкая. – М., 1989. С. 36.

украшений встречаются и у С.Г. Гмелина, он отмечает, что «ленты у женщин и девушек астраханской группы имели отличительные признаки: девушки носили только ленты с серебряными украшениями, а замужние – шелковые или хлопчатобумажные, без серебра» [248].

Накосники юртовских ногаек крепились у основания косы, они оповещали о приходе девушки звоном колокольчиков и монет. У караногайцев накосники девушек изготавливали из войлока, декорировали шерстяными нитями в технике узорного простегивания и аппликации, используя в основном орнаменты *«уьш япырак»* – трилистник и *«дува»* – талисман. К концам лент привешивали серебряные монетки, звенящие бубенчики, подвески из драгоценных камней. Женщины вплетали в волосы обычные хлопчатобумажные ленты. Кубанские ногайки надевали на косы бархатные чехольчики *«шаш кап»*, украшенные золотной вышивкой и отороченные галуном ручной работы. К нижней части накосника пришивали кисточки, оплетенные золотой нитью шарики, трехлепестковые плетеные розетки и монетки [Рисунок 121 Приложения 3].

Головные уборы. Помимо причесок и накосных украшений, знаковую функцию имели и головные уборы [Рисунок 122 Приложения 3]. Разнообразные по форме и отделке головные уборы, условно можно разбить на три группы:

-головные уборы типа мешочков;

-головные уборы типа шапок;

-платки.

В изготовлении головных уборов мастерицы использовали мех, бархат, сукно, шелк, бязь – словом все, что имелось под рукой. Художественные достоинства головных уборов ногаек заключались в выразительности вышиваемых узоров растительного происхождения, а также самой формой,

[248] Гмелин, С.Г. Путешествие по России / С.Г. Гмелин. – СПб., 1777. – Т.II. С. 136.

насыщенностью колорита, разнообразием фактуры, придающей шапкам живописность, где декор подчинялся конструкции и форме изделий.

По аналогии с мужскими – женские головные уборы, в зависимости от используемого материала, делятся на следующие группы:

Первая группа -головные уборы из ткани, в свою очередь, они делились на нижние и верхние [Рисунок 123,124 Приложения 3].

К нижним головным уборам относится чепчик-волосник *«сылавыш», «шылавыш»* или *«бастырман»*. У караногаек *«сылавыш»* шили из ситца или шелка. Он состоял из трех частей – широкой ленты красного цвета, начинающейся от линии лба и завершающейся у линии бедра и двух наушей синего цвета. Полосу и науши сшивали и фиксировали на голове при помощи тоненьких тесемочек. На верхний срез ленты нашивали полоску из бархата черного или темно-синего цвета, к которой прикрепляли один ряд бусин из коралла или сердолика и два-три ряда монет. По бокам ленты свисали длинные плетенки с громоздкими кистями на концах. В нити кистей вплетали маленькие полые шарики и монетки. Макушку украшали круглые серебряные накладки, а затылок – галун с монетками. От затылка до линии бедра на ленту нашивали аппликацию, на мотивы которой пришивали бусинки и монетки. Боковые срезы окантовывали тесьмой, а нижний – густой бахромой и полыми звенящими шариками [Рисунок 125 Приложения 3].

«Шылавыш» кубанских ногаек представлял из себя бархатную повязку, охватывающую всю голову и завязывающуюся на затылке в узелок. По краям спускались подвески *«мазарлык»*, у висков кисточки *«шок»*, а на темени были нашиты серебряные бляхи.

Узколокальным головным убором ногаек Терско-Сулакской низменности был *«шуткъу»* – мешочек из куска черного атласа, сатина, бязи, цветного кашемира длиной 80-90 см и шириной 60-70 см. В верхней своей части он имел с двух сторон ленты-завязки, при помощи которых укреплялся на голове.

Ленты перекрещивались на затылке, проходили над теменной частью и завязывались сзади. В *«шуткъу»* сперва опускали косы, а затем его, как чепец, надевали на голову. Убор плотно облегал голову и спадал с концами на спину. Поверх него, вне дома, обязательно надевали платок. С.Ш. Гаджиева, считает, что *««шуткъу»* ногаек ничем не отличался от «чуткъу» кумычек и несомненно был заимствован у последних. По-видимому, «шуткъу» пришел на смену меховым шапкам, тюбетейкам или другим головным уборам, которыми пользовались женщины этой этногруппы ногайцев до XVII-XVIII вв.» [249].

Караногайки и кубанские ногайки под большим платком почти всегда носили маленький платочек *«явлык», «шокана»* или *«бастарткыш»* из тонких хлопчатобумажных тканей, чаще из белой бязи. Юртовские девушки повязывали голову двумя платками, концы первого распускали назад, а второго – спереди завязывали узелком, косу выпускали поверх платья.

«Головной убор замужней женщины составляет небольшой платок или простой кусок холста, обматываемый вокруг головы, сверх которого накидывается неразлучный тастар (покрывало, опускающееся позади почти до пяток)» – писал Н.Ф. Дубровин [250]. По свидетельству Д. Шлаттера, под тастаром женщина носила другой «очень длинный узкий разноцветный платок (байлауш), который несколько раз обвязывает голову, а концы свисают на спине под тастаром» [251]. «Женщины всегда убирают косы под платок, поверх которого надевается шапка» - писал о карагаш-ногайках П.И. Небольсин [252].

К верхним головным уборам относятся шапочки-тюбетейки *«такыя»* круглые, шапочки на подкладке. Они состояли из неширокой тульи и пришитого к ней плоской или полусферической формы донышка и шились

---

[249] Гаджиева, С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX-начале XX в. / С.Ш. Гаджиева. – М.: Наука, 1976. С. 150.

[250] Дубровин, Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе / Н.Ф. Дубровин. – Спб., 1971. – Т. I. С. 269.

[251] Schlatter D. Bruchstucke aus einigen Reisen nach demSudlichen Russland in den Jahren 1882 bis 1828. – Gallen undBern, 1836. P. 167.

[252] Небольсин, П.И. Инородцы Астраханской губернии. Заметки о кундровских татарах / П.И. Небольсин // ВИРГО. – СПб., 1851. – Ч. II. С. 99.

обычно из бархата бордового, красного, зеленого и синего цвета. Сегодня, такие шапочки не сохранились. С.Ш. Гаджиева также отмечает: «судить о ее форме трудно. Тюбетейка – *такыя* – перестала бытовать здесь, очевидно, со второй половины XIX в. Но, по отрывочным сведениям старых ногаек она представляла собой неглубокую шапочку, имела в основе полусферическую форму, делалась из яркой, чаще красной плотной ткани, на подкладке или на вате. Иногда тахия укреплялась на голове при помощи небольших лент, которые застегивали или завязывали под подбородком. Однако, судя по данным путешественников более раннего периода, у ногайских женщин в прошлом бытовали и островерхие шлемовидные шапочки» [253].

В большом количестве ногайцам из Крыма привозили невысокие шапочки *«крым боьрк»*. Их обычно изготавливали из бархата разного цвета, декорировали золотной вышивкой и галуном. На макушке, по центру крепили оплетенный шарик. М. Пейсонель свидетельствовал: «Шапочки-колпачки привозили ногайцам из Константинополя. Их много покупали крымские ногайцы и весьма большое количество отправляли потом в Тамань и Черкесию. Ежегодно расходится этих колпаков от 150 до 200 тысяч» [254].

У крымских ногайцев женщины высоких сословий носили шапки, напоминающие по форме митру. Их шили из сукна или бархата красного цвета из отдельных долек, швы между которыми обкладывались галунами или шнурками, узкий околыш был меховым или также обшивался галуном.

Богато украшали шапки приазовских ногаек. На высокие головные уборы нашивали галуны, тесьму, узорные розетки, монеты, серебряные привески, сердолики в круглых, ромбовидных или каплевидных кастах.

Другой вид шапок – это высокие матерчатые шапки, их в основном носили невесты или молодухи. У кубанских ногайцев и частично у

[253] Гаджиева, С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX-начале XX в. / С.Ш. Гаджиева. – М.: Наука, 1976. С. 139, 144.

[254] Пейсонель, М. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу Черного моря в 1750-1752 гг. в изложении Е.Д. Фелицына / М. Пейсонель. – Краснодар, 1972. С. 35.

джембойлуковцев, етисанцев и едишкульцев, такая шапочка называлась *«ока боьрк»*, у караногайцев – *«теке боьрк»*, у карагаш - ногайцев – *«кес боьрк»*. Каждый тип этого вида шапок имел свои характерные особенности (Особенности свадебных головных рассмотрены ниже, в разделе «Обрядовые комплексы. Свадебный костюм. Головные уборы» - К.Ф.).

Вторая группа – головные уборы из ткани и меха [Рисунок 126-128 Приложения 3]. Как отмечалось выше, замужние женщины носили шапки до рождения первого ребенка, исключением являлась лишь высокая меховая шапка – *«боьрк»*, бытовавшая у всех этнографических групп ногайцев, сшитая из шкурок речной выдры, лисы, зайца или кролика.

Шапки были громоздкими и широкими, имели полусферическую форму. Такие шапки зафиксированы на рисунках путешественников и на фотоснимках вплоть до середины XX в.

В этнографическом исследовании С.Ш. Гаджиевой отмечено: «К концу XIX-началу XX в. меховые шапки бытуют реже, а в караногайской степи сохраняются в качестве головного убора только замужней женщины. Ногайки же, жившие на Кубани и Терско-Сулакской низменности меховые шапки в это время не носили вовсе» [255]. Подтверждением этого служит отсутствие фотоснимков и рисунков, содержащих изображение подобных головных уборов на женщинах обозначенных этнографических групп.

Описание головных уборов карагаш-ногаек встречается у П. Небольсина: «В старые годы, все женщины носили высокие шапки, обложенные фольгой и снаружи, сверх фольги, обшитые серебряными и даже золотыми монетами; около лба навешивались мордовка или мелкая серебряная монета, и в несколько рядов жемчуг. Нынче высокие шапки тоже существуют, но место золотых монет заступили оловянные и жестяные кружки́ и изредка двугривеннички, а вместо мордовок и жемчуга, нашиты одни лишь стеклянные пронизки.

[255] Гаджиева, С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX-начале XX в. / С.Ш. Гаджиева. – М.: Наука, 1976. С. 143-144.

Женские шапки — род цилиндра, кверху немного суживающегося; с них спускаются длинные и широкие чадры́, которыми женщины укрываются от глаз чужого мужчины — мухаммеданина.

Шапки девок похожи на мужские, только поминьятюрнее их; верх их обшивается бархатом и шелковою материей; околыш делается не из овчины, а из лисьего меха. Из-под этих шапок девки выпускают наверх бешмета косы, обременяемые на концах серебряными и медными привесками» [256].

Третья группа – покрывала [Рисунок 129,130 Приложения 3]. *«Тастар»* - большое белое кисейное покрывало, которым обвертывали голову, шею, закрывая женщину от подбородка до талии, оно спускалось назад до подола. *«Тастар»* носили поверх нижних головных уборов и шапок. Ими пользовались ногайки всех возрастов и всех территориальных и социальных групп. Платок женщины отличался от платка девушки преимущественно цветом ткани: женщина носила поверх меховой шапки белый *«тастар»,* девушка поверх шапочки – главным образом красный.

«Тастары» были двух видов – большие широкие, квадратной формы, на которые шло 5-5,5 м ткани (женщины носили их, сложив вдвое по диагонали), и треугольные, типа косынки. Из тюля делали только либо одинарные косынки, либо широкие шарфы.

Край платка или косынки, особенно его налобную часть, до перекрещивания под подбородком обшивали мелкими серебряными монетами, бляхами (у бедных оловянными жетонами). Концы *«тастара*» перекрещивались под подбородком и завязывались узелком на затылке. Обычно платком закрывали весь лоб, открытыми оставались только глаза.

[256] Небольсин, П.И. Инородцы Астраханской губернии. Заметки о кундровских татарах / П.И. Небольсин // ВИРГО. – СПб., 1851. – Ч. II. С. 99.

Начиная со средних лет женщины носили платок несколько иначе: накинув на голову, ногайка забрасывала его концы назад через плечи так, что они почти целиком свисали вдоль спины [257].

Обувь

Большим разнообразием отличалась женская обувь [Рисунок 131 Приложения 3]. По материалу изготовления ее можно разделить на три группы – обувь из шерсти, кожи и дерева.

Обувь из шерсти. Самым распространенным видом обуви у всех этнографических групп ногайцев были валяные войлочные чулки *«уюк»*, которые носили на босые ноги во все времена года, как дома, так и на улице (под обувью). Ногайские мастерицы валяли два вида чулок. Один вид напоминал мягкие сафьяновые сапоги, длиной до колен с пяточкой и носком, а другой – без пяток. Для изготовления чулок использовали белую, черную и серую шерсть. В верхней части голенищ, спереди, делали надрез, длиною 5-7 см, окантованный шнуром *«шалув»,* сплетенным из двух шерстяных ниток контрастных цветов (в основном предпочитали сочетание «черный-белый», «красный-зеленый», «оранжевый-зеленый»). По внутренней стороне канта простегивали бордюр, состоящий из сплошной полосы красного цвета (шириною 0,5-1см) и орнаментальной полосы *(«туье оьркеш», «тавык тырнак», «тире оюв»* зеленого цвета. Под разрезом (по центру) и по бокам располагали антропоморфный орнамент *«аьдем суьврет»*, аналогичный орнаменту, расположенному над входом в юрту. Мотив вышивали красными нитками. Между орнаментами располагали солярные розетки *«куьн»* (круг заполняли красными или оранжевыми цветами, «лучи» - зелеными или темно-синими). Под орнаментами простегивали две-три полосы (по форме и орнаменту повторяющие бордюр, расположенный под окантовкой). Под бордюром располагали солярные знаки *«куьн»* и геометрические *«энге оюв»*.

[257] Гаджиева, С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX-начале XX в. / С.Ш. Гаджиева. – М.: Наука, 1976. С. 152, 153.

Обувь из кожи. Ногайские сапожники шили сапоги *«коьн этик»*, чарыки *«коьн шарык»*, *«поршун»*, мягкие сафьяновые сапожки *«мес»*, *«атув»,* калоши *«бапиш»* и башмаки *«басмак»*. Материалом для их изготовления служил мягкий сафьян прекрасной выделки, более жесткая юфть и, изредка, шагреневая кожа, которые окрашивались почти во все цвета. Основным художественным акцентом являлся орнамент, его своеобразие в графическом исполнении в колорите цветового решения, отличает работы ногайских мастеров по коже от аналогичных изделий сопредельных народов.

Широкое распространение среди ногайцев имели сапоги с голенищами до колен и каблучками *«коьн этик»*. Их шили из сыромятной коровьей, воловьей или верблюжьей кожи домашней выделки. *«Коьн этик»* шили и с загнутым кверху носком.

Ногайки носили мягкие сафьяновые сапожки *«мес», «атув»*. Их надевали по праздникам. В богатых семьях *«мес»* девушкам шили из красного или желтого сафьяна, их голенища покрывали аппликациями. Подошва была из нескольких слоев мягкой кожи, без каблучков и с невысоким голенищем. При выходе на улицу поверх *«мес»* надевали обувь из более толстой кожи и на твердой подошве, в основном, калоши *«баьпиш»*. Г. Ананьев, в частности, писал: «караногайцы, поверх сафьяновых чулок с короткими голенищами носят «кожаные калоши *(бабыш)* на высоких каблуках. Н. Дубровин отмечал, что «ногайки поверх мягких сафьяновых сапог надевают сафьяновые же красные или черные башмаки с прочными подборами» [258].

Обувь из дерева. Ногайки знатного происхождения пользовались ходульными колодками *«табандырык»* – предмет, изначально нефункциональный, и существующий исключительно в роли сословного атрибута. Их надевали при любом торжественном выходе, на праздник, на

[258] Дубровин, Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе / Н.Ф. Дубровин. – Спб., 1971. – Т. I. С. 267.

танцы. Женщины и девушки передвигались мелкими шагами, показывая свою грациозность и хорошие манеры.

Декору ходуль придавалось исключительное значение, их украшали накладками из цветных и даже драгоценных металлов, золотной вышивкой. Деревянную обувь инкрустировали костью и перламутром. В некоторых случаях под ступнёй обуви укрепляли металлические звенящие подвески.

Описание деревянной обуви встречается у А.П. Архипова: «Тавалдырыкъ ногайки представляет собой обувь типа сандалей с двумя подставками туякъ, укрепленными поперек обуви железным прутиком. Эта обувь имеет две разновидности» [259].

Вырезанные из дерева в форме ступни, с острым или закругленным носиком, ходули укрепляли на двух подставках (под носиком и пяткой) равной вышины. Ходули удерживались на ноге при помощи прикреплённой к ним широкой петли из кожи и галуна. В петлю просовывали носок ноги, обутой в мягкую обувь. Высота ходуль колебалась от 16 до 20,5 см.

Ходули бытовали в среде материально обеспеченных сословий, что, однако, объяснялось не столько их стоимостью, сколько социальным смыслом. Высокие ходули, высокая шапочка, пышный наряд выделяли женщину, физически поднимали её над толпой, делали «высокопоставленным» лицом. В условиях современного быта использование ходуль исчезло, но традиции использования не утратили свое былое значение.

Ювелирные украшения

Любовь ногаек к серебру отмечали авторы XVIII-XX вв. П.Б. Засодимский, описывая убранство кумских ногаек, отмечал: «Богатые женщины носят платье из канауса и других шелковых материй, а бешметы, несколько отличающиеся покроем от мужских, делают с красивыми серебряными застежками во всю грудь — от шеи до пояса, называемыми «*тоьс*

[259] Архипов, А.П. Этнографический очерк ногайцев и туркмен. Кавказский календарь на 1859год / А.П. Архипов. – Тифлис, 1858. С. 83.

туьйме». К этим застежкам, очень живописно рисующимся на груди женщины – особенно молодой и здоровой, приделываются еще дутые шарики под резьбою, хотя и грубоватой, но очень характерной, своеобразной отделки. В ушах носят огромные серьги, чаще серебряные – круглой или овальной формы, а в одной из ноздрей – иногда еще изредка – кольцо (серьга). Замечателен пояс, которым ногаянки стягивают свою талию поверх бешметов и кафтанов. Этот пояс *«кусак»* составляется из огромных серебряных блях или пряжек, величиной в ладонь, нередко украшенных сердоликовыми и другими камнями; наборка его у людей богатых также делается из серебра с резьбой, иногда с чернядью туземного произведения. Вообще богатые женщины одеваются очень щеголевато. Молодые женщины иногда носят на руках увесистые серебряные браслеты и острое серебряное украшение на лбу или под подбородком, прикрепляемое к серьгам; это украшение состоит из разнообразных колец, цепочек и чешуи…» [260].

В. Пятницкий, по материалам поездки 1927 года, так описывал украшения ногайцев-карагашей: «Украшения на женском костюме состоят из галуна и монет. Не говоря уже о пуговицах, которыми служат всегда мелкие серебряные монеты, у женщин монетами обшивается также разрез къаптала на груди. Конечно, ценность этого украшения, называемого *«орта»* – середина, зависит от степени зажиточности. Орта может состоять из двух монет и из целого ряда их. Девушки еще больше щеголяют украшением этого рода. На груди у них висит целая броня из монет – *«аспа»*. Кроме того, монетами обшиваются обшлага, и они же подвешиваются по рукаву, вдоль шва, идущего под мышки. К серебряному поясу монеты подшивают в три и четыре непрерывных ряда» [261].

---

[260] Засодимский, П.Б. Татары-ногаи Ставропольской губернии / П.Б. Засодимский // Живописная Россия. – СПб., 1899. – Т. VII. – Ч.II. С. 67.

[261] Пятницкий В. Карагачи (по материалам поездки 1927 года) / В. Пятницкий // Землеведение. Географический журнал им. Д.Н. Анучина. Т. 32. Вып. 3-4. М., 1930. С. 68-70.

Нагрудные украшения. Караногайки, карагаш-ногайки и кумские ногайки украшали свои бешметы серебряными и медными нагрудными пластинками или монетами, нашитыми в несколько рядов на прямоугольный кусок ткани. Будучи в прямой неразрывной связи с композицией бешмета, геометризированные силуэты застежек восходят к древним пластам ногайского ювелирного искусства. Нагрудные пластинки представляли собой от восьми до шестнадцати пар застежек, имеющих с одной стороны полусферическое завершение, а с другой – полую петлю. Традиционно, у ногаек выше обозначенных этнографических групп бытовали следующие виды нагрудных украшений «*туьйме»:*

-дощатые прямоугольные или листовидные пластинки «*тоьс туьйме»* [Рисунок 132 Приложения 3]*;*

-расширяющиеся к внешнему краю, имитирующие изображение головы козы пластинки «*козыбас туьйме»* [Рисунок 133 Приложения 3]*;*

-квадратные, прямоугольные, круглые и фигурные пластинки «*такта туьйме»*, с одной стороны имеющие петлю, изготовленную из цепочки, а с другой полый шарик, прикрепленный на цепочку, служащий пуговицей [Рисунок 134 Приложения 3];

-тюльпановидные пластинки *«капашык»* [Рисунок 135 Приложения 3]*;*

-каплевидные пластинки «*кус куйрык*» [Рисунок 136 Приложения 3].

Кубанские ногайки не любили сложных наборов и громоздких изделий, предпочитая лаконичность, легкость, изящество. В комплект нагрудных украшений входило от 7 до 18 пар изящных застежек *«черкес туьйме»* [Рисунок 137 Приложения 3]. Верхняя пара была представлена в виде двух пластин в форме птиц или завитков.

Поясные украшения. Самой массивной и основной деталью, которая говорила о достижении девочкой момента, когда она могла быть просватана, являлся пояс. Он имел сакральное значение и был связан со следующим

поверьем – «ногайцы считали, что кроме людей, обитающих на земле, существуют люди, которые живут над землей и под землей. Поэтому люди, живущие на земле и находящиеся как бы посередине, носят пояса на талии». Особенностью девичьих поясов было наличие привешенных к нижнему краю пряжек, монет, полых шариков и каплевидных пластин, караногайки, кумские ногайки и карагаш-ногайки носили следующие типы поясов «*кусак»*:

-широкие и узкие металлические пряжки, застегивающиеся при помощи стерженька или петли, закрепленные на ленте, изготовленной из галуна, ткани или кожи [Рисунок 138 Приложения 3];

-широкие фигурные пряжки, застегивающиеся при помощи петли, закрепленные на ленте, изготовленной из галуна, ткани или кожи [Рисунок 139 Приложения 3];

-пояса, состоящие из пряжки и серебряных пластин, которые при помощи широких петель с обратной стороны нанизаны на узкий ремень [Рисунок 140 Приложения 3].

Украшения для рук. Изяществом и тонкой ювелирной отделкой отличались украшения для рук – это нашивные (плечевые подвески) и съемные (браслеты, кольца) украшения.

Плечевые подвески изготавливали в основном из серебра, их декор состоял из инкрустации сердоликом или бирюзой, чернью и окантовкой из зерни или фальшзерни. Изделия более раннего периода имели антропоморфную форму (их длина варьировалась от 15 до 20 см), затем, под влиянием религиозных канонов, приобрели форму треугольника. На обереговую функцию подвесок раннего периода, указывает Е.Н. Студенецкая, «плечевые бляхи защищали «усиливали» руки женщины» [262].

К нижнему краю наплечных украшений крепились цепочки с монетками, бубенчиками, полыми звенящими шариками или пиковидными привесками,

[262] Студенецкая, Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа XIX-XX вв. / Е.Н. Студенецкая. – М., 1989. С. 201.

именуемыми в народе, как «семечки», обычно их было не более трех. При движении руки, привесочки издавали звон, который, по архаичным верованиям ногайцев, отгонял злых духов.

Браслеты. Начиная с десятилетнего возраста, девочки носили браслеты *«билезик»* парно, на каждой руке [Рисунок 141 Приложения 3]. Этим объясняется огромное разнообразие их типов и приемов декорирования – сплошные и составные, украшенные чернью, зернью, филигранью, инкрустированные драгоценными камнями и цветными стеклами. Сплошные браслеты бытовали в виде серебряных пластин, высота которых иногда доходила до 7-8 см или полых трубочек с сомкнутыми и несомкнутыми концами, имеющими простое заоваленное завершение, завершение в виде трех пиковидных фигур и полого шарика. Составные браслеты, изготавливали из двух-трех и более фрагментов (пластин, монет, самоцветов и т.д.). Эти браслеты смыкались на руке в единое кольцо при помощи крючка и петли или специально изготовленной застежки.

Кольца. Среди съемных украшений самыми популярными были и серебряные кольца *«юзик».* Кольца были гладкие, с небольшими щитками и камешками в оправе, с гравировкой изречений из Корана [Рисунок 142 Приложения 3].

Изучая кольца, бытовавшие у караногайцев, С.Ш. Гаджиева пишет: «Ногайки носили кольца, украшенные чернью, кольца без камней, с плоскими головками в виде печаток круглой, четырехугольной и овальной формы, покрытые разным орнаментом под чернь. На торжествах молодые женщины пользовались звенящими кольцами. Кольца носили все: дети, молодые девушки и женщины всех возрастов. По обычаю, кольцо могли носить на любом пальце, кроме большого…» [263].

[263] Гаджиева, С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX-начале XX в. / С.Ш. Гаджиева. – М.: Наука, 1976. С. 185.

До конца своих дней ногайки не снимали серьги, браслеты и кольца. Свои девичьи и свадебные украшения, сохраняя преемственность поколений, женщины передавали невесткам и дочерям. Эта традиция до сих пор сохраняется во многих ногайских семьях.

Обрядовый комплекс

Свадебный костюм. Женский свадебный костюм, соединяя в себе лучшие традиции ювелирного и золотошвейного искусства ногайцев, является настоящим произведением народного творчества [Рисунок 143-144 Приложения 3]. В нем отражаются уникальные исторические, этнографические и художественные особенности этноса.

Для изготовления свадебной одежды подбирали лучшие ткани, заказывали самые дорогие ювелирные украшения. Стоимость одного костюма доходила до 25-30 голов крупного рогатого скота.

Полный женский свадебный ансамбль у всех этнографических групп ногайцев состоял из нательного белья (корсет, рубаха, штаны), нижней (платье-рубаха, кафтанчик) и верхней (бешмет, платье) одежды, головных уборов, обуви и ювелирных украшений [Таблица 19 Приложения 2].

Нательное белье

Корсет. В день свадьбы кубанские ногайки в последний раз надевали корсет, сшитый из красного сафьяна. Снять его разрешалось супругу только после обряда бракосочетания.

Рубаха. Покрой свадебной рубахи был идентичен покрою повседневной. Отличия проявлялись в выборе ткани и цветовых предпочтениях – рубахи для невест шили из привозного шелка, тафты или ситца красного цвета.

Штаны. Покрой нижних штанов также был идентичен покрою повседневных. Штаны для невест шили из шелковой или ситцевой ткани в полоску. Шнурок, продеваемый на вздержке у талии, декорировали на концах басонными изделиями.

Нижняя одежда

Платье-рубаха. Ногайки Кумыкской равнины под свадебное платье надевали шелковое или ситцевое платье-рубаху красного цвета. Вырез горловины, грудной разрез и низ платья-рубахи декорировали золотым или серебряным сутажем, тесьмой, галуном или серебряными монетками.

Кафтанчик. Кубанские ногайки свадебные кафтанчики шили из самого лучшего бархата ярко-красного или бордового цвета. Воротник – из шелка. Углы пол кафтанчиков украшали массивной вышивкой в технике «вприкреп по настилу», а воротник узорной стежкой или вышивкой в технике «гладь».

Верхняя одежда

Бешмет. Свадебные бешметы были на 10-15 см длиннее повседневных, их шили из дорогого сукна, плотного шелка, бархата красного или (у невест из бедных семей) ярко-зеленого цвета. Особое внимание уделяли подкладке. Ее старались сшить из ткани с цветочным принтом или восточными орнаментальными мотивами.

Бешметы караногайских и ачикулакских невест отличала особая декоративность в нанесении узорной стежки. В основном это лепестки, трилистники, тюльпаны, ромбы и треугольники, расположенные в различных ритмических вариациях на воротнике, по передним и нижнему срезу подола, а также на откидных лопастях рукавов.

В бешметах карагаш-ногаек все линии соединения клиньев, края рукавов и подола были закрыты галунами. На рукава нашивали серебряные монетки. Полы бешметов декорировали двумя способами – в одних случаях – в нижнем углу, из галуна, выкладывали квадрат, перекрещенный по диагоналям, в другом – на полах располагали вышитые (в технике золотного шитья «вприкреп по настилу») орнаментальные мотивы – ромбы с тюльпанами.

Платье. Верхние распашные свадебные платья кубанских ногаек имели такой же покрой, как и повседневные. Их шили из дорогого бархата или шелка

красного, бордового цвета (состоятельные ногайки могли шить платья из парчи). Все открытые срезы и швы закрывали галунами, по подолу и низу платья располагали вышивку – растительные мотивы (цветы и трилистники), вышитые золотыми или серебряными нитями (в технике «гладь» или «вприкреп по настилу»). Между собой мотивы соединяли плоской тесьмой или крученым шнуром. В углах передних пол располагали орнамент-оберег, идентичный орнаментам, расположенным на кафтанчках (см. раздел «Нижняя одежда. Кафтанчики» - К.Ф.).

Особое внимание уделяли нарукавным подвескам - съемным лопастям, ассоциирующимся с крыльями птицы. Их шили из той же ткани, что и свадебное платье (в некоторых случаях из той же ткани, что и кафтанчик), по краям обшивали сутажем, тесьмой и галунами. По центру располагали орнаментальную композицию, состоящую из ромбов, треугольников, трилистников, кругов и линий, их соединяющих. В расположении мотивов соблюдалась определенная знаковая система – вся композиция повторяла строение женского тела (голова – круг или маленький ромб, руки-ветки с лепестками, трилистниками или цветами, чрево – ромб) иногда композиция представлена в виде фертильной женщины (в этом случае с ромбом соединялся треугольник (расположенный в нижней части нарукавника). После свадьбы, женщины носили нарукавные подвески с праздничным костюмом до рождения первого ребенка.

Ногайки Кумыкской равнины в качестве свадебного, носили платье *«полша»* из бархата, шелка красного или бордового цвета. Края треугольного разреза на лифе, полы и низ платья обшивали сутажем, тесьмой или галуном.

Шуба. На изготовление шубы для невесты шел мех самой лучшей выделки. Крымские, юртовские и кубанские ногайки покрывали шубы дорогим сукном и оторачивали ворот, полы и рукава (короткие, до локтя) привозным мехом.

Головные уборы

Большим разнообразием отличались свадебные головные уборы [Рисунок 145-147 Приложения 3]. По используемому материалу их можно разделить на три группы:

-*первая группа* - *головные уборы из ткани*, которые можно разделить на нижние и верхние. Под свадебные шапочки и покрывала ногайки надевали чепчики-волосники *«сылавыш»*, которые украшали серебряными монетами, подвесками, полудрагоценными камнями. От височной части спускались длинные тесемки, на которые также были привешены украшения. Ногайки, проживающие на Кумыкской равнине, под свадебное покрывало надевали мешочек *«шуткъу»*.

В качестве свадебного верхнего головного убора ногайки носили высокие шапочки. Их шили из самых лучших материалов – в основном это был бархат. В отделке использовали различные приемы золотного шитья, большое разнообразие басонных изделий и ювелирных украшений. У кубанских ногаек и частично у джембойлуковцев, етисанцев и едишкульцев, такая шапочка называлась *«ока боьрк»*, у караногайцев – *«теке боьрк»*, у карагаш - ногайцев – *«кес боьрк»*. Каждый тип этого вида шапок имел свои характерные особенности. Шапочка *«ока боьрк»* – это галунная шапочка, ее изображение можно встретить на фотоснимках конца XIX-начала XX вв. Высокая шапка из красного сукна или бархата, обшитая в шесть-восемь рядов широкими галунами, чуть сужающаяся кверху, имеющая невысокое полусферическое донышко, украшенное по центру оплетенным золотыми нитками шариком или серебряной маковкой в виде полумесяца, птички или шарика. Описание навершия встречается и у С.Ш. Гаджиевой, она пишет: «Макушка шапочек невест в ряде случаев имела серебряные купола – *«кумлама»* – в виде полушария, нередко с небольшим четырехгранным шишаком на вершине

купола, к которым прикрепляли платок. В таком случае их в ряде мест называли *«так боьрк»* – шапка-корона».

Другой вид шапочки, бытовавший у караногайцев, это *«теке боьрк»* – козлиная шапка. В настоящее время такой головной убор не сохранился даже в качестве музейного экспоната, его можно описать лишь по фотоснимкам и полевому материалу С. Батырова и Ю. Карасова – это шапочка в виде усеченного конуса, высотой 50-60 см, ее каркас изготавливали из древесной коры или специально обработанной козлиной кожи, затем его обтягивали бархатом. Декор верхней части такой шапочки состоял из аппликативных нашивок в виде стилизованного изображения роговидных завитков, а нижнюю часть украшали нашивками из серебряных накладок, монет, цепочек, драгоценных камней, кисточек, таким же способом декорировали ленты, свисающие от висков до груди.

Особый интерес представляет праздничная шапочки невесты – *«кес боьрк»,* бытовавшая у карагаш-ногайцев, ее по всей окружности декорировали вышитым геометрическим орнаментом. Очень интересна и гармонична данная шапочка по цветовой гамме, в ней сочетаются красный, синий, желтые цвета, эта шапочка обычно крепилась на макушке к меховой и сверху покрывалась белым платком. Такая шапочка представлена сегодня в экспозиции краеведческого музея г. Астрахани и зафиксирована на рисунках С. Батырова;

- *головные уборы из ткани и меха.* Свадебными шапками караногаек были массивные шапки из меха выдры, лисы или зайца;

- *покрывала.* Поверх нижних и верхних головных уборов, ногайки всех этнографических групп, в качестве свадебного покрывала накидывали белый платок *«тастар»* или накидку *«буьркеншик»*.

Свадебный *«тастар»* представлял собой покрывало белого цвета. «Невеста красный платок заменяла белым. Сначала она это делала в доме родителей, позже, уже в доме мужа, на второй день после свадьбы,

одновременно с обрядом прятания челки под шапку или платочек и раздариванием украшений. Этот этап свидетельствовал о наступлении нового этапа в жизни женщины, о ее новом семейном положении» - отмечает С.Ш. Гаджиева [264].

Прежде чем отправить невесту в дом жениха, ей, на голову накидывали покрывало *«буьркеншик»* так, чтобы оно закрывало ее до пояса. Покрывало изготавливали из прямоугольного куска шелка или другой тяжелой ткани красного или бордового цвета, украшали аппликативными нашивками из различных лоскутков ткани (ромбы и треугольники), края обрамляли бахромой. Эта деталь свадебного костюма привлекла и Г. Ананьева, при описании костюма караногайской невесты он отметил «на тастар надевает «буркончик» (шелковое покрывало, которое закрывает голову спереди и сзади» [265].

Обувь

Невесты надевали на ноги мягкие сапожки из красного сафьяна *«атув»*. Основной акцент делался на голенища – по верхнему срезу их прошивали декоративной строчкой, по центру украшали аппликацией из кожи зеленого, желтого или голубого цвета. Поверх сапожек обували кожаные галоши на каблучках. Переднюю часть галош и пяточку декорировали орнаментом из сафьяна. На каблучки цепляли полые шарики со свинцовым шариком внутри. При ходьбе они звинели, как бубенчики.

Ювелирные украшения

Украшения для головы. Свадебный костюм изобиловал налобными и височными украшениями *«бет аяк»* и *«шекелик»*, которые прикрепляли за петли головного убора или за волосы у виска. Караногайки предпочитали височники круглой формы, соединенные между собой цепочками с подвесными монетами, сердоликами в круглой и овальной оправе, полыми шариками и

[264] Гаджиева, С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX-начале XX в. / С.Ш. Гаджиева. – М.: Наука, 1976. С. 153.

[265] Ананьев, Г.Б. Караногайцы, их быт и образ жизни / Г.Б. Ананьев // Сборник сведений о Северном Кавказе. 1908. – Вып. 2. С. 55.

лепестковидными пластинками. Кумские ногайки носили височники треугольной формы.

Налобная и височные части головы карагаш-ногайской невесты прикрывались украшениями, таким образом, словно «защищая» лоб и щеки невесты оставляли открытыми только черты лица. В дополнение к ним применялись украшения-обереги — носовое кольцо *«алка»* и височные серьги, соединенные цепью с мелкими подвесками, которые также «мешали» разглядеть лицо невесты. Еще одно украшение–накосники. Вертикальные линии лент, вплетенные в косы, являлись эквивалентом народных представлений о вреде длинных проводов невесты и долгого взгляда вслед уходящему человеку.

Серьги. Если в детском и девичьем наборах серьги имели форму лунниц, то в свадебном они приобретают форму кольца *«доьнгелек кулакшын»*, к нижней части которого прикреплялось от одного до трех полых шариков *«бир, эки, уьш туьймели кулакшын»*, иногда имеющих петли с продетыми в них цепочками *«аяклы доьнгелек кулакшын»* или полыми каплевидными подвесками *«йылан бас»* [Рисунок 148 Приложения 3].

Украшения для кафтанчика, бешмета и верхнего платья. Плечи, спину и все открытые срезы на свадебном бешмете обшивали звенящими подвесками, а грудь покрывали пряжками, вертикально пришитыми в один – три ряда. Количественный и качественный состав нагрудных украшений зависел от материального положения семьи.

Отличительной особенностью свадебного наряда было наличие, надеваемого поверх бешмета, шейно-нагрудного украшения *«тоьслик»*. Сегодня, образцы таких украшений хранятся в Ставропольском государственном историко-культурном и природно-ландшафтном музее-заповеднике им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве, его изображение встречается на гравюрах Г.Х. Гейслера, Я. Потоцкого. Шили *«тоьслик»* из дорогих тканей,

обычно из бархата или плотного шелка. Украшение состояло из широкого галуна, длиной 40-45 см, к которому пришивали две одинаковые полоски из ткани. Полоски крепились на подкладке и сплошь расшивались вышивкой, дорогим бисером, жемчугом и полудрагоценными камнями. В основном вышивали геометрический орнамент. К нижним краям крепились монетки, полые шарики, или подвески *«йылан бас»*. Пришивали также пирамидовидные подвески, стержни которых представляли собой короткие спирали [Рисунок 149 Приложения 3].

Караногайки свои свадебные *«капталы»* украшали по нижнему краю подвесками *«шетлик»*, схожими по форме и орнаментальному оформлению с нагрудными застежками *«такта туьйме»*, с той лишь разницей, что пластинки *«шетлик»* пришивали по горизонтали и по краям они не имели петель и полых шариков.

В день свадьбы талию невесты украшала фигурная поясная пряжка, состоящая из двух серебряных пластин антропоморфной формы, обрамленных зерненной полосой. На лицевой стороне каждой пластины расположены по две вставки из сердоликов – по краям в круглых кастах, а ближе к центру в овальных. К нижнему краю припаяны колечки, в которые продеты цепочки, завершающиеся на конце каплевидными подвесками, имеющими определенное семантическое значение. Если на подвеске были хаотично вычеканены полусферы, то эти подвески «семена», символизировали плодородие и богатое потомство, а если три полусферы собирались в треугольник, сверху которого располагалась полусфера в круге, то эта подвеска «голова змеи», символизировавшая домашний уют [Рисунок 150 Приложения 3].

На кафтанчик кубанских ногаек в один ряд нашивали нагрудные застежки *«черкес туьйме»,* отличительной особенностью которых являлась более узкая и вытянутая по горизонтали пластинка, декорированная тончайшей филигранью, зернью или гравировкой с чернью. Количество пластинок варьировалось от 7

до 18. Ворот декорировали застежкой в виде двух стилизованных птичек или тюльпана, на нижний край пластинок припаивали цепочки с лепестковидными пластинками на концах.

Поверх кафтанчика надевали платье, борта которого обшивали цепочкой с филигранными шариками и каплевидными подвесками, талию украшал пояс.

У карагаш-ногаек грудь невесты была сокрыта под специальным бархатным нагрудником, центральную часть которого украшали два ряда серебряных застежек – ажурные листовидные пластины *«тоьс туьйме»* и литые каплевидные пластины *«кус куйрык»*, инкрустированные сердоликом и бирюзой. Срез горловины обрамляла серебряная цепь, а по боковым срезам, в ряд, свисали маленькие бубенчики *«конъырав»*, которые, по древним представлениям ногайцев, способны были своим звоном отгонять злых духов. Талию украшали два серебряных пояса – узкая пряжка и широкий пояс *«кусакъ»,* состоящий из центральной пряжки и пластин, нанизанных на галунную ленту. Пояс и пряжку декорировали филигранью, чернью, зернью и сканью, к нижнему краю пряжки прикрепляли в три-четыре ряда монетки, также звенящие во время движения. Все открытые срезы украшали галунами с нашивными монетками [Рисунок 151 Приложения 3].

Интересно была продумана и наспинная часть, которая, помимо накосников, была украшенная астральными оберегами *«ийынликъ»* – это массивные подвески, к которым прикреплены монетки и бубенчики.

Украшения для рук. Среди ювелирных украшений караногаек особый интерес представляют свадебные звенящие, или шумящие кольца *«конъыравюзик»* - кольца с крупными сердоликами в круглых или прямоугольных кастах, гнездо которых обрамлено круглыми подвесками (монетками), звенящими во время движения. Иногда внутрь такого кольца клали бубенчик. Роли данных украшений вполне приемлемы, ибо функция кольца – охранительная, оберегающая невесту от всех зол, болезни и «дурного»

глаза. Таким образом, звенящее кольцо — это не только высокохудожественное украшение, но и особый магический предмет [Рисунок 152 Приложения 3].

У карагаш-ногайцев бытовали перстни с сердоликом в круглых, квадратных или прямоугольных кастах *«каслы юзик»* [Рисунок 153 Приложения 3].

На свадьбу надевали по несколько браслетов на обе руки. В отличие от браслетов караногаек, у кубанских ногаек браслеты были тоньше, декорировали их зернью и черневым орнаментом, а кольца инкрустировали сердоликом или гранатом.

После свадьбы (при переходе в класс замужней женщины), после рождения ребенка (при переходе в класс матерей), после женитьбы детей, в случае смерти близкого родственника, женщина должна была соблюдать определенные ограничения в ношении ювелирных украшений, обозначающих переход в иную категорию. Именно после этих «переходов» женщины заменяли многие виды украшений на более скромные. Пожилые женщины заменяли серебряный пояс платком, нагрудные застежки – серебряными или басонными пуговицами.

Траурная одежда ногаек *«кир кийим»* мало отличалась от повседневной. Близкие родственницы умершего носили одежду черного цвета, снимали все украшения, а на голову надевали платок. Дальние родственницы надевали традиционную одежду темных тонов, на голову надевали платок.

Погребальная одежда. Для умершей шили нательную одежду – рубаху и штаны, голову накрывали небольшим платком, затем, тело заворачивали в три-семь слоев белой ткани *«кебин»,* завязав в виде мешка у ног и головы.

3.4. Комплекс традиционного детского костюма ногайцев

Одежда мальчиков и девочек, в основном, повторяла одежду мужчин и женщин. Различия проявлялись в цветовых предпочтениях и аксессуарах.

Детскую одежду шили из ярких и пестрых тканей, она изобиловала всевозможными нашивками-оберегами, звенящими подвесками, монетками и серебряными *«тумарами»*, которые пришивали на головные уборы, спину, плечи и грудь верхней одежды.

Со дня появления младенца на свет возникали заботы о сохранении его жизни. По этому поводу выполнялись различные магические действа, направленные на оберегание малыша от влияния злых духов и дурного глаза. Особое значение в этих действах имела одежда и ювелирные украшения. Первой одеждой новорожденного были пеленки и амулет *«мойынтумар»*. Их, вместе с колыбелью, одеялами и другими принадлежностями, по ногайским обычаям, привозила мать роженицы. Пеленки декорировали вышивкой, в углах располагали нашивки-обереги.

До сорока дней ребенок носил, так называемую «собачью рубашку» – *«ийт коьйлек»*. При описании родильных обрядов, Р.Х. Керейтов, отмечает: «Когда ребенку исполнялось сорок дней (кыркы) с него снимали рубашку «ийт коьйлек» и надевали другую – «кырк коьйлек»» [266]. *«Кырк коьйлек»* – это рубашка, которую шили из сорока различных лоскутков, подаренных соседями и родственниками роженице. Рубашку *«ийт коьйлек»* снимали, когда ребенку исполнялось сорок дней и надевали ее на собаку.

Костюм мальчика

Костюм мальчиков по количественному составу, качеству и функциональному назначению изготавливаемых изделий был во многом схож с мужской. Полный комплекс состоял из нательного белья, нижней и верхней одежды, головных уборов, обуви [Рисунок 154 Приложения 3], [Таблица 20 Приложения 2].

Нательное белье

[266] Керейтов, Р.Х. Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры: монография / Р.Х. Керейтов; науч. ред. Ю.Ю. Клычников; Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований. – Ставрополь: Сервисшкола, 2009. С. 337.

Рубаха. Нижнюю рубаху шили из натуральных тканей. В основном, рубаха имела туникообразный покрой. Длина рубахи примерно 45-60 см, а ширина 50-70 см. Нагрудный разрез обшивали красным сутажем, из него же делали плетеные пуговички. Воротник-стойку и низ рукава по-горизонтали покрывали узорной стежкой, а на спину нашивали треугольный лоскут из красной ткани – это был своего рода оберег. Рубаху подпоясывали тоненьким кожаным ремешком, войлочным поясом или скрученным платком.

Штаны. С четырех-пяти лет мальчиков начинали обучать верховой езде, соответственно, необходимой деталью одежды при этом становились нижние штаны с «широким шагом», крой которых был идентичен мужским штанам. Шили такие штаны из легких тканей – холста, бязи, сатина, обычно использовали однотонные ткани или материю в полоску (на штаны шло примерно 1,5-2 м ткани).

Нижняя одежда

Безрукавка. Поверх рубахи маленькие мальчики носили безрукавки *«кыспа»*. Летние безрукавки шили из ярких лоскутков ткани, края обшивали сутажем или плетеной тесьмой. Зимние безрукавки *«камзе»* шили из войлока или плотной ткани. Их декорировали мелкой ручной или машинной стежкой. Безрукавки и куртки застегивались на пуговицы и петли из цветной тесьмы и запахивались справа налево. Судя по покрою и по названию, ногайское детское *«камзе»* имело генетическую связь с детскими камзолами тюркоязычных народов.

Верхняя одежда

Бешмет. Начиная с восьми-девяти лет мальчики носили бешметы, которые по покрою не отличались от мужских. Их шили всегда из пестрых, ярких тканей, отделывали на спине и плечах лентами и серебряными украшениями, которые в ряде случаев рассматривались в качестве оберегов.

Черкеска. Только в состоятельных ногайских семьях мальчики с 8 лет носили черкески. Крой, цветовая гамма, декоративная отделка и ткани, из которых их шили, не отличались от мужских. В комплект атрибутов детской черкески входил поясной ремень и маленький кинжал. Газыри, огнестрельное оружие и шашку маленькие мальчики не носили [Рисунок 155 Приложения 3].

С двенадцати-тринадцати лет черкеска считалась обязательным и основным видом верхней одежды. На ряде рисунков и фотоснимков зафиксированы ногайские юноши в дорогих черкесках, уже с полным комплектом вооружения [Рисунок 156 Приложения 3].

Зимние куртки и шубы. В холодное время года мальчики носили теплые куртки, которые, также как и жилетки, покрывали стежкой. Мальчики не носили халаты, бурки и отдельные виды шуб. В богатых семьях мальчикам шили шубы из мерлушек.

Головные уборы

Головные уборы у мальчиков можно разделить на три группы:

-*головные уборы из ткани*. До трех-четырех лет мальчики носили тюбетейки *«бала тобытай»*, по покрою, они не отличались от мужских тюбетеек, разница была в цветовых предпочтениях и декоре. *«Бала тобытай»* шили из ярких тканей, декорировали мелкой узорной стежкой, вышивкой цветными нитями и аппликацией. К примеру, детская тюбетейка из коллекции Нефтекумского районного историко-краеведческого музея сшита из ткани серо-голубого цвета. Основным мотивом для декора околыша служит мотив, состоящий из трех линий. Средняя линия представлена мотивом бегущей волны, две линии, ее обрамляющие, перетекают в каплевидные мотивы. Верхняя и нижняя части околыша обрамлены волнистой линией. Донышко сшито из четырех треугольных сегментов. В месте стыков сегментов, на макушке, расположена восьмилепестковая розетка с расходящимися (по линиям стыка сегментов и по их центральным частям) лучами,

завершающимися трилистником *«уьш япырак»*. По кругу, пересекая «лучи», расположены орнаментальные полосы. Первый ряд – круги, второй ряд – волнистые линии, третий ряд – каплевидные мотивы, четвертый ряд – рогообразные завитки, пятый ряд – линии с кругами. Вышивка выполнена «тамбурным швом» – *«илиеп тигув»*, хлопчато-бумажными нитями белого, оранжевого, синего, желтого и бирюзового цветов [Рисунок 157 Приложения 3].

С четырех лет мальчики начинали носить шапки, схожие по покрою с мужскими, их шили из меха, кожи, сукна и войлока.

Головные уборы из ткани и меха. Мальчики носили меховые шапки *«боьрк»*, сшитые из овчины и шкур молодых барашков [Рисунок 158 Приложения 3].К концу XIX в. их заменяют плоскодонные меховые шапки *«ногай боьрк»* – невысокая меховая шапка трапециевидной формы с плоским донышком и *«кумук боьрк»* – высокая меховая шапка, цилиндрической формы. В XX в. мальчики носят низкие шапки, имеющие форму цилиндра, расширенного кверху, такие шапки состояли из двух самостоятельных частей, соединенных между собой: маленькой круглой стеганой шапочки, покрытой сукном (донышко), и пришитой к ней по нижнему краю широкой полосы каракуля, составляющей тулью.

Головные уборы из войлока. Юноши, помимо вышеуказанных головных уборов носили войлочные шапочки и суконный башлык – *«баслык»*.

Обувь

Обувь, в теплое время года, маленькие мальчики почти не носили. Зимой они одевали войлочные или кожаные сапожки. Юноши из состоятельных семей носили обувь, аналогичную мужской.

Костюм девочек

Костюмы девочек по покрою не отличались от женских. Различия проявлялись в выборе ткани (их обычно шили из тканей лучшего качества) и

цветовой гаммы (яркие расцветки), кроме того, девичьи бешметы отделывались более частой и мелкой фигурной стежкой [Рисунок 159 Приложения 3]. [Таблица 20 Приложения 2].

Нательное белье

Рубаха. Нательным бельем и, одновременно, повседневной одеждой у девочек до трех-четырех лет, считалось платье-рубаха, которое шили из легких хлопчато-бумажных домотканых тканей. Нарядные платья-рубахи шили из дорогих привозных тканей ярких расцветок. Рукава рубах декорировали рюшами, цветными лентами, обшивали края сутажем и галунами. С.Ш. Гаджиева, указывает на то, что: «Детские платья-рубахи, иногда и бешметы украшали монеты, чаще крупные, расположенные с двух сторон, несколько отступая от грудного выреза. Нередко к рубашкам, а также бешметам детей сзади ниже ворота пришивали треугольные или четырехугольные кусочки красной ткани. Это также рассматривалось как средство, якобы отгоняющее зло» [267]

Штаны. До трех лет девочки под платье-рубаху не надевали нижних штанов, а с четырех лет, они уже считались необходимой частью нательной нижней одежды. Девочки носили нижние штаны с «широким шаком» и с «узким шагом», имеющие покрой аналогичный женским штанам.

Нижняя одежда

Безрукавка. Поверх рубахи девочки носили войлочные безрукавки, наподобии безрукавок мальчиков. Различия проявлялись лишь в декоративной отделке. Нагрудная часть безрукавок девочек украшалась монетками или серебряными подвесками-бубенчиками. Края повседневных безрукавок окантовывали тканью контрастного цвета, которую простегивали мелкими стежками. В основном, это были волнистые линии и зигзаги. Нарядные безрукавки шили из бархата и шелка, обшивали тонкими галунами ручного

[267] Гаджиева, С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX вв. / С.Ш. Гаджиева. – М. : Наука, 1976. С. 145.

плетения, декоративными тесемочками, лентами, украшали золотной вышивкой и аппликациями.

Верхняя одежда

Бешмет. С пяти-шести лет девочки носили бешметы *«каптал»,* не отличающиеся по покрою от женских бешметов. Бешметы шили из плотных тканей ярких расцветок – атласа, канауса, сукна с прямым вертикальным разрезом спереди, они имели прямые вшивные рукава. Бешметы девочек простегивали мелкой ручной, а позже (после появления швейных машин) машинной декоративной стежкой: спинку – мелкими квадратиками или вертикальными линиями, остальную часть частой строчкой, причем стан – вертикальными линиями, рукава до локтя – горизонтальными или же елочкой. Ворот, края бортов, полы, низ подола, боковые разрезы, край откидной части рукавов покрывали волнистыми или ровными линиями. Бешметы девушек из богатых семей обшивали сутажем, шнуром или галуном.

Нарядные бешметы изобиловали украшениями. На нагрудную часть нашивали полосу из красной ткани или широкого галуна, на нее прикрепляли монеты. Известны случаи ношения девочками отдельных нагрудников из монет, блях, раковин и т.д., нашитых на ткань. Такой нагрудник завязывался сзади на шее у талии на шнурки, пришитые к нему.

Головные уборы

Прически. Девочкам до пяти-шести лет брили головы, оставляя только челку. Р. Эркерт писал: «У ногайских девушек волосы спереди, по бокам и перед ушами коротко подстрижены, однако, выйдя замуж, на второй же день после свадьбы, молодая должна была запрятать свою челку под головной убор»[268].

Начиная с пяти-шести лет, девочки отращивали волосы, причесывая их гладко, на прямой пробор, заплетая их в косы. В концы кос вплетали длинные и

[268] Erckert R. Von Der Kaukasus und seine Volker / R. Erckert – Leipzig, 1887. P. 42.

широкие полосы материи *«шашбав»*. По данным С.Г. Гмелина: «Девушки носили ленты с серебряными украшениями»[269].

Головные уборы. Девочки до четырех-пяти лет летом ходили без головного убора. С 5-6 лет они начинали носить тюбетейку *«такъыя»*, с 8-9 лет – меховые шапки «*кундыз боьрк»*, а с 10 лет – чепчик-волосник *«сылавыш»*. Головные уборы девочек можно разделить на 2 группы – головные уборы из ткани и головные уборы из ткани и меха.

Головные уборы из ткани. С шести-семи, а в некоторых случаях с восьми-девяти лет девочки носили тюбетейки «*такъыя»* – это неглубокая полусферическая шапочка из сукна или бархата красного цвета, украшенная аппликативными нашивками, выполненными золотыми нитями в технике «вприкреп» или из вырезанных серебряных накладок. Основным мотивом для декора околыша служил «*уьш япырак»* (трилистник), «*карлыгаш»* (ласточка), *«юрек»* (сердце), *«дуважык»* (талисман), а донышко по центру украшал ромб с расходящимися крестообразно к краю шапочки листочками и сердечками. На макушку пришивали оплетенный шарик со свисающей до груди лентой из многолепестковых розеток и кисточек. Нередко в басонную ленту вплетали монетки и бусинки [Рисунок 160 Приложения 3].

Девушки до замужества носили головной убор *«сылавыш»*. Р. Эркерт в работе «Кавказ и его народы» описал подобный головной убор у девушек из а. Исса-Хаджи: «Этот убор, шапочка или чепец, спереди по нижнему краю имеет от одного уха до другого оторочку из пестрой ленты, на которую нашита лобовая бахрома из тонких серебряных нитей, в форме спирали; далее располагается поперечная полоса, которая расшита конским волосом и серебром; следующая полоса состоит из маленьких круглых серебряных бляшек; затем следует маленькая четырехугольная серебряная бляшка и круглые пуговицы. Посередине находится бляха, украшенная стеклом и

[269] Гмелин, С.Г. Путешествие по России / С.Г. Гмелин. – СПб., 1777. – Т.II. С. 179.

разноцветным камнем. У ушей, где кончается лобовая бахрома закреплены по две кисти длиной до 5 см, одна состоит из бисера, а другая – из серебра, с четырьмя маленькими колокольчиками» [270]

Головные уборы из ткани и меха. С девяти-десяти лет девочки носили меховые шапки «*кундыз боьрк»*. Их шили из меха выдры, с красным суконным донышком, на который нашивался серебряный галун. Иногда, донышко изготавливали из бархата или плотного атласа, а вместо галуна использовали тесьму, сплетенную из золотых металлизированных нитей. Н.Ф. Дубровин писал, что «девушки до замужества вместо платка носят меховые шапочки с красными верхушками, обшиваемыми на кресте или серебряным галуном или тесемками из литого серебра с такою же серебряною маковкою на верхушке» [271], подобные сведения встречаются у С.В. Фарфоровского и П. Небольсина при описании головных уборов кундровских и кубанских ногайцев.

Обувь

Обувь девочек повторяла обувь взрослых, как по форме, так и по покрою. Они носили мягкие войлочные чулки, шерстяные вязаные носки, чарыки из сыромятной кожи, кожаные чулки из овчины с подстриженным мехом внутри. Нарядные *«мес»* состоятельные ногайцы шили своим детям из красного или зеленого сафьяна.

Ювелирные украшения

Украшения-обереги были особенно характерны для одежды девочек. Это всевозможные бусы, сердолики треугольной или четырехугольной формы в серебряной оправе, серебряные футлярчики с вложенными в них молитвами или с молитвами, выгравированными под чернь на самом футлярчике. Такими оберегами служили и футлярчики, обтянутые тканью и нередко украшенные серебряным галуном или тесьмой [Рисунок 161 Приложения 3].

---

[270] Erckert R. Von Der Kaukasus und seine Volker / R. Erckert – Leipzig, 1887. P. 41.

[271] Дубровин, Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе / Н.Ф. Дубровин. – Спб., 1871. - Т. I. С. 271

ГЛАВА IV. ТРАДИЦИОННЫЙ НОГАЙСКИЙ ОРНАМЕНТ

4.1. Сакрально-культовые основы формирования ногайского орнамента

Орнамент – это невербальный код, несущий в себе равную нагрузку, наряду с мифами и легендами этноса. Будучи одним из наиболее устойчивых элементов искусства, оставляя широкий простор для воображения, он поддается всевозможной интерпретации, так как система изобразительных элементов сведена в нем к знакам – символам.

Ногайский орнамент – это основа народного творчества, «помнящая» тот период прошлого, когда люди не отделяли себя от природы и космоса, воспринимали мир целостно. По развитию орнаментальных композиций можно проследить не только эстетическую составляющую ногайского искусства, но и сакрально-культовые и социальные аспекты развития общества.

Наиболее ранние орнаментальные формы изделий прикладного искусства ногайцев, были овеяны языческими представлениями, мифами и легендами. Каждый мотив нес в себе магическое значение и, по древним верованиям, приносил удачу, здоровье, оберегал скот и земли [Схема 6 Приложения 1], [Таблица 22 Приложения 2].

Во всем многообразии архаичных мотивов выделяются солярные знаки – круг, розетка, колесо, крест, свастика. «Солярные знаки, известные с эпохи камня, являются несомненным признаком поклонения солнцу. Подобные знаки по всему Кавказу являются излюбленным мотивом среди узоров, покрывающих древние и даже средневековые предметы» - отмечает В.И. Марковин [272]. Круг служил символом солнца у многих народов, солнце олицетворяли также концентрические окружности. Солнечным знаком являлось и колесо. Иногда солнце изображалось в виде розетки. Орнаменту *«куьн»* придавался

[272] Марковин, В.И. ДольменызападногоКавказа / В.И. Марковин. – М. : Наука, 1978. С. 216.

мистический смысл, солнцу молились, устраивали в честь него праздники, например в честь весны и первой борозды у ногайцев проводится праздник *«Сабантой»* [273]. Для ногайца-кочевника солнце – символ самой жизни с ее вечным обновлением, а поклонение солнцу стояло на первом месте, именем солнца можно было клясться, на солнце нельзя было указывать пальцем.

Треугольник, ромб и волна присутствуют как в бордюрных, так и в центральных композициях. Ромб, в большинстве случаев, является организующим центром всего орнаментального поля. Частный случай ромба – квадрат (символ Земли, сторон Света), ориентированный так, что биссектрисы его углов параллельны центральным осям включающей композиции, он воспринимается как вариант ромба. В композициях очень часты сочетания ромба и квадрата, дающие зигзагообразный мотив – один из основных в бордюрных частях орнамента.

Космогония гармонично входила в жизнь кочевника, каждая планета имела не только свое имя, но и «черты характера». Также каждая планета обладала воздействием на человека. Героями многих легенд и сказаний были созвездия и планеты, от которых, по преданиям происходили люди. Основные жизненные циклы связывались с расположением планет. Люди свободно ориентировались по звездам, определяли время по солнцу и отражали воспринимаемый мир в своем творчестве. Человек пытался создать вокруг себя подобие макровселенной, ощущая себя ее частью, перенося стройную систему макрокосмоса в свое жилище, в конструкцию юрты, оформление предметов быта, одежду.

Изображение барана и бараньих рогов имело магическое значение, оно являлось символом плодородия, материального благополучия [274]. В Средней

[273] Керейтов, Р. Х. Народный календарь и календарная обрядность ногайцев/ Р. Х. Керейтов// Календарь и календарная обрядность народов Карачаево-Черкессии. – Черкесск, 1989. С. 112.

[274] Батчаев В.М. К вопросу о генезисе зооморфных узоров в карачаево-балкарском орнаменте / В.М. Батчаев // АЭС КБНИИ, Нальчик,1974. С. 54.

Азии, например, баран считался посредником между небом и людьми, в Верхнем Прикубанье изображение бараньих рогов почиталось культовым знаком, охотничьим тотемом, символом обилия и удачи.

Изображения оленя и его рогов в древних верованиях входили в символы, которые позволяли проследить три мира: водный, земной, небесный. О том, что олень имел апотропейное значение и связывался с небом, солнцем, водой, землей, со священным древом жизни, свидетельствуют и этнографические данные. Культ оленя был широко распространен на Кавказе еще в эпоху бронзы и раннего железа, а также у алан [275], пережитки этого культа оказались настолько сильны, что дожили до XIX-XX вв.

Змея считалась хранительницей домашнего очага, символом плодородия, оберегом [276]. Культ змеи существовал у кобанцев и Алан, у карачаевцев и балкарцев змея представлялась охранительницей дома. На кийизах змея изображалась в виде спирали или зигзагообразной полосы, в виде S-образного завитка, меандра. У абазин заползшую в дом змею не убивали. Змея у тюрков – символ долголетия, они верили, что змея – самое древнее существо на земле, которое обитало еще в первозданном Великом океане, а затем поселилось в корнях Байтерека. От нее произошли волк и ворон. Если ее разрубить надвое, то половинки срастаются и начинают мстить обидчику. Змея, выступала не только как символ бессмертия и мудрости, но и как хранительница семьи, очага.

Символом змеи являются три точки, расположенные треугольником. Это три глаза змеи. Два из них обычные, а третий, расположенный в середине, магический. Этот третий глаз позволяет змее видеть события, происходящие во всех трех мирах.

---

[275] Кривицкий, В.В. О значении образа оленя в религии и искусстве древнего Кавказа / В.В. Кривицкий // Тезисы докладов по археологии Северного Кавказа. – М., 1980. С. 29.

[276] Лавров, Л.И. К истории северокавказского фольклора / Л.И.Лавров. – СЭ, 1979. – №1. С. 29-30.

Другой символ змеи – камча. Такая змея-камча служила для того, чтобы отгонять пробирающихся в жилище злых духов. Поэтому в каждом доме на почетном месте висела камча. Она нужна была не для того, чтобы подавлять близких, а для их защиты от происков демонов.

Если человеку удавалось увидеть скопление змей, то он должен был стать богатым. Если змея вползала в дом, то ее не прогоняли. Перед ней надо было поставить чашу с молоком, а затем выпроводить ее прочь. Но змея еще и жительница подземного мира, поэтому она может принести вред. Если человек вредил змее, то она могла заговорить его или просто ужалить. Эрлик, принимая образ змеи-дракона иногда поднимался по ветвям Байтерека, чтобы выкрасть из гнезда двуглавого орла яйцо мироздания [277].

Ногайцы верили, что существовал дух-покровитель в виде змеи. Убить змею считалось большим грехом. Как и у других народов, у ногайцев змея изображалась в виде спирали и трех точек, расположенных в виде треугольника.

Значительное место в декоре войлочных ковров занимают изображения флоры. В растительном орнаменте просматриваются образы реального мира. Наиболее распространенными элементами в войлочных изделиях ногайцев являются изображения дерева, листьев и цветов.

Изображение дерева – *«агаш»* и его частей – веток, побегов, корней – исполнено глубоким смыслом. Изображение дерева представлялось как образ священного дерева – древа жизни *«Байтерек»*. Дерево олицетворяло связь трех миров и трех временных отрезков. Крона – это небесный мир и будущее, средний ствол – земной мир и настоящее, а корни – мир подземный и прошлое. В соответствии с этим, изображение дерева символизирует собой две идеи: идею мироустройства и материального воплощения духа человеческого предка. Древо жизни на изделиях из войлока изображается с пятиконечной звездой,

[277] Бисембаев, А.К. Мифы древних тюрков / А.К. Бисембаев. – Алматы, 2007. С. 29.

которая символизирует Полярную звезду.

По мифологическим представлениям древних тюрков, эта звезда находилась в центре небосвода и носила название *«Алтын Казык»*. У ногайцев Полярную звезду называли *«Темирказык»* [278]. Тамга кипчаков – два столба, символ *«Байтерека».* Они же символизируют Млечный путь. Поэтому кипчаков называли млечнопутниками, а их ураномокличем был *«айбас».* Одной из «тамг» племени канглы, жившего рядом с кыпчаками, был тот же столб с изображением обрамленной лучами полной луны. Их ураном был *«Байтерек».*

Лиственный узор символизировал природный цикл жизни, долголетие и мир на Земле.

Лиственные элементы редко выступают в композициях самостоятельно, они гармонично сочетаются с другими элементами. В изображении трилистника выражается идея древних кочевых народов о трехчастной структуре Мироздания, а в интерпретации формы прочитывается символика триединства. Трилистник являлся и символом богини Умай. Цветочный узор являлся символом красоты и радости.

В Великой степи каждый род и племя имели свою печать – *«тамгу»*. Она украшала знамена, накладывалась на имущество, принадлежавшее роду или конкретному человеку. *«Тамга*» выступала в качестве отдельного вида орнаментальных элементов. Семантика знаков ногайской *«тамги»* весьма разнообразна. Многие из них, в частности, изображения круга (колеса), круга, перечеркнутого внутри крестом, перекладиной, имеющей «рога», «лепестки», «лучи», ответвления в виде прямых и зигзагообразных линий и т.п., связаны с солярной и астральной символикой, а знак полумесяца, чаще расположенный вертикально, подобно круглой скобке, так и называется: *«Ай-тамга»* (тамга-полумесяц).

[278] Керейтов, Р.Х. Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры: монография / Р.Х. Керейтов; науч. ред. Ю.Ю. Клычников; Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований. – Ставрополь: Сервисшкола, 2009. С. 195.

Встречаются тамги, в основе рисунка которых угадываются буквенные знаки древнетюркской рунической письменности, а также изображения предметов быта, оружия или орудий труда, например, ковша – *«шьомиш»*, ограды – *«эргенек»*, верблюжьего седла – *«ашамайлы»*. Сохранившиеся в ногайском языке предметные названия знаков тамги помогают понять древнее значение, исходный смысл стилизованных изображений [Таблица 23 Приложения 2].

На территорию проживания кочевых тюркских племен – предков ногайцев – еще с X-XI вв. начал проникать ислам. Массовая же их исламизация началась в Золотой Орде с официальным введением ханом Узбеком мусульманства в качестве государственной религии в 1312 году. Ко времени этнической консолидации (XV в.) среди ногайцев уже довольно прочно утвердился ислам, который оказал огромное влияние на их духовную культуру. Исламские каноны не только предопределили пути дальнейшего развития орнаментального искусства ногайцев, но и внесли новые традиции в различные виды декоративно-прикладного искусства.

Внедрение новой идеологии, композиционных схем и сюжетов, способствовало существенной переработке эстетических принципов и народных представлений о прекрасном. Творчество народных мастеров, свободно черпавшее вдохновение из фольклора, религиозных представлений, пропитанное ароматом и просторами степи, стало сковываться строгими правилами, по исламским канонам, исключающим изображение живых существ. В декоре изделий начинают преобладать элементы растительного мира, каллиграфия и мусульманская символика, формы усложняются, взаимопроникая друг в друга, иногда даже теряя свою первооснову, приобретают большую декоративность.

4.2. Орнаментальное оформление изделий из твердых материалов

Орнаментальное оформление каменных резных стел

Развитие резьбы по камню у ногайцев получило в виде надмогильных памятников – *«сынтасов»,* в период интенсивного проникновения ислама в Ногайскую Орду.

В ходе полевых исследований намогильных памятников в местах компактного проживания ногайцев, обнаружены вертикально поставленные плиты, высотой от 1 до 2,3м, плоской гранью обращенные на юг. Их декор состоит из орнаментальной узорной и каллиграфической резьбы, а также рельефных изображений и знаков, искусно исполненных резчиком в различных техниках – с углублением в поверхность изображаемого (главным образом это касается надписей) и с поднимающимся над поверхностью рельефом. В процессе исследования намогильных стел, принадлежавшим ногайцам не обнаружено христианского влияния, как у некоторых сопредельных народов, так, в частности, на современных территориях Кабардино-Балкарии, Ставропольского края, Адыгеи, Северной Осетии сохранился ряд произведений камнерезного искусства с явными сюжетами и мотивами христианства.

Ногайские намогильные стелы, анализируемые в ходе полевых исследований, имеют общие черты, характерные для всех этнических групп. В основном все памятники сводятся к следующим формам:

Антропоморфные стелы – с четко выделенным навершием, имеющим сферическую, кубическую, трапециевидную, коническую или смешанную формы. Этот вид намогильных памятников распространен в двух формах: с вытянутой шеей и с короткой шеей. В обоих случаях лицевая поверхность памятника всегда разделяется на несколько частей, а боковые грани покрываются орнаментальными лентами [Таблица 24 Приложения 2].

Каменные резные стелы антропоморфного силуэта характерны для мужских захоронений [Рисунок 162 Приложения 3]. В интерпретации наверший читаются силуэты традиционных мужских головных уборов ногайцев [Таблица 25 Приложения 2].

В сферической форме прослеживается силуэт такого традиционного мужского головного убора, как тюбетейка. В полусферической форме угадывается головной убор, запечатленный в свидетельствах А. Олеария, он пишет, что «…ногайцы низовьев Волги носили на голове круглую шапку, обшитую по краям мехом» [279]. Шили шапки с широкой меховой тульей и суконным верхом, полусферической формы. Этот вид головного убора, видимо, имел в виду и А.П. Архипов, когда отмечал, что «… караногайцы носят баранью шапку «боьрк» с круглою верхушкою, крытую сукном» [280].

Цилиндрическое навершие имитирует форму шапки *«ногай боьрк»* (ногайская шапка), с плоским меховым донышком, изнутри к ней подшивали стеганую подкладку или нередко подстриженную овчину, вывернутую мехом наружу. Дорогая шапка *«бухар боьрк»*, по своей форме напоминающая кубическое навершие, ее изготавливали из среднеазиатского каракуля, она была доступна только состоятельным ногайцам, и поэтому для большинства населения служила лишь праздничным головным убором.

Трапециевидные навершия повторяют силуэт шапки *«коьрпе боьрк»,* которая имеет трапециевидную форму и суконное донышко. По форме она наиболее близка к распространенным в тот же период меховым шапкам народов Дагестана. Шили ее главным образом из среднеазиатского каракуля, а в ряде случаев из мелкой смушки ягнят местной породы. Тулья и донышко делались на стеганой подкладке. Высота тульи и донышка менялась в зависимости от веяний моды, господствовавшей в то время у народов Северного Кавказа или отдельных его регионах. В XIX в. были распространены высокие шапки (папахи) несколько суженные кверху, а в начале XXв. входят в моду более низкие, имеющие форму цилиндра, расширенного кверху.

---

[279] Олеарий, А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно/ А. Олеарий. – СПб., 1906. С. 404.

[280]Архипов, А.П. Этнографиччеcкий очерк ногайцев и туркмен. Кавказский календарь на 1859год / А.П. Архипов. – Тифлис, 1858. С. 353.

Смешанные формы наверший, представлены в виде силуэта, напоминающего чалму. Этот вид головного убора изготавливали из белой ткани и носили поверх папахи. Чалма или *«шалма»* бытовала только среди представителей духовенства, преимущественно имеющих звание *«хаджи»*, т.е. совершивших паломничество в Мекку.

Женские надгробия представлены в виде вертикальной плиты стеловидной формы с *полуциркулярным*, *прямым*, *на «плечиках»* или *стрельчатым* абрисом верхней грани, создающим имитацию женского силуэта с покрытой платком (или покрывалом) головой [Таблица 26 Приложения 2], [Рисунок 163 Приложения 3].

Вертикальные плиты стеловидной формы находили применение и в качестве мужских надмогильных плит, антропоморфные же формы в женских захоронениях не использовались.

В отдельную группу можно вынести стелы, формы которых напоминают рукоять кинжала и вершину минарета [Таблица 27 Приложения 2], [Рисунок 164 Приложения 3].

Декоративное решение *«сынтасов»* исполнялось в соответствии с исламскими традициями, которые были едины у ногайцев всех этнографических групп. Различия прослеживались в манере нанесения орнаментальных мотивов, напрямую зависели от формы памятника и качества используемого материала.

К примеру, стелы Кубанских ногайцев представляли собой особо сложное художественно-культурное явление. В их орнаментике можно различить солярные знаки (луна, полумесяц *«ай»*, солнце *«куьн»*, звезды *«юлдыз»*), являющиеся мусульманской символикой. Полумесяц, с расположенной внутри пятиконечной или шестиконечной звезды, совместно образуют единое композиционное пятно. В обязательном порядке его высекали на самом верху памятника. Также распространены геометрические и

зооморфные мотивы, Растительный узор, органично сочетавшийся с традиционной арабской эпиграфикой, являлся основой специфики декоративного решения надмогильных памятников.

Ярким примером может послужить стела, обнаруженная на мусульманском кладбище в а. Икон-Халк Карачаево-Черкесской Республики [Рисунок 165 Приложения 3]. Нижняя часть декорирована разделенным на восемь ярусов текстом эпитафии, коранической формулой в картуше, обрамленной четырьмя рельефными изображениями пятиконечных звезд и двумя – большими вверху и малыми внизу – изображениями полумесяца, опрокинутого вверх заостренными концами. В верхней части в обрамлении круглого рельефного бордюра – изображение колеса-розетты с остроконечными очертаниями лепестков и пятиконечной звездой в центре.

У караногайцев памятники так же украшены сложным, богатым геометрическим и растительным орнаментом в сочетании с солярными знаками, тамгами и эпиграфическим декором. Датируются они примерно началом XVII-серединой XIX в. [Рисунок 166,167 Приложения 3].

Орнаментальные мотивы, зафиксированные в процессе полевых исследований на ногайских кладбищах можно объединить в следующие группы [Таблица 28 Приложения 2]:

геометрические орнаменты – как правило, такие элементы, как линии, круг, лента, треугольник, ромб, сердце, зигзаг, линия, волна, собирающиеся в орнаментальные композиции различной степени сложности;

растительные орнаменты характерные для исламского ближневосточно-кавказского орнамента. В развитии растительного орнамента можно выделить два основных направления. Первое тяготеет к большей свободе композиции, произвольному расположению на плоскости, а другое отличается подчеркнуто строгой статичностью построения;

-астральный орнамент или мусульманская символика – изображения

полумесяца и звезды. В ногайских резных стелах встречаются и изображения шестиконечной звезды – «щита Давида», а также пятиконечных звезд в разнообразных композиционных сочетаниях с кругами, многолепестковыми розеттами, изображениями полумесяца;

-*каллиграфический орнамент* – на резных намогильных памятниках ногайцев встречаются поминальные надписи и коранические формулы. Довольно часто встречаются тексты, выполненные массивным квадратным куфическим почерком, иногда надпись, вписываемая в заданную поверхность – круг или полукруг тимпана, ленту боковой грани или медальона, приобретает такую изощренность, что уже не читается, превращаясь в узорную имитацию текста;

-*фигуративные элементы* – при полном отсутствии изображений живых существ на обратной стороне, в нижней части передней стенки, на боковых гранях или на втором плане сынтасов второй половины XIX-XX вв. очень часто встречаются изображения различных неодушевленных предметов – ножниц, четок, обуви, оружия и т.д. По изображаемым предметам можно с уверенностью определить, женское это погребение или мужское.

Изображения предметов на мужских надмогильных стелах можно разделить на следующие группы:

-*вооружение:* огнестрельное оружие (ружье или пистолет), холодное оружие (шашка, кинжал, нож), газыри и патроны;

-*детали одежды:* перчатка, обувь (калоши, сапоги), башлык;

-*личные принадлежности и украшения:* бритва, четки, посох, часы или компас;

-*орудия труда:* кузнечные щипцы, плеть, крюк для подвешивания котла.

Изображения предметов на женских намогильных стелах также можно разделить на группы:

-*ювелирные украшения:* серьги, височные подвески, нагрудные застежки,

пояс;

-*детали одежды:* перчатка, обувь (туфли, сапоги), кисет;

-*личные принадлежности:* зеркало, гребень, четки, ларец;

-*орудия труда:* ножницы, игла, шило, гребень для расчесывания шерсти, веретено, швейная машина, металлический утюг.

Расположение предметов строится в простом порядке, но часто изображения так тесно связаны в одно композиционное целое, что уже предстают как один из этапов образования ритмического ряда и как промежуточная фаза становления орнамента;

-*родовые знаки-тамги* на надгробных камнях встречаются по всем регионам прежних ногайских кочевий, и, как пишет С.М. Червонная «насыщенность Ногайской степи подобными памятниками так велика, что если бы к ним относились бережней, она могла бы считаться самым крупным в Евразии естественным музеем таких камней с родо-племенными тамгами» [281]. Изображение родовой тамги, свидетельствует о принадлежности к определенному роду, напоминая абазинские, кабардино-черкесские, карачаевские надмогильные памятники. Стелы с изображением тамг встречены как на кладбищах Карачаево – Черкесии, так и на кладбищах Астраханской области, особенно много таких памятников расположено в с. Татаро – Башмаковка.

Семантика знаков ногайской тамги весьма разнообразна. Многие из них, в частности, изображения колеса, круга пересеченного внутри крестом, перекладиной, имеющего «рога», «лепестки», «лучи», ответвления в виде прямых и зигзагообразных линий, связаны с солярной и астральной символикой.

Несмотря на дисперсное проживание отдельных этнографических групп ногайцев, у них сложились и единые принципы построения орнаментальных

[281]Червонная С.М. Современное исламское искусство народов России / С.М. Червонная. – М., 2008. С. 298.

композиций. К примеру, в антропоморфных стелах, в разделенной на несколько разделов средней части, содержатся надписи, посвященные памяти умершего, а в верхней – помещаются лучшие суры из Корана, выполненные арабской вязью. Корпус, поднимаясь вверх, переходит в стилизованную шарообразную форму, напоминая человеческую фигуру. В разделенной части на оставшемся свободном месте располагается растительный орнамент. Это все в целом смотрится как единое монументальное художественное произведение, высеченное из одного цельного желтоватого ракушечника.

Орнаментальное оформление стеловидных намогильных плит также выполнено по одной схеме. Обрамление по всему периметру повторяет прямоугольную форму плиты и центральной поверхности. Орнамент обрамления состоит из изящной вязи арабскими буквами, в сочетании с растительными мотивами, красота и изящество которых зависели от профессиональности резчика, буквы приобретали формы узора. Центральное место внутри обрамленной поверхности украшалось орнаментом, имеющим перпендикулярные оси, которые совпадали с вертикальной средней частью плиты. Интересно композиционное решение верхней части, которое заканчивается полукруглой аркой. Свободное место верхней части заполняли соответствующими орнаментальными узорами.

Очень пышно и красиво орнаментированы прямоугольные памятники, находящиеся на мусульманских кладбищах Ногайского района Дагестана, где многие ранние образцы точно датированы и относятся к XVIII в. В таких прямоугольных памятниках встречается П-образное оформление, которое состоит из нескольких композиционных решений как бы вставленных одно в другое, повторяющих форму самой плиты [Рисунок 168 Приложения 3]. Центральная часть оформляется орнаментированными медальонами прямоугольной формы. Надписи помещаются на выделенной части поверхности и содержат не только данные о личности умершего, но и лучшие

суры из священного Корана. По этим изречениям можно судить, что такие памятники ставились тогда, когда у ногайцев полностью утвердился ислам.

Стеловидные надмогильные памятники, находящиеся в Ногайском районе Дагестана, имеют малую или большую толщину и разницу по ширине и высоте, большая часть поверхности в них отводится для художественного оформления в виде геометрического и растительного орнамента сложного по композиционному строю и представляющего собой весьма сложное художественно-культурное явление.

Интересные образцы обнаружены и на кладбище аула Икон-Халк, Ногайского района Карачаево-Черкесии [Рисунок 169, 170 Приложения 3]. Отличительной особенностью художественного решения этих стел является то, что на их лицевой плоскости, очень много места уделено надписи, что позволяет узнать многое о личности погребенного. Все надписи выполнены резчиком глубокой резьбой, что помогает быть заметным на дальнем расстоянии. Такое обстоятельство можно разъяснить только тем, что композиционное украшение стел не появилось в процессе составления их декора, а было заимствовано из других видов декоративного искусства, в частности в резьбе по дереву.

В общей системе художественного оформления резных камней особой самостоятельностью декоративно-композиционных решений обладают *тимпаны* [Таблица 29 Приложения 2]. Именно здесь помещаются наиболее интересные (как в смысловом, так и в декоративном значении) элементы. Особой декоративностью поражают знаки в виде розеток. Если тимпан не является композиционным продолжением всей плиты, то его украшением становится монограмма, составленная из арабских букв.

Необходимым элементом в организации украшаемой плоскости камней являются *бордюры* [Таблица 30 Приложения 2], состоящие из зигзагов, цепочек, сомкнутых ромбиков или сердечек. Своеобразным разделом

бордюрных композиций можно считать орнаментальную тематику боковых стенок надгробных плит. Крупные ромбы, сердечки, звезды или коранические надписи придают камню затейливый силуэт.

Кроме художественного оформления «надгробные камни со своими изображениями и надписями особенно ценны как историко-этнографический источник. Эти данные дают нам основу для изучения надмогильных памятников ногайцев, которые представлены многими точно датированными «сынтасами», тесно связанными с развитием народной культуры, ее обычаями. Они позволяют нам проследить историю возникновения и развития традиционных художественных образов, декора и стиля в изобразительном искусстве ногайцев, что, в свою очередь, помогает глубже познать историю ногайского народа.

Орнаментальное оформление изделий из металла, кости и рога

Изготовлением художественных изделий из металла ногайцы занимались с древнейших времен. О ногайских кузнецах, ювелирах, чеканщиках и их прекрасных изделиях приведены разные сведения. Особый интерес представляют сообщения И. Георги [282] и Жана де Люка [283], посетивших ногайские степи в разные годы и оставивших много произведений об их жизни. С поразительной наблюдательностью и глубокими военными познаниями они описали не только оружие, украшения, но и металлические доспехи ногайцев.

Самым интересным, подробным и достоверным источником является работа А. Дженкисона [284], где есть сведения о том, что у ногайцев разных племен были повсеместно распространены ремесла, связанные с кузнечным делом и ювелирным искусством.

---

[282]Георги, И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, украшений, забав / И.Г. Георги. – СПб., 1799. – Ч.II.

[283] Жан де Люк. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин. 1625 г./ Жан де Люк// ЗИООИД. – 1879. – Т. XI.

[284]Дженкинсон, А. Путешествие в Среднюю Азию в 1558-1560 гг./ А.Дженкинсон// Английские путешественники в Московском государстве. – Л., 1937.

Археологические раскопки опровергли утверждения историков о том, что кочевой образ жизни, был свидетельством отсутствия ремесленных центров. В регионах компактного проживания ногайцев, существовали мастерские, как на открытом воздухе, так и в специальных юртах. Находки заготовок листовой меди, накладки, пластины, полосы, скобы, куски древесного шлака, разбитые тиглей, слитки лития различных металлов являются неопровержимым тому доказательством. Высокий уровень мастерства ногайских литейщиков, ювелиров и кузнецов подтверждают и предметы, хранящиеся в различных музеях нашей страны – это украшенные чеканным орнаментом сосуды, детали конской сбруи, зеркала из бронзы, браслеты, височные украшения, серьги, перстни и др. Изучение этих коллекций показало, что образование и укрепление Ногайской Орды сопровождалось высоким развитием ремесел в частности в кузнечных и литейных мастерских. Эти данные имеют неоценимое значение для настоящего исследования.

Основой для развития кузнечного дела у ногайцев послужили многовековые традиции, связанные с ногайскими городами: Сарайчик на р. Яик, место погребения Золотоордынских и ногайских ханов и Татартуп на границе современной Кабардино-Балкарии и Северной Осетии, где сохранился памятник минарет XVI в., где ковали из железа оружие, броню, топоры, долота, части пахотных орудий и предметы домашнего обихода. Кузнечное ремесло ногайцев развивалось также в тесной связи с кузнецами-оружейниками соседних народов Северного Кавказа, Поволжья и Крыма.

С незапамятных времен ногайские мастера делились по роду занятий на простых мастеров – кузнецов «*темирши*», и ювелиров «*ясавшы*». Кузнецами изготавливались бытовые предметы, холодное оружие, принадлежности седла, разнообразные сельскохозяйственные орудия и т.д. Большое распространение у ногайцев среди кузнечных изделий получили штампы для таврения скота и лошадей [Рисунок 171 Приложения 3]. В изготовление штампов кузнецы

вкладывали все свое умение. Железные полосы изгибались в причудливый, порой весьма сложный рисунок, точность которого была обязательна, так как некоторые тамги отличались друг от друга еле заметными элементами. Эта весьма многообразная каллиграфия в металле.

Исходя из того, что кузнечные изделия носили сугубо утилитарный характер, в них прослеживаются характерные особенности ногайских художественных традиций. Лишенные декора, орнаментальных украшений, эти изделия, благодаря удачной и красивой форме, монументальны, что можно назвать своего рода дизайнерским подходом мастера к изготовлению вещи. Это, в первую очередь, касается щипцов для угля, половников, шумовок, шампуров, крюков для подвешивания мяса. Прекрасно найденные формы этих предметов удачно подчеркивают их бытовое и практическое назначение. Длинные ручки, являющиеся несущими частями, имеют строгий, лаконичный, красивый силуэт. Особым объектом мастера является функционирующая часть вещи, в редком случае содержащая мотивы традиционного декора. Главный художественный прием связан с противопоставлением собственно функционирующей части изделия его несущей части. Свойство формы предмета: длинная часть ручки удлиняется, короткой части придается особая массивность, монументальность, кривые очертания становятся подчеркнуто плавными. Во многом форма вышеупомянутых кованых предметов объясняется практической необходимостью: эти вещи участвуют в действиях с огнем.

Немаловажное значение в ногайском традиционном искусстве, где воедино слилось творчество кузнецов и ювелиров, было оружейное дело. В ногайских захоронениях XIV вв. археологи находили принадлежности военного снаряжения, шлемы, мечи, шашки, сабли, длинные ножи, топоры, щиты, копья, луки, стрелы. Подтверждением являются высказывания многих зарубежных и русских путешественников посетивших в разные годы ногайские земли. «Ногайцы изготавливают превосходные клинки для холодного оружия».

Видный исследователь кустарных промыслов у народов Северного Кавказа Б.Е. Хижняков отмечал, что «Ногайское оружие пользовалось уважением и стоило дорого» [285].

Для ногайского оружейного дела характерна универсальность ремесленников металлистов. Мастер, создававший холодное оружие выступал как ювелир и одновременно мог делать предметы домашнего обихода, кузнечные работы, ковать клинки, изготовлять ножны и художественно их оформлять, владея ювелирным искусством. Разделение труда при производстве оружия, как у других народов Северного Кавказа, в частности дагестанцев у ногайцев не практиковалось. Видимо, сказывались значительно меньшие объемы производства оружия, высокая цена и особенно большая индивидуальность в художественном оформлении каждого изделия. Это не говорит о том, что изделия ногайских оружейников были скупыми и простыми, наоборот, исходя из национального вкуса, эти произведения имели высокий художественный уровень и чистоту отделки, отличающие их от аналогичных изделий сопредельных народов.

В ранних образцах холодного оружия встречаются изделия, украшенные черневым орнаментом на серебряной или гладко отшлифованной медной поверхности без дополнения гравировкой. В поздих же, встречаются противоположные решения, в частности гравированный узор, размещенный на черневом фоне рукоятки и ножен. И в первом и во втором случаях декоративный эффект построен на контрастном сочетании фона и орнамента. Такой подход требует от мастера тонкого орнаментального чувства.

Особый художественный вид оформления составляет декор ножен шашек, где использовались галуны – элементы басонного плетения. В некоторых случаях ножны украшались галунами с золотошвейными узорами или в сочетании с серебряными накладками [Рисунок 172 Приложения 3].

[285] Хижняков Б.Е. Описание кустарных промыслов нацобластей Северокавказского края / Б.Е. Хижняков. – Ростов-на-Дону, 1929. С. 68.

Таким образом, в искусство оружейников, обогащая друг друга, мастерицы с большим вкусом и умением вплетали золотошвейные узоры и басонные изделия. И в этом случае мастера и мастерицы учитывали единую и законченную систему ногайского традиционного вкуса, одновременно создавая для ножен шашек живописно-пластические образы, не разрушая целостности и функционального назначения вещи, хотя они были в определенной схематичности, при которой образ не терял своей выразительности.

Первые ружья появились у ногайцев в середине XVII в. Тогда Эвлия Челеби писал: «…ногайские стрелки из ружей… ударили залпами свинца». Различные виды ружей назывались «*мылтык*», и «*туьбек*», а пистолеты – «*пыштау*», «*кероха*», «*тапанша*» [286].

Исходя из традиционных принципов ногайского народного декоративно - прикладного искусства, оружие обладало четкими благородными формами. Пропорциональность отдельных частей приклада и ствола в кремневых ружьях, плавность контура и изгибов выступающих деталей, подчеркивание материала из чего изготовлена вещь, будь то дерево, металл, кожа, кость являются отличительной чертой работ ногайских оружейников. У караногайцев орнаментальный декор ствола богато убран гравированным орнаментом, что вызвано влиянием искусства сопредельных народов и, наоборот, у кубанских ногайцев ствол оставляется открытым наподобие черкесского и кабардинского оружия.

В художественном оформлении деревянных деталей огнестрельного оружия серебро применялось скупо, главным образом в виде орнаментальных накладок, чаще растительного мотива в технике гравировки. Особое место приобретал контраст форм, материалов и приемов художественного оформления, в отличие от аналогичных изделий соседних народов. Это проявляется в орнаментике, узор обычно простой, крупный и лаконичный,

[286] Челеби, Э. Книга путешествия/ Эвлия Челеби. – М., 1961. – Вып. 1; М., 1979. – Вып.2. С. 126.

чаще всего геометрического и зооморфного происхождения, исключающий мелкие растительные элементы, характерные для дагестанских оружейников. Рельеф орнамента не очень высок, столь любимые дагестанцами приемы глубокой гравировки у ногайских мастеров встречаются редко. Низкий рельеф гравировки выполнен очень тонко и чисто. Как и в других видах ногайского народного искусства, он играет на принципах четкого ритма, который достигался точно выверенным взаимоотношением простого орнаментального элемента с крупным медальоном, хорошо читаемым на свободном фоне. Изучая доступные нам образцы оружия у ногайцев, мы встречаем изделия, где обнаруживаем стилистическое родство и близость простых форм и скромного декоративного решения. Вся поверхность равномерно заполняется однотипным узором с ограниченным количеством элементов, серебрение уходит и остается в виде узких полосок на поверхности изделия, где орнаментальные мотивы очень крупны и монументальны.

Ошибочно было бы утверждать, что все ногайские мужчины носили дорогостоящее оружие, оно было доступно лишь состоятельным людям, другие же носили более дешевое оружие, но это абсолютно не влияло на потерю национального вкуса.

Ногайские ювелиры в совершенстве владели основными технологическими приемами литья «*кепке кыюв*», чеканки «*согып ясав*», гравировки «*оюв*», прорези *«кесуьв*», золочения «*алтынлануьв*», серебрения «*куьмислануьв*», полировки «*йылтратуьв*», шлифовки «*тегис*», штамповки «*басуьв*», ковки «*таптав*», насечки, чернения «*карала нуьв*». Техникой литья изготовляли культовую скульптуру, кольца, детали амулетов, браслеты, принадлежности конского убранства, монеты. Большое распространение имела чеканка, применявшаяся для обработки серебряных, латунных, медных пластин. Чеканкой украшались стремена, огнива, ножи, браслеты, кольца, небольшие сосуды. В технике чеканки практиковалось золочение небольших

частей украшаемого изделия. Интересно, что большинство орнаментальных мотивов на изделиях из металла ногайские ювелиры выполняли гравировкой. Небольшие чашечки для напитка кумыса, кожаные мешочки для огнива, а также навершия ножен, рукоятки ножей, кинжалов, шашек оправлялись резным серебром.

Среди предметов, сделанных из серебра или посеребренного железа, наибольший интерес по богатству и разнообразию декоративного убранства представляют элементы конского убранства, которые имеют ряд общих черт как в художественно-ремесленном исполнении, так и в орнаментальных мотивах. Такие важные элементы конской сбруи как бляшки, подвески, металлические части нагрудника и потфеи, уздечки и др. выполнены с большой любовью, аккуратно и тщательно, что не удивительно, так как для ногайцев хороший конь и красивое седло были первыми необходимыми атрибутами его достоинства, определяли его жизненный успех. Сделать красивое седло со стременами или другой предмет конского снаряжения ногайские ювелиры издавна считали самым престижным заказом. Ногайские стремена (*зонъге*) делались из литой меди, встречались и кованные железные. Ногайцам издавна была известна одна общая форма стремени с круглым основанием и высокой дужкой, различия были лишь в декоре, так как каждый мастер подходил к ее изготовлению по разному и в связи с этим не было общего образца, по которому можно было судить о ее стилистической направленности. Дужка стремени украшалась резными, тонко выгравированными растительными и зооморфными узорами. Изысканной и богатой декорировке подвергались и другие детали конской утвари, седла, чепраки, подседельники, уздечки и т.п.

Техника насечек использовалась главным образом на железных пластинах, для украшения поясов, свадебных уборов невест, курительных трубок, огнив, конской сбруи. По данным археологических материалов этот прием был повсеместно распространен в местах проживания ногайцев. В наше

время насечка серебром по железу практически не встречается. Ногайским ювелирам приемы шлифовки и полировки металла были известны еще с незапамятных времен. Археологические раскопки являются свидетелями того, что древние мастера доводили металл до зеркального блеска.

Важной областью ногайского народного декоративно-прикладного искусства издревле были традиционные ювелирные украшения. Они сопровождали ногайцев с момента рождения и до самой смерти, им приписывалась магическая, знаковая и обереговая функция. Так С.Ш. Гаджиева пишет: «Отрезав и завязав пуповину ребенка, бабка опускала его в соленую воду, пеленала и, соблюдая обычай «аналык» (материнство), передавала пососать грудь другой женщине из дома или соседке. Эта женщина получала от семьи подарок – серебряное кольцо…», украшения играли немаловажную роль и в погребальном обряде: «…после смерти молодых на них под саван надевали нарядную одежду, а на девушку и украшения…» [287].

Ювелирные изделия были традиционно серебряными, реже золотыми, изготовляли их в основном местные мастера ногайцы. В кочевых аулах также работали дагестанские (кумыки, лакцы, даргинцы) и черкесские ювелиры, выполнявшие заказы по образцам ногайского традиционного ювелирного искусства. В конце XIX в. на ассортимент, форму и декор выпускаемой ювелирной продукции начинает влиять механизм моды. Наиболее популярными украшениями в это время становятся серебряные филигранные пояса и пряжки т.н. северокавказского типа, а также нагрудные филигранные застежки. Для ювелирного искусства этого периода характерна эклектика, проникновение новых образцов и мотивов, тенденция к смешению различных техник и орнаментальная перегруженность. В это время фиксируется широкое использование штампа, матриц, клише и других способов ускорения производственного процесса, что привело к снижению качества.

[287] Гаджиева, С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX вв. / С.Ш. Гаджиева. – М. : Наука, 1976. С. 111.

Женский костюм и ювелирные украшения составляли единый стилевой ансамбль и целостный эстетико-поэтический образ ногайки. При этом соблюдались строгие правила социальной и возрастной дифференциации – в комплексах украшений прослеживается тенденция к усложнению их набора – с детского до брачного возраста и постепенного его упрощения к старости. Особую роль играли ювелирные украшения в обрядовой практике ногайцев, а также в ритуальных традиционных действах. Так, украшения девушек отличались обилием амулетов и талисманов, наделенных способностью «отгонять» злые силы.

Ассортимент ювелирных украшений ногайских женщин различных этнографических групп многообразен, при этом он имеет самобытный стиль. Монументальность, скульптурность, отсутствие лишних деталей не несущих смысловую нагрузку, четкость и выразительность орнаментальных мотивов, их знаковость, позволяют выделить эти изделия в отдельный комплекс, имеющий определенную классификацию. По назначению и способу ношения женские ювелирные украшения ногайцев делятся на три группы:

-украшения для головы и шеи (украшения для головных уборов, волос, лба, висков, ушей и шеи.);

-украшения для *«каптала»* (украшения для груди, спины, пояса);

-украшения для рук (плечевые подвески, браслеты и кольца).

Украшения для головы и шеи. Традиция ношения головных уборов у ногайских женщин была достаточно устойчивой, о чем говорит разнообразие их форм и декоративного убранства. Волосы прятали под волосниками и чепчиками. У приазовских ногаек их фиксировали на голове при помощи тесьмы, проходящей под подбородком от одного виска к другому. К тесьме пришивали монетки и височные подвески, а к налобной части коралловые бусинки.

Свадебный чепчик *«шылавыш»* карагаш-ногаек собирали из широких

галунов, соединенных с небольшим накосником из бархата или без него, налобную часть декорировали лентой с пирамидовидными украшениями и монетками, припаянными к скрученной проволоке.

«Шылавыш» кубанских ногаек представлял из себя бархатную повязку, охватывающую всю голову и завязывающуюся на затылке в узелок. По краям спускались подвески *«мазарлык»*, у висков кисточки *«шок»*, а на темени были нашиты серебряные бляхи.

У караногаек *«сылавыш»* шили из ситца или шелка. Он состоял из трех частей – широкой ленты красного цвета, начинающейся от линии лба и завершающейся у линии бедра и двух наушей синего цвета. Полосу и науши сшивали и фиксировали на голове при помощи тоненьких тесемочек. На верхний срез ленты нашивали полоску из бархата черного или темно-синего цвета, к которой прикрепляли один ряд бусин из коралла или сердолика и два-три ряда монет. По бокам ленты свисали длинные плетенки с громоздкими кистями на концах. В нити кистей вплетали маленькие полые шарики и монетки. Макушку украшали круглые серебряные накладки, а затылок – галун с монетками. От затылка до линии бедра на ленту нашивали аппликацию, на мотивы которой пришивали бусинки и монетки. Боковые срезы окантовывали тесьмой, а нижний – густой бахромой и полыми звенящими шариками.

Подобного вида головной убор был описан Р. Эркертром: «Спереди, по нижнему краю шапочки или чепца проходит оторочка из пестрой ленты, на которую нашита лобовая бахрома из тонких серебряных бляшек, после которой следует маленькая четырехугольная серебряная бляшка и круглые пуговицы. В центре расположена бляха из стекла и разноцветного камня. У висков закреплены по две кисти длиной до 5 см, одна из которых из бисера, другая из серебра с четырьмя колокольчиками» [288].

Поверх нижних головных уборов надевали всевозможные шапки. На

[288] Erckert R. Von Der Kaukasus und seine Volker / R. Erckert – Leipzig, 1887.

высокие матерчатые шапки нашивали монетки, каплевидные подвески, полые шарики и сердолики в серебряных кастах. На макушки тюбетеек *«такъыя»* и высоких галунных шапок *«ока боьрк»* пришивали серебряные навершия, имеющие у основания круглую накладку, к которой припаивали шарик, завершающийся полумесяцем или фигуркой птички. По гладкому или зубчатому краю накладки прикрепляли монетки или звенящие подвески. Навершия декорировали зернью, гравировкой и чернью [Рисунок 173 Приложения 3].

К шапочкам пришивали или крепили за петли височники *«шекелик»* круглой или треугольной формы. К краю височника припаивали колечки, в которые продевали длинные цепочки с подвесками. В свадебном костюме височники соединяли между собой при помощи одной или нескольких цепочек, проходящих под подбородком.

Монетками, кораллами и бусами *«манълайса»* ногайки украшали налобную часть свадебного *«тастара»* [Рисунок 174 Приложения 3].

Достаточно распространенным и обязательным предметом в ювелирном наборе ногайских женщин были украшения для ушей, которыми служили серебряные серьги *«кулакшын»*. Последовательно сменяющие одни формы на другие в процессе «перехода» ногайки в определенные жизненные этапы, серьги бытовали в следующих видах [Рисунок 175 Приложения 3]:

-маленькие серьги-лунницы *«такта кулакшын»*, это небольшие пластинки в форме полумесяца, которые украшены чернью или инкрустированы сердоликом круглой формы по центру. Изогнутую застежку этого вида серег изготавливали отдельно из тонкой проволоки;

-серьги-лунницы *«ай кулакшын»*, расположенные внутри кольца, пластина которых намного больше, чем у предыдущего подвида. Она имела несколько вариантов заполнения. В первом варианте поле пластины оставалось гладким, лишь центральную часть украшали один-три минерала в круглых

кастах или припаянная полусфера. Второй вариант – пластина, сплошь покрытая орнаментом, нанесенным на серьги в технике «чернение». В девичьих и свадебных серьгах к нижнему краю припаивали колечки, к которым прикрепляли цепочки с монетками и подвесками на концах. В женских серьгах край пластинки оставался гладким;

-девичьи серьги, имеющие форму второго вида, верхняя часть которых служила дужкой, а к нижней припаивалась литая фигурка в виде птички *«кораз кулакшын»*. Серьги имели колечки с длинными цепочками и подвесками листовидной формы;

-серьги, имеющие форму кольца *«доьнъелек кулакшын»*;

-серьги, имеющие форму кольца, верхняя часть которых служила дужкой, а к нижней прикреплялось от одного до трех полых шарика *«бир, эки, уьш туьймели кулакшын»*;

-серьги, имеющие форму кольца, верхняя часть которых служила дужкой, а к нижней прикреплялось от одного до трех полых шарика или эллипса, имеющих петли, в которые продевались цепочки с подвесками *«аяклы донъелек кулакшын»*;

-женские фигурные серьги *«буькпе»,* основой которых служила толстая проволока, загнутая в виде крючка, на которую надевали полый шарик. Нижнюю часть проволоки оформляли в виде треугольника.

Ворот праздничного бешмета или распашного платья ногайки оформляли украшениями для шеи [Рисунок 176 Приложения 3], это:

-талисманы *«мойын тумар»;*

-бусы из кораллов *«маржан мойшак»* и бисера *«ынжы мойшак»;*

-свадебное украшение *«шапраз»* – серебряный ромб с сердоликовыми вставками и полыми серебряными подвесками.

Существовали шейные украшения из серебра, сердолика, монет. Такие украшения, как отмечает Н.Ф. Дубровин: «Составляют страсть ногайской

женщины» [289].

Украшения для одежды. Одежда ногаек изобиловала серебряными украшениями, одни были нашиты на бешметы и платья, а другие были съемными. Каждое изделие несло в себе не только определенную функцию, но и наделялось сакральным смыслом. В историко-этнографическом очерке, посвященном материальной и духовной культуре, обычаям и верованиям ногайцев дается описание подвесок, предназначенных для защиты груди и спины: «Существовали украшения *«ийинлик»*, *«тоьслик»* (грудной), *«гамайлык»* и *«мойын тумар»* (для амулета). Все они подвешивались или пришивались к бешмету» [290]. Массивные нагрудные пластинки имели антропоморфную форму, трактуемую в ногайском орнаментальном искусстве, как «Хранительница домашнего очага». К нижней части серебряной пластины припаивали от трех до пяти колечек, к которым прикрепляли цепочки. К цепочкам припаивали монетки, полые шарики, бубенчики. Встречаются и другие варианты форм подвесок – треугольная пластина или кольцо, к которому припаивали цепочки с сердоликами в кастах и подвесками *«йылан бас»*. Змея у ногайцев также считалась хранительницей домашнего очага. Пластинки по контуру украшали гравировкой. В основном, это был бордюр из геометрического орнамента или ромбов. По центру подвески инкрустировали сердоликами или бирюзой.

Отдельный вид украшений для одежды составляли нагрудные застежки – разнообразные по форме и орнаментальному декору, они являлись обязательным элементом женского костюма ногаек всех этнографических групп. Застежки бытовали в следующих видах [Рисунок 177 Приложения 3]:

---

[289] Дубровин, Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе / Н.Ф. Дубровин. – Спб., 1971. – Т. I. С. 269.

[290] Калмыков, И.Х. Ногайцы / И.Х. Калмыков, Р.Х. Керейтов, А.И-М. Сикалиев. – Черкесск, 1988. С. 124.

-прямоугольные или листовидные пластинки, вытянутые по горизонтали *«тоьс туьйме»*. На концах пластинки имели круглые или каплевидные утолщения. Их застегивали при помощи головок в виде полушарий (с правой стороны), вдеваемых в петли (с левой стороны);

-пластинки, расширяющиеся к внешнему краю, имитирующие изображение головы козы *«козыбас туьйме»*, они имели такую же конструкцию, что и *«тоьс туьйме»*, с той лишь разницей, что концы пластин расширялись и имели не одно, а три утолщения в виде шариков или капелек;

-квадратные, прямоугольные, фигурные, вытянутые по вертикали пластины *«такта туьйме»* с одной стороны имеющие петлю, изготовленную из цепочки, а с другой полый шарик, прикрепленный на цепочку, служащий пуговицей;

-тонкие, удлиненные по горизонтали пластинки *«черкес туьйме»*;

-пластинки *«кус куйрык»*, имеющие каплевидную форму, напоминающую по семантике «восточный огурец». Эти пластинки пришивали, в основном, по краям нагрудника;

-пластинки в виде птичек или тюльпановидные пластинки *«капашык»*;

-пластинки, имеющие завершение в виде рогов барана *«муьйиз туьйме»*. Данный подвид пластин нашивали по центру нагрудника, надеваемого поверх рубахи или бешмета.

В ювелирных украшениях немаловажное значение имели пуговицы *«туьйме»*. Разнообразные геометрические фигуры пуговиц (круг, ромб, полумесяц) изготавливались чаще литьем, реже холодной ковкой.

Следующий вид украшений для платья составляют женские пояса. Разнообразные по форме и декору, они представляют значительный интерес для настоящего исследования. Являясь отражением ювелирного мастерства и орнаментального искусства, имея большую материальную ценность, они переходили из поколения в поколение в качестве наследства, приданого и

подарков, что помогло им дойти до наших дней в первозданном виде. Ногайки всех этнографических групп носили следующие виды поясов [Рисунок 178 Приложения 3]:

-пояса из галуна или ткани, к которым были прикреплены металлические пряжки из серебра, шириною 3-8 см, состоящие из двух пластин, которые застегивались при помощи стерженька или петли, соединяющих две половины в прочную конструкцию. Центральная часть пряжки имела прямоугольную или круглую форму, инкрустированную сердоликом в овальных или круглых кастах или полусферами. Середины пластин также декорировали вставками. На концах пластины имели прямое или фигурное завершение. В девичьих поясах к галунной ленте пришивали монетки, а к нижней части пряжки припаивали колечки, в которые продевали цепочки с подвесками. Нижний край женских поясных пряжек оставался гладким;

-пояса из галуна или ткани, к которым были прикреплены две серебряные пластины антропоморфной формы. Пластины застегивались при помощи петли. Края пластин обрамляли полосой зерни, на лицевой стороне располагали крупные сердолики в круглых или овальных кастах. К нижнему краю припаивали колечки, в которые продевали цепочки, завершающиеся каплевидными подвесками на концах;

-пояса, состоящие из центральной пряжки и серебряных пластин, при помощи широких петель, с обратной стороны нанизанных на узкий ремень. Застегивались пластины при помощи крючка и петли, прикрытых пряжкой овальной, круглой или полуцилиндрической формы. В отдельных случаях каждая из составляющих пояс пластин имела с одной стороны выступ, входящий в углубление на соседней пластинке. Пояс украшали гравировкой и чернью. Пояса этого типа встречаются редко, особенно с полуцилиндрическим выступом-пряжкой;

-пояса, составленные из серебряных пластин прямоугольной или

фигурной формы, соединенных между собой шарнирами. Для укорачивания пояса достаточно было вынуть нужное число пластинок. Пряжка обычно состояла из трех частей: средней овальной формы, прикрывающей крючок для застегивания, и отходящих от нее фигурных пластин, соединенных с поясом шарнирами. Пластинки, составляющие собственно пояс, украшали одинаковым декором из накладной филиграни, цветных стекол, бирюзы или каплевидных черненых вставок. Стекла укрепляли в высоких полушаровидных филигранных оправах. Накладную филигрань иногда дополняли выпуклыми розетками и листками.

Украшения для рук. Не менее богато девушки и женщины украшали руки. На плечи бешмета с обеих сторон нашивали серебряные подвески антропоморфной или треугольной формы. К нижнему краю подвесок припаивали колечки, в которые продевали цепочки с монетками, полыми шариками и сердоликами в круглой или каплевидной оправе.

Повседневными украшениями ногаек считались браслеты и кольца, их носили постоянно. Браслеты надевали одновременно на обе руки, богато декорировали чернью, филигранью и зернью, инкрустировали минералами и цветными стеклами. Руки ногаек украшали следующие виды браслетов [Рисунок 179 Приложения 3]:

-широкие и узкие серебряные браслеты с несомкнутыми концами, имеющие закругленное завершение или в виде трех пиковидных фигур. Поверхность браслетов была отшлифована до блеска, центральную часть украшала выпуклая розетка с выгравированной арабской надписью, орнаментом или одним-тремя крупными минералами в круглой оправе. По краям браслеты украшали напайными полосами из фальшзерни и насечкой. Встречаются браслеты, поле которых покрывали черневыми узорами;

-браслеты с сомкнутыми концами, гладкие или декорированные черневыми орнаментальными мотивами;

-браслеты, состоящие из двух или трех пластин, соединенных между собой шарнирами и застегивающимися при помощи специального стерженька;

-полые тонкие браслеты-трубочки, имеющие завершение в виде полых шариков.

На пальцы ногайки обязательно надевали перстни и кольца, поскольку считалось, что пища, приготовленная руками без колец будет нечистой. Кольца были разнообразны как по форме, так и по назначению, в основном, у всех этнографических групп ногайцев бытовали кольца следующих видов [Рисунок 180 Приложения 3]:

-плоские серебряные кольца без камней *«юзик»*;

-кольца с головками в виде печаток круглой, четырехугольной и овальной формы, покрытые орнаментом под чернь или каллиграфией;

-кольца с минералами в круглых, овальных, ромбовидных и квадратных кастах *«таслы юзик»*;

-звенящие кольца *«конъыравюзик»*. Данный тип колец относился к составными, то есть щиток кольца при помощи пайки крепился к обручу (шинке) из тонкой пластины одинаковой ширины. Для производства звенящих колец использовали серебро, посеребренную медь или ее сплавы. Шинки колец могли быть как гладкими, так и профилированными декоративными бороздками.

При рассмотрении женских ювелирных украшений, традиционно бытовавших у всех этнографических групп ногайцев, можно выделить единый стиль в их декоративном оформлении. Монументальность и скульптурная выразительность, сохраняемая даже в малых формах, а также ритмическое чередование узора и фона, симметрия в расположении узоров – создают ощущение свободы и безграничного пространства.

Каждый мотив – это определенный знак, содержащий закодированную информацию, при прочтении которой, невольно погружаешься в неизведанный

мир символов, предстающих перед зрителем в разных вариациях.

Анализируя орнаментальное оформление комплексов ювелирных украшений ногайцев, можно сделать вывод, что в них преобладает геометрический орнамент – круг, точка и композиции из нее, криволинейные и линеарные мотивы, спираль, крестовина, окружность, зигзаг, треугольник, сетки, ромбы, различные прямоугольные и многоугольные фигуры, составляющие замкнутые линейные построения.

В числе наиболее часто встречающихся системных элементов – круг, треугольник, ромб и волна. Они присутствовали как в бордюрных, так и в центральных композициях. Круг и ромб, в большинстве случаев, являлись организующим центром всего орнаментального поля. В бордюрных композициях очень часты сочетания ромба, треугольника, круга и квадрата, разделенных диагональными линиями на две или четыре части.

Распространенными элементами в ювелирных изделиях ногайцев являлись изображения листьев и цветов. Лиственный узор символизировал природный цикл жизни, долголетие и мир на Земле. В ювелирных изделиях встречались изображения листьев *«япырак»*, двулистника *«эки япырак»* и трилистника *«уьш япырак»*. Лиственные элементы редко выступали в композициях самостоятельно, они гармонично сочетались с другими элементами. В изображении трилистника выражалась идея древних кочевых народов о трехчастной структуре Мироздания, а в интерпретации формы прочитывалась символика триединства. Трилистник являлся и символом богини Умай [291].

Цветочный узор являлся символом красоты и радости. Среди изображений встречались ромашки *«акбас»*, тюльпаны *«кызгалдак»*, вьюн *«шырмавык»* и др. В технике черни изображали побеги с листьями и плодами.

В ювелирных изделиях с конца XVI в. начинали преобладать символы

[291] Бисембаев, А.К. Мифы древних тюрков / А.К. Бисембаев. – Алматы, 2007. С. 8.

мусульманской веры и каллиграфия – изображение *«ай эм юлдыз»* – мусульманский полумесяц, расположенный рядом со звездой, в культовых украшениях встречалось изображение раскрытой ладони. В исламских религиозных книгах раскрытая ладонь упоминается как талисман-оберег «Рука Фатимы», он назван в честь дочери Пророка и почитается как символ основ исламского вероисповедания – вера, пост, паломничество, молитва и милосердие. В центре, талисман обязательно дополнен знаком, усиливающим его действие – шестиконечной звездой, полумесяцем или синим драгоценным камнем, традиционно бирюзой. Мусульмане считают, что синий цвет обладает защитными качествами. Также на амулет наносят фразы или слова из молитв. В монографическом исследовании С.Ш. Гаджиевой, описано: «… оберегами служили футлярчики, обтянутые тканью и нередко украшенные серебряным галуном или тесьмой, стилизованные фигурки птичек либо кисти руки из литого серебра, считавшиеся магическими средствами против болезней» [292]. Подобные футлярчики, в которые клали суры из Корана, были встречены в ходе полевых исследований у жительниц села Терекли-Мектеб Ногайского района республики Дагестан.

При изучении музейных и частных коллекций в местах компактного проживания ногайцев, были зафиксированы браслеты с напаянными выпуклыми розетками, на овальной пластинке которых гравировалось арабским шрифтом имя хозяйки. Помимо каллиграфических надписей и изображения «Руки Фатимы», как в женских, так и в мужских ювелирных изделиях, встречается изображение узкогорлого кувшина для ритуального омовения *«кумган»*.

Самым распространенным орнаментом, не только у ногайцев, но и у всех кочевых народов, являлся рог *«муьйиз»*. В формах серег, навершиях

[292] Гаджиева, С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX – начале XX вв. / С.Ш. Гаджиева. – М. : Наука, 1976. С. 145.

головных уборов и верхних застежек угадываются стилизованные изображения птиц.

Подвески и налобные украшения нередко имели форму змеиной головы *«йылан бас»*, на что указывают три точки – три глаза змеи. Два из них обычные, а третий, расположенный в середине, магический. Этот третий глаз позволяет змее видеть события, происходящие во всех трех мирах. Змея на Кавказе считалась хранительницей домашнего очага, символом плодородия, оберегом. На ювелирных украшениях змея изображалась в виде спирали или зигзагообразной полосы.

Нагрудные подвески и свадебные пояса имели антропоморфную форму – семантически напоминающую стилизованную женскую фигуру с упертыми в бока руками – богиню-покровительницу домашнего очага.

Можно провести параллель с антропоморфным изображением, прикрепленным над входом в юрту, где аналогичное расположение «рук» говорит о том, что данная поза была канонизирована, так же, как и определенные, фиксированные позы в религиозных изображениях (иконах, статуях и т.д.) во многих религиях мира, где бытуют подобные ритуальные изображения.

Ногайки проявляли удивительную творческую фантазию в сочетании простейших узоров, в их художественно-ремесленном исполнении. Здесь уместно говорить о графическом и узорном видах решения орнаментальной поверхности ювелирных украшений. В одном виде на гладком, относительно свободном фоне высоким рельефом возвышается простой, четко читаемый геометрический рисунок. В другом – сложный и многообразный орнамент сплошь устилает поле, придавая плоскости богатую фактуру.

Формы, орнамент и способы использования и ношения изделий из металла у ногайцев имеют много общих стилистических черт с аналогичными изделиями тюркоязычных народов Средней Азии, Поволжья и Казахстана. Это

сходство является не только следствием культурно-экономических связей, но и результатом их этнической близости. Комплексное изучение литературных источников и материалы археологических раскопок, экспонаты музеев помогли выявить наличие устойчивых традиций художественной обработки металла и определить своеобразный художественный стиль, созданный на протяжении многих лет. Одной из основных характерных особенностей является целостность композиционных построений, отсутствие орнаментальной перегруженности.

При рассмотрении традиционных изделий из металла, бытовавших у ногайцев, можно выделить следующие орнаментальные группы и мотивы [Таблица 31 Приложения 2]:

-*геометрические:* линеарные мотивы, спиралевидные завитки, точки, различные вариации ромбов и треугольников;

-*растительные:* изображения лепестков, трилистников, тюльпанов и многолепестковых розеток. В технике черни изображаются побеги с листьями и плодами;

-*зооморфные:* различные модификации рогообразных завитков, в формах серег, верхних застежках нагрудников, на тумарах и навершиях шапочек угадывались орнитоморфные мотивы.Подвески на серьгах и на налобных украшених нередко имели форму змеиной головы, на что указывали три точки, символизирующие три глаза змеи;

-*антропоморфные:* изображения мужской и женской стилизованной фигуры;

-*астральные:* звезды, круги и квадраты, разделенные диагональными линиями на две или четыре части;

-*мусульманские символы и каллиграфия:* полумесяц и шестиконечная звезда, а также изображение узкогорлого кувшина для ритуального омовения «кумгана». В культовых украшениях используется изображение раскрытой

ладони – «Рука Фатимы». При изучении музейных и частных коллекций обнаружены браслеты с напаянными выпуклыми розетками, на пластинке которых выгравировано арабским шрифтом имя хозяйки;

-*родовые знаки:* тамги наносили на изделия, имеющие особую ценность, особенно часто они встречаются на принадлежностях конского убранства и вооружении.

Орнаментальное оформление изделий из дерева

Художественная обработка дерева, как и металла, является одним из видов традиционных ремесел ногайцев. Она была распространена в лесостепных и предгорных районах проживания ногайцев. Сырьем для изготовления изделий были орех, клен, ясень, бук, ольха, береза, липа, карагач, груша, яблоня, клен.

В ногайском искусстве изделия из дерева представлены главным образом каркасами юрт, памятниками XIX-XX вв., в деревянных посудах и утварях этого периода проглядывают традиции, уходящие своими корнями в глубокое прошлое, в языческие верования древних ногайцев.

«Утварь в основном была деревянная, некоторые вещи изготовляли из камыша. Деревянными были «*шолпы*», «*шомакъа*», «*шоьмиш*» – разновидности чумичек; «*шоргъа*», «*агъаш аякъ*», «*тостакъан*» – чашки; «*тепсе*», «*табакъ*» – большие тарелки, иногда используемые как блюда или подносы; «*шара*» – большие миски; «*окълау*» – скалки для раскатывания теста; «*бастабалакъ*» – лопатки для размешивания каши; «*аукъ*» – ступки» [293]. Кроме вышеперечисленной утвари, из твердых пород дерева, ногайскими резчиками изготавливались: «*саплыаяк»* – ковши, «*ялгау*» – черпаки, «*ойман*» – глубокие подносы, «*ажау*» – большие ложки, «*саплы*» – чаши для кумыса, «*туьйгиш*» – ступки для чеснока и приправы, *«юнтарак»* – чесалки для обработки шерсти,

[293]Калмыков, И.Х. Ногайцы / И.Х. Калмыков, Р.Х. Керейтов, А.И-М. Сикалиев. – Черкесск, 1988. С. 164.

музыкальные инструменты, «*сыпыра, унтакта*» – столики, «*бесик*» – детские люльки на ножках, «*ортэке*» – игрушки, «*тавалдык*» – башмаки, «*урундук*» – кровати, диваны, «*сандык*» – шкафы, «*тюсек*» – тюфяки, «*шапшак*» – бочки, «*шелек*» – ведра, «*куьен*» – коромысла, «*суьзгиш*» – сита, «*шанышкыш*» – трехзубцовые вилы, «*уршык*» – веретена [Таблица 32 Приложения 2], [Рисунок 181-183 Приложения 3].

Нельзя все деревянные изделия ногайских резчиков отнести к произведениям декоративного искусства. Брички, арбы, сельскохозяйственные орудия, бондарные изделия, корыта, коромысла, лохани, ведра не имели выраженных эстетических черт и художественности. Зато они отвечали своим утилитарным назначениям и удовлетворяли потребность потребителя.

Резчики прошлых лет были знакомы с различными приемами обработки дерева. Прекрасно владели техникой геометрической резьбы, плоского рельефа, круглой формы, а также приемами шлифовки, полировки и частичного покрытия изделия морилкой и росписью. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы заставляют убедиться в изяществе и тонкости исполненных ими вещей.

Как в традиции оружейного дела так и в искусстве резьбы по дереву секреты мастерства передавались от отца к сыну, этим создавался своеобразный стиль самобытного национального почерка, что не вызывает удивления, так как экстерьер и интерьер юрты делались силами простых людей. После трудового дня скотовод брал в руки инструменты и в юрте у открытого огня обрубок дерева превращался в художественное произведение, а сам он не подозревая, что эти вещи будут, впоследствии, рассматриваться как произведения народного искусства – становился художником.

Изделия, имеющие художественное начало такие как утварь, посуда, мебель, обрядовая игрушка следует разделить на две группы по времени их зарождения и по верности ногайским традициям. К первой группе имеющей

раннее возникновение относятся утварь и посуда, а также игрушки.

Вторую группу составляет мебель (кровати, диваны, столики, шкафы, сундуки, стулья, люльки и др.), которые появились в ногайском быту не ранее конца XVIII-начала XIX вв.

В юртах зажиточных ногайцев имелся деревянный стеллаж для посуды, который обычно изготавливался из ценных полированных пород дерева. Стеллаж был простым и лаконичным его декорировали росписью и геометрической резьбой, в совокупности с посудой он составлял облик внутреннего убранства юрты, который органически вписывался в жизнь ногайской семьи.

Как было сказано выше, особое место в быту ногайцев составляют чаши для напитков с одной и двумя ручками (во время праздников и приема гостей с украшенным по краю ободка простым геометрическим узором для кумыса и других напитков) и приподнятыми на конусообразном основании. Чаши тонкостенны, верхняя часть обладает плавным, певучим контуром, где края сходятся к двум возвышениям – над ручкой и на противоположном крае чаши. Геометрическая резьба чаши, выполненная ножом архаична, внутренняя часть гладко выбрана. Такие чаши изготавливались из твердой, ценной древесины. Настолько тонка круговая стенка чаши по всему периметру, что создается впечатление звонкости, характерное для металла и фарфоровой фаянсовой посуды. Такие тонкостенные чаши часто встречались в ногайском быту.

Вторую группу чаш составляют большие чаши, где декор ручек напоминает зооморфные мотивы, это стилизованные бараньи, турьи рога и изображения различных водоплавающих птиц. Изготовление таких посуд, требовало огромного мастерства, и было доступно лишь опытным резчикам. По сведениям старожилов такие чаши стоили очень дорого. За одну такую чашу давали молодого верблюда или теленка.

В ногайском эпосе и в других источниках мы находили упоминание о

богатырских чашах вручаемых победителям различных единоборств, а также старейшинам. Эти чаши обычно не украшались орнаментом, красивый декор достигался мастером в подборе текстуры пород дерева, где естественный узор был создан причудливым сплетением волокон дерева. При полировке этот естественный узор еще более усиливался от желтоватого до коричневого цвета, приобретая благородный теплый цвет.

К третьей группе мы относим ковши-черпаки, где все достоинство и красота заключены в формообразовании вещи. Они очень просты, поэтичны и значительны. Ручки ковшей очень архаичны, верх украшен простым узором, они легки, пропорции стройны и удлиненны. Вытянутые плоские ручки напоминают хвостовое оперение водоплавающей птицы. Поражает и простота всего силуэта, плавность и уверенность его очертаний. Легкость изделия достигается тонкостью ее объема. Отказ от реалистичности, изображения птиц не нарушают художественности в целом, а наоборот усиливают ее, придавая всей композиции чувство возвышенного, прекрасного. Стилизованное оперение птицы становится символом, приобретает значение знака, ее выразительность наполняет эту ручку скрытой жизнью.

Особую группу деревянных изделий составляют ложки, которые используют и до настоящего времени. Ряд исследователей писали, что ногайцы умеренны в еде. Так А. Павлов отмечал «Во время обеда они… неторопливы в еде, умеренны в употреблении пищи, чистоплотны» [294], Н.Ф. Дубровин, писал «Ногаец может быть один и даже несколько дней очень выдержан в пище» [295].

Любимыми блюдами ногайцев были кисломолочные и мясные продукты. Мясо в обязательном порядке употреблялось в сочетании с острыми приправами, чесноком, перцем и другими компонентами. Для приготовления

[294] Павлов, А. О ногайцах, кочующих по Кизлярской степи / А. Павлов. – СПб., 1842. С. 28.

[295]Дубровин, Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе / Н.Ф. Дубровин. – СПб., 1871. Т. 1. С. 266.

этой смеси мастера по дереву изготавливали специальную деревянную посуду – ступку для растирания чеснока, ногайского кирпичного чая, соли, перца и др. Ступка не просто предмет необходимый в быту, но и художественное произведение. Она выдолблена из твердой породы дерева, имеющая красивый желтовато-коричневый цвет и форму конуса, стоящего на круглом поддоне – широкое тулово которого сужается к низу. Декор поверхности очень простой, горловина по всему периметру украшена резным геометрическим узором, тулово ступки гладко отполировано и зашкурено. Резчик в достаточной степени использовал текстуру рисунка дерева, напоминающего узор, состоящий из тонких линий. Умение скупыми средствами сделать привлекательное и художественно законченное изделие является подтверждением хорошего вкуса ногайского мастера XIX в.

Никогда ногайские резчики не пользовались токарным точением, а только выдалбливанием. «Искусство выдалбливать и резать дерево у ногайцев, видимо, ремесло очень древнее, так как в своем домашнем обиходе они пользовались почти, исключительно, деревянной посудой, выдалбливаемой, а чаще вырезаемой» [296]. Об этом убедительно отмечал О.В. Маргграф «Они выдалбливаются, а не точатся на токарном станке. Чанаки выдалбливают желобчатыми тяпками, выскабливают древесину изнутри ручным резцом. Ручка чанака делается или в виде кольца, или цилиндрическая, или же загнутая. Такими чанаками едят суп или бульон…» [297].

Кроме вышеперечисленных изделий из дерева изготовлялись наличники дверей, предметы обстановки, небольшие лари *«сандык», «къобан сандык»* с двумя отделениями для хранения домашней посуды, перца, чая, муки и других продуктов, табуретки *«олтыргыш»,* подвесные люльки *«ел бесик»,* оконные

[296] Калмыков, И.Х. Ногайцы / И.Х. Калмыков, Р.Х. Керейтов, А.И-М. Сикалиев. – Черкесск, 1988. С. 108.

[297] Маргграф, О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа / О.В. Маргграф. – М., 1882. С. 256.

наличники, кровати, диваны, круглые столики «*унтакта*», которые появились примерно в XIX в.

Кровати «*агаш орындык*» изготовлялись на низеньких ножках, с четырьмя высокими столбиками, на которых вырезались крупные маковки. С трех сторон кровати – решетки и перильца или узкие спинки и две такие же поперечные перекладины. Ногайский диван «*такта орындык*», так же как и деревянная кровать, состоял из двух косвенных поперечных спинок с низкими ножками. Люльки представляли собой сбитые с четырех сторон отшлифованные и полированные доски, подвешенные веревками к внутренней части крыши юрты.

Кровати, диваны, столики, табуреты, люльки, несмотря на то, что они были лишены украшательства, отражают в своих формах идеалы народной эстетики, проявляют себя в глубоком чувстве материала, в органической связи вещи с её назначением. В этих произведениях, независимо от того, что они не декорированы, создается впечатление красоты.

Деревянные игрушки в виде различных животных вплоть до середины XIX века были широко распространены в народе. Эти фигурки несли ритуально-обрядовые значения. К сожалению, до нас многие из них не дошли, но по музейным экспонатам и редким сохранившимся в быту изделиям можно судить об их художественных достоинствах.

В коллекции РЭМ в разделе «Ногайцы» имеется игрушка *«ортэке»,* в виде деревянной козы *«эшки»* на палке, кроме фигурки козы, встречались и фигурки птиц, человека – они несут ярко выраженные черты примитива. Это объясняется их специфической функцией. Выполненные сельским плотником игрушки грубы и упрощенны в форме, лучше воспринимаясь с дальнего расстояния, одновременно свидетельствуя об их давнем происхождении. Как известно, ислам запрещал изображения живых существ и это является свидетельством, что они появились в доисламский период в жизни ногайского

народа. Эти фигурки несут динамичность, иногда в них прослеживаются веселье, забава, проникнутые особой теплотой, задушевностью, и чувством юмора. Декоративная деревянная скульптура ногайцев вышла за пределы своих земель.

Следует отметить, что среди ногайских ремесленников было немало первоклассных мастеров своего дела. В середине XIX века в ногайских степях был известен и славился искусным исполнением различных работ плотничного и столярного ремесла Тюлюш Джолмамбетов. В РЭМ экспонировались модели и в натуральном виде многие предметы домашнего быта ногайцев, изготовленные рукой этого мастера.

Наряду с вышеупомянутыми изделиями резчики изготавливали из дерева веретена, чесалки для обработки шерсти и другие мелкие предметы, где использовалась простейшая геометрическая резьба по дереву.

В связи с массовым строительством саманных домов с черепичной крышей, наличники окон, фронтоны, ворота, калитки украшались прописной и накладной резьбой. И в этом случае архитектурный декор этих изделий был скупым по применению художественных средств. Отказ от богатства орнаментальных мотивов, характерный особенно для ногайского народного искусства и нисколько не обеднявший его, доводил применяемые приемы до совершенства.

Как пишет Б. Кочекаев: «В начале XX века необходимость в изготовлении деревянной посуды, домашней утвари и мебели отпала, так как появилась фабричная мебель, фарфоровая и эмалированная посуда. Сейчас у ногайцев редко можно встретить даже ложку, половник или ковш, изготовленные из дерева. Искусство старых мастеров – деревообработчиков почти полностью исчезло» [298].

[298] Кочекаев, Б.Б. Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества / Б.Б. Кочекаев. – Черкесск, 1973. С. 110.

С таким суждением нельзя согласиться. Полевые исследования в ногайских аулах помогли нам обнаружить немало изделий народного искусства, старожилы помнят секреты художественно-ремесленных приемов обработки дерева.

Особого мастерства и тонкого исполнения требовали такие вещи как музыкальные инструменты. Мастера вырезали низкий рельеф на деке инструмента, затем ножом с узким лезвием делали надрезы. Прорезные узоры мастера выполняли по специальным трафаретам из плотной тонкой высушенной кожи.

В течение веков у мастеров выработалось очень тонкое чувство материала, пропорциональность отдельных частей, навыки ритмичного членения плоскости, где наносился орнамент.

В декоре изделий из дерева, бытовавших на протяжении многих веков в ногайских семьях, ощущается единство стиля. Преобладание геометрической резьбы ограничивает зону орнаментальных мотивов, которые сводятся в основном к прямым и волнистым линиям, треугольнику, ромбу, квадрату, спирали, геометризированным многолепестковым розеткам и солярным знакам. Основной декоративный акцент сделан на форму изделий, в основном, это касается ручек чаш и ковшей, несущей части половников, ложек, шумовок и т.д., где преобладающими становятся зооморфные формы – стилизованные рога барана и тура, фигурки птиц.

На изделиях из дерева также встречаются изображения растительных мотивов, в основном это трилистник и изображение тюльпана. Композиционно, орнаментальные мотивы в виде бордюров расположены по краям изделий, таким образом, по представлениям ногайцев, оберегая их дом, солярные знаки и спиралевидные завитки наносились в центре изделий, с пожеланиями того, чтобы пища в этом доме никогда не заканчивалась.

4.3. Орнаментальное оформление изделий из мягких материалов

Орнаментальное оформление изделий из войлока

Ни в одном виде народного искусства ногайцев, мы не встретим такого разнообразия и богатства орнаментальных мотивов, как в войлочном. Действительным подтверждением принадлежности узорного войлока всему комплексу материальной и духовной жизни ногайцев служат названия наиболее распространенных мотивов орнамента войлоков, многие из которых даже не дают прямого представления об их семантике. Связи, существующие здесь, носят весьма сложный характер, нередко их невозможно проследить. Атрибуция большинства узоров имеет глубокую и стойкую традицию: во всех исследуемых центрах мастерицы обозначали их одинаково. Каждый вид войлоков имел вполне определенные мотивы, некогда связанные с его назначением.

Войлочные ковры ногайцев подразделяются на несколько типов, различающихся техникой нанесения декора, которая, в свою очередь, задает характер и тип используемых орнаментальных композиций. Традиционно, войлоки у ногайцев украшали несколькими способами:

-вкатывание или вваливание узора;

-аппликация;

-узорное простегивание.

«Тамгалы кийиз» – пятнистый войлок с ввалянным узором. Одним из самых древних способов декорирования войлоков, получивших у ногайцев название *«тамгалы кийиз»* являлся способ вваливания (или вкатывания) узора [Рисунок 189 Приложения 3]. Этот способ имел глубокие корни и бытовал у многих народов. В этой технике ногайцы изготавливали односторонний валяный войлок – *«бир яклы тамгалы кийиз»* – и двухсторонний валяный войлок – *«эки яклы тамгалы кийиз»*. Различия одностороннего и двухстороннего валяного войлока проявлялись не только в технике

изготовления, но и в принципах орнаментального оформления.

Технология изготовления односторонних валяных войлоков *«бир яклы тамгалы кийиз»* бытовала в основном у астраханских ногайцев и была схожа с процессом изготовления войлоков у казахов, киргизов и башкир, но при этом имела свои локальные отличия. Вкатывание орнаментальных мотивов в кошму проводили только с одной стороны, при этом мотки шерсти раскладывали на полуготовой кошме, изготовленной по традиционной технологии. Узор выкладывали на поверхность из шерсти контрастного с основой цвета в определенном порядке – сначала намечали контуры орнамента из темной шерсти, а затем по бокам обкладывали полученные линии более светлым по тону слоем и, сбрызнув горячей водой, сворачивали орнаментированную полсть в рулон. Войлок в течение нескольких часов подвергали тем же процессам, что и при обработке простых кошм, его валяли до тех пор, пока между слоями не происходило прочного соединения, и кошма не приобретала нужную плотность. Этот способ нанесения узора популярностью среди ногайцев не пользовался, считалось, что изделие при этом теряет свою прочность, а узор становится расплывчатым и нечетким. При изготовлении односторонних валяных войлоков мастерицы отдавали предпочтение зооморфным мотивам, геометрические элементы располагали по бордюру, иногда в центре изделия вместо узора выкладывали крупными цифрами или буквами дату изготовления, имя мастерицы, родовой знак «тамгу» или мусульманскую символику. К сожалению, сегодня почти не сохранилось войлоков изготовленных в этой технике, но по рассказам мастериц можно возродить этот древний вид валяния.

Совершенно иная специфика просматривается в технологии изготовления двухсторонних валяных войлоков *«эки яклы тамгалы кийиз».* Отличительной особенностью обладал процесс раскладки шерсти на камышовую циновку и увалки, а подготовительные операции производили

традиционным способом. Весь процесс происходил в несколько этапов – это сортировка шерсти по цветам, очистка, раскладка основы и заполнение полученных рамок, валяние, сушка и обработка краев готового изделия.

У караногайцев, выкладкой основного узора занималась самая опытная мастерица – *«исли»*, или *«ислибийке»*, контролировавшая весь процесс изготовления полсти. Сначала прокладывали контуры задуманного рисунка, в основном это были геометрические формы – линии, ромбы, треугольники, затем, полученные очертания фигур сбрызгивали горячей водой и снова заполняли образовавшиеся пустоты шерстью различных цветов. После того, как вся композиция была готова, мастерицы усаживались вокруг и, добиваясь равномерности укладки и четкости форм, перебирали заново уложенную шерсть. Эта операция считалась самой ответственной, от нее зависел исход всего процесса. Полученное полотно взбрызгивали горячей водой и скатывали в рулон вместе с циновкой. Сложенный рулон обвязывали веревкой, делая в процессе три воздушные петли для рук. Три женщины брались за эти петли и били рулон о землю 30-40 минут, затем войлок разворачивали, поправляли неровности и снова обрызгивали кипятком, вновь свернув полсть в рулон, но уже без циновки, основательно валяли. После увалки четыре женщины (две с одной стороны, две с другой) садились друг против друга, и каждая пара по очереди отталкивала от себя ногами свернутый в рулон войлок. Процедура длилась часа полтора-два, затем войлок разворачивали еще раз и, сложив вдвое, опять катали. При этом одна женщина садилась на одном конце циновки, а другая на другом. Они по очереди тянули войлок к себе за концы, чтобы вытянуть неровные места, тем самым, добиваясь ровной толщины изделия [Рисунок 190,191 Приложения 3].

Технология изготовления двухстороннего валяного войлока «*эки яклы тамгалы кийиз»* и принципы орнаментального оформления у кубанских ногайцев имели свои отличия от войлоков караногайцев и астраханских

ногайцев. Они выделывали войлоки с двусторонним узором, мотивы которых были ограничены геометрическими формами, причем, в силу технологических особенностей, контуры этих фигур не обладали четкостью, они были более сглаженными, за счет чего, цвет становился мягче, а вся композиция приобретала объемность изображения. При создании мотивов не использовали шаблоны, узоры и цветовые соотношения восстанавливались по памяти опытной мастерицей, руководившей всем творческим процессом.

Начинала мастерица с выкладки рамки всей композиции специально приготовленными черными жгутами шерсти. Такими же жгутами она выкладывала контуры крупных ромбов, делая в них решетчатые перегородки. Промежутки между центральными ромбами заполняли сквозными пирамидками из треугольников, туго сложенных из шерсти. Все основное центральное поле в свою очередь обрамляли бордюром, состоящим чаще всего из цепи мелких ромбиков и треугольников. «Чертеж» композиции кошмы готов. Теперь все оставшиеся пустоты мастерица заполняла валиком шерсти основного, преимущественно серого тона. Это – фон, на котором должны отчетливо прорисовываться названные детали орнаментального построения. Весь слой шерсти равномерно раскладывался на циновке и поливался специальным горячим мыльным отваром. После этого циновку сворачивали вместе с шерстью в рулон и начинали процесс валяния [299]. Женщины, встав на колени и давя руками, начиная от пальцев и перекатывая до локтя, налегали на рулон всем корпусом и скатывали его, затем обратным движением приходили в исходное положение. Валяли до тех пор, пока шерсть не уплотнялась настолько, что можно было бы освободить рулон от циновки и расстелить полуфабрикат отдельно. В результате валяния, как в первом, так и во втором случае получали уваленный войлок. Полотно промывали в проточной воде,

[299]Кузнецова, А.Я. Народное искусство карачаевцев и балкарцев/ А.Я. Кузнецова. – Нальчик. Изд-во Эльбрус, 1982. С. 64, 65.

хорошо просушивали, а затем обрабатывали края скрученной тесьмой из черных и белых шерстяных нитей – *«шалув».*

Готовые войлоки использовали в основном в качестве теплых одеял, настенных ковров, известных под названием *«тутув кийиз»* – держащий (поддерживающий ковер), которые, вешали по бокам юрты в верхней половине стены. Орнамент этих ковров был крупным, строгим, визуально создавал впечатление поддерживания юрты в вертикальном положении. Пятнистые войлоки просуществовали в быту у ногайцев достаточно не долго, это было связано с непрочностью данного вида кийиза и тем, что орнамент откладывался не четко.

К сожалению, данный вид войлоков у ногайцев сегодня практически не используется, нет их в музейных и частных коллекциях, в связи с чем, вопрос о возрождении техники валяния войлока с ваваленным узором остается открытым, несущим в перспективе большие художественные задатки, ведь только в этой технике можно получить удивительные по своей красоте узоры, напоминающие акварельные переливы.

«Тигилген кийиз» – аппликативный войлок. Войлочные ковры, декорированные способом нанесения аппликации или нашивки узора из войлока, ткани, кожи одного цвета на войлок другого цвета, получили у ногайцев название – *«тигилген кийиз»* [Рисунок 192 Приложения 3].

Яркие, богато украшенные войлоки, за счет использования в отделке большого количества дорогой ткани и разнообразных красителей, ценившихся на вес золота, были привилегией лишь состоятельных слоев населения. «Чем богаче ногаец, тем больше он должен иметь подобных войлочных ковров, – писал О.В. Маргграф, – и они возвышаются часто целыми грудами, уложенными одна на другую, в его кунацкой» [300].

[300] Маргграф, О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа / О.В. Маргграф. – М., 1882. С. 46, 47.

Аппликативными войлоками покрывали остов юрты. Богатые ногайцы могли позволить себе украсить экстерьер юрты двумя, а иногда и тремя слоями длинных орнаментированных войлочных полос, а бедные обходились одним слоем. Вершину юрты, тоже покрывали войлоком квадратной формы, декорированным аппликативными нашивками, состоящими из солярных знаков, особо богато декорировали дверной войлок *«эсик кийиз»*.

Способом аппликации декорировали войлочные ковры, служившие украшением не только экстерьера, но и интерьера юрты. На стенах развешивали яркие орнаментированные кошмы, на которых висели незаменимые в быту не только ногайцев, но и всех кочевых народов войлочные сумки для хранения продуктов, так называемые *«дорба»*. Подушки и покрывала также украшали аппликациями из кусочков тканей. Неотъемлемый атрибут свадебного обряда ковер невесты «келин кийиз» довольно часто украшали аппликациями и нашивками разных цветов.

Характерной чертой, отличающей аппликативные войлоки от других традиционно сложившихся видов войлоков у ногайцев, является многокрасочность, введение помимо свалянного сукна и шерстяных нитей, тканей различных фактур и цветов, что не приемлемо в технике вваливания и узорного простегивания.

Существовали две разновидности аппликативных войлоков – аппликативный пестрый войлок – *«тигилген алабай кийиз»* и аппликативный шитый узорный войлок – *«тигилген кыйылган кийиз»*.

Аппликативный пестрый войлок *«тигилген алабай кийиз»* выполнялся в традиционной технике, схожей с изготовлением мозаичных ковров у многих кочевых народов. Изделия, изготовленные в этой технике, отличались большой прочностью. Добротно сделанные, они могли служить до 50 лет и более. Традиционно, ногайцы изготавливали их из двух свалянных полотен разных цветов без рисунка и одного неокрашенного полотна, причем толщина цветных

полотен не должна была превышать 5 мм, а толщина основной полсти, на которую нашивалась аппликация, должна была быть намного толще. Мастерица накладывала один пласт окрашенного полотна на другой, на верхний войлок прикладывала трафарет, наносила по контуру узор мелом или угольком и вырезала по линии сразу два пласта. Получались куски войлока одинаковые по размерам и конфигурации, но разные по цвету. Затем, их складывали так, чтобы получалось два одинаковых полотна с одинаковым рисунком по принципу «позитив – негатив», когда цвет фона первого должен стать рисунком второго, а цвет рисунка первого должен превратиться в цвет фона второго. Получившиеся части войлока сшивали крепкой ниткой, затем накладывали на простой войлок, по линиям соединения кусков разноцветного войлока пришивался цветной шнур.

Аппликативный шитый узорный войлок *«тигилген кыйылган кийиз»* в отличие от аппликативного пестрого войлока *«тигилген алабай кийиз»* декорировали орнаментальными мотивами, вырезанными из ткани, кожи или сукна. По трафарету вырезали традиционные мотивы, которые нашивали на полотно по заранее продуманному эскизу. Использовали и иные технологические приемы, проявляющиеся в способе нанесения орнаментального декора центрального поля, когда войлок обтягивали однотонной тканью (обычно светлых тонов), на которую нашивали яркие аппликативные элементы. Контуры орнамента обычно обшивали тесьмой контрастного цвета, тем самым предотвращая осыпание края ткани, придавая им прочность и в то же время ненавязчивую декоративность.

В технике *«тигилген кыйылган кийиз»* изготавливали в основном изделия для домашнего обихода, что было связано с дороговизной привозных тканей и красителей.

Изделия из войлока, выполненные в аппликативной технике обладали графичностью, четкостью рисунка и измельченностью орнаментальных форм.

В композиции ощущается строгая система построения, основанная на равновесии крупных центральных и мелких угловых и бордюрных деталей, на их ритме и симметрии. Дополнительный эффект придавало введение цветных тканей, тонкого сукна, кожи. Каждый цвет нашивки имел свое смысловое значение. Мастерицы выполняли аппликации из тканей разных цветов. Например, синий цвет символизировал небо, желтый – разум, белый – истину, радость, счастье, чистоту, черный – землю, зеленый – весну, плодородие, а красный (излюбленный цвет у ногайских мастериц) – символизировал молодость, огонь, солнце и красоту.

Богатство орнаментальных форм аппликативных войлоков, их красота и выразительность сделали эти старинные изделия поистине неповторимыми произведениями народного гения ногайских мастериц.

«Кыйылган кийиз» - прошитый войлок. Самым распространенным способом нанесения орнамента на войлочные изделия среди ногайцев было узорное простегивание. Этот способ декорирования войлочного полотна появился еще в начале нашей эры у сюннусцев. У ногайцев, кошмы, изготавливаемые в «сюннусской традиции», носили название *«кыйылган кийиз»* прошитый войлок [Рисунок 193-194 Приложения 3]. Изделия после узорного простегивания получались качественными, прочными и долговечными. На изготовление одного *«кыйылган кийиза»* уходило от одного месяца до одного года, включая подготовку и обработку шерсти и требовало от мастериц не только высокого профессионального мастерства, но и творческих способностей, необходимых для создания сложных орнаментальных композиций. Как считают мастерицы, это наиболее трудоемкий способ.

Войлочное полотно, на которое наносилась стежка, а также все подготовительные операции проводили по традиционной технологии. Для нанесения орнамента применяли трафареты *«оюв»,* вырезанные из картона, бумаги, кожи или клеенки, которые прежде чем начать вышивку, раскладывали

на кошме, создавая различные композиции, отмечали места их расположения еле заметными линиями. Затем, на намеченные линии пришивали трафарет, фиксируя его по центру, обшивали по контуру тесьмой, потом аккуратно убирали и, прикладывая этот же элемент или трафарет с другим орнаментом, продолжали обшивать. Каждая мастерица бережно хранила эти трафареты, полученные ею от матери или бабушки, дополняя их новыми и, в свою очередь, передавая их будущему поколению.

Полученная композиция называлась *«кыюв»*, ее характерной чертой являлось не равенство фона и орнамента, как, например, в казахских войлоках, а такое их соотношение, когда орнамент свободно парил на фоне войлока, создавая впечатление легкости, гармонии, завершенности [Таблица 33 Приложения 2]. Принципы композиционного построения *«кыйылган кийизов»* были устойчивы. Настенные войлоки имели окантовку, кайму, бордюр, центральное поле и угловые орнаменты, постилочные – только окантовку, кайму и бордюр, а центральное поле и заполнение углов в них отсутствовало. Окантовочные орнаменты использовали для придания формы и уплотнения краев войлоков, каймовые орнаменты наносили по краям ковра в один или несколько рядов, заполняя промежуток между окантовкой и бордюром. Центральный орнамент встречался в двух вариантах. В одних случаях это был орнамент с двухсторонней симметрией, направленный как бы с лицевой стороны к центру ковра. Здесь, после простегивания одного орнамента основания центральных узоров соединяли тесьмой, которая отделяла край ковра от центрального поля. В других случаях встречались центральные орнаментальные мотивы, как бы вписанные в квадрат, ромб или прямоугольник.

Каждый композиционный компонент имел определенное название и орнаментальное заполнение. Характерной чертой всех типов *«кыйылган кийизов»* являлось наличие бордюра *«шет кыюв»* или, как его еще по-другому

называли переднего узора – *«алды кыюв»*. Его ширина была различной и зависела от размеров орнаментальных мотивов, его заполняющих. Внутреннее заполнение бордюра было результатом творческого полета мастериц и содержало самые разнообразные виды орнаментов и их модификации, ритмический строй их расположения также был различен. Элементы бордюрных орнаментов, в увеличенном или уменьшенном виде повторялись в мотивах угловых орнаментов, носящих у ногайцев название *«муьис оюв»*.

Заполнение центральной части *«кыйылган кийизов»* встречается, как указывалось выше, в основном, в настенных войлоках, являясь акцентом всей ковровой композиции, центральное поле «орталык» имело довольно крупный размер. Орнамент располагался по одной, двум или четырем осям симметрии, в горизонтальном и вертикальном положении, привлекая зрителя своей неповторимостью, декоративностью и монументальностью [Рисунок 195-197 Приложения 3].

Пропорциональные соотношения прошитых войлочных ковров отражены в композиции небольших ковриков для совершения молитв – *«намазлыков»* [Рисунок 198 Приложения 3]. Богато украшенный вышивкой, такой коврик дарился стороной невесты старшему родственнику жениха, *«намазлык»* выбирался с особо богатой орнаментикой из самого лучшего сукна.

Из постилочных ковров, предпочтение отдавалось вышивке войлочных ковров из шерсти коричневого цвета, известного под названием *«куба кийиз»* [Рисунок 199-201 Приложения 3]. Композиционное расположение орнамента диктовалось его основным предназначением. *«Куба кийизы»*, использующиеся для покрытия пола, декорировались лишь окантовкой, каймой и бордюром, иногда, крупный бордюр отсутствовал вовсе, а орнаментальное оформление *«куба кийизов»*, свалянных для украшения почетного места *«тоьр»,* предполагало наличие центрального узора.

При всем богатстве и разнообразии орнаментального искусства,

нашедшего отражение в изделиях из войлока, можно выделить конкретные группы и подгруппы орнаментальных мотивов.

К наиболее ранним и первичным мотивам относятся геометрические [Таблица 34 Приложения 2]. В войлочных изделиях ногайцев встречаются как простые фигуры – точка и композиции из нее, так и сложные криволинейные и линеарные мотивы – две параллельные линии, обозначающие след от телеги – *«арба йол»*, волна – *«сув»,* спираль – *«шимай»,* крестовина – *«торткулак»,* окружность – *«шенбер»,* зигзаг – *«ийрек»,* треугольник – *«уьш муьйислик»,* сетки, ромбы, различные прямоугольные и многоугольные фигуры, составляющие замкнутые линейные построения.

В чистом виде геометрический орнамент используется в валяных войлоках *«тамгалы кийиз»*, в остальных видах он сочетается с растительными и зооморфными мотивами.

В войлочных изделиях встречаются орнаменты, названия которых связаны с мифами, религиозными верованиями и космогонией [Таблица 35 Приложения 2]. Вплоть до середины XIX в. почти на все войлочные изделия наносился узор *«дува»* – амулет, называемый в ласкательной форме *«дуважик»*, имеющий магическое, охранное значение – это один из самых древних и загадочных символов (архаичный пример в культуре степи – амулет из имеющей треугольную форму бараньей лопатки, как символ защиты тыла, спины, а также традиционный атрибут обрядов). Магическую силу предохранения от злых духов, способность вызывать обилие продуктов, обеспечивать богатство, счастье приписывали элементу *«мойынтумар»* – шейный талисман. В орнаментальных композициях встречается изображение *«ай эм юлдуз»* – мусульманский полумесяц, расположенный рядом со звездой (при этом звезду изображали пятиконечной), этот символ является одним из ключевых образов Ислама. В прошитых и аппликативных войлоках изображали элемент *«шайтан кулак»* – ухо шайтана.

Космогонический орнамент у ногайцев символизировал мировое пространство, четыре стороны света, вечное движение [Таблица 36 Приложения 2]. В декоре войлочных изделий встречаются такие орнаменты, как *«ай»* – луна, *«ай басы»* – новолуние, *«куьн эм ай»* – солнце и луна, *«юлдуз»* – звезда, *«куьн коьзи»* – глаз солнца.

Довольно часто встречающимися элементами художественного убранства войлочных ковров являются орнаментальные мотивы, названия которых связаны с животным миром [Таблица 37 Приложения 2]. Самым распространенным орнаментом являлся рог – *«муьйиз»* – это первоэлемент ногайского зооморфного орнамента. Такие роговидные мотивы как бараньи рога – *«кошкар муьйиз»*, учетверенные бараньи рога – *«доьрт кошкар муьйиз»*, восемь рогов – *«сегиз муьйиз»*, сорок рогов – *«кырк муьйиз»*, соединенные рога – *«кос муьйиз»*, сломанные рога – *«кыныр муьйиз»*, козьи рога – *«теке муьйиз»*, оленьи рога – *«марал муьйиз»*, рога быка – *«буга муьйиз»* – создавались на его основе.

Бараньи рога в большинстве случаев выступали как элемент орнаментального мотива, но редко как отдельный самостоятельный узор.

Названия животных и частей их тела носят следующие орнаменты: *«ат туяк»* – копыто лошади, *«табан»* – ступня, *«туье мойын»* – верблюжья шея, *«туье оьркеш»* – верблюжий горб, *«туье коьз»* – верблюжий глаз, *«кулын кулак»* – ухо жеребенка, *«бузав тис»* – зуб теленка.

Названия птиц и частей их тела носят орнаменты: *«тавык тырнак»* – куриные коготки, *«каз мойын»* – гусиная шея, *«каз аяк»* – гусиная лапка, *«карлыгаш»* – ласточка, *«къораз»* – петух, *«кус канат»* – крылья птицы, *«тавык»* – курица, *«тавык кот»* – куриная гузка, *«кус бурын»* – птичий клюв.

Названия мелких животных, насекомых и их частей тела носят орнаменты: *«мысык ыз»* – след кошки, *«шышкан ыз»* – след мышки, *«коян кулак»* – заячьи ушки, *«бака коьз»* – глаза лягушки, *«ийт куйрык»* – собачий

хвост, *«боьри коьз»* – волчий глаз, *«кумырска оюв»* – муравьиный орнамент, *«оьрмекши»* – паук, *«шыбын канат»* – крылья мухи, *«куьпелек»* – бабочка, *«йылан»* – змея, *«йылан бавур»* – змеиное брюшко, *«йылан бас»* – змеиная голова.

Значительное место в декоре войлочных ковров занимают изображения флоры [Таблица 38 Приложения 2]. В растительном орнаменте просматриваются образы реального мира. Наиболее распространенными элементами в войлочных изделиях ногайцев являются изображения дерева, листьев и цветов: листок – *«япырак»*, двулистник – *«эки япырак»* и трилистник – *«уьш япырак»*, ромашка – *«акбас»,* подсолнух – *«канывас»,* красный цветок, роза – *«кызыл шешекей»,* тюльпан – *«кызгалдак»*, вьюн – *«шырмавык»* и др..

Элементы орнаментальных композиций нередко носили названия бытовых предметов [Таблица 39 Приложения 2]: лестница – *«башкыш»*, голова куклы – *«куршак бас»*, голова куклы с одним лицом – *«бир яклы куршак бас»,* голова куклы с двумя лицами – *«эки яклы куршак бас»*, крючок – *«кармак»,* металлический кувшин с ручкой и носиком, служащий для ритуального обряда, омовения– *«кумган»*, ручка кувшина – *«кумган бав»*, односторонняя ручка кувшина – *«кумган бав бир яклы»*, двухсторонняя ручка кувшина – *«эки яклы кумган бав»*, ручка кувшина с заячьими ушками – *«кумган бав коян кулак»*, ножничный – *«каншылы»*, цепь – *«шынжыр»*, пуговица – *«булша»,* крылатая пуговица – *«канатлы булша»*, колесо – *«тегершик»,* бусы – *«мойыншак»* и т.д..

Достаточно ограниченную зону применения имели антропоморфные орнаменты [Таблица 40 Приложения 2]. Над входом в юрту, на дверном занавесе и на сумках для хранения домашних вещей изображали стилизованную мужскую и женскую фигуру.

В большинстве центров войлочного производства, и прежде всего в регионах компактного проживания ногайцев, таких как Астраханская область,

Дагестан, Чечня, Карачаево-Черкессия создавались войлоки, отличающиеся разнообразием фактуры, колорита, узора и техники изготовления. Самыми известными типами узоров были рогообразно-растительные. Войлоки с такими узорами являлись неотъемлемой частью ногайской жизни. Они имели столь популярное распространение, что с течением времени стали восприниматься как своеобразный символ ногайцев.

Каждый вид войлока имел устойчивую традицию в построении орнаментальных композиций [Таблица 41 Приложения 2], [Рисунок 202,203 Приложения 3]. Валяные войлоки *«тамгалы кийиз»* предназначенные для украшения стен, имели прямоугольную форму, которой был подчинен весь композиционный строй полотна, в нем четко выделено центральное поле – *«орталык»*, угловые орнаменты – *«муьис оювлар»*, бордюр – *«шет кыюв»*, кайма – *«шет бети»*, окантовка – *«шет тигув»*. В заполнении полотна двухсторонних валяных войлоков *«эки яклы тамгалы кийиз»* использовали в основном геометрический орнамент – это вертикальные, горизонтальные и поперечные линии, являющиеся основой для создания ромбовидных, треугольных форм, квадратов и их комбинаций, причем каждая вновь образованная фигура могла разбиться, образуя совершенно неожиданные варианты сочетания геометрических форм. Так, например, наиболее часто встречающийся мотив – ромб, трансформируемый пересекающимися полосами, – содержал в себе от 4-х до 12 вновь образованных ромбов, которые, в свою очередь, могли разбиваться на прямоугольные фигуры. Встречались случаи, когда фигуры внутри ромба образовывались путем наложения со смещением друг на друга двух одинаковых ромбов. Идентичная разбивка встречалась и в квадрате, только расчленялся он вертикальными или горизонтальными линиями на две части. Разбивка на сегменты не свойственна треугольнику, этот вид геометрического орнамента заполняет промежутки между ромбами, а его трансформация прослеживается лишь в вытягивании формы треугольника по

горизонтали и вертикали.

Центральное поле двухсторонних валяных войлоков заполняли расположенными под углом к кайме ромбами (количество варьировалось от 2-х до 12), между ромбами в три, пять или семь рядов располагали треугольники, вершины которых были направлены к кайме, в противоположную от горизонтальной оси сторону. Между треугольниками и ромбами оставляли полоски в пределах 8 – 13см. Центральный орнаментальный мотив носил название *«каншы тамгалы оьрнек»* – узор ножницы с пятнами. Иногда эти орнаменты обшивали тесьмой. Ширина каймы варьировалась от 10 до 30 см, обегая центральное поле двухстороннего войлока со всех сторон, она заключала его в свои рамки, декорированные лентами, состоящими из ромбов, треугольников и квадратов. По краям все войлоки имели окантовку. При изготовлении «эки яклы тамгалы кийиза» применяли шерсть черного, серого и коричневого цветов – ее использовали, в основном, для выкладки фона. Узор наносили белой шерстью, иногда ее подкрашивали в натуральные цвета, придавая всей композиции живописность.

Если в валяных двухсторонних войлоках мастерицы отдавали предпочтение геометрическому орнаменту, то в технике валяния войлока с односторонним узором появлялся еще и зооморфный орнамент. Обычно это были две – три розетки из учетверенных бараньих рогов, расположенные в центре войлока. Орнаментальную композицию данного вида валяного войлока строили по тому же принципу, что и в двухстороннем валяном войлоке, предполагая обязательное наличие центра, бордюра, каймы и окантовки, отличие заключалось в добавлении угловых орнаментов.

Орнаментальная композиция односторонних и двухсторонних валяных войлоков, предназначенных для покрытия пола, строилась следующим образом – центральное поле и угловые орнаменты в постилочных войлоках отсутствовали, применялась лишь окантовка, кайма и бордюры.

Декоративное оформление аппликативных войлоков было построено по иному принципу – орнаментальные мотивы образовывали композицию, в которой каждый из них занимал равную по отношению к орнаменту другого цвета площадь и часто являлся его зеркальным отражением. Это равенство узора и фона определяло художественные особенности изделия, при таком построении создавалось впечатление как бы позитивного и негативного изображения. Орнамент всегда был построен как горизонтально, так и вертикально симметрично и отдельные его мотивы следовали друг за другом. В центральном поле войлоков выделяли обычно два-три, а иногда и четыре крупных, ритмически повторяющихся узора в виде круга, овала, ромба или крестообразно соединенных завитков. Пространство между этими кругами заполняли разными завитками, но обязательно однотипными.

Принципы композиционного расположения орнаментальных мотивов в аппликативных войлоках были продиктованы функциональным назначением декорируемых изделий. В связи с тем, что в данной технике изготавливали в основном дверные занавесы, ленты для крепления войлоков экстерьера юрты, мелкие бытовые предметы орнаментальный строй был подчинен непосредственно форме изделия. Например, оформление дверного занавеса было продиктовано его формой – прямоугольник, вытянутый по вертикали. Кайма в данном изделии широкая, в ее декоре выделяли угловые орнаменты, в верхней и нижней части вытянутость формы подчеркивали дополнительно вводимым бордюром, одинакового с каймой размера. Композиция центрального поля создана симметрично расположенными ромбами, имеющими также внутреннее симметричное орнаментальное заполнение разными мотивами.

Устойчивой была и композиция прошитых войлоков *«кыйылган кийиз»*. Настенные войлоки прямоугольной формы имели окантовку – *«шет тигув»,* кайму – *«шет бети»*, бордюр – *«шет кыюв»* или передний узор – *«алды кыюв»*,

угловой орнамент – *«муьис оюв»* и центральное поле – *«орталык»* (в постилочных прошитых войлоках центральное поле отсутствовало).

Рассмотрев основные принципы построения орнаментальных композиций различных видов войлоков у ногайцев можно сделать вывод о том, что в их декоре использовали следующие законы композиции:

-композиция валяных и аппликативных войлоков построена по законам контраста и орнаментального контрапункта, когда построение орнаментальных мотивов возможно из ряда замкнутых элементов путем соединения их в целостный орнаментальный образ;

-композиция прошитых войлоков построена по закону простоты, когда максимальная убедительность и выразительность орнаментального образа достигнута минимальными средствами при максимальном определении подробностей.

В графической трактовке орнаментальных мотивов различных видов войлоков использованы все три возможных решения:

-в валяных и аппликативных войлоках преобладает графическое решение при помощи пятна, а также графическое решение при помощи пятна и линии;

-в прошитых войлоках, графическим средством является линия.

В конструктивных решениях орнаментальных композиций настенных войлочных ковров использованы такие элементы, как окантовка, кайма, бордюр, угол, центр.

В конструктивных решениях орнаментальных композиций постилочных войлочных ковров использованы такие элементы, как окантовка, кайма, бордюр.

Каждый конструктивный элемент состоял из определенных мотивов и их модификаций [Таблица 42 Приложения 2], [Рисунок 204 Приложения 3]. Окантовка, состояла из окантовочных орнаментов – *«шет тигув оювлар»*, таких как: тесьма – *«шалув»*, черно-белая тесьма – *«акпан кара шалув»*, змеиное

брюшко – *«йылан бавур»*, зуб теленка – *«бузав тис»*. Окантовочные орнаменты использовали для придания формы и уплотнения краев войлоков.

Кайма состояла из каймовых орнаментов – *«шалув оювлар»,* они наносились по краям ковра в один или несколько рядов. В аппликационных войлочных коврах в орнаментальной композиции каймовых орнаментов преобладал геометрический узор, состоявший из комбинаций треугольников, линий, прямоугольников, зигзагов, ломаных линий, кружков. Каймовые орнаменты в прошитых войлоках были сложнее, они подразделялись на:

-*геометрические:* след от арбы – *«арба йол»*, зигзаг – *«ийрек»,* цепляющийся орнамент – *«илиеп оюв»*, треугольники – *«уьш муьйислик»*, волна – *«сув»*, три вершины – *«уьш куьл»*;

-*зооморфные:* бараньи рога – *«кошкар муьйиз»*, соединенные рога – *«кос муьйиз»*, муравьиный орнамент – *«кумырска оюв»*, куриные коготки – *«тавык тырнак»*, ласточки – *«карлыгаш»*, верблюжья шея – *«туье мойын»*, верблюжий горб – *«туье оьркеш»*, верблюжий глаз – *«туье коьз»*, куриные коготки – *«тавык тырнак»*, гусиная шея – *«каз мойын»*, гусиная лапка – *«каз аяк»*, след кошки – *«мысык ыз»*, след мышки – *«шышкан ыз»*, глаза лягушки –*«бака коьз»*;

-*растительные:* двулистник – *«эки япырак»*, трилистник – *«уьш япырак»,* цветочный орнамент – *«шаулжан оюв»*;

-*предметные:* пуговица – *«булша»*, крылатая пуговица – *«канатлы булша»*, рукоятка – *«балдак»*, изгородь – *«шетен»*, купольный орнамент – *«кильсе оюв»*.

Модификации орнаментальных мотивов различных видов читаются в бордюрных орнаментах – *«алды кыювлар»*. Наиболее часто встречающимися элементами являются растительные и зооморфные, нередко они комбинируются, превращаясь в весьма оригинальные мотивы. Для создания линейных орнаментов в войлочных коврах кийизах используется параллельный перенос, зеркальная симметрия с вертикальной осью и поворотная (центральная

симметрия).

Центральное поле состоит из центральных орнаментов – *«орталык оювлар»*, они также создаются путем комбинирования различных видов орнаментов.

На аппликативных войлоках центральное поле образовано из комбинаций ромбов, квадратов, прямоугольников, внутри которых были вписаны орнаментальные элементы. В прошитых войлоках центральный орнамент встречается в двух вариантах. В одних случаях, орнамент односторонний, с двухсторонней симметрией, направленной как бы с лицевой стороны к центру ковра. В других случаях центральные орнаментальные мотивы вписаны в квадрат или ромб с двухсторонней и четырехсторонней симметрией.

Совсем иной способ орнаментации был у пятнистого войлока, мотив узоров которого мастерицы импровизировали на месте, восстанавливая по памяти разные варианты. Если сравнивать узорные войлоки, то по орнаментике *«тамгалы кийизы»* наиболее бедны. Орнамент имел геометрический, линейный характер и состоял из комбинации ромбов, квадратов, треугольников, широких полос.

Угловые орнаменты – *«муьис оювлар»* – заполняли пространства, образованные пересечением каймовых и бордюрных орнаментов, а также располагались в углах под бордюрами. Мотивы угловых орнаментов создавались путем комбинирования различных видов орнаментов. Нередко в качестве углового орнамента выступал мотив древа жизни с пятиконечной звездой, во многих композициях в качестве мотива углового орнамента, являющегося продолжением бордюра или каймы с изображением цветков, встречаются изображения нераспустившихся бутонов этих же цветков. Все модифицированные мотивы располагались основанием от центра композиции, верхняя часть угловых орнаментов была направлена к внешнему краю ковра.

Принципы построения орнаментальных композиций различных видов войлоков у ногайцев, их размеры, названия, функциональное назначение были едиными, несмотря на территориальную дробность этнических групп. На данный факт указывают исследования, проведенные в местах компактного проживания ногайцев. В войлочном искусстве выработалась своя определенная система стиля, которая, вобрав в себя комплекс исторических и духовных ценностей культурных напластований отдельных родов, стала нормативной культурной моделью объединенного народа. При этом необходимо отметить, что корни и структурная база орнаментального искусства оставались неизменными, благодаря бережному отношению мастериц к наследию предков, с любовью сохранивших традиции изготовления и декоративного оформления войлочных ковров.

Орнаментальное оформление изделий из кожи

Ногайцы достигли высокого уровня мастерства в художественной обработке изделий из кожи, чему способствовало не только наличие сырьевой базы, но и кочевой образ жизни, требующий использования в быту легких, портативных вещей, необходимых при длительных переездах [Таблица 43 Приложения 2].

Архаичные и монументальные по форме, декоративные и строго отвечающие функциональному назначению изделия ногайских кожевников можно условно разделить на следующие группы:

-предметы домашнего обихода;

-принадлежности конской сбруи и убранства;

-атрибуты военного снаряжения;

-одежду и аксессуары.

В их изготовлении и обработке принимали участие, как мужчины, так и женщины. Трудоемкие выделки кож, изготовление конской сбруи и глубокое тиснение выполняли мужчины, а окрашивание, шитье бытовых предметов и

традиционной обуви, украшение их аппликацией и золотошвейными узорами – женщины.

Ногайские мастера-кожевники пользовались кожей, выделанной из шкур крупного рогатого скота, верблюда, сайгака, овец и коз. На своеобразную технологию обработки кожи обращали внимание историки и этнографы, изучавшие материальную культуру ногайцев. Как пишет Б. Кочекаев: «Шкуры крупного рогатого скота – быков, коров и лошадей в растянутом виде сушили на воздухе, раскладывая на траве шерстью вниз, или же вывешивая на возвышающемся предмете. В одних случаях конские и воловьи кожи при выделке не квасили, а, предварительно разрезанные на ремни во всю длину, кожи и шириною в ладонь, погружали на 2-3 суток в холодную воду. Затем с кож острым ножом удаляли шерсть и мездру. Для этой цели ремень клали на колено плашмя, правой рукой нажимали на нож, а левой тянули ремень. В зависимости от наклона лезвия ножа к плоскости ремня с него снимался более или менее тонкий слой. После этого ремни развешивались, сушились и не совсем высохшими, привязывались одним концом к чему-нибудь неподвижному, например, к арбе, затем мялись лещеткой. Ремень, крепко защепленный к лещетке, несколько закручивался и протягивался через нее по всей длине. Таким способом он разминался равномерно. По мере высыхания ремень снова смазывали бараньим жиром и усиленно продолжали мять. Если же он был очень широк, или предназначался для чувяк, то лещеткой мять было трудно. В таком случае кожа сворачивалась в трубку и выколачивалась деревянной колотушкой, или же ее толкли в обыкновенной деревянной ступе. Размятая таким способом кожа употреблялась для изготовления кожаных изделий. Очень часто сыромятная кожа разрезалась на «ремни разных сортов и величин» для продажи на рынках Кавказа. Существовал и другой, более усовершенствованный способ обработки кожи для обуви. При этом начальной стадией считалось квашение кожи таким же способом, что и при квашении

овчины. Затем кожу растягивали, скоблили ножом, очищая от волос и просушивали в тени. После этого кожу тщательно мяли упомянутой выше деревянной колотушкой до тех пор, пока она не становилась совершенно мягкой и годной для изготовления обуви, называемой «*таушарык*» (поршки из сыромятной кожи)» [301].

Особое место в кожевенном шитье имело изготовление из шкур мелкого рогатого скота, овечьих, телячьих и козьих, из которых ногайские мастерицы шили различного размера мешки, сумки, а также вьючные сумки, бурдюки, чепраки для перевозки разного вида провизии.

Кожаные изделия сшивались сухожильными нитками разной толщины, которые изготовляли из сухожилий крупных животных. Свежие сухожилия держали в *«айране»* – (кислое молоко) в течение нескольких дней, после чего сушили на солнце. Высушенные сухожилья обрабатывали путем битья по ним деревянной колотушкой. Затем расщепляли на тонкие нити из которых ногайки сучили ручным способом длинные, но очень прочные сухожильные нити *«тарамыс»*. В конце XIX в. сухожильные нитки были почти вытеснены фабричными нитками.

Самым трудным (сравнимым с изготовлением филигранной проволоки в ювелирном искусстве) является процесс получения кожаных нитей, использовавшихся для шитья и отделки изделий из кожи. Это трудоемкая работа требовала большого умения, досконального знания свойства материала. Сырая шкура животного разрезалась на длинные полосы шириной с ладонь и сушилась в сарае, под навесом в подвешенном виде два-три года. После этого, мех срезался скребком, а поверхность кожи обрабатывалась золой. Далее один конец полосы крепился к неподвижному предмету, и она протягивалась через специальное приспособление – кожемялку. Эту операцию, напоминающую

[301] Кочекаев, Б.Б. Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества / Б.Б. Кочекаев. – Черкесск, 1973. С. 104-105.

прокат или вальцовку металла, повторяли много раз, в результате чего кожа становилась мягкой и столь прочной, что ее практически невозможно было разорвать. Из нее и вырезались тонкие нити, нужной толщины применявшиеся не только для шитья кожаных изделий, но и для плетения различных мелких вещей (кисточки, ногайки и т.п.).

Ногайским мастерам были известны все виды художественного оформления кожаных изделий. Повсеместное распространение с давних времен имели приемы холодного и горячего тиснения, плетения, гравировки, аппликации по коже и мозаики. Узор на влажную кожу мог наноситься ударом молотка по подогретому (реже по холодному) штампику. Иногда он сочетался с рисунком, сделанным затем с помощью резца. В инструментарии мастера насчитывалось несколько десятков штампиков, содержавших различного рода розетки, растительные мотивы, изображения шестиконечных звезд, полумесяцев и т.д. Они пользовались также особыми циркулями для нанесения кружков и специальными инструментами, с помощью которых наносились двойные и тройные линии, окаймлявшие контур предметов. Орудия труда для них изготовляли местные кузнецы и ювелиры.

Особенно с большим вкусов, пониманием красоты окружающего мира, тщательно украшались различного вида сосуды для кисломолочных продуктов и кумыса *«торсык»* [Рисунок 205 Приложения 3], которые изготавливали из обрезков кожи, они были большими и маленькими, декорированными орнаментом. Интересен и прием их изготовления: выделанную шкуру для *«торсыка»* кипятят в краске, сделанной из корневищ деревьев, затем сушат. После этого выкраивают из шкуры несколько «*янторсыков»* (персональных торсыков), украшают их орнаментом и сшивают. Затем снова сушат, заполнив каждый *«торсык»* горячим песком. После просыхания песок высыпают и сушат изделие на ветру. Сложные тисненые узоры, состоящие из спиралевидных завитков, или выгравированные растительные мотивы, как бы

очерченные по контурам, сплошь покрывали поверхность округлых сосудов сложной формы, компонуясь в розетки на отдельных плоскостях сосудов.

При горячем тиснении узор наносился следующим образом: до необходимой температуры нагревался штамп, на него накладывали специально подготовленную влажную кожу, а сверху – тяжелый груз. При определенной выдержке влажная кожа вдавливалась в штамп, в результате чего получался нужный углубленный узор. Этот способ являлся несравненно более легким в отношении решения художественных задач, так как будущий узор вещи был заведомо определен штампами. В такой технике создавались, естественно, многократно повторяющиеся изделия или их детали. Узор, выполненный способом горячего тиснения, отличался четкостью, глубиной рельефа, нередко сложностью орнамента. Он обладал большой монументальностью и сохранялся долго, вплоть до самого износа вещи.

В технике гравировки выполнялись принадлежности военного снаряжения, налучники, колчаны, нательная оборонительная рубашка. Все они изготавливались из очень толстой кожи, и отличались богатой орнаментацией, мастерски размещенной на сложной по форме поверхности предмета, в частности колчанов, налучников.

В гравировке декоративность заключалась в колористическом решении двух цветов, их контрастности, скульптурности изображаемого, где орнамент четкий и крупный, контурные линии плавные и изящные. Здесь фон преобладает над орнаментом.

Ногайские мастера прекрасно владели и часто употребляли технический прием художественной обработки кожи – аппликация, состоявший в следующем: на подготовленную основу нашивался заранее вырезанный узор из цветной кожи. В данном случае почти все мастера пользовались заранее заготовленными трафаретами, где фон преобладал над орнаментом. Большое внимание мастера уделяли контрастному цветовому решению – на черный или

коричневый фон нашивался красный или желтый узор. Применялись и другие сочетания. Аппликацией украшались обычно обувь, кисеты, детали седла. Если в технике тиснения узор образовывался тонкими линиями контура рисунка, то прием аппликации делал орнамент более массивным, вещи приобретали монументальность и особое декоративное звучание. Крупный узор украшал традиционную мужскую и женскую обувь. В мотивах орнамента аппликации – древнейшие зооморфно-растительные мотивы, знакомые нам по резьбе по камню и золотой вышивке, но сохранившие в большей мере свою первозданность.

В украшениях способом аппликации нередко встречается изображение тамги. Место расположения накладного мотива всегда выбиралось безошибочно, благодаря чему он органично вписывался в порой сложную форму изделия. В отличие от орнамента, выполненного способом тиснения, аппликативные узоры были всегда строго симметричны.

Интересно, что бросающаяся в глаза цветовая контрастность техники аппликации, подчеркивает, как многовековую выверенность встречающихся здесь мотивов, так и чрезвычайную отработанность форм самих предметов. Это является подтверждением давней традиции использования кожаных изделий в ногайском быту. Об этом свидетельствуют археологические раскопки, письменные источники, произведения фольклора. О существовании в прошлом других, ныне забытых изделий из кожи свидетельствует ногайский эпос [Рисунок 206 Приложения 3].

В искусстве обработки кожи у ногайцев немаловажную роль играли узорные мозаичные сапожки и туфли, они создавалась из узорных разноцветных кусочков кожи, сшитых встык, в уникальной, не встречающейся в искусстве других народов технике ручного шва, тачающего и одновременно украшающего изделие, с использованием шелковых, а иногда золотых и серебряных нитей.

Узорные кожаные сапоги были частью ансамбля женского костюма. В старину их носили и мужчины – представители ногайской феодальной знати, однако позднее в мужском костюме стали преобладать сапоги без орнамента или с узорными фрагментами. Материалом для изготовления сапог и туфель служил мягкий сафьян прекрасной выделки, более жесткая юфть и изредка шагреневая кожа, которые окрашивались почти во все цвета.

Основным художественным акцентом украшений изделий из кожи является орнамент, его своеобразие в графическом исполнении в колорите цветового решения, отличает работы ногайских мастеров по коже от аналогичных изделий сопредельных народов.

При рассмотрении музейных и частных коллекций, можно выделить определенные орнаментальные мотивы, характерные для каждой группы изделий [Таблица 44 Приложения 2]:

-в предметах домашнего обихода преобладают *геометрические орнаменты* – в основном это линеарные мотивы, квадраты, разбитые диагональными линиями на два или четыре треугольника, ромбы, зигзаги, волнистые линии, меандры. Комбинации из вышеуказанных мотивов выстраиваются в полосную композицию и располагаются по краям изделий, выполняя при этом обереговую функцию.

На центральной части изделий наносятся *солярные знаки* и многолепестковые розетки.

В сумках для хранения продуктов орнаментальные композиции состоят из *зооморфных элементов* – различные модификации роговидных завитков, среди которых преобладает изображение бараньих рогов. Также на эти сумки наносится мотив спирали, символизирующий бесконечность, его можно трактовать как пожелание нескончаемости продуктов.

На сумки для хранения личных вещей наносится в основном *антропоморфный орнамент* – стилизованные изображения мужской и женской

фигуры, который, возможно, говорит о половой принадлежности данного вида изделий.

Вышеуказанные предметы домашнего обихода в основном, декорируют в технике аппликации, в связи с чем, орнамент более цельный и построен по принципу контраста;

-следующую группу составляют орнаментальные мотивы, используемые в декоре изделий из кожи, входящих в состав принадлежностей конского убранства. Как известно лошадь у ногайцев ценилась во все времена, считалось, что она является его крыльями. Ногайские мастера изготавливали великолепные седельные наборы, причем, в их создании участвовал, не один мастер, это была коллективная работа, где каждый выполнял определенную операцию. Одно из решающих звеньев этой цепи принадлежало кожевнику, декорирующему кожаные части убранства.

Ногайские седла можно разделить на праздничные, повседневные и детские. Данные различия нашли яркое отражение и в декоре седел каждого вида. Особо богато ногайские кожевники украшали праздничные седла, основным акцентом являлась родовая тамга (исполненная в виде серебряной накладки, в технике горячего тиснения или аппликации), которую располагали на центральной части передней луки.

По обеим сторонам к арчаку крепились «тибаньки» – четырехугольные или округленные куски кожи, защищавшие колена ездока от лошадиного пота и грязи. Их декорировали в технике тиснения, костяными или металлическими штампиками, по краю тибанька наносился орнаментальный оттиск. В основном встречаются композиции, состоящие из сердечек, звезд, полумесяца, кругов, ромбов, треугольников, лепестков, трилистников, тюльпанов, спиралей, зигзагов, волн. Данные мотивы располагаются и в центре тибанька, собираясь в замкнутые композиции. К отверстиям, находящимся на арчаке прикрепляются кожаные ремешки для подпруг. Ремни окрашивают при помощи природных

красителей в различные цвета и декорируют серебряными накладками.

Из кожи также изготавливали седельные подушки, стыки на которых ногайские мастерицы закрывали декоративными швами. Для праздничных седел и потники обшивались тонким сафьяном нитками из кожи козы;

-атрибуты военного снаряжения в более ранний период жизни ногайцев, насыщенный военными походами, изобиловали орнаментальными мотивами, в основном это были обереги, охраняющие воина и придающие ему силы. В технике гравировки и тиснения декорировались налучники, колчаны, нательная оборонительная рубашка. Ножны для холодного оружия также обтягивали кожей, поверх которой нашивали галуны и серебряные накладки, богато декорировали кобуры для огнестрельного оружия, вышивая на них великолепные золотошвейные узоры;

-орнаментальное оформление традиционного ногайского костюма и аксессуаров было подчинено общему стилю ногайских мастеров. Из кожи шили кисеты для хранения табака, женские кошелечки, сумочки, поясные ремни, головные уборы и обувь. Основными мотивами были *орнаменты-обереги*, в мужской одежде и аксессуарах преобладал *зооморфный орнамент*, а в женской *растительный*;

-как уже описывалось выше, большого мастерства ногайские сапожники достигли в изготовлении кожаной обуви, узорные кожаные сапоги были частью ансамбля женского и мужского костюма. В композиции голенища женских сапог узоры расположены по вертикальной оси и состоят из определенного круга орнаментальных мотивов (многолепестковых розеток, трех и пятилистников, «сердечек» и др.). Композиционный центр орнамента состоит из спиральных, листовидных и тюльпанообразных узоров, расположенных на переде сапога. Место стыка переда и голенища оформлено орнаментом в виде комплекса пальметт, связанных между собой единством композиционного построения. Для узоров характерны криволинейность, замкнутость формы,

массивность, четкая очерченность контуров рельефными швами из цветных крученых нитей, подчеркивающих фактурный и цветовой контраст узоров. В конце XIX в. искусство кожаной мозаики постепенно утрачивает свои художественные достоинства. На смену гармоничной расцветке, построенной на сочетании нюансов цвета, приходят контрастные дисгармоничные цветовые сочетания. Узоры орнамента становятся дробными, композиции упрощаются, исчезают старинные мотивы. Внешний вид традиционных сапог начинает отражать тенденции европейской моды – в декоре появляются эклектические композиции, в деталях – подошва, каблук и в особенностях кроя обуви – изменение голенища, появление конструктивных швов).

ГЛАВА V. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО НОГАЙЦЕВ

5.1. Развитие современного искусства ногайцев в контексте многонациональных республик Северного Кавказа

Искусство, как форма общественного сознания, представляет собой художественно-образное отражение жизни, оно призвано давать верную трактовку действительности и отвечать эстетическим запросам человека. В художественном образе, как правило, выражаются общие черты многих явлений и народов. Отображая мир, художник одновременно воплощает в произведениях свои мысли, чувства, стремления, эстетические идеалы, дает оценку явлениям жизни, объясняет их сущность и смысл, выражает свое понимание мира [302].

Искусство художников многонациональных республик Северного Кавказа, обладая ярко-выраженными особенностями традиций и менталитета, неподвластно границам, установленным политиками, оно объединено природными и геополитическими условиями, историей и религией.

Впечатляющие красотой и величественностью ландшафты этого края – горные ущелья, долины и степные просторы, поражая взор экзотикой и бесконечно служа источником вдохновения, словно созданы для творчества. В разные века Кавказу посвящали свои шедевры поэты и композиторы, много произведений создано и живущими здесь художниками. Скульпторы, живописцы, графики, мастера народного и декоративно-прикладного творчества этого региона, являясь истинными подвижниками отечественной культуры, делают все возможное для развития искусства в своих республиках.

Северный Кавказ – это и единственный в России округ, в котором соединились Суннитский Ислам и Русское Православие, воедино сплелись исторические принципы жизненного уклада и менталитета, от тысячелетних

[302] Беда, Г.В. Живопись / Г.В. Беда. – М. : Просвещение, 1986. С. 4.

иранских и семитских традиций до античных, а также особенностей, свойственных европейской и русской культуре.

Процесс исламизации, завершившийся закреплением у большинства народов мусульманской веры, как официальной религии и идеологии, привнес в республики Северного Кавказа арабо-мусульманскую культуру. Получили распространение и специфические формы искусства, присущие мусульманским странам Востока. Строгие запреты ортодоксального ислама на изображение живых существ, неукоснительные каноны и правила послужили интенсивному развитию орнамента, который характеризуется необычайностью и многообразием композиционных решений. Отсюда, столь впечатляющее народное декоративно-прикладное искусство края. Вместе с тем, православное население Северного Кавказа – осетины, русские, украинцы, белорусы, жители казацких станиц – привносят в общую картину художественной культуры округа свои ярко выраженные традиции. Эти особенности не возможно не почувствовать в творчестве художников как XX, так и XXI столетия. Поэтому, современное искусство Северного Кавказа представляет собой не только многообразную, но и очень сложную картину, заметно меняющуюся в последние десятилетия.

В силу особенностей, о которых говорилось выше, почти во всех республиках Северного Кавказа профессиональное искусство стало развиваться только после революции 1917 года. Причем, каждая из них прошла свой путь становления. В основном почва для этого была подготовлена в предвоенные и первые послевоенные годы. В Москве и Санкт-Петербурге учились первые национальные кадры, которых с нетерпением ожидали на родине. Впервые произведения живописи и скульптуры кавказцев экспонировались в 1931 году в Ростове-на Дону на Олимпиаде народов Северного Кавказа. В 1935 году на Первой Северо-Кавказской краевой художественной выставке в Кисловодске работы первых профессиональных национальных кадров были обширно

представлены в исторической экспозиции.

Во второй половине XX в., среди факторов, повлиявших на формирование светского изобразительного искусства в регионах округа, необходимо отметить многоуровневую выставочную программу «Советская Россия». С 1960 года Северный Кавказ входит в художественную зону «Советский Юг», которая в наши дни носит название «Юг России». Зональные выставки воспитали не одно поколение северокавказских мастеров живописи, скульптуры, графики и декоративно-прикладного искусства. Традиционно, они и сейчас пользуются огромным интересом у зрителей и авторитетом у профессионалов, имеют немалый общественный резонанс. Они закрепили светское искусство в национальных республиках и утвердили в нем европейскую (русскую) академическую традицию, а также открыли имена многих талантливых мастеров самых разных поколений.

Постперестроечные годы, повлекшие за собой целый ряд драматических событий на Северном Кавказе, в полной мере сказались и на жизни художников, живущих в этой живописной части страны. Распад Советского Союза, государственные реформы, возведение новых границ, междоусобие, военные конфликты – все это не могло не отразиться на развитии искусства. Творческая жизнь не прекращала развиваться в самые трудные периоды, позволяя взглянуть на художественную культуру ушедших десятилетий панорамно, оценив ее с позиций эстетики нового времени.

Национальные школы в том виде, в каком они сформировались в 1970-1980-е годы, сохранялись в искусстве Северного Кавказа на протяжении всех 1990-х годов. Художественная жизнь в это время продолжала концентрироваться вокруг тех же лидеров. Шестидесятники продолжали активно работать, «передавали» молодежную эстетику своего времени и невольно оказывали влияние на творческую атмосферу. В это десятилетие особенно обострилось тяготение художников к истокам национальных религий

и традиций своих народов. Определенную роль в этом сыграли идеи суверенитета, охватившие в тот период многие районы страны, в результате чего, и без того сильная, линия национального самосознания нашла свое отражение в изобразительном искусстве.

В 2000-е годы Кавказ затронул общий для всей России процесс, связанный со сменой поколений. В эти годы на авансцену художественной жизни вышли представители генерации, мировоззрение которых сформировалось в 1990-х. Такая расстановка творческих сил сказалась, прежде всего, в толерантном подходе к творческому процессу, к пониманию искусства и формированию выставок. В 2000-е годы, переживший драматические события Северо-Кавказский регион, направляет усилия на интеграцию в современное международное культурное пространство, начинает активно осваивать современную европейскую эстетику, стремясь вписаться в общемировой художественный рынок. Примечательно, что к новым тенденциям оказались более склонны выпускники местных высших и средних учебных заведений, а воспитанники ведущих академических институтов страны, где базовое образование играет особенно важную роль в системе подготовки художников, восприняли этот процесс с осуждением. Общая картина искусства в федеральном округе заметно изменилась и это было связано с переориентированностью ряда авторов на новые формы и новейшие течения в искусстве. Эти процессы в большей степени затронули искусство Ставрополья, в меньшей мере – Осетии, а в творчестве художников других регионов все сильнее проявляется национальное самосознание, дают о себе знать национальные и патриотические идеи, внося в искусство соответствующие качества.

Возрождение мусульманских традиций, активизировавшиеся контакты с исламским миром во многом определяют творческое мировоззрение не только молодежи, но и старшего поколения. В искусстве республик Северного Кавказа

стал редким портрет, даже в творчестве тех, кто в дореформенное время достиг в этом жанре больших успехов. Влияние исламского мировоззрения все больше диктует обращение к пейзажному жанру, реже – к исторической тематике. Появилось немало произведений, в которых тема родины звучит по-новому. Эти работы обнаружили глубину памяти духа народного, ведь речь идет о регионах, переживших в последние десятилетия острейшие политические кризисы, в том числе, вооруженные конфликты.

Отделения Союза художников России существуют в каждом регионе Северо-Кавказского федерального округа. Они выполняют огромную работу, прауктически взяв на себя заботу о развитии искусства. Художники создают уникальные экспозиции концептуального характера, проводят симпозиумы и пленэры, творческие и искусствоведческие конференции, круглые столы, ведут активную выставочную и издательско-просветительскую работу. Силами региональных отделений организовываются творческие обмены с другими городами и странами. Их руководители входят в составы Общественных палат, коллегий Министерств культуры, советов и комиссий по искусству, по присуждению премий и грантов. В тесном партнерстве с Российской Академией художеств и Северо-Кавказским филиалом Государственного музея искусства народов Востока они представляют многонациональную художественную палитру федерального округа не только на всероссийском, но и на международном уровне.

Ставрополье – обширный и благодатный край с богатейшими культурными традициями. В Северо-Кавказском федеральном округе он единственный имеет глубокие православные корни и крепкую русскую культурную традицию. Искусство Ставрополья всегда оказывало большое влияние на развитие и творчество соседних кавказских народов. В свою очередь, край, так или иначе затрагиваемый историческими процессами, происходившими на Северном Кавказе, тоже впитывал черты, свойственные

кавказской культуре. При всей многонациональности населения Ставропольский край дорожит своими исконными традициями. Художественное сообщество здесь – самое большое на Северном Кавказе. В крае действуют выставочные комплексы и залы, арт-галлереи, художественные салоны, театры, филармонии, музеи, открыты художественные школы и студии, работает Дом художника с выстовочным залом и мастерскими, имеется краевое художественное училище, краевой колледж искусств, государственный университет культуры и искусств, в Пятигорске – краевое училище дизайна. Творчкеская жизнь сосредоточена здесь вокруг Ставропольского краевого отделения Союза художников России, которое в 2018 году отметит своё 80-летие.

Заметное оживление художественной жизни в Ставрополье стало наблюдаться только в послевоенный период. Это, в значительной степени, связано с деятельностью эвакуированных на Кавказские Минеральные Воды московских и ленинградских художников, которые вели активную работу: занимались устройством художественных выставок для находившихся здесь на лечении солдат, открывали студии изобразительного искусства и т.д. Их творческая и организационная деятельность заложили в сознании общественности новый образ, понимание нового типа художника, осознающего свою роль в культуре края.

В 1960-е годы открылся краевой музей изобразительных искусств, первая в крае Детская художественная школа, Ставропольское художественное училище. В1970-1980 гг. в крае сложилась целая плеяда талантливых графиков. Увлечение печатными техниками, прежде всего офортом и шелкографией, было связано с бурной деятельностью домов творчества Союза художников РСФСР «Челюскинская». Ставрополь – это не только административный, промышленный и научно-образовательный центр, но и сердце культуры и искусства Северного Кавказа.

Самая многонациональная и одна из наиболее крупных республик на Северном Кавказе – Дагестан. Здесь всюду чувствуется отпечаток культур многочисленных народов, сосуществующих рядом веками, поэтому в дагестанском искусстве сложно проследить «чистоту» национального своеобразия и традиций. В живописи это сделать вообще невозможно. Дагестанское искусство скорее можно охарактеризовать как художественную культуру, вобравшую, или объединившую, творческий опыт всех живущих здесь народов. Принятие ислама оказало решающее влияние на все их дальнейшее развитие, в том числе и на все аспекты духовной культуры. Собственно, как и у других кавказских народов, до революции 1917 года ни одна из национальных групп Дагестана своей профессиональной живописи не имели. Говоря о современности, все эти особенности необходимо учитывать, в том числе и роль Е. Лансере, преподававшего рисование в Темир-Хан-Шуре и оказавшего большое влияние на первых профессиональных дагестанских художников, в частности на основоположников Союза художников.

Современная история искусства республики во многом связана с созданием в 1936 году комитета Союза художников Дагестана, первым председателем которого стал талантливый живописец, выпускник Тбилисской академии художеств М. Джемал. На основе этого комитета в 1960-м году были учреждены Дагестанское отделение Союза художников РСФСР, в это же десятилетие в Махачкале открылось художественное училище. Во многом эти события имеют историческое значение. Они говорят не просто об активизации творческой жизни в республике, а, прежде всего, о повороте культурной политики Дагестана в сторону светского, европейского развития. Наступила эпоха атеизма. Культура республики стала обретать светские черты. Созданный Союз художников объединил вокруг себя все творческие силы Дагестана: и профессиональных художников, волею судьбы заброшенных на Кавказ, и талантливых самородков, не сумевших получить специальное образование.

1960-1970 гг. можно назвать обновленческими десятилетиями: в художественную жизнь Дагестана стала включаться талантливая молодежь, получившая профессиональное образование в Махачкалинском училище имени А.М. Джемала и в крупных художественных вузах страны. Их бурная творческая и выставочная деятельность сильно повлияла на атмосферу в художественных кругах. В республике стала складываться принципиально новая культурная среда, ставшая благоприятной почвой для «вызревания» феномена, который мы называем изобразительным искусством Дагестана. Искусство этих художников, наряду с творчеством мастеров старшего поколения, переживших в эти годы явный творческий подъем, составляют основу современного изобразительного искусства республики. В эти годы в сердцах молодежи находили самый горячий отклик классические европейские и русские традиции. Активно развивались жанры тематической картины, портрета, натюрморта, монументальная живопись. Произведения дагестанцев становились все более интересными и самобытными по художественным образцам, колористическому решению и изобразительному языку.

В 1979 году в Махачкале состоялось событие, исключительное для всей дагестансукой культуры. Открылась 4-я зональная художественная выставка юга страны. Это событие стало своего рода вехой на пути дальнейшего развития дагестанского изобразительного искусства и сильно повлияло на понимание обществом современных культурных процессов. Впервые были так широко представлены современные живопись, скульптура, графика, декоративное искусство и народные художественные промыслы обширного края, включающего в наше время Южный и Северо-Кавказский федеральные округа, коренным образом менялась творческая жизнь художников, важнейшей частью которой являются именно выставки. Можно сказать, что в эти годы молодое светское искусство Дагестана переживало настоящий подъем. В этом плане велика роль первого дагестанского искусствоведа, директора

Дагестанского музея изобразительных искусств П.С. Гамзатовой, много сделавшей для развития культуры и искусства в республике.

Гордость и важная часть национальной культуры Дагестана – народное искусство, с богатейшими вековыми традициями. Это яркое явление на фоне многочисленных и разнообразнейших традиций других народов Северного Кавказа продолжает впечатлять. Среди существующих и в наши дни традиционных промыслов: ковроткачество, узорное вязание, выделка кожи и войлока, гончарное, бронзолитейное и медночеканное дело, оружейное и ювелирное производство, резьба по дереву, камню и многое другое. Многообразие форм, богатсво орнаментальных композиций, ярко выраженная национальная стилистика, изящество и красота линий, богатство красок, мастерство художественного исполнения – все это и сейчас поражает неискушенное воображение.

Наиболее распространенный и древнейший вид народного искусства Дагестана – ковроткачество. Широко распространены ворсовые, безворсовые, войлочные ковры, шерстяные узорчатые и полосатые паласы, гладкие односторонние ковры *«сумахи»*, ковры культового назначения – молитвенные коврики *«намазлыки»*. Ковровое искусство дагестанских народов многообразно и богато. Язык этого искусства – мир символов, посредством которых отображен окружающий мир, природа, чувства и настроение мастерицы.

Наряду с ковроткачеством, славу Дагестану снискали мастера художественной обработки металла. Их творчество является гордостью страны и восхищает зарубежный мир. Богато отделанное серебром с чернью, глубокой гравировкой, позолотой, резной слоновой костью, золотой насечкой, эмалью с различными видами растительного орнамента, оружие и сейчас имеет большой спрос не только в Дагестане, но и на Кавказе, в России и зарубежом.

Дагестанцы – непревзойденные ювелиры, постоянные участники престижных международных выставок. Легенды об их мастерстве, живут в

поколениях. Традиционные женские украшения (свадебные пояса, серьги, височные кольца и т.д.), отличаются высокой художественностью, разнообразием форм и моделей. Востребованы пояса и газыри для мужского костюма, которые украшаются не только чернью и глубокой гравировкой, но и позолотой, золотой и серебряной насечкой. Широкую славу получило творчество художников-златокузнецов. Широко известна и традиционная дагестанская керамика.

Народное искусство Дагестана многообразно по стилю, многонациональным традициям, видам. В каждом ауле женщины и мужчины владеют традиционными художественными ремеслами, выработаны свои приемы работы, художественный почерк. Немалую роль в этом играет этническая принадлежность мастера.

На протяжении многих веков Дагестан накапливал этот богатейший пласт художественной культуры, который в наши дни нуждается в поддержке. Проблема сохранения народных промыслов приобрела в настоящее время особую остроту.

Художники Дагестана делают очень много для развития изобразительного искусства в республике. Они – постоянные участники всех крупных выставок в стране и всех творческих акций на Северном Кавказе, создают живописные, графические, скульптурные произведения, сами организуют множество выставок, осуществляют большую работу во благо своего народа. Талантливая молодежь по-прежнему ценит профессионализм, мастерство, талант и чтит традиции предков. Здесь регулярно проводятся молодежные выставки, а начинающие авторы – частые гости в местном Союзе художников. В Махачкале достаточно много условий для их творческого развития. Здесь продожает работать Дагестанское художественное училище имени М.А. Джемала, в 2001 году открыт Дагестанский институт прикладного искусства и дизайна, ярко проявляет себя в культурной жизни Дагестанский

музей изобразительных искусств им. П.С. Гамзатовой.

Истоком изобразительного искусства Кабардино-Балкарии является творчество русского художника М.А. Алехина, сосланного на Кавказ в слободу Нальчик по политическим мотивам. Почти сорок лет он был единственным профессиональным художником республики. В 1930-х годах в Кабардино-Балкарию приезжают и другие художники. В 1939 году, образовавшийся коллектив стал основой созданного в 1939 году Союза советских художников Кабардино-Балкарии. Эти художники сплотили вокруг себя все творческие силы Нальчика, проводили занятия в студиях, диспуты и выставки. В послевоенные годы в Кабардино-Балкарии стали работать выпускники художественных училищ страны, прославившие, в последствии, изобразительное искусство республики.

В 1957 году в стране отмечали 400-летие присоединения Кабарды к России и в Москве прошла первая Декада кабардино-балкарской литературы и искусства, активизировавшие творческую деятельность художников. Появляются новые, неожиданные по решению тематические полотна, посвященные современности, возникают пейзажи, в которых перед зрителем открывается не дикая природа гор, а строящаяся столица республики.

Целая эпоха в искусстве Кабардино-Балкарии – это творчество Виктора Абаева. Он пристально изучал кабардинское народное искусство, экспрессивные ритмы которого нашли отражение в его живописи. Его произведения подчеркивают, что искусство республики сформировалось не только на основе европейской (русской) академической школы, но и вобрало в себя богатейшие пласты народного творчества, вековые традиции предков, выработавших глубоко национальный язык символов и красок.В искусстве Кабардино-Балкарии получила благоприятное развитие печатная графика, требующая не только особых условий для создания произведений, но и особого понимания красоты линий и черно-белого пятна.

Сегодня, профессиональное искусство Кабардино-Балкарии развивается в рамках регионального отделения Союза художников России, среди членов которого немало молодежи, чувствующей современность и стремящейся к сохранению профессионального потенциала, заложенного старшим поколением.

Войны, возникновение и разрушение границ, вынужденная миграция в горы и вновь на равнинные земли приобщение к новым религиям, к иной материальной и духовной культуре – весь этот многовековой опыт укреплял национальные традиции осетинского народа. До настоящего времени здесь, наряду с православием и исламом, существуют и традиционные осетинские верования.

Народное искусство осетин невозможно перепутать с творениями других кавказских народов. Европейская художественная школа укрепилась в Осетии гораздо раньше, чем в других республиках. Сложившиеся здесь многовековые традиции, основы народного искусства и художественных промыслов, особый горский менталитет сыграли в формировании стилистики изобразительного искусства базовую роль.

Во Владикавказе в начале XX столетия была открыта первая художественная студия, которая способствовала отправке в Ленинград на учебу в Академию первой группы молодых осетин. Это, наряду с созданием во Владикавказе художественной галереи, способствовало формированию принципиально иной культурной атмосферы. Благодаря этому уже в 1930 году стало возможным проведение первой областной выставки, а на Олимпиаде искусств горских народов Северной Кавказа в Ростове-на-Дону осетинские художники получили несколько первых премий.

В искусстве Осетии всегда находилось место акварели, печатной графике, офорту, монументальной храмовой живописи, скульптуре. Активная выставочная деятельность осетин не только в своей республике, но и за её

пределами, дали основание искусствоведам заговорить о творчестве осетин, как о глубоком явлении. И в наши дни эти авторы по-прежнему во многом олицетворяют художественную жизнь Владикавказа и всей республики.

Пути становления искусства Карачаево-Черкессии имеют схожие черты с процессами, происходящими в других республиках Северного Кавказа. Вместе с тем, здесь на формировании художественных традиций, на облике народного искусства, а также, в свою очередь, на светском искусстве XX–XXI столетий сказалось географическое положение этого края. Карачаево-Черкесия расположилась на живописных предгорьях северо-западного Кавказа. Большая часть территории ее занята горами: здесь расположены крупнейшие хребты Большого Кавказа, а на границе с Кабардино-Балкрией возвышается красавец Эльбрус. К побережью Черного моря ведут живописнейшие Марухский и Кухорский перевалы. Высокогорные озера ледникового происхождения, горные водопады, леса, реки, минеральные источники… Здесь находятся древние историко-архитектурные комплексы, городища и уникальные природные заповедники.

Теплый климат, короткая зима и продолжительное лето сформировали круг традиционных промыслов карачаевцев, черкесов, абазин и ногайцев. При всей схожести, которая присутствует в ремеслах жителей Кавказа, у вышеперечисленных народов постепенно выработались свои художественные предпочтения, особенности орнамента и колористических решений. Высокоразвитая народная культура дает о себе знать в изобразительном творчестве каждого автора, через национальное мировосприятие, через традиционность форм и народность сюжетов.

В наши дни в Карачаево-Черкесии работают талантливые авторы – в основном, это выпускники художественно-графического факультета Карачаево-Черкесского Государственного университета. В Карачаево-Черкессии предпринимаются шаги по развитию искусства, в Черкесске открыт и активно

работает Выставочный павильон, в котором ежемесячно сменяются экспозиции. В последнее время практикуются обменные межрегиональные выставки в партнерстве с Ростовом-на Дону, Краснодаром, Ставрополем и городами Кавказских Минеральных Вод. Художники сотрудничают с музеями, картинной галлереей, коллегами из соседних республик, организовывают пленэрные выезды.

В Черкесске регулярны не только выставки изобразительного искусства, но и экспозиции народных промыслов. Карачаево-Черкессия, как и другие республики Северного Кавказа, славится народным искусством, удивительным по красоте и мнообразию художественных решений. Традиционные национальные костюмы – подлинные произведения искусства. Ковроткачество, художественные войлоки, обработка металлов, ювелирное искусство украшения бытовых предметов, оружия, деталей воинского снаряжения, предметов женского туалета, керамика – всё это богатейшее наследие питает современное профессиональное искусство республики. В Карачаево-Черкессии действует региональное отделение Союза художников России. Для полумиллионного населения республики – это небольшой коллектив, но он отличается целеустремлённостью. Имеются здесь и условия для пополнения организации молодыми кадрами.

Давние традиции иобразительное искусство имело и у вайнахских племён Чечни, изображение человека у местных авторов было обычной практикой. Исламизация кардинально изменила развитие культуры на этой земле. Первые попытки соединить в Чечне мусульманскую культуру с традициями европейской академической школы были сделаны лишь в 1917 году.

В 1943 году был создан Союз художников Грозненской области. В послевоенные годы художественная жизнь края стала обретать как профессиональные, так и национальные черты. В городе было организовано

областное товарищество «Художник», объединившее вокруг себя практически все художественные силы.

Решающую роль в развитии чеченских художников играли зональные выставки и поездки в дома творчества. В 1960-1970-е годы нарастает возрождение национальной культуры и становление изобразительного искусства в Чечне.

1990-2000-е годы – тяжелые для чеченского народа десятилетия, время острых вооружённых конфликтов. В эти годы полностью была уничтожена инфраструктура творческого Союза художников, мастерские, салоны. В трудные годы возрождения Чечни из военной разрухи, художники всячески способствовали возрождению духовной и культурной жизни своей республики. Сегодня, восстановлено Чеченское региональное отделение Союза художников, выставочные залы, музеи.

Самая молодая республика в составе Российской федерации – Ингушетия. Ингуши имеют богатую духовную и материальную культуру, самобытное народное наследие, архитектурные и скульптурные традиции. Широко говорить о появлении творчества национальных ингушских живописцев можно только после 1960-х годов. В 70-е годы в коллектив художников влились выпускники Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е.Репина и Московского государственного художественного института им. В.И.Сурикова. В 1994-м году в Ингушетии было открыто региональное отделение Союза художников. В современной Ингушетии часто говорят о возрождении культуры республики. В 2003 году в городе Карабулак был открыт Государственный музей изобразительных искусств Республики Ингушетия, который сразу стал центром художественной жизни.

Тысячелетиями живут на Кавказе, вместе учатся и работают разные народы. Друг от друга воспринимаются ими черты жизненного уклада,

традиций, ментолитета. Но, при этом, особое значение для каждого имеет та заповедная часть земли, где он родился и вырос. Каждый определяет главные ценности жизни, через национальные обычаи, традиции, религию, которые он впитал с детства[303].

Современное искусство ногайцев, развивалось в контексте исусства многонациональных республик Северного Кавказа – Дагестана, Карачаево-Черкессии, Чечни и Ставропольского края. Профессиональные художники и народные мастера, несмотря на дисперсное проживание, выполняли свои произведения в едином стиле, сохраняя приверженность традиционной культуре ногайского народа.

5.2. Современное состояние декоративно-прикладного и народного искусства ногайцев

На основе эстетических вкусов и потребностей широкого круга населения возникло и сформировалось декоративно-прикладное искусство ногайцев, со своей богатой историей и традициями, которым свойственны определенная специфика и самобытный художественный стиль. Отличительная черта ногайского декоративно-прикладного искусства – это национальное своеобразие, которое прослеживается во всех его видах, будь это металл, дерево, камень, войлок, кожа или вышивка. В творчестве мастеров оно проявилось в той области, где удовлетворяло чисто бытовые потребности народа (изготовление конской сбруи, холодного оружия, посуды, ювелирных изделий) и где наиболее ярко и понятно выявились все присущие народному искусству черты [Таблица 45 Приложения 2].

Носителями традиционной устной культуры во все времена считались певцы – сказители *«йырау»*, исполнители дастанов, музыканты-инструменталисты *«домбраши»*. Музыковедом Б.Б. Кардановой

[303] Изобразительное искусство Российской Федерации. Северный Кавказ /Составитель: К.Б. Кузьминых // Художественный альбом. – Москва: Пранат, 2013. С.10-25.

[Биографическая справка Приложения 7] выявлено существование у ногайцев более 35 видов музыкальных инструментов, среди которых самым древним считается домбра. С давних времен, инструмент был наиболее любимым и распространенным во всех регионах проживния ногайцев, обязательным участником многочисленных семейных и общественных праздников и обрядов [304]. И сегодня, домбра считается визитной карточкой ногайского народа, но мало кто знает, что еще совсем недавно, ногайцы могли бы потерять ее навсегда. В 1981, заведующим отделом Ногайского района Республики Дагестан, З. Зинеевым [Биографическая справка Приложения 7], при работе над созданием фольклорного ансамбля «Айланай» выяснилось, что играющих на народном инструменте домбра – единицы, и те исполнители преклонного возраста. В поисках мастеров Зинеев стал ездить по ногайским аулам и нашел 75-летнюю бабушку Абубекерову [Рисунок 207 Приложения 3], которую уговорил сделать настоящую ногайскую домбру. Инструмент Зинеев отвез в г. Буйнакск, мастеру И. Багавдинову.

«Через три месяца привез домбру, сделанную Изамутдином Багавдиновым. Это было что-то удивительное. Как раз в это время приехала делегация из Каракалпакии. Райком партии домбру подарил каракалпакам. Она была для меня бесценной. Но, что поделаешь, в те годы об этом не спрашивали.

Единственное, что я мог сделать, это написал записку: «Берегите ее – это старинный ногайский музыкальный инструмент, без которого мой народ не выжил бы. Она может рыдать, она может радоваться, а как она говорит на родном языке; как она поет!» и, вложил запискув домбру. И попросил по приезду, чтобы домбру передали в Музей» [305].

Дело, начатое Зинеевым, не останавливалось ни на минуту. В районе

[304] Карданова, Б.Б. Общетюркские черты в ногайской домбре и исполняемой на ней музыке / Б.Б. Карданова, Л.А. Гагуа // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016.№6 (68): в 2-х ч. Ч.2. С.91-93.

[305] Зинеев, З.О. Из воспоминаний / ЗинеевЗ.З. – КЧР, г. Черкесск. Личный архив З.З. Зинеевой.

были созданы и продолжают работу «Государственный ногайский фольклорно-этногрфический ансамбль «Айланай», «Государственный Ногайский оркестр народных инструментов».

Солист оркестра, известный домбрист, «Акын» ногайского народа А. Романов [Биографическая справка Приложения 7], сегодня, не только исполняет песни и играет на домбре, но и является народным мастером по изготовлению щипковых инструментов [Рисунок 208 Приложения 3] . Основным материалом для изготовления домбры служит груша и бук, но мастер не стоит на месте, он постоянно экспериментирует, пробуя разные породы дерева – к примеру, заказал древесину из Южной Африки, отмечая, что домбра из дерева породы кемпас звучит почти как испанская гитара.

Красота старинной ногайской одежды всегда привлекала внимание исследователей и ученых. Одежда зависела от качества материала и характера вышитого декора. Традиционный ногайский костюм имел древние корни и, почти до начала XX века, сохранил свои национальные черты. В связи с изменением бытового уклада национальная одежда исчезла из обихода. На смену ей пришла одежда европейского типа. Единичные экземпляры старинной одежды стали музейным достоянием, в связи с чем, ногайские мастера по изготовлению одежды и профессиональные художники выбрали объектом своего творчества традиционную одежду в лучших ее образцах. Первым профессиональным ногайским художником, обратившим внимание на ногайский костюм, как феномен традиционной культуры, был Сраждин Батыров [Биографическая справка Приложения 7] – выпускник Дагестанского художественнго училища им. М.А. Джемала, член Союза художников России, Заслуженный деятель искусств Дагестана, участник республиканских, зональных, всероссийских выставок. Этнограф, музыкант, поэт, танцор – о таких, как он, говорят: «Рождается раз в тысячу лет». Ещё при жизни Сраждина, его творческий и человеческий образ снискал черты легендарности.

Он прожил свою жизнь яростно и неистово, как насыщенную яркими событиями и впечатлениями.

В 70-е годы прошлого столетия, вдохновленный общей для советского искусства тенденией к возрождению самобытных национальных культур, он активно начал изучать традиционный костюм ногайцев.

Отправной точкой в его творчестве стала встреча в 1971 году на Студенческом фестивале молодежи с единомышленником, молодым художником из Карачаево-Черкессии – Юрием Карасовым [Биографическая справка Приложения 7]. Эта встреча, в дальнейшем, сыграла знаменательную роль в творческом пути обоих. Летом 1972 года Сраждин и Юрий совершили первое путешествие по ногайским аулам, где собрали бесценный материал по орнаменту, костюмам, украшениям, фольклору, танцам ногайцев, беседовали со старожилами аулов. Впоследствии, творчески переработав собранный материал, талантливые художники, каждый, сквозь призму своего восприятия, создали неоценимые произведения, пропитанные духом степей, отражающие быт и культуру ногайского народа.

Помимо сведений, собранных в ногайских аулах, Батыров жадно изучал историческую и этногафическую литературу, фольклор, зарисовки и гравюры путешественников, музейные коллекции. Каждое изыскание он фиксировал на бумаге, зарисовывая мельчайшие детали, не жалея на это ни сил ни времени [Рисунок 209,210 Приложения 3]. В его работах господствует убеждение, что темное платье омрачает дух, а светлое – веселит глаз и сердце. Мажорная цветовая гамма обычно доминирует в праздничной одежде. Темно-красный со светло-розовым, темно-синий со светло-розовым, темно-синий с белым. Подбор цветов, автор выбирал исходя из функциональности ношения одежды. В двухцветной декоративно-насыщенной одежде (темный кафтан, светлое платье) С. Батыров вышивку использует довольно скромно. Исключением являлись парадные золотошвейные одеяния, в которых размеры и количество

орнаментальных мотивов и их размещение регламентировались положением человека при дворе. Немаловажное значение в костюмах автора имеет головной убор, который подобран с большим пониманием, формы шапок и платков при всем своеобразии их декоративного решения перекликаются с формами костюмов, что придает в целом ансамблю костюма торжественность и красоту.

Характеризуя творческую деятельность С. Батырова, искусствовед Т.П. Петенина, отметила: «Его эскизы – это всегда не просто «вариации на тему», а точная историческая реконструкция с возможно более полной информацией о ней. Он указывает время, эпоху, какому социальному слою принадлежит костюм, дает ногайское название того или иного предмета одежды, нередко вводя данную информацию в название работы, например: «Знатная ногайка XVIII века», «Ногайка в головном уборе «шылауш» XIX в.» и др. Очень ценным является указание региона расселения ногайцев, где этот костюм был распространен, например: караногайцы, астраханские, кубанские, терско-сулакские, бабаюртовские ногайцы и др. На большинстве эскизов он подробно указывает сорт ткани, ее цвет, тут же дает выкройку, размеры деталей, характер отделки. Нередко изображает фигуру в разных ракурсах – фронтально, в профиль, сзади, чтобы предоставить как можно более полную информацию о костюме» [306].

Свои эскизы С. Батыров реализовывал и на практике. По его эскизам были сшиты костюмы для ногайского ансамбля «Айланай», Государственного академического ансамбля «Лезгинка», «Песни и танца народов Дагестана», чечено-ингушского ансамбля «Вайнах», каракалпакского ансамбля «Айгулаш». Он не только создавал сценические костюмы, но и сам носил одежду и аксессуары, сшитые по своим эскизам [Рисунок 211-219 Приложения 3].

Талантливым художником было создано более 150 эскизов, большая

[306] Ногайцы: XXI век: История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему. Материалы Второй Международной научно-практической конференции. – Черкесск, 2016. С. 417.

часть котрых сегодня хранится в семье его сестры Вагидат и в музее ДШИ, названной в его честь. Эскизы собраны в издании «Сраждин Батыров. Эскизы костюмов» [307].

Яркое и неизгладимое впечатление произвел Сраждин Батыров и на диссертанта [Биографическая справка Приложения 7], которая, являясь дочерью Юрия Карасова, все свое свободное время проводила в мастерской отца. Она ждала Сраждина с нетерпением, когда он, в красивой рубашке, украшенной ногайским орнаментом, с войлочной сумкой через плечо, как яркий луч солнца приедет к ним, расскажет ей новое стихотворение, споет шутливую ногайскую детскую песенку. Больше всего запомнились его эскизы, особенно зарисовки традиционных орнаментов, ногайских костюмов. Батыров мог часами рассказывать о каждом костюме, окуная в забытое прошлое. С тех пор в ее душе поселились образы степных красавиц, которые она, впоследствии воплотила, по примеру Батырова, в своих творческих работах.

Вслед за непревзойденными кумирами, диссертант окунулась в мир культуры и искусства своего народа. На протяжении 20 лет изучает историю ногайского костюма, проводит полевые экспедиции в места компактного проживания ногайцев, работает в музеях, с частными коллекциями, проводит беседы со старожилами аулов, народными мастерами, деятелями культуры и искусства. На основе изученного материала создает эскизы и костюмные комплексы различных этнографических групп ногайцев, восстанавливает забытый крой, терминологию, изучает техники декора, ткани, ювелирные украшения и аксессуары.

Глубоко зная развитие костюма на разных исторических этапах, она создала коллекции костюмов «Сююмбике», «Половчанка», «Белое золото гор», реконструировала традиционные женские головные уборы ногайцев, которые

[307]Кудайбердиев, Я.Т. Сраждин Батыров. Эскизы костюмов / Я.Т. Кудайбердиев, Т.П. Петенина, М.К. Султанова, А.У. Акбердиева. – Махачкала: Типография Газетно-журнальный, 2015.

получили высокую оценку авторитетного жюри международных конкурсов «KazanArtWeek», «ArtGeoinAsia», «RussianArtWeek», «Русский силуэт», «Минги Тау», «Алтын кьол», «ФЕРОДИЗ».

По эскизам Каноковой изготовлены сценические костюмы для Союза ногайской молодежи, Ногайской общины, танцевальных ансамблей «Маьметекей», «Шаьбден», «Ушкын», акына ногайского народа А. Романова, эстрадных исполнителей Э. Беккишиева, М. Картакаевой, танцора Р. Байтищева и др. [Рисунок 220-224 Приложения 3].

Для сохранения и популяризации культуры ногайцев диссертантом, совместно с Высшим национальным Советом ФНКА ногайцев РФ и МОО «Союз ногайской молодежи» в ГРДНТ им. В.Д. Поленова был презентован проект «Ногай Эл» [Рисунок 225 Приложения 3].

Результатом многолетней научно-исследовательской работы стали статьи в ведущих рецензируемых журналах России и зарубежья, монографическое издание «Декоративно-прикладное искусство ногайцев. Одежда. Ювелирные украшения», в котором рассмотрен традиционный женский ногайский костюм, его декоративное убранство, проведена классификация ювелирных украшений. В издании представлен обширный иллюстративный материал – гравюры и фотоснимки начала XVIII – первой половины XX вв. Впервые представлены изделия из музейных собраний и частной коллекции автора.

Дух степного бытия, наполненный разнообразными цветовыми сочетаниями, фактурами, материалами и формами царит в сценических костюмах Асият Мусакаевой [Рисунок 226-229 Приложения 3], [Биографическая справка Приложения 7]. Ее палитра многозначна – это цвета огня, неба, травы, солнца, луны – нашедшие отражение в различных тканях и фактурах, они смотрятся гармонично и цельно. В ее изделиях отсутствует излишняя дробность, массивный декор подчеркивает масштабность и

долгополость одежды халатного типа. В свою очередь, жесткие и плоские ткани хорошо держат форму построенного одеяния, выявляя ее монолитность и монументальность, благодаря чему создается впечатление подавляющей величественности, весьма ценимое тщеславной ногайской знатью. В другой ее одежде белое платье завершается кафтанчиком – безрукавником вышитым и аппликативно прикрепленным по краям груди и обводкой по всему периметру золотым галуном. Завершением костюма являются аксессуары кисетного типа, где в одном из них автор поместил свой родовой знак – тамгу, подчеркивая этим принадлежность костюма. А. Мусакаевой удалось при значительном сходстве в одежде всех народов выделить характерные для ногайцев особенности в деталях кроя и характере декора. Интересна коллекция шапок мастерицы А. Мусакаевой – это высокие головные уборы, характерные для знатных ногаек в основе которых лежит тонко выделенный войлок разных расцветок. Использование разноцветных искусственных камней, стекол и меха придает шапкам нарядность и красоту. Благодаря их яркому колориту, в сочетании с одеждой украшенной золотой вышивкой и ювелирными изделиями они организованы в единый цельный ансамбль. Мастерице удалось создать новые конкретно – предметные орнаментальные мотивы выложенные бисером подсказанные жизнью и бытом.

Асият Мусакаева является одним из инициаторов создания народного театра мод национального ногайского костюма «Сююмбике» отдела культуры Ногайского района Карачаево-Черкесской республики. В 2008 году по инициативе женского движения «Сююмбике» Карачаево-Черкесской республики мастерицы по шитью ногайского костюма были приглашены на Международный конкурс высокой моды национального костюма «Этно-Эратто», который проходил в городе Москве. Модельеры Аминат Аксиева и Асият Мусакаева представили ногайцев из Карачаево-Черкесской республики и стали дипломантами фестиваля. Это знаменательное событие и послужило

поводом для создания Театра мод национального ногайского костюма «Сююмбике». Коллектив был создан при сельском Доме культуры аула Эркин-Юрт. Его возглавила директор сельского Дома культуры Мария Койлубаева, модельером костюмов стала Асият Мусакаева.

За короткий период своего образования коллектив заслужил признание не только в Карачаево-Черкесии, но и за её пределами. Мастерство и талант художественного руководителя и модельера коллектива были отмечены не только на региональных и всероссийских, но и на международных фестивалях в Турции, Румынии, Казахстане и Голландии. В 2012 году коллектив театра принял участие в международном форуме «День коренных народов мира», проводимом под эгидой Организации Объединенных Наций в Крыму в Евпатории. В настоящее время в коллекции театра более 30 костюмов – это коллекции в трех направлениях: исторический региональный костюм, свадебная коллекция, любимые наряды княгини Суюмбике.

Наиболее ярко самобытность проявлялась в народной вышивке, она свидетельствовала не только о национальном своеобразии, но и о таланте ногайских народных мастериц. Гордостью ногайского народа была золотошвейка из аула Эркин-Халк Ногайского района Карачаево-Черкесской республики, мать 12 детей Кошеней Найманова [Приложение 4]. Она вырезала великолепные орнаментальные элементы, которые затем обшивала то золотыми, то серебряными нитями [Рисунок 230 Приложения 3]. Ее супруг изготовил ей станок для плетения галунов *«ыргак тахта»*, на котором, при помощи многочисленных карточек она ловко плела галуны с самыми разнообразными узорами. О ее искусстве говорила вся округа, галуны и золотную вышивку приезжали покупать из разных сел. Свое мастерство и умение она передала младшей дочери Шайдат, которая всячески старалась повторять за матерью, и это ей тоже удавалось. В 10 лет она впервые изготовила самостоятельно небольшой галун и уже в 12 лет она с легкостью

повторяла изделия матери, также искусно вырезала орнаменты, обшивала их золотыми и серебряными нитями. Накладывая свои орнаменты на бархат или шелк, она удивляла окружающих – на этих материях они оживали. По сей день ее золотошвейные кисеты, очешники, веера и т.д. удивляют нас своей красотой. Ее работы находятся не только в Российских музеях, но и зарубежом. Она передает свое мастерство подрастающему поколению.

В ауле Адиль-Халк Ногайского района Карачаево-Черкесской республики живет семья Анапиевых, которые шьют одеяла по старинным традициям (из разных домотканых лоскутков ткани).

Ногайские женщины достигли высокого мастерства в изготовлении изделий из войлока. В каждом ногайском ауле были мастерицы по изготовлению войлочных ковров *«кийиз,* по аппликационной и стеганой вышивке. «В ногайской степи до сих пор помнят имена женщин по аппликационной вышивке – А. Менълакаевой (с. Огузер Кизлярского района), А.Шаудановой (1912г.) из Ново-Дмитриевки Тарумовского района, М. Джамаловой (1922г.), Б. Толубаевой (1930г.) из с. Кумли Ногайского района, С. Заргишиевой (1938г.) из Ново-Дмитриевки Тарумовского района, а также М.Кульчикову из с. Сары-Су Шелковского района Чеченской Республики.

В народе сохранились имена мастериц из с. Кунбатар Ногайского района Республики Дагестан: Ш. Межитовой (1912 г.), А. Межитовой (1912г.), М.Янполовой (1924г.), М. Межитовой (1924г.), А. Савкатовой (1924 г.), А. Сабутовой (1924г.), А.Япаковой (1926г.), Ю. Апчиковой (1927г.), А.Межитовой (1932г.), У. Кудайбердиевой, А.Кусегеновой, М.Караевой, А.Аджиниязовой, А.Айтманбетовой, К. Саитовой, З. Айтманбетовой» - отмечает в своем исследовании А. Акбердиева [308] [Приложение 4].

Своими прекрасными узорными войлочными коврами издавна славились мастерицы Ногайского района Республики Дагестан. Их изделия

[308] Ногайцы: XXI век: История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему. Материалы Первой Международной научно-практической конференции. – Черкесск, 2014. С. 350-351.

экспонировали на выставках, преподносили в дар почетным гостям, раскупались и раскупаются приезжими из других регионов Кавказа и России. Узорные ковры местных мастериц играли важную роль и в деле приобщения подрастающего поколения к художественно-эстетическим ценностям народа.

Ярким примером приемственности поколений может послужить творчество мастерицы по войлокам Ярлыкаповой Софьи [Приложение 4], вышивающей с детства великолепные войлоки. Ее изделия выполнены в лучших традициях ногайского войлочного искусства, она полностью выдерживает как технологические приемы, так и орнаментальный строй композиций, используя старинные трафареты, полученные ею от матери. От ее работ веет теплом и уютом, они красивы, эстетичны и неповторимы.

Искусство создания неповторимых войлочных полотен прославило на весь мир ногайских мастериц. Сегодня в селе Сары-Су Шелковского района Республики Чечня, в школе искусств им. С. Батырова в селе Терекли-Мектеб, в селах Кунбатар, Сангиши в Республике Дагестан и в Ногайском районе Карачаево-Черкесской республики обучают детей традиционной технологии изготовления и декорирования войлока [Рисунок 231 - 233 Приложения 3].

Особый интерес и обращение к истокам народного искусства представляют дипломные работы студентов-ногайцев Карачаево – Черкесского Государственного Колледжа Культуры и Искусств им. А.А. Даурова, созданного с целью возрождения и развития национальных видов искусств народов Северного Кавказа. «Кожаный сосуд для напитка торсык» З. Сеитовой, «Набор деревянной посуды» Т. Канглиева, ширма «Ногайский эпос» Ф. Карасовой, скульптурные изображения «Ногайские образы» К. Зарманбетова, предметы личного и домашнего обихода – выполнены в лучших традициях ногайского народного искусства. Можно сказать, что они немного наивны в своей чувственной достоверности, преисполнены радости бытия, живого и непосредственного ощущения жизни, ощущения прошлого.

Изучив современное состояние декоративно-прикладного и народного искусства ногайцев, можно прийти к выводу, что важнейшей проблемой в творчестве мастеров является создание значительных творческих произведений, несущих новое образное содержание, отражающее наше время на основе сохранения общих традиционных черт содержания искусства в целом.

5.3. Современное изобразительное искусство ногайцев.

Современное изобразительное искусство ногайцев представлено сегодня не одним поколением художников, получивших профессиональное образование в ведущих ВУЗах России. М.К. Даутов, К.Ш. Халимбеков, М.М. Манкаев, Ю.Б. Карасов, А. А. Махмудов, С.С. Батыров, У.А. Акбердиева, С.М. Утемисов, К.Т. Зарманбетов, М.Н. Отевалиева, Ф.А. Махмудова, З.А. Алиева, А.А. Аджибатыров, А.Б. Койлакаев – талантливые графики, живописцы, скульпторы, архитекторы, являющиеся членами Российских и Международных Творческих Союзов художников, архитекторов, дизайнеров, Заслуженными и Почетными работниками культуры, образования, обладатели медалей Российской Академии Художеств, участники многочисленных Российских и Зарубежных выставок.

Благодаря их творческой деятельности, сегодня, можно с уверенностью сказать, о формировании ногайской школы изобразительного искусства, с ее разносторонней стилевой направленностью. Но, при кажущейся разнообразной тематике произведений, отрадным фактом является доминанта этнического компонента. Ряд художников обращается к историческим сюжетам из жизни ногайцев, показывая традиционные обычаи предков, глубоко постигая историю, нравы, условия жизни, они создают глубокие по сути и национальные по форме произведения, интегрируя традиционное искусство в современное, каждый, сквозь призму личностного восприятия.

В настоящем разделе диссертационной работы выделены и рассмотрены

живопись и графика Ю.Б. Карасова, С.С.Батырова, Ф.А. Махмудовой, скульптура К.Т. Зарманбетова, которые, по мнению диссертанта, наиболее ярко отражают основные положения и концепцию исследуемых объектов.

Первым профессиональным ногайским художником и одним из основоположников изобразительного искусства Карачаево-Черкессии стал Карасов Юрий Баубекович. Свой творческий путь он начал во Дворце пионеров, в детской изостудии города Черкесска. Высшее образование получил в Карачаево-Черкесском государственном педагогическом институте им. У. Алиева, окончив в 1973 году художественно-графический факультет. Со студенческой скамьи, участвуя в молодежных художественных выставках, проводимых в республике и за ее пределами, он добился не малых успехов. В 1982 году он был принят в члены Союза художников СССР, а с 1982 года возглавлял Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского краевого союза художников РФ. С 1990 года, помимо творческой, он занимается и педагогической деятельностью, возглавляя Детскую художественную школу г. Черкесска, где он работает по сей день.

Юрий Баубекович многое сделал для развития базы Союза художников республики, по его инициативе были открыты выставочный зал и картинная галерея при республиканском музее, также он являлся инициатором создания и становления отделения декоративно-прикладного искусства при колледже искусств им А. А. Даурова. Следует учесть и тот общественный вклад, который вносит Юрий Баубекович в укрепление межнациональных отношений, являясь председателем общественного движения «Бирлик» и «Ногайской культурной автономии г. Черкесска». Он имеет Почетные Звания «Заслуженный художник КЧР» и «Заслуженный работник культуры КЧР». Его труд неоднократно отмечался грамотами, дипломами, благодарностями Академии художеств РФ, золотой медалью Творческого Союза художников и серебряной медалью Союза художников РФ.

Особое значение для Юрия Карасова имела та заповедная часть земли, где он родился и вырос – его родной аул Икон-Халк, там прошли его детские и юношеские годы, а незримые образы несущихся всадников, одиноко пасущихся лошадей, теплые руки бабушки Керуан, звуки домбры и ногайские танцы сформировали основной круг сюжетов его будущих произведений.

Из легенд, поведанных дедушкой Асхадом, он узнал, что где-то в степях есть невидимый вольный дух, который он непременно должен найти, прочувствовать и впитать, смешав с запахом полыни, теплом летнего солнца, южного ветра – и это, лишь малая часть истории его великого народа, в силу драматических событий разбросанного по огромным территориям страны.

Будучи ребенком, Юрий мог часами сидеть на берегу Зеленчука, внимательно наблюдая за лошадьми. Их фигурки «маленький скульптор» кропотливо лепил из глины – они казались ему совершенными созданиями природы. Оживая в детских руках, лошади, обретали монументальность и грацию, наполнялись внутренней энергией и мощью.

Заметив талант сына, отец отвел его во Дворец пионеров, в детскую изостудию города Черкесска, где под руководством опытных педагогов Александра Михайловича и Марии Алексеевны Гречкиных, он начал свой творческий путь.

В 1967 г. Юрий Баубекович поступил в Карачаево-Черкесский государственный педагогический институт им. У. Алиева. Будучи успешным и подающим большие надежды студентом художественно-графического факультета, он активно участвовал в областных и всероссийских выставках.

В 1971 году на Студенческом фестивале молодежи, Юрий Карасов знакомится, с таким же, как и он, энергичным и талантливым выпускником Дагестанского художественного училища им. Джемала Сраждином Батыровым. Эта встреча, во многом, предопределила дальнейший творческий путь молодых художников. В этот знаменательный день зажглись две Великие звезды

ногайского профессионального изобразительного искусства. Излучая заражающий свет, они бесстрашно взлетели, освещая и покоряя на своем пути неизведанные высоты.

Летом 1972г., увлеченные и одухотворенные идеей возрождения родной культуры и искусства, Юрий и Сраждин отправляются в путешествие по аулам, где собирают бесценный материал по орнаменту, костюмам, украшениям, фольклору, танцам ногайцев, зарисовывают каждую деталь, фиксируют каждую мелочь.

Рассматривая в музеях и архивах старинные гравюры и фотографии, Юрий Карасов не просто откладывает их в памяти, а буквально «документирует» каждую на листе бумаги, кодируя полученный информационный поток в графических знаках и символах.

Впоследствии, творчески переработав накопленный материал, искатели, каждый сквозь призму своего восприятия, создают великолепные произведения, пропитанные духом степей, отражающие быт и культуру ногайского народа.

Тот юношеский запал и по сей день не покидает Юрия Баубековича. Став художником высочайшей профессиональной культуры и уникального творческого диапазона, он скрупулезно изучает историю своего этноса, эпос, фольклор, прикладное искусство. По крупицам собирая материал для своих работ, он не боится, в поиске творческого «Я» окунуться в мир неизведанного прошлого.

Свои произведения Юрий Баубекович создает как в миниатюре, так и в монументальных формах. В его арсенале различные виды изобразительного и декоративно-прикладного искусства – станковая живопись и графика, книжная графика, офорт, мозаика, витраж, резьба по дереву. Он одинаково виртуозно владеет различными материалами. Масло, акрил, акварель, карандаш, пастель, уголь, сангвина, стекло, древесина – в руках маэстро превращаются в

произведения искусства.

Каждый сюжет его работ наполнен смыслом, наделен историей, изобилует знаками и символами, характеризующими этническую общность ногайского народа.

Ярким примером может послужить серия живописных и графических произведений «Ногай эл», для создания которой Юрий Баубекович прошел долгий путь.

Открывает серию одноименное произведение, в сюжете которого заключена идея объединения ногайцев различных этнографических групп.

Две монументальные женские фигуры, являясь символом продолжения рода, хранительницами домашнего очага, облачены в традиционные костюмы. Справа стоит женщина, на которой надет караногайский костюм – бешмет *«каптал»*, украшенный нагрудными застежками *«такта туьйме»*, подвесками *«тоьслик»*, широкой поясной пряжкой *«кусакъ»*. На голове меховая шапка *«боьрк»*. Слева – женщина в кубанском костюме – под верхним платьем *«шыба»* надет кафтанчик, на который в несколько рядов нашиты нагрудные пластинки *«черкес туьйме»*, талию опоясывает серебряный *«кемар»*, а голову венчает галунная шапка *«окъа боьрк»*.

Женщины изображены на фоне неба, охраняемого небесной волчицей *«коьк боьри»*, лунный свет, падая на звезды, которые имитируют родовые знаки «тамги», освещает лики красавиц и мягко ложится на купол юрты *«терме»,* являющейся не только традиционным типом жилища ногайцев, но и Великим символом кочевничества. Картина наполнена теплыми оттенками, вызывающими ассоциацию с палящим степным солнцем, теплым песком и мягким войлоком [Рисунок 233 Приложения 3].

«Незаметна в руках, но незаменима в бою» - издревле говорили тюркские народы о камче, отмечая ее важную роль в повседневной жизни и поединках.

Являясь символом власти, она передавалась по наследству, а плеть предводителя еще и означала ответственность перед народом.

Через тайное значение этого атрибута Юрий Баубекович передал мужественный образ ногайского Хана – восседая на коне, он крепко держит камчу над собой, устремляя в небеса. Конец плети сложен вдвое – что символизирует благую весть – весть о Великой победе некогда могущей Ногайской Орды! [Рисунок 234 Приложения 3].

Если в предыдущей работе мы видим могущество и власть ногайского Хана, то в произведении «Верблюд с поклажей…», мужской образ смягчается, обретает больше лиричности и свободы - ногаец, играющий на музыкальном инструменте *«домбыра»*, сидит на верблюде, навьюченном его незамысловатым скарбом (войлочными сумками *«дорба»* и кожаным сосудом *«торсык»*). Вдали виднеются наполненные уютом юрты, из их светодымовых отверстий *«шагарак»* валит дым, маня ароматом ногайского чая и вареной баранины всадников, мечтающих посидеть вокруг очага с деревянной пиалой в руках. Незамысловатый *«караван»* певца охраняет солнечный диск *«куьн коьзи»*, лучи которого не только греют тело, но и согревают душу, от чего его песня становится родней и теплей [Рисунок 235 Приложения 3]. Звуки домбры можно *«услышать»* и в двух последующих произведениях *«Йырав»* и *«Эй домбыра»* [Рисунок 236 Приложения 3].

Еще одному музыкальному инструменту *«кыл кобыз»* посвящена работа Карасова *«Акын»*. К сожалению, ногайский *«кыл кобыз»* не сохранился ни в музейных, ни в частных коллекциях. Впервые, Юрий Баубекович увидел его на иллюстрациях в книге С.Г. Гмелина «Путешествие по России» и «Ногайцы». Автор постарался передать яркую гамму обертонов *«кыл кобыза»* через цельность и монументальность фигуры *«акына»*, обволакивающей инструмент со всех сторон и, в то же время, позволяющий ему дышать, издавая свой гнусоватый, писклявый или бархатно-густой, сочный звук. Бережно перебирая

две струны, *«акын»* медленно скользит по ним смычком, окуная зрителя в музыкальный транс [Рисунок 237 Приложения 3].

Старинная карта, на которой было указано, что на территории от Запорожья до Аккермана жили ногайцы, вдохновила Юрия Баубековича на создание *«Акерманских девушек»*, которые славились как искусные рукодельницы. Много песен было посвящено их непревзойденному мастерству. Собирателем народного ногайского фольклора Айной Черкесовой, в ходе полевых изысканий была записана одна из шуточных песен «Аккерманнынъ аьрув кызы» (Аккерманская хорошая девушка), которая будто звучит среди уверенных пастельных штрихов картины [Рисунок 238 Приложения 3]. Значимость женщины в жизни ногайцев, отражают образы Юрия Карасова. Как один из главных выступает мать – в его материнство *«Аналык»*. Женщина бережно держит в руках своего ребенка, отдавая ему всю свою любовь, тепло и заботу [Рисунок 239 Приложения 3].

В противовес мягкому и интимному образу матери художник ставит рельефные фигуры борцов на поясах *«Куьрес»*. Две мощные формы сплелись в поединке и, вновь, монументальность, обобщенность, цельность!

Эта работа имеет глубокий философский смысл – это не просто борьба двух мужчин, это борьба двух противоположностей – добра и зла, молодости и старости [Рисунок 240 Приложения 3].

Проникая в одухотворенные образы художника, можно с уверенностью сказать, что, создавая свои бесценные произведения, Юрий Баубекович окунает зрителя в мир этнической культуры ногайского народа, он ненавязчиво приглашает в прошлое, понимая, что без него нет настоящего, а соответственно и будущего.

Первым профессиональным ногайским художником республики Дагестан был Сраждин Самадинович Батыров – за тот короткий срок, который был отмерен ему Всевышним, он успел сделать то, на что многим не хватило

бы и целой жизни.

Сраждин Батыров безумно любил свой народ, этой любовью он пропитывал каждое произведение. «Он прекрасно знал ногайскую традиционную культуру и стремился собрать и сохранить разбросанные во времени и пространстве осколки этого богатейшего наследия – пишет о нем искусствовед Т.П. Петенина – Все, что он делал – сбор фольклорных и этнографических материалов, музыкальных инструментов и предметов быта, реконструкция по крупицам старинных танцев, костюмов и украшений к ним, создание на их основе эскизов традиционной ногайской одежды, итогом чего явилось создание ансамбля «Айланай», – все это было о ногайцах и для ногайцев. А еще были поэзия и проза, живопись и графика – и это тоже было о родном народе и для него… На его картинах мы видим только ногайцев: мужчины и женщины, подростки и дети, старики и юные девушки, изображенные в типичном окружении: степь, ногайский аул, интерьер ногайского дома. Старуха, греющаяся на солнце возле глинобитного домика, на крыше которого сушится кукуруза («Осенью»), женщины, ведущие неторопливую беседу за пиалой ногайского чая («В гостях»), девушки в великолепных, подробно выписанных национальных костюмах, исполняющие в степи старинный танец («Ритуальный танец») – вот мир Батырова» [309].

Повседневную жизнь ногайцев, традиционные праздники и обряды, красоту родного края воспевал в каждом своем произведении Сраждин Батыров. Его работы, настолько родные и близкие каждому ногайцу, словно написаны на одном дыхании – виртуозно «вылепленые» экспрессивными мазками сюжеты полны внутренней энергетикой, наполнены дыханием своего времени, согреты солнечным теплом, обдуты степным ветром и пропитаны запахом полыни. Но за кажущейся простотой и легкостью таится колоссальный труд, ежедневно выполняемый многоранным художником – каждый предмет,

[309] Ногайцы: XXI век: История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему. Материалы Первой Международной научно-практической конференции. – Черкесск, 2014. С. 367-368.

элемент костюма, орнаментальный мотив – глубоко изучен и зарисован во время поездок по музеям и аулам, в которых проживали ногайцы [Рисунок 241-245 Приложения 3].

В многочисленных альбомах эскизов костюмов, набросках, зарисовках предметов быта, музейных коллекций, орнаментальных мотивов, иллюстрациях к книгам, костюмах и живописных произведениях Сраждин Батыров не просто собрал по крупицам утерянное наследие ногайского искусства, он подарил ему бесценное богатство, открыл неисчерпаемый источник вдохновения для современных этнографов, художников, музыкантов, реконструкторов. Заложив основы ногайского изобразительного искусства Дагестана, определил главные пути и направления его дальнейшего развития.

Учеником Сраждина Батырова, впитавшим в свое творчество импульсивную силу его начинаний, стал Кошали Тангатарович Зарманбетов – Заслуженный деятель искусств Республики Дагестан, Заслуженный художник КЧР, член Союза художников России, академик Академии художеств Казахстана, обладатель Золотой медали Творческого Союза Художников России – сегодня, он профессиональный ногайский скульптор.

Свой творческий путь Кошали Тангатарович начал под чутким руководством энергичного учителя. День за днем подчиняя себе камень – он и после окончания школы не оставил своего детского увлечения. Зарманбетов поступил на отделение скульптуры Ленинградского художественного училища имени Серова, где его дипломная работа «Янбике», посвященная героине ногайского героического дастана-сказания завоевала бронзовую медаль Академии художеств и была признана одной из лучших среди работ студентов художественных вузов СССР. Впоследствии, ногайский эпос станет неисчерпаемым источником вдохновения талантливого скульптора.

Один из известных циклов Зарманбетова «Из прошлого в настоящее»

основан на эпических сказаниях «Сорок богатырей».

Результат многолетних изысканий скульптора – образ легендарного правителя Ногайской Орды Эдиге. Через верховную мудрость и силу будущего основателя Ногайской Орды скульптор показывает и передает нам свою внутреннюю силу. От этого скульптурного ансамбля веет мощью и величием. «Его» Эдиге не восседает, а стоит на спине крылатой собаки-волка, прародительницы тюрков. Монументализм и филигранная техника (тончайший орнамент на крыльях собаки-волка), соединившись в одной работе, притягивают и надолго приковывают к ней взгляд, заставляя раз за разом возвращаться и видеть в ней что-то новое, непознанное. Видимо, в этом и заключается сила таланта – соединить, казалось бы, несоединимое и выразить через этот феномен свой взгляд на наше прошлое, настоящее, будущее.

Если бы Кошали Зарманбетов не сделал в своей жизни ничего, кроме «Эдиге», он уже вошел бы в мировую антологию скульптуры. Умело сочетая петербургскую школу с вековыми, генными традициями создателей балбалов, отталкиваясь от извечно ногайской темы, он проповедует мировой классицизм, вновь и вновь возвращаясь к истокам, стремится к горизонтам всемирного масштаба. Его работы глубоки, они дают возможность, размах для полета фантазии и мысли. Каждый в его работах видит свое и делает свой вывод.

«Зов верблюда» – резьба по камню, как бы перекликаясь с одноименной картиной Сраждина Батырова, говорит еще и о том, что и зов может быть разным. Если у Сраждина – верблюд одинокий, как бы на грани возможного, и зов у него последний, надрывный, предсмертный, то у Кошали Зарманбетова – верблюд, как символ мощи и основательности, выполнен в камне. Его зов – победоносный и мудрый, чувствуется, что это не глас вопиющего в пустыне, а призывный клич собратьям, идущим следом. Особая отличительная черта всех работ Зарманбетова – отсутствие безысходности, они полны внутренней живительной силы и оптимизма. Вольный дух предков, любовь к родной

земле, прекрасное знание истории и культуры своего народа сообщили его небольшим по размеру произведениям особый колорит и выразительность, ставя их в отдельный ряд в искусстве современной скульптуры [Рисунок 246-250 Приложения 3].

Для художника Зарманбетова характерно обращение к фольклорным сюжетам и в серии линогравюр, исполненных по мотивам ногайского эпоса. Полон оптимизма лист, изображающий скачущего война на любимом коне. Все подчинено радостному настроению, встрече героя с кумысом в руках молодых людей. На заднем плане, он удачно вписал вереницу арб с людьми. Фигуры людей и всадника очень выразительны по силуэту, полны экспрессии, присущей народному ногайскому искусству. На втором листе «Танец ногайских девушек» по точности этнографических деталей перекликающийся с первым, удивительно верно воссоздающем традиции народного быта. Зарманбетов со скрупулезной точностью и со всеми подробностями показывает одежду и движение в танце ногайских девушек.

Кошали Зарманбетов – прекрасный график, его черно-белые листы, в которых экспрессивные динамичные образы из ногайского эпоса, обрамленные великолепной вязью традиционных орнаментов – еще одна выразительная страница современного ногайского изобразительного искусства. Черный и белый у него не противостоят, а как бы дополняя друг друга, высекают искры. Круг, солнце, купол юрты – бесконечность мироздания и его победоносное возрождение. Сююмбике и Янбике, Эдиге и Сраждиин, кони, много коней, много копий, много крыльев и стягов, звон копыт и стальных клинков – все это живое, звенящее, настоящее. Задумчивое лицо ушедшего в себя Эдиге и властный жест казанской ханбийке, коленопреклоненный конь под богом солнца и искаженное от боли лицо обращающегося ко Всевышнему переданы настолько тонко, ненавязчиво, некричаще.

Сила художника еще и в том, что молодость Кошали, соединенная с вековой мудростью и опытом предков, дает ему живительную влагу, питающую искусство скульптора и графика.

Изобразительное искусство Астраханской области представлено живописными полотнами «Ногайского цикла» молодой художницы из Астрахани Фахрикамаль Махмудовой – выпускница Астраханского художественного училища имени П.А. Власова, Санкт-Петербургской Академии Художеств имени И.Е. Репина, член Союза Художников, Творческого Союза Художников – она выработала свой неповторимый «почерк», сохранив многокрасочность Астраханского края даже в Северной столице.

Особым направлением в творчестве Фахрикамаль Махмудовой является обращение к истории, связанное с попыткой художественного осмысления своих национальных корней – это самое близкое, родное и дорогое для автора. Ее привлекает эпос, с его сохраненным кристально-чистым сознанием, героическим отношением к жизни, обостренным чувством справедливости. Живописным воплощением образов национального фольклора стали ее работы «Коблан-батыр» и «Тулпар», выполненные в лучших традициях русского реализма. Эти работы во многом определили характер и пути развития современной ногайской классической живописи [Рисунок 251, 252 Приложения 3].

Когда смотришь на картины «Ногайский праздник», «Ногайский танец», «Скачки», «Сарай-Бату» невольно создается ощущение реального присутствия в том времени [Рисунок 253-255 Приложения 3]. Скрупулезная исследовательская работа с историческими источниками, педантичная точность в изображении деталей, стремление передать живое дыхание эпохи и исторический контекст события или явления – вот составляющие гигантской (скрытой от глаз зрителя) работы автора, позволяющие восхищаться

изяществом формы и содержания исторических полотен Фахрикамаль Махмудовой.

Картина «Ногайский танец» богата художественным языком. Многофигурность композиционного решения пронизана ощущением динамики, полета. Если мысленно наметить направления движения в танце в этой картине, его траекторию, то получится плавная линия, характерная для ногайского народного танца. Изумительная плавность и в то же время динамичность композиции внушают зрителю чувство музыкальной легкости и преподненности. На картине «Скачки», народные соревнования джигитов. Серые, голубые краски свежи и определили цветовой колорит всего произведения. Все всадники в движении и все лошади одинаково красивы и по исполнению все выразительны и удивительно индивидуальны. Это ценный всенародный праздник в жизни ногайцев. В ее творчестве колорит «Сарай-Бату», слившийся с энергией всадников и степного раздолья, скачущие лошади, гармония и грация девичьего танца – все олицетворяет традиционные символы свободы кочевника.

Изучение современного изобразительного искусства ногайцев не только помогло выявить первых профессиональных ногайских художников, использующих в своем творчестве богатое наследие своего народа, но и позволило с уверенностью сказать, что их произведения – это синтез творческого усвоения многовековых традиций народного творчества и опыта реалистического искусства нашей многонациональной страны. Это новое, яркое отражение былых черт жизни ногайского народа, позволяющее выдвинуть современное изобразительное искусство ногайцев на одно из ведущих мест не только на Северном Кавказе и Поволжье, но и в мировой художественной культуре.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В вышепроведенном исследовании, направленном на изучение вопросов эволюции художественно-образной целостности искусства ногайцев, с позиции искусствоведческой науки, рассмотрено традиционное искусство этноса, особенности его развития на различных этапах и факторы интеграции в современное искусство.

На основе обширной источниковедческой базы, изучены отдельные типы традиционной архитектуры ногайцев, костюмные комплексы, виды орнамента, декоративно-прикладное и изобразительное искусство ногайцев. Выявлены их содержательность и стилистика, связь с фольклором, обрядами, обычаями и религиозными представлениями этноса. Исследованы пути практического использования традиций искусства ногайцев в создании современных объектов.

Ограничение хронологическими и территориальными рамками, позволило провести глубокий анализ основных аспектов, обозначенных в вводной части настоящего исследования, целью которого являлось всестороннее изучение и выявление единой специфики традиционного искусства ногайцев, путей его развития и функционирования системных компонентов на современном этапе. Для достижения поставленной цели был последовательно решен ряд задач:

В **Главе 1. Основные предпосылки становления и развития традиционного искусства ногайцев**:

-рассмотрены вопросы истории возникновения и развития ногайцев во временном и пространственном разрезе;

-выделены основные «узловые точки» отсчета в формировании ряда устойчивых этнообразующих признаков. Определены границы и территории проживания ногайцев;

-выявлены закономерности сосуществования в хозяйственно-бытовом укладе ногайцев самых разнообразных аспектов, свидетельствующих об определенных этапах развития этноса. Установлено, что ногайские родо-племенные союзы в широких масштабах освоили три основных типа скотоводства кочевое, полукочевое и оседлое. Хозяйство было комплексным, при этом хозяйственная ориентация у разных групп ногайцев была не однородной, ибо они жили в разной географической среде. Немаловажное место в хозяйственной деятельности ногайцев занимали домашние промыслы и ремесла, сырьем для которых служила продукция животноводства;

-изучены различные знания по народной ветеринарии, зоотехнии, метеорологии, народному календарю, метрологии;

-обозначены особенности религиозных, мифологических представлений ногайцев, обрядовая практика, ритуалы, связанные с различными циклами жизни, которые оказали влияние на процесс создания единой среды в народном искусстве ногайцев;

-выделены особо значимымие в жизни ногайцев обряды детского и свадебного циклов, при рассмотрении которых, у всех этнографических групп, можно встретить большое количество изделий из войлока, ювелирных украшений, тканей, одежды, изготавливаемых и декорируемых в соответствии с культурными традициями и религиозным мировоззрением этноса.

В **Главе II. Традиционная архитектура ногайцев:**

-рассмотрены вопросы, содержащие описание процесса формирования и развития традиционных поселений и архитектурных построек различных этнографических групп ногайцев;

-выявлены художественно-конструктивные особенности и композиционная система оформления внешнего и внутреннего убранства юрты сборно-разборного типа *«терме»;*

-выявлены художественно-конструктивные особенности и

композиционная система оформления внешнего и внутреннего убранства юрты неразборного типа *«отав»;*

-юрты рассмотрены как изначальный пространственный тип народной архитектуры и декоративно-прикладного искусства этноса, Великий символ кочевничества, знак, который сразу же вызывает вполне определенный зримый образ жилища ногайцев. Юрта – это неиссякаемый источник визуальной информации, закодированной в конструкции, архаичных знаках и цветовых формулах;

В **Главе III. Комплексы традиционного костюма ногайцев:**

-выявлены историческая динамика становления ногайского костюма от истоков возникновения этноса к этнографическому времени и общая структура ногайского костюма, обозначены его место и роль в художественном пространстве культуры этноса;

-рассмотрены вопросы формирования традиционного мужского, женского и детского костюмных комплексов на основных исторических этапах, выстроена общая схема описания компонентов костюма: нательная одежда, верхняя одежда, ювелирные украшения, головные уборы, обувь;

-определена структурная база художественных элементов, связанных с традиционным мировоззрением ногайцев и символической функцией костюма, описаны художественно-эстетические особенности, композиция, конструкция и декор;

-в связи с дисперсным проживанием этнических групп ногайцев, в разделах проведена условная дифференциация костюмных комплексов на караногайский, кубанский, карагаш-ногайский, юртовский и крымский, выявлены их общие черты и локальные отличия, наиболее ярко проявившиеся в технологии исполнения декора убранства и аксессуаров;

-выявлено, что на протяжении столетий сложились самобытные черты, костюм и его элементы воспринимались как защитный пласт, оберегающий не

только тело, но и дух, придающий и усиливающий функции организма. Несмотря на многослойность и ансамбленность в костюмах ногайцев отсутствуют лишние детали, они монументальны, каждый элемент выполняет определенную функцию.

В **Главе IV. Традиционный ногайский орнамент:**

-ногайский орнамент рассмотрен как основа народного творчества, «помнящая» тот период прошлого, когда люди не отделяли себя от природы и космоса, воспринимая мир целостно;

-представлена картина развития традиционного орнамента на различных носителях из твердых и мягких материалов с последующим выявлением их культурно-генерационного единства. Традиционный ногайский орнамент рассмотрен как невербальный код, несущий в себе равную нагрузку, наряду с мифами и легендами этноса;

-выделено три историко-генетических пласта – докочевнический, раннекочевнический и позднекочевнический;

-обозначено, что ко времени этнической консолидации среди ногайцев довольно прочно утвердился ислам, оказавший огромное влияние на духовную и материальную культуру этноса. В период его интенсивного проникновения в декоре изделий прикладного искусства начинают преобладать мотивы растительного мира, орнамент обогащается каллиграфией, мусульманской символикой, его формы усложняются, взаимопроникая друг в друга, иногда даже теряя свою первооснову, приобретают большую декоративность;

-в мусульманский период свое развитие получила резьба по камню в виде намогильных памятников – *«сынтасов»*, декор которых состоял из узорной резьбы и каллиграфии, искусно исполненных резчиком в различных техниках. Ногайские *«сынтасы»*, имели общие черты, характерные для всех этнических групп, в исследовании памятники сведены к трем формам – антропоморфные, стеловидные, фигурные. Орнаментальное оформление *«сынтасов»*

исполнялось в соответствии с мусульманскими традициями, в исследовании оно разбито на следующие группы: геометрические, растительные, мусульманская символика, каллиграфический орнамент, фигуративные элементы родовые знаки-тамги;

-выявлено наличие устойчивых традиций в художественной обработке металла, определен своеобразный художественный стиль, созданный на протяжении многих лет. В изученных образцах выделены: геометрические, растительные, зооморфные, астральные орнаментальные мотивы, мусульманская символика, каллиграфия и родовые знаки-тамги;

-рассмотрено единство стиля в декоре изделий из дерева, бытовавших на протяжении многих веков в ногайских семьях. Преобладание геометрической резьбы ограничивает зону орнаментальных мотивов, которые сводятся в основном к прямым и волнистым линиям, треугольнику, ромбу, квадрату, спирали, геометризированным многолепестковым розеткам и солярным знакам. Отмечено, что основной декоративный акцент сделан на форму изделий – это касается ручек чаш и ковшей, несущей части половников, ложек, шумовок и т.д., где главными становятся зооморфные формы – стилизованные рога, фигурки птиц;

-определена система орнаментального стиля, выработанная в войлочном искусстве, корни и структурная база которой на протяжении веков оставались неизменными. Каждый вид войлока имел устойчивую традицию в построении орнаментальных композиций. При всем богатстве и разнообразии орнаментального искусства, нашедшего отражение в изделиях из войлока, выделены конкретные группы и подгруппы орнаментальных мотивов: геометрические, растительные, зооморфные, предметные, антропоморфные, орнаменты, названия которых связаны с религиозными верованиями и космогонией;

-изучены все виды художественного оформления изделий из кожи –

холодное и горячее тиснение, плетение, гравировка, аппликация по коже и мозаика, обозначено, что основным художественным акцентом является орнамент, его своеобразие в графическом исполнении в колорите цветового решения, отличает работы ногайских мастеров по коже от аналогичных изделий сопредельных народов.

В **Главе V. «Современное искусство ногайцев»:**

-рассмотрены этапы становления искусства многонациональных республик Северного Кавказа, в которых проживают ногайцы;

-установлены процессы становления и развития художественных промыслов, виды деятельности народных мастеров и художников декоративно-прикладного искусства, чье творчество основано на богатом культурном и материальном наследии ногайского народа;

-выявлено, что в рамках домашнего производства и ремесел у ногайцев продолжают жить некоторые виды изготовления узорных войлоков, кожи, металла, дерева и камня. В творчестве мастеров они проявляются в той области, которая удовлетворяла чисто бытовые потребности народа и где наиболее ярко и понятно выявились все присущие народному искусству черты;

-рассмотрено творчество первых профессиональных ногайских художников, чьи произведения пропитаны духом степей и отражают быт и культуру ногайского народа;

-первым ногайским профессиональным художником стал Юрий Баубекович Карасов – художник высочайшей профессиональной культуры и уникального творческого диапазона, исследователь, скрупулезно изучающий историю ногайского народа, эпос, фольклор, прикладное искусство, свои произведения онсоздает как в миниатюре, так и в монументальных формах. Каждый сюжет его картин наполнен смыслом, наделен историей, изобилует знаками, символами, характеризующими этническую общность ногайского народа. Ярким примером может послужить серия его пастелей «Ногай эл» –

выполненных в теплых оттенках, вызывающих ассоциацию с палящим степным солнцем, песком и мягким войлоком. Его образы монументальны, в то же время воздушны и мелодичны, в каждом самобытная формула, в которой зашифрован многовековой этнический код;

-первым профессиональным ногайским художником республики Дагестан был Сраждин Самадинович Батыров – его живописные полотна написаны на одном дыхании, мазки экспрессивны и уверены, четко выстроенные формы и сюжеты полны внутренней энергией. Излюбленная автором охристо-оливковая гамма придает его работам самобытный колорит, от которого веет степным духом, согревающим солнцем и запахом полыни. Сюжеты своих картин Сраждин Батыров насытил ненавязчивой этнографической составляющей, каждый предмет, элемент костюма, орнаментальный мотив, был глубоко изучен и зарисован автором во время его поездок по музеям и аулам, в которых проживали ногайцы. Сегодня, целые альбомы его эскизов и набросков, являются неоценимым богатством, которое он оставил после себя. Можно с уверенностью сказать, что Сраждин Батыров заложил основы ногайского изобразительного искусства Дагестана, определив главные пути и направления его дальнейшего развития;

-первый профессиональный ногайский скульптор – Кошали Тангатарович Зарманбетов. Ногайский эпос, как неисчерпаемый источник вдохновения, стал неизменным спутником скульптора. Один из известных циклов Зарманбетова «Из прошлого в настоящее» основан на эпических сказаниях «Сорок богатырей» и «Эдиге» и, если бы он не сделал в своей жизни ничего, кроме «Эдиге», он уже вошел бы в мировую антологию скульптуры. Умение сочетать петербургскую школу с вековыми, генными традициями дают возможностьдля полета фантазии и мысли. Каждый в его работах видит свое и делает свой вывод. Особая отличительная черта всех работ Зарманбетова – отсутствие безысходности, они полны внутренней

живительной силы и оптимизма;

-первый профессиональный ногайский художник Астраханской области – Фахрикамаль Абдурахмановна Махмудова. Особым направлением в ее творчестве является обращение к истории, связанное с попыткой художественного осмысления своих национальных корней – это самое близкое, родное и дорогое для автора. Ее привлекает эпос, с его сохраненным кристально-чистым сознанием, героическим отношением к жизни, обостренным чувством справедливости. Живописным воплощением образов национального фольклора стали ее работы «Коблан-батыр» и «Тулпар», выполненные в лучших традициях русского реализма. Эти работы во многом определили характер и пути развития современной ногайской классической живописи;

-отмечено, что возросшее мастерство и культура изобразительного искусства, появление в последние годы ряда значительных произведений, успешно отражающих новые черты жизни ногайского народа, правильное творческое усвоение многовековых традиций и опыта реалистического искусства нашей многонациональной страны – все это выдвигает современное изобразительное искусство ногайцев на одно из ведущих мест не только на Северном Кавказе, но и в мировой художественной культуре.

Решение поставленных задач позволило сделать ряд выводов:

1.Природно-климатические и культурно-исторические условия, сформировав определенный уклад жизни, мировоззрение, этические нормы и эстетические идеалы, обусловили становление и развитие художественно-образной системы искусства ногайцев.

2.В процессе структурной организации пространства сформированы основные художественные комплексы, находящиеся в неразрывной связи с окружающей действительностью и мировоззрением этноса (архитектурный, костюмный, орнаментальный).

3.Исследование художественных особенностей компонентов комплексов, привело к выявлению выразительных средств, технологических, образных решений их форм и стилевого единства в организационном соподчинении в структуре каждого комплекса.

4.Определение главных путей становления и развития основных видов и типов орнаментальных композиций в изделиях декоративно-прикладного искусства ногайцев позволило проследить основные механизмы и принципы трансформации устойчивых орнаментальных архетипов в художественной культуре ногайцев.

5.Изучение локальных отличий в компонентах художественных комплексов отдельных групп ногайцев и выделение общих черт, помогло выявить самобытный стиль, характерный для традиционного искусства этноса в целом.

6.Рассмотрение искусства ногайцев и проведение анализа его развития в аспекте проблемы «традиции и современность» привело к необходимости исследования характера творческих поисков профессиональных художников и народных мастеров. В композиционно-структурных особенностях их произведений выявлен «феномен этничности» и признаки традиционного мышления, что является важнейшими предпосылками для определения путей дальнейшего развития современного изобразительного и декоративно-прикладного искусства ногайцев.

Обобщая вышеизложенные выводы, можно отметить, что искусство ногайцев – это удивительно самобытное и яркое явление, которое прошло сложный и длительный путь развития. В традиционном виде оно было сформировано в рамках Ногайкой Орды в XIV-XVII вв. на обширных территориях Крыма, Кавказа и Нижнего Поволжья.

Будучи отражением различных культурных и исторических напластований, характеризуясь сегодня недостаточной изученностью,

традиционное искусство ногайцев в целом, требует пристального внимания со стороны научного сообщества. Настоящее исследование было во многом направлено на заполнение образовавшегося пробела, при этом оно не претендует на полное освещение вопросов, затронутых в нем – изучение истоков становления и развития искусства ногайцев продолжается.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1.Абрамзон, С.М. Предметы культа казахов, киргизов, каракалпаков/ С.М. Абрамзон // Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. – Л.: Наука, 1978.

2.Агаширинова, С.С. Типология головных уборов аварок Дагестана конца XIX-начала XX вв.: итоги полевых работ Института этнографии в 1970 г. / С.С. Агаширинова, Г.А. Сергеева – М.: 1971. С. 103-111.

3.Алейников, М.Н. Поверья ногайцев Мансуровского селения Баталпашинского отдела Кубанской области / М.Н. Алейников // СМОМПК. – Тифлис, 1893. – Вып. 17.

4.Алексеев, В.П. Происхождение народов Кавказа: краниологическое исследование / В.П. Алексеев. – М.: Наука, 1974.

5.Алексеева, Е.П. Ногайцы / Е.П. Алексеева, И.М. Аджиев // Народы Карачаево-Черкесии. – Ставрополь, 1957.

6.Алексеева, Е.П. Очерки по экономике и культуре народов Черкессии в XVI – XVII вв. / Е.П. Алексеева. – Черкесск, 1957.

7.Алексеева, Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии / Е.П. Алексеева. – М.: Наука, 1971.

8.Алибекова, М.И. Разработка методов анализа и классификации традиционного костюма народов Дагестана (в аспекте проектирования современной одежды): дис. канд. техн. наук: 17.00.06 / Алибекова Марият Исмаиловна. – М.: 2006. – 238 с.

9.Алиева, С.И. К истории изучения ногайцев XV-начала XX в. на Кубани (материалы для историографического обзора) / С.И. Алиева; под ред. и предисл. В.Б. Виноградова. – Армавир, 1997.

10.Алиева, С.И. Ногайцы Северо-Западного Кавказа в исторических процессах XVIII-начала XX вв.: автореф. дис… канд. ист. наук / С.И. Алиева – Краснодар,

2000.

11.Алиева, С.И. Ногайцы Северо-Западного Кавказа в экономических условиях Российской империи (60-80-е годы XIX-начала XX вв.) / С.И. Алиева // Вопросы северокавказской истории. – Армавир, 1999. – Вып. 4.

12.Ананьев, Г.Б. Караногайцы, их быт и образ жизни / Г.Б. Ананьев // Сборник сведений о Северном Кавказе. 1908. – Вып. 2.

13.Анчабадзе, Ю.Д. Этническая история Северного Кавказа XVI-XIX вв. / Ю.Д. Анчабадзе, Н.Г. Волкова // Народы Кавказа. Кн. 1. Материалы к серии «Народы и культуры». – М., 1993. – Вып. XXVII.

14.Арсланов, Л.Ш. Язык карагашей – ногайцев Астраханской области / Л.Ш. Арсланов. – Набережные Челны, 1992.

15.Арутюнов, С.А. Материальная культура / С.А. Арутюнов, Г.А. Сергеева, В.П. Кобычев // Народы Кавказа. Кн. 4. Материалы к серии «Народы и культуры» – М., 1995.

16.Архипов, А.П. Домашняя ногайская утварь / А.П. Архипов // Географические известия. – 1850. – Вып.1.

17.Архипов, А.П. Три отрывка из сочинения о ногайцах и туркменах / А.П. Архипов // Кавказ. – 1855.

18.Архипов, А.П. Этнографический очерк ногайцев и туркмен. Кавказский календарь на 1859год / А.П. Архипов. – Тифлис, 1858.

19.Асколи, Э. Описание Черного моря и Татарии, составленное доминиканцем Эмиддио Дортелли де Асколи, префектом Каффы, Татарии и пр. в 1634г. / Э. Асколи // ЗИООИД. – 1902. – Т. XXIV.

20.Асланова-Ханфенова, Л.А. Черкесский орнамент. Сакрально-культурные основы формирования / Л.А. Асланова-Ханфенова – Черкесск: Ин-т гумманитарных исследований. – 2013.

21.Аствацатурян, Э.Г. Оружие народов Кавказа / Аствацатурян Э.Г. – Нальчик: Хоббикнига Эль-Фа, 1995.

22.Бакушинский, А.В. Художественное творчество и воспитание / А.В. Бакушинский. – М.: Новая Москва. – 1925.

23.Бакушинский, А.В. Народное искусство СССР в художественных промыслах / А.В. Бакушинский. — М., 1940.

24.Барбаро и Контарини о России. К истории татаро-русских связей в XV в. / пер. Е.Ч. Скржинской. – Л., 1971.

25.Бартольд, В.В. Сочинения / В.В. Бартольд. – М., 1963. – Т. II. – Ч. I.

26.Басенов, Т.К. Орнамент Казахстана / Т.К. Басенов. – АН Каз. ССР, 1957.

27.Басилов, В.Н. Заключение / В.Н. Басилов // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. – М.: Наука, 1986.

28.Баскаков, Н.А. Ногайский язык и его диалекты / Н.А. Баскаков. – М.: Л., 1940.

29.Батчаев, В.М. К вопросу о генезисе зооморфных узоров в карачаево-балкарском орнаменте / В.М. Батчаев // АЭС КБНИИ, Нальчик,1974.

30.Беда, Г.В. Живопись / Г.В. Беда. – М.: Просвещение, 1986.

31.Белицер, В.Н. Методические указания к полевому сбору материалов по народной одежде. Академия наук СССР Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Краткие сообщения Вып. XVIII / В.Н. Белицер – М.: 1953. – 103 с.

32.Бентковский, И.В. Историко-статистическое обозрение инородцев-магометан, кочующих в Ставропольской губернии. Ногайцы. Ч. I / И.В. Бентковский. – Ставрополь, 1883.

33.Бентковский, И.В. Наши кочевники и их экономическое состояние / И.В. Бентковский. – Ставрополь, 1879.

34.Биджиев, Х.Х. Тюрки Северного Кавказа / Х.Х. Биджиев. – Черкесск, 1993.

35.Бисембаев, А.К. Мифы древних тюрков / А.К. Бисембаев. – Алматы, 2007.

36.Бларамберг, И. Кавказская рукопись / И. Бларамберг. – Ставрополь, 1992.

37.Богатырев, П.Г. Вопросы теории народного искусства / П.Г. Богатырев. —

М., 1971.

38.Бонч-Осмоловский, Г. Свадебные жилища турецких народностей / Г. Бонч-Осмоловский // Материалы по этнографии. – Л., 1926. Т. III. – Вып.1.

39.Боплан, Г.Л. Описание Украины от пределов Московии до границ Трансильвании / пер. Н.Г. Устрялова. – Спб., 1832.

40.Борисов, В. Кустарная промышленность на Всероссийской промыш-ленно-художественной выставке в Москве в 1882 г. Вып. IX. / В. Борисов // ТКИКПР, 1883.

41.Броневский, М. Описание Крыма (Tartarial Descriptio) Мартина Броневского / М. Броневский // ЗИООИД. – Одесса, 1867.

42.Бруин, К., де. Путешествие через Московию Корнелия де Бруина / пер. с фр. / [соч.] Корнилия де Бруина; пер. [и предисл.] П.П. Барсова, провер. по голландскому подлиннику О.М. Бодянским. – М., 1873.

43.Булатова, А. О некоторых семейных и общественных обрядах народов горного Дагестана в XIX – начале XX в., связанных с весенне-летним календарным циклом / А. Булатова // Семейный быт народов Дагестана. – Махачкала, 1984.

44.Булатова, А.Г. Праздничная одежда народов горного Дагестана (XIX – нач. XX в.) / А.Г. Булатова, под ред. М.О. Османова //Сб. ст. Материальная культура народов Дагестана в XIX – начале XX века. – Махачкала: Типография Дагестанского филиала АН СССР, 1988. – С. 95.

45. Булатова, А.Г. Одежда народов Дагестана: историко-этнографический атлас / А.Г. Булатова, С.Ш. Гаджиева, С.А. Сергеева. Пущино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2001.

46.Бутков, П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год / П.Г. Бутков. – СПб., 1869. – Ч. I.

47. Быстрова, Я.В. Символические функции костюма в культуре. Автореферат дисс. … канд. фил. наук.: 24.00.01 / Быстрова Яна Васильевна. – Великий

Новгород: 2003. – 18 с.

48.Вагнер, Г.К. Трудности истинные и мнимые / Г.К. Вагнер // ДИ СССР. — № 7, 1973.

49.Вагнер, Г.К. От символа к реальности / Г.К. Вагнер. – М., 1980.

50.Вагнер, Г.К. О единой теории народного искусства / Г.К. Вагнер // ДИ СССР. № 9,1973.

51.Валеев, Ф.Х. Древнее искусство Татарии / Ф.Х. Валеев, Г.Ф. Сулейманова. – Казань: Татарское книжное издательство, 1987.

52.Валиханов, Ч.Ч. Собр. Соч. – В5 т. / Ч.Ч. Валиханов. - Алма-Ата: Наука, 1985. Т.2.

53.Василенко, В.М. О содержании в русском крестьянском искусстве / В.М. Василенко // Русское искусство XVI-первой половины XIX в. М., 1971.

54.Василенко, В.М. Русское прикладное искусство / В.М. Василенко. М., 1977.

55.Василенко, В.М. Народное искусство. Избранные труды о народном творчестве X-XX вв. / В.М. Василенко. – М., 1974.

56.Вертепов, Г.А. Хозяйственное положение низовьев реки Терека / Г.А. Вертепов // Терский сборник. – Владикавказ: Изд. Тер. обл. статкомитета, 1903. – Вып. 6.

57.Веселовский, Н.И. Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время / Н.И. Веселовский. – Пг., 1922.

58.Викторин, В.М. Астраханские ногайцы / В.М. Викторин // Ногайцы сегодня: исследования по прикладной и неотложной этнологии и антрологии РАН / сост. К.П. Калиновская, Г.Е. Марков, В.М. Викторин. – М., 1993.

59.Викторин, В.М. К этнической истории карагашей / В.М. Викторин // Поволжский край. – Саратов, 1983. – Вып. 8.

60.Виноградов, В.Б. Дискуссионные проблемы ранней истории ногайцев // В кн.: Основные аспекты историко-географического развития Ногайской Орды / В.Б. Виноградов, Е. И. Нарожный. М.; Т. – Мектеб, 1991.

61.Волкова, Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX в. / Н.Г. Волкова. – М.: Наука, 1974.

Воронов, В.С. О крестьянском искусстве / В.С. Воронов. – М., 1972.

62.Гаджиева, С.Ш. Материальная культура ногайцев в XIX-начале XX в. / С.Ш. Гаджиева. – М.: Наука, 1976.

66.Гаджиева, С.Ш. Очерки истории семьи и брака у ногайцев в XIX-начале XX в. / С.Ш. Гаджиева. – М.: Наука, 1979.

63.Гаджиханова, Р.Г. Дагестанский костюм / Р.Г. Гаджиханова. – Махачкала: ИД Эпоха, 2010.

64.Гейслер К., Хемпель Ф. Живописное описание обычаев, нравов и развлечений русских, татар, монголов и других народов Российской Империи К. Гейслер, Ф. Хемпель. – Лейпциг, 1803.

65.Георги, И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, украшений, забав / И.Г. Георги. – СПб., 1799. – Ч.II.

66.Герберштейн, С. Записки о Московитских делах / С. Герберштейн. – СПб., 1908.

67.Гильденштедт, И.А. Географическое и историческое описание Грузии и Кавказа из путешествия г-на акад. И.А. Гильденштедта через Россию по Кавказским горам в 1770, 1771, 1772 и 1773 годах / И.А. Гильденштедт. – СПб., 1809.

68.Гимбатова, М.Б. Духовная культура ногайцев в XIX-начале XX вв. / М.Б. Гимбатова. – Махачкала, 2005.

69.Гимбатова М.Б. Культура поведения и этикет ногайцев в семейном и общественном быту (XIX начало XX века) / М.Б. Гимбатова. – Махачкала, 2007.

70.Гимбатова М.Б. Традиции гостеприимства и куначетсва у ногайцев (северокавказские и тюркские параллели) / М.Б. Гимбатова // Научная мысль

Кавказа. – 2007. № 1

71.Гимбатова, М.Б. Ногайцы. История, культура, традиции / М.Б. Гимбатова. – Махачкала, 2015.

72.Гмелин, С.Г. Путешествие по России / С.Г. Гмелин. – СПб., 1777. – Т.II.

73. Горина, Г.С. Моделирование костюма на основе народных традиций: учебное пособие / Г.С. Горина. – М.: Московский текстильный институт, 1978.

74.Греков, В.Д. Золотая Орда / В.Д. Греков, А.Ю. Якубовский. – 3-е изд. - М.; Л.; 1950.

75.Гумилев, Л.Н. Древние тюрки / Л.Н. Гумилев. – М.: Наука, 1967.

76.Гумилев, Л.Н. Древняя Русь и Великая степь / Л.Н. Гумилев. – М.: Мысль, 1993.

77.Гюльденштедт, И. Географическое оаписание Грузии и Кавказа. Путешествия через Россию и по Кавказским горам в 1770-1773 гг. / И. Гюльденштедт – СПб., 1809.

78. Дебиров, П.М. История орнамента Дагестана. Возникновение и развитие основных мотивов. / П.М. Дебиров. – М.: Наука, 2001.

79.Дебу, И. О кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске / И. Дебу. – Спб., 1829.

80.Джанибеков, А.-Х. Ш. Очерки по истории ногайцев / А.-Х.Ш. Джанибеков // Архив КЧИГИ. – 1935. – Ф.2. – Оп.1.

81.Дженкинсон, А. Путешествие в Среднюю Азию в 1558-1560 гг. / А. Дженкинсон // Английские путешественники в Московском государстве. – Л., 1937.

82.Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403 - 1406) / Руи Гонсалес де Клавихо / Пер. со староиспанского, предисл. и коммент. И.С. Мироковой; Отв. редакторы Г.Г. Бералзе, К.К. Куция. Институт востоковедения АН СССР. — Шаблон: Указание места в библиоссылке: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1990.

83.Доде, З.В. Средневековый костюм народов Северного Кавказа: очерки истории / З.В. Доде. – М.: Восточная литература, 2001.

84.Дубровин, Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе / Н.Ф. Дубровин. – Спб., 1971. – Т. I.

85.Жан де Люк. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин. 1625 г. / Жан де Люк // ЗИООИД. – 1879. – Т. XI.

86.Жирмунский, В.М. Тюркский героический эпос / В.М. Жирмунский. – Л.: Наука, 1974.

87.Жуковская, Н.Л. Пространство и время в мировоззрении монголов / Н.Л. Жуковская // Mongolica. – М., 1986.

88.Засодимский, П.Б. Татары-ногаи Ставропольской губернии / П.Б. Засодимский // Живописная Россия. – СПб., 1899. – Т. VII. – Ч.II.

89.Захарова, И.В. Двенадцатилетний цикл у народов Центральной Азии / И.В. Захарова // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. – Алма-Ата, 1960.

90.Зельницкая (Шларба), Р.Ш. Предметы материальной культуры ногайцев в коллекциях Российского этнографического музея // Ногайцы: XXI век: История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему. Материалы Второй Международной научно-практической конференции. – Черкесск, 12-13 октября 2016.

91.Идрисов, Э.Ш. Этнические традиции общественного и семейного бытаастраханских ногайцев / Э.Ш. Идрисов // Традиционная народная культура и этнические процессы в многонациональных регионах Юга России. – Астрахань, 2004.

92.История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. – М.: Наука, 1988.

93.Какаш и Тектандер. Путешествие в Персию через Московию 1602-1603 гг. // ЧОИДР – М., 1896. – Кн. 2.

94.Калантар, А. Крупный рогатый скот на Кавказе / А. Калантар // VIII съезд русских естествоиспытателей и врачей в Санкт-Петербурге от 28.12.1889 до 7.1.1890 г. – Спб., 1892. – Т. II.

95.Калмыков, И.Х. Ногайцы / И.Х. Калмыков, Р.Х. Керейтов, А.И-М. Сикалиев. – Черкесск, 1988.

96.Канокова, Ф.Ю. Декоративно-прикладное искусство ногайцев: диссертация… кандидата искусствоведения: 17.00.04 / Канокова Фатима Юрьевна; [Место защиты: Моск. гос. Худож.- пром. ун-т им. С.Г. Строганова] – Москва, 2012.

97.Канокова, Ф.Ю. Профессиональное искусство ногайских художников – воплощение внутренней духовной общности и традиционных особенностей культуры народа / Ф.Ю. Канокова // Культура. Духовность. Общество: сборник материалов VII Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. С.С. Чернова. – Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2013.

98.Канокова, Ф.Ю. Карасова С.Я. Ногайцы-национальная политика, традиционное искусство и этнокультурная идентичность / Ф.Ю. Канокова, С.Я. Карасова // Культура. Духовность. Общество: сборник материалов VII Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. С.С. Чернова. – Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2013.

99.Канокова, Ф.Ю. Семантика традиционных ногайских ювелирных украшений / Ф.Ю. Канокова // Культура. Духовность. Общество: сборник материалов XIX Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. С.С. Чернова. – Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2014.

100.Канокова, Ф.Ю. Орнаментальное оформление каменныхрезных надгробий у ногайцев / Ф.Ю. Канокова // Научно-аналитический журнал по вопросам искусствоведения «Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА» / Московская государственная художественно-промышленная академия имени С.Г. Строганова. – МГХПА, 2014. – №3.

101.Канокова, Ф.Ю. Комплекс женских ювелирных украшений у ногайцев / Ф.Ю. Канокова, З.С. Лакунов // Научно-аналитический журнал по вопросам искусствоведения «Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА» / Московская государственная художественно-промышленная академия имени С.Г. Строганова. – МГХПА, 2014. – №3.

102.Канокова, Ф.Ю. Традиционные виды вышивки и изготовления басонных изделий у ногайцев / Ф.Ю. Канокова // Научно-аналитический журнал по вопросам искусствоведения «Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА» / Московская государственная художественно-промышленная академия имени С.Г. Строганова. – МГХПА, 2014. – №4.

103.Канокова, Ф.Ю. Традиционная одежда ногайцев XIX-XX вв. (на примере костюмных комплексов этнических групп Астраханских ногайцев карагашей и юртовцев) / Ф.Ю. Канокова // Вопросы современной науки: коллект. науч. монография; [под ред. Н.Р. Красовской]. – М.: Изд. Интернаука, 2015. Т. 1.

104.Канокова, Ф.Ю. Интерпретация традиционных головных уборов ногайцев в навершиях каменных резных надгробий / Ф.Ю. Канокова // «Научная дискуссия: вопросы филологии, искусствоведения и культурологи»: сб. ст. по материалам XL-XLI междунар. заочной научно-практ. конф. – №9-10 (37). – М., Изд. «Интернаука», 2015.

105.Канокова, Ф.Ю. Адыгский женский костюм, как один из основополагающих элементов традиционной культуры народа / Ф.Ю. Канокова // Этнические и национальные коды в полиэтнических регионах России: материалы межрегиональной научно-практической конференции (г. Астрахань, 3 ноября 2015г.) / сост. и отв. ред.: К.С. Федина, О.С. Попова, А.В. Сызранов – Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2015.

106.Канокова, Ф.Ю. Традиционные особенности ювелирного искусства ногайцев / Ф.Ю. Канокова // Этнические и национальные коды

вполиэтнических регионах России: материалы межрегиональной научно-практической конференции (г. Астрахань, 3 ноября 2015г .) / сост. и отв. ред.: К.С. Федина, О.С. Попова, А.В. Сызранов – Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2015.

107.Канокова, Ф.Ю. Ювелирные украшения у адыгов и их роль в традиционном женском костюме / Ф.Ю. Канокова // Научная дискуссия: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по материалам XLII междунар. заочной науч.-практ. конф. – №11 (38). Часть I. - М., Изд. «Интернаука», 2015.

108.Канокова, Ф.Ю. Названия ногайских орнаментов, как один из факторов, указывающих на этнокультурную идентичность народа / Ф.Ю. Канокова, С.Я. Карасова // Язык и культура: сборник материалов XIX Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. С.С. Чернова. – Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2015.

109.Канокова, Ф.Ю. Нагрудные застежки в комплексе женских ювелирных украшений ногайцев / Ф.Ю. Канокова // Проблемы филологии, культурологии и искусствоведения в свете современных исследований: сборник материалов XV международной науч.-практ. конф., (г . Махачкала, 13 декабря 2015г .) - Махачкала: ООО «Апробация», 2015.

110.Канокова, Ф.Ю. Камень Солнца – сердолик в ювелирных украшениях ногайцев / Ф.Ю. Канокова // Культура. Духовность. Общество»: сб. материалов XXI Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. С.С. Чернова. – Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2015.

111.Канокова, Ф.Ю. Традиции изготовления узорных прошитых войлоков «кыйылган-кийизов» у ногайцев / Ф.Ю. Канокова // Культура. Духовность. Общество: сб. материалов XXII Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. С.С. Чернова. – Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2016.

112.Канокова, Ф.Ю. Образы половецкой и кыпчакской пластики в камнерезном

искусстве ногайцев / Ф.Ю. Канокова // Проблемы филологии, культурологии и искусствоведения в свете современных исследований: сборник материалов XVI международной науч.-практ. конф., (г. Махачкала, 14 февраля 2016г.) - Махачкала: ООО «Апробация», 2016.

113.Канокова, Ф.Ю. Художественная обработка кожи, как один из видов традиционных ремесел у ногайцев / Ф.Ю. Канокова // Новый взгляд. Международный научный вестник: сборник научных трудов. Выпуск – 10 / Под общ. ред. С.С. Чернова. – Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2015.

114.Канокова, Ф.Ю. Художественные особенности изготовления и орнаментального оформления изделий из дерева малых форм у ногайцев / Ф.Ю. Канокова // Актуальные вопросы современной науки: сборник научных трудов. Выпуск – 45 / Под общ.ред. С.С. Чернова. – Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2016.

115.Канокова, Ф.Ю. Свадебный занавес «шымылдык» у ногайцев – функциональное назначение, технологические особенности изготовления и орнаментального оформления / Ф.Ю. Канокова // Проблемы современной науки: сборник научных трудов. Выпуск – 21. Ставрополь: Издательство Логос, 2016.

116.Канокова, Ф.Ю. Войлочные ковры «кийизы» у ногайцев – традиционные особенности изготовления и орнаментального оформления / Ф.Ю. Канркова // Гуманитарные науки: коллект. науч. монография; [под ред. Н.Р. Красовской]. – М.: Изд. Интернаука, 2016. Т. 1.

117.Канокова, Ф.Ю. Традиционные особенности художественной обработки металла у ногайцев / Ф.Ю. Канокова // Вопросы современной науки: коллект. науч. монография; [под ред. Н.Р. Красовской] – М.: Изд. Интернаука, 2016. Т. 3.

118.Канокова, Ф.Ю. Ювелирное искусство ногайцев / Ф.Ю. Канокова // Наука и общество: от теории к практике: монография. Книга 2; [под ред.И.М. Ковчиной]. – Ставрополь.: Изд. Логос, 2016.

119.Канокова, Ф.Ю. Комплекс традиционного женского костюма кубанских ногайцев / Ф.Ю. Канокова // Гуманитарные проблемы современности: человек и общество: монография. Книга 27; Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2016.

120.Канокова, Ф.Ю. Каменные резные надгробия у ногайцев / Ф.Ю. Канокова // Проблемы современной науки: сборник научных трудов. Выпуск – 22. Ставрополь: Издательство Логос, 2016.

121.Канокова, Ф.Ю. Орнаментальное оформление войлочных ковров у ногайцев / Ф.Ю. Канокова // Проблемы современной науки: сборник научных трудов. Выпуск – 22. Ставрополь: Издательство Логос, 2016.

122.Канокова, Ф.Ю. Женские ювелирные украшения у адыгов – традиции и современность / Ф.Ю. Канокова // Проблемы современной науки: сборник научных трудов. Выпуск – 24. Ставрополь: Издательство Логос, 2016.

123.Kanokova, F.U., Petrosyan V.G., Braev R.F.«Yin-Yan» as dialectic of ornamente in jewelry art of North Caucas / F.U. Kanokova, V.G. Petrosyan, R.F. Braev // East European Scientific Journal / Warsaw, Poland, № 9 (13), 2016 part 3.

124.Канокова, Ф.Ю., Бербекова, Л.А. Художественное оформление изделий из кожи у адыгов / Ф.Ю. Канокова, Л.А. Бербекова // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания: сборник материалов XXXII Молодежной международной научно-практической конференции / Под общ. Ред. С.С. Чернова. – Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2016.

125.Канокова, Ф.Ю. Золотошвейное искусство у адыгов / Ф.Ю. Канокова, Е.Н. Умарова // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания: сборник материалов XXXII Молодежной международной научно-практической конференции / Под общ. Ред. С.С. Чернова. – Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2016.

126.Канокова, Ф.Ю. Художественные и технологические особенности изготовления декоративных резных чаш у ногайцев / Ф.Ю. Канокова // Символ науки: международный научный журнал. – Уфа: Издательство «Омега Сайнс»,

№2/2016.

127.Канокова, Ф.Ю. Черкесский кремневый пистолет / Ф.Ю. Канокова // Символ науки: международный научный журнал. – Уфа: Издательство «Омега Сайнс», №2/2016.

128.Канокова, Ф.Ю. Обрядовая одежда у караногайцев и ногайцев-карагашей / Ф.Ю. Канокова // Научная дискуссия: инновации в современном мире. сб. ст. по материалам XLVI междунар. заочной науч.-практ. конф. – № 2 (45). Часть II. – М., Изд. «Интернаука», 2016.

129.Канокова, Ф.Ю. Художественное оформление традиционного ногайского женского костюма / Ф.Ю. Канокова // Ногайцы: XXI век: История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему. Материалы Второй Международной научно-практической конференции. – Черкесск, 12-13 октября 2016.

130.Канокова, Ф.Ю. Традиционный мужской костюм ногайцев-карагашей XIX-XX вв. / Ф.Ю. Канокова // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА.- М.,МГХПА, №1-2016. Часть-2.

131.Канокова, Ф.Ю. Пояс как неотъемлемый компонент женских костюмных комплексов Северного Кавказа / Ф.Ю. Канокова, З.С. Унежева // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА.- М.,МГХПА, №2-2016. Часть-2.

132.Канокова, Ф.Ю. Декоративное убранство женских костюмов кубанских ногайцев конца XVIII – начала XX вв. / Ф.Ю. Канокова // Международный научно-исследовательский журнал «Успехи современной науки», №10, Том 5, 2016.

133.Канокова, Ф.Ю. Герменевтика мотивов различных видов орнамента в художественном войлоке ногайцев / Ф.Ю. Канокова // Международный научно-исследовательский журнал «Успехи современной науки», №10, Том 5, 2016.

134.Канокова, Ф.Ю. Военное снаряжение ногайцев / Ф.Ю. Канокова // Международный научно-исследовательский журнал «Успехи современной

науки», №11, Том 7, 2016.

135.Канокова, Ф.Ю. Традиционный мужской костюм юртовских ногайцев / Ф.Ю. Канокова // Международный научно-исследовательский журнал «Успехи современной науки», №11, Том 7, 2016.

136.Канокова, Ф.Ю. Украшения для рук в традиционном ювелирном искусстве ногайцев / Ф.Ю. Канокова // Международный научно-исследовательский журнал «Успехи современной науки и образования », Том 9, №12, 2016.

137.Канокова, Ф.Ю. Художественные особенности изделий из войлока в свадебной обрядности ногайцев / Ф.Ю. Канокова // Международный научно-исследовательский журнал «Успехи современной науки и образования »,Том 9, №12, 2016.

138.Канокова, Ф.Ю. Художественные особенности оформления экстерьера и интерьера ногайской юрты / Ф.Ю. Канокова // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 1-3 (55).

139.Канокова Ф.Ю. Гендерные признаки в пластическо-визуальных решениях каменных резных намогильных стел ногайцев / Ф.Ю. Канокова // Человек и культура. — 2017. – № 1.

140.Канокова Ф.Ю. Комплексы традиционного мужского и женского костюма ногайцев / Ф.Ю. Канокова // Человек и культура. — 2017. – № 1.

141.Канокова, Ф.Ю. Ногайская группа женских украшений в ювелирном искусстве Дагестана / Ф.Ю. Канокова // Международный научно-исследовательский журнал. 2018. № 1 (67).

142.Канокова, Ф.Ю. Декоративно-прикладное искусство ногайцев. Художественный войлок / Ф. Ю. Канокова – Ставрополь: Логос, 2017.

143.Канокова, Ф.Ю. Декоративно-прикладное искусство ногайцев. Одежда. Ювелирные украшения / Ф. Ю. Канокова – Нальчик: Принт Центр, 2018.

144.Канокова, Ф.Ю. Комплексы традиционных женских головных уборов ногайцев / Ф.Ю. Канокова // Культура и искусство. – 2018. – № 4.

145.Канокова, Ф.Ю. Трансформация кафтанчика и его рудиментов в традиционном женском костюмном комплексе кубанских ногайцев / Ф.Ю. Канокова // Культура и искусство. – 2018. – № 4.

146.Kanokova, F.U. Art Reconstruction of the Traditional Nogai Yurt, Portable Type «Otav»// F.U. Kanokova / Materials and Tehnologies in Construction and Architecture: aterials Science Forum / Switerland, Vol. 931, 2018

147.Канокова, Ф.Ю. Юрий Карасов – художник вольного народа / Ф.Ю. Канокова // Человек и культура. – 2018. - № 2.

148.Канокова, Ф.Ю. Современное искусство ногайцев. Юрий Карасов – «Художник вольного народа» / Ф.Ю. Канокова – Нальчик: Принт Центр, 2018.

149.Канокова, Ф.Ю. Прикосновение к вечности в творчестве Юрия Карасова / Ф.Ю. Канокова // Актуальные проблемы художественного образования и эстетического воспитания в контексте культуры и искусства. Материалы международной научно-практической конференции. – Карачаевск: КЧГУ, 2018.

150.Канокова, Ф.Ю. Современное искусство Карачаево-Черкесии / Ф.Ю. Канокова // Архитектура, дизайн и изобразительное искусство на Северном Кавказе в общекультурном пространстве России. Материалы международной научно-практической конференции. – Грозный: ГГНТУ, 2018.

151.Канцедикас, А.С. Народное искусство / А.С. Канцедикас. – М.: Знание, 1975.

152.Канцедикас, А.С. Искусство и ремесло / А.С. Канцедикас. – М.: Изобразительное искусство, 1977.

153. Карасова, С.Я. Трудовое воспитание в этнопедагогике ногайской семьи: диссертация… кандидата педагогических наук: 13.00.01 / Карасова Светлана Яхъяевна; [Место защиты: КЧГУ.] – Карачаевск, 2005.

154.Карпов, В. Производство оружия и изделия из серебра на Кавказе / В. Карпов // ТКИКПР. Вып. УП1. – 1882.

155.Капельгородский, Ф.И. Караногай / Ф.И. Капельгородский // ЗТОЛКС. –

Владикавказ. – 1914. – №10.

156.Капельгородский, Ф.И. Караногай, страна кочевников и патриархального быта: рукопись / Ф.И. Капельгородский // Архив Дагестанского научного центра НИИЯЛ. – Ф.5. – Оп.1.

157.Карамзин, Н.М. История государства Российского / Н.М. Карамзин. – 5-е изд. – СПб., 1842.

158.Керейтов, Р.Х. Нормы, условия и формы заключения брака у ногайцев в прошлом / Р.Х. Керейтов // Проблемы археологии и исторической этнографии Карачаево-Черкессии. – Черкесск, 1979.

159.Керейтов, Р.Х. Изменения в материальной культуре ногайцев / Р.Х. Керейтов / Современный быт и культура народов Карачаево-Черкессии. – Черкесск, 1984. – Вып.II.

160.Керейтов, Р.Х. Этническая история ногайцев (к проблеме этногенетических связей ногайцев) / Р.Х. Керейтов. – Ставрополь, 1999.

161.Керейтов, Р.Х. Ногайская Орда и вопросы ее этнического состава / Р.Х. Керейтов // ИГАРНО. – Махачкала, 1993.

162.Керейтов, Р.Х. Мифологические персонажи традиционных верований ногайцев / Р.Х. Керейтов // СЭ. – 1980. –№2.

163.Керейтов, Р.Х. Народный календарь и календарная обрядность ногайцев / Р.Х. Керейтов // Календарь и календарная обрядность народов Карачаево – Черкессии. – Черкесск, 1989.

164.Керейтов, Р.Х. Ногайцы. Особенности этнической истории и бытовой культуры: монография / Р.Х. Керейтов; науч. ред. Ю.Ю. Клычников; Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований. – Ставрополь: Сервисшкола, 2009.

165.Кидирниязов, Д.С. Ногайцы Северного Кавказа и их взаимоотношения с Россией в XVIII в. / Д.С. Кидирниязов. – Махачкала, 2000.

166.Кидирниязов, Д.С. Очерки истории ногайцев XV-XVIIIвв. / Д.С.

Кидирниязов, З.К. Мусаурова. – Махачкала: Издат. дом «Народы Дагестана», 2003.

167.Кореняко, В.А. Полевые исследования традиционной культуры ногайцев/В.А. Кореняко//Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2000. №1.

168.Косвен, М.О. Этнография и история Кавказа / М. О. Косвен. – М., 1961.

169.Кочекаев, Б.Б. Домашние промыслы и ремесла ногайского народа в XIX-начале XX веков / Б.Б. Кочекаев // История. Сборник статей аспирантов и соискателей. Вып. 3. – Алма-Ата, 1968.

170.Кочекаев, Б.Б. Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества / Б.Б. Кочекаев. – Черкесск, 1973. Кошаев, В.Б. Традиции народной художественной культуры в аспектах идеалогической реконструкции / В.Б. Кошаев // Вест. Удм. ун-та. - 1994. №5.1.

171.Кочекаев, Б.Б. Ногайская юрта и ее убранство / Б.Б. Кочекаев // История горских и кочевых народов Северного Кавказа. – Ставрополь, 1975. – Вып.1.

172.Кошаев, В.Б. О гностических свойствах искусства и искусствоведения / В.Б. Кошаев // Вест. Удм. ун-та. - 1994. №5.

173.Кошаев, В.Б. Теория народного искусства. Состояние научных понятий / В.Б. Кошаев // Вест. Удм. ун-та. - 1996. №6.

174.Кошаев, В.Б., Народное традиционное жилище: идея типологии и систематизации / В.Б. Кошаев, Н.П. Лигенко // Третья рос. универ.-академ. конф. – Ижевск, 1997.

175.Кошаев, В.Б. Дом – образ: Художественно-образные процессы сложения традиционного жилища Западного Приуралья: диссертация… доктора искусствоведения: 17.00.04 / Кошаев Владимир Борисович; [Место защиты: Моск. гос. худож.-пром. ун-т им. С.Г. Строганова] – Москва, 2001.

176.Кошаев, В.Б. Декоративно-прикладное искусство. Основные понятия этапы развития / В.Б. Кошаев. — ВЛАДОС. Москва, 2014.

177.Кривицкий, В.В. О значении образа оленя в религии и искусстве древнего Кавказа / В.В. Кривицкий // Тезисы докладов по археологии Северного Кавказа. – М., 1980.

178.Кудайбердиев, Я.Т. Сраждин Батыров. Эскизы костюмов / Я.Т. Кудайбердиев, Т.П. Петенина, М.К. Султанова, А.У. Акбердиева. – Махачкала: Типография Газетно-журнальный, 2015.

179.Кужелева, Л.Н. Ногайцы: этнографический очерк / Л.Н. Кужелева // Народы Кавказа. – М., 1960. – Т.1.

180.Кужелева, Л.Н. Ногайцы (из истории ногайцев XVIII – начала XX вв.) / Л.Н. Кужелева // Ученые записки ИИЯЛИ им. Г. Цадасы. Т. XIII. Серия историческая. – Махачкала, 1964.

181.Кузеев, Р.Г. Башкиры и ногайцы: этнические взаимосвязи / Р.Г. Кузеев // ОАИГРНО. – М.; Терекли-Мектеб, 1991.

182.Кузнецова, А.Я. Народное искусство карачаевцев и балкарцев / А.Я. Кузнецова. – Нальчик. Изд-во Эльбрус, 1982.

183.Кукаева, С.А. Ногайский традиционный костюм : лингвокультурный аспект / С.А. Кукаева // Научно-популярный и литературно-художественный журнал «Керуен». – Алматы, №5 (44) 2015. – С.111-125.

184. Кукаева, С.А. Названия одежды в ногайском языке / С.А. Кукаева // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему. Материалы Второй Международной научно-практической конференции. – Черкесск, 2016. – С. 210-256.

185.Лавров, Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа / Л.И. Лавров. – Л.: Наука, 1978.

186.Лайпанов, К.Т. О происхождении тюркских народов / К.Т. Лайпанов, И.М. Мизиев. – Черкесск, 1993.

187.Малявкин, Г.Ф. Караногайцы / Г.Ф. Малявкин // Терский сборник. – Владикавказ, 1893. – Вып. 3.

188.Мальбахов, Б.Х. Художественные особенности декоративно-прикладного искусства адыгов / Б.Х. Мальбахов. – Нальчик : Эль-Фа, 2001.

189.Мальбахов, Б.Х. Декоративно-прикладное искусство адыгов: диссертация… доктора искусствоведения: 17.00.04 /Мальбахов Борис Хасанович; [Место защиты: Моск. гос. худож.-пром. ун-т им. С.Г. Строганова] – Москва, 2004.

190.Мальбахов, Б.Х. Черкесское (Адыгское) декоративно-прикладное искусство / Б.Х. Мальбахов. – Нальчик: Тетраграф, 2012.

191.Манас. Кн. 1. М., 1984.

192.Маргграф, О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа / О.В. Маргграф. – М., 1882.

193.Марков, Г.Е. Кочевники Азии / Г.Е. Марков. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1976.

194.Марковин, В.И. Дольмены западного Кавказа / В.И. Марковин. – М.: Наука, 1978.

195.Маркс, К. Сочинения / К. Маркс и Ф. Энгельс. – Т. 21.

196.Масленникова, Т.А. Художественное оформление башкирского народного жилища / Т.А. Масленникова. – Уфа.: Гилем, 1998.

197.Масленникова, Т.А. Художественная организация среды в башкирском народном искусстве / Т.А. Масленникова. – Уфа: ООО «ДизайнПолиграфСервис», 2005.

198.Масленникова, Т.А. Художественная организация предметно-пространственной среды в башкирском народном искусстве: диссертация… доктора искусствоведения: 17.00.04 / Масленникова Татьяна Алесандровна; [Место защиты: Моск. гос. худож.-пром.ун-т.. им. С.Г. Строганова] – Москва, 2011.

199.Меховский, М. Трактат о двух Сарматиях / М. Меховский. – М., 1935.

200.Миллер, Г.Ф. История Сибири / Г.Ф. Миллер. М.: Л., 1937. Т. I. С. 191.

201.Минаева, Т.М. Археологические памятники Черкессии / Т.М. Минаева // Труды Черкесского НИИ. – Черкесск, 1954. – Т. 2.

202.Минаева, Т.М. К вопросу о половцах на Ставрополье по археологическим данным / Т. М. Минаева // Материалы по изучению Ставропольского края. – Ставрополь, 1964. – Вып. 2.

203.Мифы народов мира. – М., 1982. – Т. II.

204. Мусаева, М.К. Одежда и украшения хваршинок в XIX – начале XX века. Сб. ст. Материальная культура народов Дагестана в XIX – начале XX века / М.К. Мусаева; под ред. М.О. Османовым. – Махачкала: Типография Дагестанского филиала АН СССР, 1988., - С. 144.

205.Мутенин, И.Т. Ачикулакские ногайцы: рукопись / И.Т. Мутенин // Архив ИИЯЛИ Дагестанского НЦ РАН. – Ф. 5. – Оп.1. – Л. 2.

206.Мутенин, И.Т. Исторические сведения о ногайцах и караногайцах, населяющих Грозненскую область / И.Т. Мутенин // Известия Грозненского областного института и музея краеведения. - Грозный, 1947.

207.Наков, Ф.Р. Тхыпхъэ: Адыгская (черкесская) знаковая система / Ф.Р. Наков – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2010.

208.Народы мира. Народы Кавказа. – 1960. – Т.1.

209.Народы мира. Народы Средней Азии Казахстана. – М., 1963. – Т. 2.

Народы России: живописный альбом. – СПб., 1877.

210.Народы России. – СПб., 1880. – Вып. 3.

211.Нарожный, Е.И. Средневековые кочевники Северного Кавказа / Е.И. Нарожный. – Армавир, 2005.

212.Небольсин, П.И. Записки о кундровских татарах / П.И. Небольсин // ВИРГО – СПб., 1852. – Ч. II.

213.Небольсин, П.И. Инородцы Астраханской губернии. Заметки о кундровских татарах / П.И. Небольсин // ВИРГО. – СПб., 1851. – Ч. II.

214.Некрасова М.А. Народное искусство как часть материальной культуры. –

М., 1983.

215.Некрасова М.А. Ценность традиционного мастерства // ДИ СССР. – № 4, 1969.

216.Ногайцы в известиях русских, западноевропейских и восточных авторов XV-XVIII вв. / Сост. Д.С. Кидирниязов. – Махачкала, 1999.

217.Ногайцы Дагестана и Северного Кавказа (документы XVII-XVII вв.) / сост. Д.С. Кидирниязов. – Махачкала, 1998.

218.Ногайцы: XXI век: История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему. Материалы Первой Международной научно-практической конференции. – Черкесск, 2014.

219.Ногайцы: XXI век: История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему. Материалы Второй Международной научно-практической конференции. – Черкесск, 2016.

220.Ногайско-русский словарь / под ред. К.М. Мусаева; Ин-т языкознания РАН; Карачаево-Черкесский ин-т гуманитарных исследований. – М. : Наука –Вост. лит., 2018.

221.Октябрьская, И. В. Узорные войлоки Алтая / И. В. Октябрьская, Д. В. Черемсин // Археология, этнография и антропология Евразии, 2000. №1.

222.Олеарий, А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / А. Олеарий. – СПб., 1906.

223.Очерки истории Карачаево-Черкессии. – Черкесск, 1967. – Т.1; Т.2.

224.Павлов, А. О ногайцах, кочующих по Кизлярской степи / А. Павлов. – СПб., 1842.

225.Паллас, П.С. Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 годах / П.С. Паллас // ЗИООИД. – 1881. – Т.X.

226.Пашин, П. Из поездки к ногайцам с антропологической целью / П. Пашин // Русский антропологический журнал. – 1912. – Т. VIII.

227.Пейсонель, М. Исследование торговли на черкесско-абхазском берегу

Черного моря в 1750-1752 гг. в изложении Е.Д. Фелицына / М. Пейсонель. – Краснодар, 1972.

228.Перетяткович, Г. Поволжье в XV и XVI веках / Г. Перетяткович. – М., 1877.

229.Пиралов, А.С. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа / А.С. Пиралов // Кавказский календарь. – 1901. Отд. № 2.

230.Плетнева, С.А. Кочевники Средневековья / С.А. Плетнева. – М.: Наука, 1982.

231.Плетнева, С.А. От кочевий к городам / С.А. Плетнева // МИА. – М., 1967. – № 142.

232.Плетнева, С.А. Печенеги, тюрки и половцы в южно-русских степях / С.А. Плетнева // Материалы и исследования по археологии СССР. – М.,1958. – № 62.

233.Попко, И.Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту / И. Д. Попко. – СПб, 1858.

234.Потоцкий, Я. Путешествие Яна Потоцкого в Астрахань и окрестные страны в 1797 году / Я. Потоцкий // Исторические путешествия: извлечения из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге в XV – XVIII вв. / сост. А.Н. Алексеев. – Сталинград: Краевое книгоиздательство, 1936.

235.Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. – М., 1957.

236.Пятницкий В. Карагачи (по материалам поездки 1927 года)/ В. Пятницкий // Землеведение. Географический журнал им. Д.Н. Анучина. Т. 32. Вып. М., 1930.

237.Радлов, В.В. Этнографический обзор тюркских племен Южной Сибири и Джунгарии / В.В. Радлов. – Томск, 1887.

238.Разина, Т. Русское народное творчество / Т. Разина. – М., 1970.

239. Рославцева, Л.И. Одежда крымских татар конца XVIII - начала XX в. Историко-этнографическое исследование / Л.И. Рославцева. – М. : Наука, 2000.

240.Рудановский, А.О. О Караногайской степи и кочующих на ней племенах / А.О. Рудановский // Кавказ. 1862. – №№ 37,39; 1863. №№ 48,52.

241.Рудановский, А.О. Преобразования и улучшения в быте кочующих племен

Ставропольской губернии / А.О. Рудановский // Ставроп. губ. ведомости. 1863. – №19.

242.Рыбаков, Б.А. Язычество древних славян / Б.А. Рыбаков – М.: Наука, 1981.

243. Савельева, И.Н. Теоретические основы гармонизации народной одежды: монография / И.Н. Савельева. – Уфа: Госкомнауки респ. Башкортостан, 2001.

244.Салтыков А.Б. Избранные труды. М.: Советский художник, 1962.

245.Салтыков А.Б. Самое близкое искусство. – М.: Просвещение, 1968.

246.Сафаргалиев, М.Н. Ногайская Орда во второй половине XVI в. / М.Н. Сафаргалиев // Сборник научных трудов. – Саранск, 1949.

247.Сафаргалиев, М.Г. Распад Золотой Орды / М.Г. Сафаргалиев // Ученые записки Мордовского гос. ун-та. – Саранск, 1960.

248.Семенов, Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа / Н. Семенов. – СПб., 1895.

249.Сергеев, А.А. Ногайцы на Молочных водах / А.А. Сергеев. – Симферополь. 1912.

250.Серова, Т.М. Классификация системных составляющих костюмных комплексов коренных народов Дагестана: диссертация… канд. искусствоведения: 17.00.06 / Серова Татьяна Михайловна; [Место защиты:РГУ им. А.Н. Косыгина] – Москва, 2018.

251.Сикалиев А. Йыл токсанын ятлап бил / А. Сикалиев. – Шоьллик маягы, 1974, № 78;

252.Скальковский, А. О ногайских колониях Таврической губернии / А. Скальковский // Памятная книга Таврической губернии. – Симферополь, 1867. – Вып. 1.

253.Скальковский, А. О ногайских татарах Таврической губернии / А. Скальковский // Журнал Министерства народного просвещения. – 1843. – Т.XI. – Ч. XL. – № 10-12.

254.Смирнов, М. Очерк хозяйственной деятельности Ставропольской губернии

к концу XIXв. / М. Смирнов. – Ставрополь, 1913.

255.Смирнова, Я.С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. XIX – первая половина XX в. / Я.С. Смирнова. – М., 1983.

256.Стрейс, Я.Я. Три путешествия/ Я.Я. Стрейс. – М., 1935.

257.Студенецкая, Е.Н. Узорные войлоки карачаевцев и балкарцев / Е.Н. Студенецкая. – М., 1976.

258.Студенецкая, Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа XIX-XX вв. / Е.Н. Студенецкая. – М., 1989.

259. Султанова, М.К. Женский костюм Дагестана: традиции и современность / М.К. Султанова – Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2007.

260.Татищев, М.Г. История Российская / М.Г. Татищев. – М.: Л., 1962.

261.Текеева, Л.М. Космогонические представления тюркоязычных народов Северного Кавказа / Л.М. Текеева // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. – №1.

262.Темерин С. Русское народное искусство. Советские годы. Очерки / С. Темерин. – М.: Советский художник, 1960.

263.Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды / В. Г. Тизенгаузен. – СПб., 1884. – Т.1.

264.Тильке, М. Костюмы народов Кавказа / М. Тильке // Национальный музей Грузии. – Тбилиси, 2007.

265.Токарев, С.А. Ранние формы религии / С.А. Токарев. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1990.

266.Токарев, С.А. Этнография народов СССР / С.А. Токарев. – М.: Изд-во МГУ, 1958.

267.Трепавлов, В.В. История Ногайской Орды / В.В. Трепавлов. – М.: Восточная литератур РАН, 2002.

268.Турганбаева, Л.Р. Архитектурно-пространственная организация системы традиционного казахского поселеня // Дис. …доктора архитектуры / Л.Р.

Турганбаева. – Казахстан, 2009.

269.Упине, А.М. К вопросу причинности и системности при определении эстетических предпочтений этнических групп / А.М. Упине, С.Н. Александров // Ученые РосЗИТЛП – в решении научных, технических и социальных проблем: сб. науч. тр./ РосЗИТЛП, - М.: 1999. С. – 134-135.

270. Упине, А.М. Народный костюм как отражение имиджа этноса / А.М. Упине // Мода и дизайн. Исторический опыт – новые технологии: сб. науч. статей / 9 Междунар. конф. – Спб.: СПГУДТ, РЭМ, 2006. – С. 272-275.

271.Упине, А.М. Исторические этапы развития костюма: уч. Пособие, ч.1 / А.М. Упине. – М.: РосЗитлп, 2007.

272. Упине, А.М. Исторические этапы развития костюма: уч. Пособие, ч.2 / А.М. Упине. – М.: РосЗитлп, 2007.

273.Упине, А.М. Народный костюм как имиджевая составляющая этногомосферы / А.М. Упине // Дизайн и технологии – 2009. - №13/55.

274.Упине, А.М. Исследование ассортимента и структуры Дагестанского народного костюма / А.М. Упине, Т.М. Серова // Сборник трудов Международной научной конференции «Мода и Дизайн. Исторический опыт – новые технологии». – СПб: СПГУТД. – 2014 г.

275.Упине, А.М. Роль художественно-конструкторского анализа в определении составляющих костюмных комплексов Дагестанских народов / А.М. Упине, Т.М. Серова // Сборник трудов 4 Международной конференции «Современные информационные технологии в образовании, науке и промышленности». - М.: Международная Академия информатизации МГУТУ. – 2014 г.

276.Упине, А.М. Ансамблевые решения костюмных комплексов народов Дагестана / А.М. Упине, Т.М. Серова // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Научный журнал, общественные и гуманитарные науки №3 (28). – Махачкала: 2014, - С. 106-109.

277.Уйсенбаев, А.А. Традиционные и современные этнические и

социокультурные процессы у ногайцев. Состояние проблемы: автореф. дис. … канд. ист. наук / А.А. Уйсенбаев. – М., 1992.

278.Фарфоровский, С.В. Ногайцы Ставропольской губернии: историко-этнографический очерк / С.В. Фарфоровский // Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества. – Кн. XXVI. – Вып. 7. – Тифлис, 1909.

279.Ферран, Путешествие из Крыма в Черкессию через земли ногайских татар в 1709 г. / Ферран // Русский вестник. – 1842. – Т.6. – Кн. 2.

280.Фролов, Б.Е. Головные уборы черноморских казаков конца XVIII – первой трети XIX века / Б.Е. Фролов // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1995 год. п. Джубга, 1996.

281.Хижняков, Б.Е. Описание кустарных промыслов нацобластей Северокавказского края / Б.Е. Хижняков. – Ростов-на-Дону, 1929.

282.Челеби, Э. Книга путешествия / Эвлия Челеби. – М., 1961. – Вып. 1; М., 1979. – Вып.2.

283.Червонная, С.М. Современное исламское искусство народов России / С.М. Червонная. – М., 2008.

284.Шенников, А.А. Жилые дома ногайцев Северного Причерноморья / А.А. Шенников // Славяно-русская этнография. – Л., 1973.

285.Щеглов, И.Л. Трухмены и ногайцы Ставропольской губернии / И.Л. Щеглов. – Ставрополь, 1910. – Т. 1.

286. Шиллинг, Е.М. Женская народная одежда аварцев / Е.М. Шиллинг, З.А. Никольская. – Академия наук СССР Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М. 1993.

287.Эдиге // Сб. Сорок ногайских богатырей. / Сост. А. Сикалиев. Махачкала, 1991.

288.Эмидио Дортелли де Асколи. Описание Черного моря и Татарии / Эмидио Дортелли де Асколи // ЗИООИД. – Одесса, 1902. – Т. 24.

289.Якобий, А.И. Тюрки степей Северного Кавказа / А.И. Якобий. – СПб., 1901.
290.Ялбулганов, А.А. Ногайцы Северного Кавказа в XVIII – пер. пол. XIX в. (проблемы социально-экономического строя): автореф. дис. … канд. ист. наук / А.А. Ялбулганов. М., 1995.
291.Ярлыкапов, А.А. Ислам у степных ногайцев в XX веке (историко-этнографическое исследование): автореф. дис. … канд. ист. наук / А.А. Ярлыкапов. – М., 1999.
292.Ярлыкапов, А.А. Ногайская степь: этнос и религия сегодня / А.А. Ярлыкапов // ЭО. – 1998. – №3.
293.Ярхо, А. И. Ногайская экспедиция (предварительное сообщение) / А.И. Ярхо // Советская Азия. – 1930. – № 5–6.
294.Barber, E. The Mummies of Urumchi / E. Barber. – New York, 1999.
295.Burkett, M. And Early Date for the Origin of Felt / M. Burkett // Anatolian Studies. XXVII. – 1977.
296.Burkett, M. The Art of Felt Maker / M. Burkett. – Kendal, 1979.
297.Erckert, R. Von Der Kaukasus und seine Volker / R. Erckert – Leipzig, 1887.
298.Schlatter D. Bruchstucke aus einigen Reisen nach dem Sudlichen Russland in den Jahren 1882 bis 1828. – Gallen und Bern, 1836.
299.Tavernier, J. B. Voyages enTurque, en Perse, et aux Indes / J.B. Tavernier., vol. 2. Paris, 1810.
300.Tott de. Memoires sur les Tartares / de Tott. – Amsterdam, 1784.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

а. – аул.

АО – Астраханская область.

г. – город.

ВИРГО – Вестник императорского Русского географического общества.

ДМИИ – Дагестанский музей изобразительных искусств им. П.С. Гамзатовой.

ДНЦ – Дагестанский научный центр.

ЗИООИД – Записки Императорского Одесского общества истории и древностей (Одесса).

ИГАРНО – Историко-географические аспекты развития Ногайской Орды (Махачкала).

ИИЯЛИ – Институт истории, языка, литературы.

КБНИИ – Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт.

КЧИГИ – Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований.

КЧ НИИ – Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт.

КЧР – Карачаево-Черкесская республика.

НИИЯЛ – Научно-исследовательский институт языка и литературы.

НР КЧР – Ногайский район Карачаево-Черкесской республики.

НР РД – Ногайский район Республики Дагестан.

НРС – Ногайско-русский словарь.

Орн. – орнамент.

п. – поселок.

РД – Республика Дагестан.

Рис. – Рисунок.

РЭМ – Российский Этнографический музей.

с. – село.

СК – Ставропольский край.

СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (Тифлис).

ЧР – Чеченская Республика.

ЭО – Этнографическое обозрение (Москва).